

НОВАЯ

И

НОВЕЙШАЯ

ИСТОРИЯ

ISSN 0130-3864

В НОМЕРЕ:

ДВА ОБРАЗА МЛАДОТУРЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ В БЕЙРУТЕ И ДАМАСКЕ НА РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1908 года В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС БРИТАНСКОГО ФЛОТА В НАБЛЮДЕНИЯХ И ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРИ ГРАНД ФЛИТЕ (1914–1918)

«АТЛАНТИЧЕСКАЯ» И «ЕВРОПЕИСТСКАЯ» ТЕНДЕНЦИИ В ЧЕТВЕРТОЙ И ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКАХ ВО ФРАНЦИИ (1946–2022)

ЭВОЛЮЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КУВЕЙТЕ (1961–2020)

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ТУРЦИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ПОДЧИНЕНИЕ, СДЕРЖИВАНИЕ (2000–2010-е годы)

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОТЕСТ И ИСЛАМСКАЯ ПАРТИЙНОСТЬ В МАРОККО: ОПЫТ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В АРАБСКИХ СТРАНАХ (2011–2021): СПЕЦИФИКА, ИТОГИ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И РОЛЬ МОЛОДЕЖИ

АЛЖИР: ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЖИМА ПОСЛЕ 2019 года

«СТАНОВЯСЬ ВИДИМЫМИ»: ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО СОВРЕМЕННОГО ИРАНА В ФОКУСЕ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛЕМИКИ

1

2023

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

НОВАЯ II НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**№ 1
ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ**

2023

**ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН**

Главный редактор В.С. Мирзеханов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**Одд Арне Вестад (США), А.Б. Давидсон (Россия), Штефан Карнер (Австрия),
Элен Каррер д'Анкосс (Франция), Николаус Катцер (Германия), Доминик Ливен
(Великобритания), Г.Ф. Матвеев (Россия), В.С. Мясников (Россия), В.В. Наумкин (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), А.О. Чубарьян (Россия)**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Йорг Баберовски (Германия), Л.С. Белоусов (Россия), Д.М. Бондаренко (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), Владислав Зубок (Великобритания), Суви Кансикас (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), М.А. Липкин (Россия), Леонид Люкс (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), Мари-Пьер Рей (Франция),
Дональд Рейли (США), Л.П. Репина (Россия), И.М. Савельева (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), В.В. Согрин (Россия), Грегори Фриз (США), Б.Л. Хавкин (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), Франтишек Штеллнер (Чехия)**

Ответственный секретарь И.А. Фадеев

*Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru*

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 1

JANUARY – FEBRUARY

2023

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhhan Mirzekhanov**

EDITORIAL OF EDITORS

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Hélène Carrère d'Encausse (France), **Nikolaus Katzer** (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A

Web-site: <http://nni.jes.su>

e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Филимонова М.А. Томас Джефферсон и реформа виргинского уголовного законодательства ...	5
Кудярова Н.Ю. Социальные и демографические предпосылки массовой миграции в Италии и Испании в XIX веке	20

НОВОЕ ВРЕМЯ

Заиченко О.В. «Русский шпион» Швейцер: попытка реконструкции биографии. Агент Высшей военно-секретной полиции в Варшаве (1819–1831)	33
Ткаченко Д.С. «Мы прибыли на этот берег открыто и не маскируясь ...»: дело шхуны “Виксен”. По материалам следствия и британской периодической печати конца 1830-х годов	46

XX ВЕК

Жантiev Д.Р. Два образа Младотурецкой революции: общественная реакция в Бейруте и Дамаске на революционные события 1908 г. в Османской империи	60
Козлов Д.Ю. Офицерский корпус британского флота в наблюдениях и оценках российских представителей при Гранд Флите (1914–1918)	70
Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. Ликвидация батумской подсистемы международных отношений и ее исторические последствия, сентябрь–ноябрь 1918 года	85
Чернега В.Н. «Атлантическая» и «европеистская» тенденции в Четвертой и Пятой республиках во Франции (1946–2022)	100
Трофимова О.Е. Исторические особенности развития экономики Швейцарии до начала 2000-х годов	115

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ
В ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Зайцев В.Н. Молодежь в социально-политическом ландшафте Ирана эпохи модернизации (XX–XXI века)	126
Мелкумян Е.С. Эволюция гражданского общества в Кувейте (1961–2020)	141
Серебров С.Н. ИмPLICITное гражданское общество и реформаторство в Йемене: уроки XX века	151
Шлыков П.В. Государство и гражданское общество в Турции: взаимодействие, подчинение, сдерживание (2000–2010-е годы)	164
Орлов В.В. Гражданский протест и исламская партийность в Марокко: опыт «арабской весны»	183
Сапронова М.А. Электоральный процесс в арабских странах (2011–2021): специфика, итоги, политическая активность и роль молодежи	194
Кузнецов В.А. Алжир: политическое участие в условиях трансформации режима после 2019 года	209
Долгов Б.В. Гражданское общество на Ближнем Востоке в контексте «арабской весны» и общественно-политических трансформаций конца 2010-х — начала 2020-х годов	220
Ардашникова А.Н., Коняшкина Т.А. «Становясь видимыми»: гражданское общество современного Ирана в фокусе гендерной полемики	236

РЕЦЕНЗИИ

Ганин А.В. Красная армия и национальный вопрос (А.Ю. Безугольный. Национальный состав Красной армии. 1918–1945. Историко-статистическое исследование. М., 2021)	248
Балезин А.С. Путь в африканистику французской женщины (С. Coquery-Vidrovitch. Le choix de l'Afrique. Les combats d'une pionnière de l'histoire africaine. Paris, 2021)	252

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Filimonova M.A. Thomas Jefferson and the Reform of the Virginia Criminal Law	5
Kudeyarova N.Yu. Social and Demographic Prerequisites for Mass Migration in Italy and Spain in the XIX Century	20

MODERN HISTORY

Zaichenko O.V. “Russian Spy” Schweitzer: An Attempt at Biography Reconstruction. Agent of the High Military Secret Police in Warsaw (1819–1831)	33
Tkachenko D.S. “We Arrived Openly and Without any Disguise on this Coast...”: The Schooner “Vixen” Case in the Investigation Papers and British Press of the Late 1830s.....	46

20th CENTURY

Zhantiev D.R. Two Images of the Young Turk Revolution: Public Reaction in Beirut and Damascus to the Revolutionary Events of 1908 in the Ottoman Empire	60
Kozlov D.Yu. The Officer Corps of the British Navy in the Observations and Assessments of Russian Representatives to the Grand Fleet, 1914–1918.....	70
Mirzekhanov V.S., Lannik L.V. The Dismantling of the Batum Subsystem of International Relations and Its Historical Consequences, September–November 1918.....	85
Chernega V.N. “Atlantist” and “Europeanist” Trends in the Fourth and Fifth Republics in France (1946–2022)	100
Trofimova O.E. The Historical and Political Peculiarities of the Swiss Economic Development until the early 2000s.....	115

CIVIL SOCIETY IN THE NEAR AND MIDDLE EAST IN ITS HISTORICAL AND POLITICAL DIMENSIONS

Zaytsev V.N. Young People in Iranian Socio-Political Landscape of the Modernization Era: 20th –21st Centuries.....	126
Melkumyan E.S. Evolution of Civil Society in Kuwait (1961–2020).....	141
Serebrov S.N. Implicit Civil Society and Reform in Yemen: Lessons from the Twentieth Century	151
Shlykov P.V. State and Civil Society in Turkey: Interaction, Submission, Containment (the 2000s and 2010s)	164
Orlov V.V. Civil Protest and Islamic Partisanship in Morocco: Experience of the “Arab Spring”	183
Sapronova M.A. Electoral Process in Arab Countries (2011–2021): Specifics, Results, Political Activity and the Role of Youth	194
Kuznetsov V.A. Algeria: Political Participation During the Transformation of Political Regime after 2019	209
Dolgov B.V. Civil Society in the Middle East During the Arab Spring and Socio-Political Transformations of the Late 2010s and Early 2020s	220
Ardashnikova A.N., Konyashkina T.A. “Becoming Visible”: Civil Society of Modern Iran in the Focus of Gender Discussion	236

REVIEWS

Ganin A.V. The Red Army and the National Question (A.Y. Bezugolny. The National Composition of the Red Army. 1918–1945. Historical and Statistical Research. Moscow, 2021)	248
Balezin A.S. The Journey of a French Woman to African Studies (C. Coquery-Vidrovitch. Le choix de l’Afrique. Les combats d’une pionnière de l’histoire africaine. Paris, 2021)	252

DOI: 10.31857/S013038640020221-1

© 2023 г. М.А. ФИЛИМОНОВА

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН И РЕФОРМА ВИРГИНСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Филимонова Мария Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр изучения США» Курского государственного университета (Курск, Россия).

E-mail: mar-filimonova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57220075003; ORCID: 0000-0001-7212-2371; Researcher ID: P-3716-2019

Аннотация. В 1779 г. Томас Джефферсон разработал законопроект «О соразмерности преступлений и наказаний в случаях, ранее предусматривавших смертную казнь» (также известный как билль № 64). Он был частью масштабной реформы виргинского законодательства, включавшей также изменения в сфере образования, отмену майората и отделение церкви от государства. Но если эти инициативы Джефферсона были подробно освещены его биографами, то реформа уголовного права вниманием исследователей не пользовалась. Данная статья призвана отчасти заполнить пробел в отечественной американистике. Источниковую базу исследования составили работы самого Джефферсона — как текст изучаемого законопроекта, так и сопутствующая ему переписка, черновые наброски, краткое изложение в «Заметках о штате Виргиния». Использованы также труды современников, затрагивающие сходные проблемы. Основные задачи статьи: анализ задуманной Джефферсоном реформы виргинского права; выявление источников его пенологической теории; сопоставление основных положений его законопроекта с американским и европейским законодательством Нового времени. Очевидно, что источниками билля № 64 стали прежде всего труды Чезаре Беккариа. Но не меньшее влияние на пенологические теории Джефферсона оказал «англосаксонский миф» — идеализация англосаксонского периода английской истории, в том числе в сфере права. Отсюда крайняя противоречивость исследуемой реформы. Наряду с гуманистическими положениями, такими как сокращение применения смертной казни, она содержала архаические элементы (позорящие и калечащие наказания, принцип талиона). Тем не менее законопроект Джефферсона оказал определенное влияние на гуманизацию уголовного права как в Виргинии, так и за ее пределами.

Ключевые слова: США, Виргиния, Томас Джефферсон, реформа уголовного законодательства, Просвещение, уголовное право, смертная казнь, Война за независимость в Северной Америке 1775—1783, пенитенциарная система.

М.А. Filimonova

Thomas Jefferson and the Reform of the Virginia Criminal Law

Maria Filimonova, Kursk State University (Kursk, Russia).

E-mail: mar-filimonova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57220075003; ORCID: 0000-0001-7212-2371; Researcher ID: P-3716-2019

Abstract. In 1779, Thomas Jefferson drafted “A Bill for Proportioning Crimes and Punishments in Cases Heretofore Capital” (also known as “Bill № 64”). This was part of a large-scale reform of the Virginia legislation, which also included the spread of education, the abolition of the entail, and the separation of church and state. But if Jefferson’s mentioned initiatives were covered in detail in his biographies, the reform of criminal law did not attract much research attention. This article is intended to partially fill the gap in the American Studies in Russia. The source base for the study includes Jefferson’s own documents, both the text of the bill under study and the correspondence accompanying it, rough sketches, a summary in “Notes on the State of Virginia”. The works of contemporaries dealing with similar problems are also reviewed. The main objectives of the article are: to analyze Jefferson’s reform of Virginia law; to identify the sources of his penological theory; to compare the main provisions of his bill with the American and European legislation of the era. The author concludes that the sources of “Bill № 64” were primarily the works of Cesare Beccaria. Yet, Jeffersonian penological theories were no less influenced by the “Anglo-Saxon myth”, that is, the idealization of the Anglo-Saxon period of English history. Hence the extreme inconsistency of the reform under study. Along with humanistic provisions, such as limiting the use of the death penalty, it contained archaic elements (pillory and maiming, the talion principle). Nevertheless, Jefferson’s bill had a certain impact on the humanisation of criminal law both in Virginia and beyond.

Keywords: USA, Virginia, Thomas Jefferson, criminal law reform, Enlightenment, criminal law, capital punishment, the War of Independence in North America 1775–1783, penitentiary system.

Реформа уголовного права в Виргинии — одна из наименее изученных инициатив Томаса Джефферсона периода Американской революции. Она привлекала несравнимо меньшее внимание исследований, чем другие его законопроекты, в частности билль о религиозной свободе, проект распространения всеобщего образования или отмены майоратов.

У американских исследователей существуют самые противоречивые оценки этой реформы. Она настолько мало известна в самих США, что появляются курьезные точки зрения. Например, политик-демократ Джон Шарп Уильямс превозносил проект Джефферсона именно за то, чего в нем нет: за протест против принципа талиона¹. На самом деле применение талиона в Виргинии не только содержалось в джефферсоновском проекте, оно даже расширялось. По-разному рассматривается степень радикализма реформы уголовного права. Например, Мэтью Кроу, профессор колледжей Хобарта и Уильяма Смита в Женеве (штат Нью-Йорк), рассматривает юридические и политические теории Джефферсона как часть широкого контекста текстуальной и материальной культуры права, требовавшей активного участия граждан республики. Он приходит к выводу, что реформа уголовного права, предложенная Джефферсоном, не была радикальной². Маркус Даббер из Университета Торонто обращал внимание на архаические элементы этой реформы (например калечащие и позорящие наказания) и полагал, что новых подходов к праву в данном случае вообще не предлагалось³. Радикализм реформы подчеркивал Дюма Мэлоун, автор классической шеститомной биографии Джефферсона. По его мнению, основной причиной краха задуманной реформы было то, что предложенная степень смягчения наказаний слишком сильно опережала общественное мнение⁴. Крупный биограф Джефферсона Меррилл Питерсон также считал, что уже отмена смертной казни за большинство преступлений требовала полного пересмотра уголовного права: если бы джефферсоновская реформа была принята, Виргиния стала бы образцом для всего христианского мира. В то же время он указывал на «шокирующие промахи» Джефферсона,

¹ Williams J.Sh. Thomas Jefferson — His permanent influence on American institutions. New York, 1913. P. 69.

Талион — принцип права, при котором наказание в точности соответствует причиненному вреду («око за око»).

² Crow M. Thomas Jefferson, Legal History, and the Art of Recollection. New York, 2017. P. 282.

³ Dubber M.D. The Dual Penal State: The Crisis of Criminal Law in Comparative-Historical Perspective. New York, 2018. P. 189.

⁴ Malone D. Jefferson and His Times. Vol. 1. Jefferson the Virginian. Boston, 1948. P. 271.

которые приписывал его традиционализму⁵. Традиционализм со стороны такого радикального политика, как Джефферсон, конечно, выглядит довольно неожиданным, но исследователь не раскрывает, почему именно в этом случае автор Декларации независимости оказался приверженным традициям. Более осторожна оценка Эрин Браатц, профессора Саффолкского университета (Бостон). Историк находит в предлагаемом Джефферсоном пересмотренном уголовном кодексе свойственный Новому времени импульс к сокращению применения смертной казни и соразмерности приговоров. В то же время, с ее точки зрения, реакция Джефферсона и его европейских единомышленников на физические наказания, предусмотренные в некоторых положениях, свидетельствует об изменении отношения к наказаниям, непосредственно налагаемым на тело осужденного⁶. Но это не объясняет, каким образом калечащие наказания вообще были включены в законопроект. Возможно, что «модерность» джефферсоновской реформы здесь несколько переоценивается.

Отечественные биографы Томаса Джефферсона давали лишь краткие очерки его реформы уголовного законодательства, к сожалению, не свободные от идеализации. Например, в монографии Г.Н. Севостьянова и А.И. Уткина дореволюционное виргинское законодательство неоправданно сводилось к «произволу» и «бессмысленной жестокости», которым и положил конец Джефферсон; осужденных в колониальной Виргинии якобы даже подвергали распятию⁷. Представляется, что видных советских историков подвел ограниченный доступ к американским источникам, являвшийся частой проблемой в обстановке холодной войны. В биографии Джефферсона, написанной В.В. Согриным, реформе уголовного права посвящено менее абзаца⁸. Несколько подробнее реформа проанализирована в статье В.Н. Плешкова, посвященной деятельности Джефферсона в начале Войны за независимость. При всей краткости его анализ представляется достаточно взвешенным. Например, историк отметил такой спорный момент, как сохранение принципа талиона в джефферсоновском проекте, что оправданно связывал с идеализацией англосаксонских законов. В то же время в эту часть статьи вкрались некоторые фактические ошибки, вероятно, также вследствие слабой доступности источников. В частности, В.Н. Плешков слишком буквально истолковал «привилегию духовенства»⁹. Несмотря на название, этот средневековый обычай в XVIII в. уже никак не был связан с привилегиями духовных лиц.

Представляется, что реформа уголовного права в Виргинии нуждается в дальнейшем изучении. Ведь и для автора она была не менее важна, чем любимые биографами билли о религиозной свободе или о распространении образования. В контексте Просвещения идеальное государство — это прежде всего идеальное законодательство. Не случайно и Екатерина II начала свое царствование с попытки (хотя и неудачной) пересмотреть законы своей империи. Республиканец Джефферсон действовал в рамках той же логики.

Великие европейские просветители полагали, что идеальное законодательство должно обладать несколькими обязательными признаками: система законов должна быть простой и понятной; наказание — соразмерно преступлению; применение смертной казни — предельно сужено или же вообще отменено. Соответствующие мысли высказывал Ш.Л. Монтескье; итальянский теоретик пенологии, т.е. науки об уголовном наказании, Ч. Беккариа развил целую теорию гуманизации уголовного права¹⁰.

Американская революция сопровождалась попытками применить эти принципы на практике. Ряд штатов включил требование реформы уголовного права в свои конституции.

⁵ Peterson M.D. Thomas Jefferson and the New Nation: A Biography. New York, 1986. P. 125.

⁶ Braatz E.E. The Eighth Amendment's Milieu: Penal Reform in the Late Eighteenth Century // Journal of Criminal Law and Criminology. 2016. Vol. 106. Iss. 3. P. 434.

⁷ Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. Томас Джефферсон. М., 1976. С. 97.

⁸ Согрин В.В. Джефферсон: человек, мыслитель, политик. М., 1990. С. 86.

⁹ Плешков В.Н. Борьба Томаса Джефферсона за демократические реформы в Виргинии (1776–1779) // Американский ежегодник. 1975. М., 1975. С. 89–92.

¹⁰ См.: Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. С. 70–73, 78–86; Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 82–95.

Конституция Южной Каролины 1778 г. обещала, «что уголовные законы, применявшиеся до сих пор, будут исправлены, а наказания в некоторых случаях станут менее кровавыми и вообще соразмерными преступлению» (ст. XL). Реформу уголовного законодательства сулила и конституция Пенсильвании 1776 г. (секц. 38). Американская революция способствовала зарождению движения за тюремную реформу. В 1787 г. было основано Филадельфийское общество облегчения страданий в государственных тюрьмах. Его борьба за гуманизацию наказаний привела к появлению пенсильванской системы тюремного заключения, которая применялась и за пределами штата.

Штат Виргиния не остался в стороне от преобразований: в 1776 г. было принято решение полностью пересмотреть корпус законов. Виргинского права как такового до революции не существовало. Колония просто пользовалась английскими правовыми традициями, прецедентами и статутами, лишь дополняя их там, где возникала потребность в этом, собственно, в одном случае: в правовом регулировании рабовладения. Для штата Виргиния такая юридическая ситуация была уже неприемлема. Английское законодательство считалось неподходящим для республики. Кроме того, следовало учесть достижения великих теоретиков эпохи Просвещения, прежде всего Ш.Л. Монтескье и Ч. Беккариа. Как вспоминал впоследствии Джефферсон, «существовало убеждение, что все наше законодательство должно быть пересмотрено, приспособлено к нашей республиканской форме правления, и теперь, когда мы освободились от запретов советов, губернаторов и королей, удерживавших нас от правильных действий, оно должно быть исправлено во всех его разделах, исходя единственно из требований разума и пользы тех, для кого создано само правительство»¹¹.

Не откладывая дело в долгий ящик, Джефферсон предложил виргинской легислатуре проект пересмотра законодательства. Идея была одобрена. 5 ноября 1776 г. был создан комитет, включавший самого Джефферсона, первого американского профессора права Джорджа Уайта и первого губернатора революционной Виргинии Эдмунда Пендлтона. Уайт был некогда учителем Джефферсона, и их взгляды были во многом близки. Пендлтон же пользовался репутацией умеренного политика¹². Первоначально в комитет входили также автор виргинской декларации прав Джордж Мейсон и Томас Ли, но оба вскоре, охладев, не стали участвовать в реализации проекта. Джефферсон, Уайт и Пендлтон действовали втроем. Они проделали грандиозную работу. Всего было подготовлено 126 биллей пересмотренных законов Виргинии. Джефферсон при этом отвечал за пересмотр уголовных законов. Именно этому был посвящен его билль № 64, получивший название «Билль о соразмерности преступлений и наказаний в случаях, ранее караемых смертной казнью». Именно его анализ и станет основной темой данной статьи.

Несмотря на скромное название, билль потребовал от автора кропотливой работы. Свои предложения он снабдил глоссami, на манер известной юридической монографии «Комментарии на Литтлтона» Э. Кока. Джефферсон цитировал законы короля Канута на древнеанглийском, англо-норманнские законы на старофранцузском и латыни, труд Чезаре Беккариа на итальянском. Помощников в этой работе у него, похоже, не было. Во всяком случае, набросок билля № 64 сделан полностью рукой Джефферсона. Его друг Джеймс Мэдисон впоследствии назвал эту работу «самой тяжелой из его многочисленных интеллектуальных трудов»¹³. Его биограф Д. Мэлоун отмечал также, что «ни один другой документ, который Джефферсон когда-либо составлял, не демонстрирует так явно его литературное мастерство»¹⁴.

Последнее утверждение можно счесть несправедливым по отношению к великолепному слогу Декларации независимости. Но Джефферсон действительно тщательно прорабатывал язык билля № 64. Он обрушивался на неудобопонятный стиль современного ему английского законодательства из-за его «многословия, бесконечных тавтологий,

¹¹ Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния / сост. А.А. Фурсенко. Л., 1990. С. 50.

¹² Bernstein R.B. Thomas Jefferson. New York, 2003. P. 38.

¹³ J. Madison to N. Biddle. May 17, 1827 // Madison J. The Writings: in 9 vols / ed. G. Hunt. London; New York, 1910. Vol. 9. P. 288.

¹⁴ Malone D. Op. cit. P. 269–270.

нагромождения одного прецедента на другой и круглых скобок на круглые скобки»¹⁵. Законы новой республики следовало сформулировать ясно и недвусмысленно. В общем плане, принятом Джефферсоном, Уайтом и Пендлтоном, значилось и такое требование: «Законопроекты должны быть короткими; не включать вопросы разного характера; в их формулировку не следует вставлять ненужных слов и не пропускать полезных»¹⁶.

Основным теоретическим источником работы послужил знаменитый труд Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях». В Америке того времени был распространен английский перевод с комментариями Вольтера. В декабре 1769 г. Джефферсон приобрел книгу Беккариа и копировал из нее целые абзацы в записную книжку¹⁷.

Наряду с влиянием итальянского пенолога, в билле № 64 четко прослеживается влияние англосаксонской древности. Даже сама система изложения в законопроекте близка к казуальному принципу, характерному для средневековых правд. Законодатель скорее описывал конкретные ситуации, чем давал абстрактную норму права. Джефферсон излагал статьи, предусматривающие наказание за убийство, через ряд индивидуальных случаев: «Всякий, кто совершает убийство путем отравления...»; «Всякий, кто совершает убийство путем дуэли...» и т.п. Это звучит отголоском законов Альфреда Великого («Если кто-нибудь одолжит свое оружие другому, чтобы он мог убить кого-нибудь с помощью такового...»¹⁸). Для современного нормотворчества характерен более абстрактный принцип изложения. Например, статья, определяющая понятие убийства в ныне действующем кодексе штата Виргиния, не вдается в подробности, как джефферсоновский законопроект. Напротив, приводятся общая классификация правонарушений: «Любое лицо, совершившее убийство при отягчающих обстоятельствах, убийство первой степени, убийство второй степени, умышленное или непредумышленное убийство, виновно в уголовном преступлении»¹⁹.

Обращение к англосаксонскому прошлому не было ни случайностью, ни проявлением консерватизма. Скорее, виргинский реформатор подпал под обаяние «англосаксонского мифа», популярного в английской историографии XVIII в. В основе мифа лежало представление о некой «древней конституции», утраченной в результате норманнского завоевания²⁰. Джефферсон, со своей стороны, рекомендовал включить англосаксонский язык в программу преподавания Университета Виргинии, а на гербе США предлагал изобразить ютских вождей Хенгиста и Хорсу, «к которым мы имеем честь возводить свой род»²¹. Он также включил «саксонский миф» в свой «Общий обзор прав Британской Америки». В этой работе он говорил о «саксонских предках», общих для англичан и американцев, и об учрежденной саксами в Британии «системе законов, которая так долго была славой и защитой этой страны»²².

Кроме англосаксов, на способ изложения материала в билле № 64 повлиял все тот же Беккариа. Итальянский пенолог писал: «Если бы геометрия была применима к бесчисленным и запутанным хитросплетениям человеческих деяний, то должна была бы существовать и соответствующая классификация преступлений, составленная также по принципу нисхождения от наиболее тяжких до самых незначительных»²³. Соответственно, билль № 64 начинался

¹⁵ Джефферсон Т. Автобиография... С. 51.

¹⁶ Jefferson Th. The Papers: in 43 vols / eds J.P. Boyd, B.B. Oberg. Princeton (N.J.), 1950–2017. Vol. 2. P. 325.

¹⁷ Peterson M.D. Op. cit. P. 124; Knepper P. Thomas Jefferson, Criminal Code Reform, and the Founding of the Kentucky Penitentiary at Frankfort // The Register of the Kentucky Historical Society. 1993. Vol. 91. № 2. P. 133; Bernstein R.B. Op. cit. P. 38.

¹⁸ URL: <https://sourcebooks.fordham.edu/source/560-975dooms.asp> (дата обращения: 17.05.2022).

¹⁹ URL: <https://law.lis.virginia.gov/vacode/title18.2/chapter4/section18.2-30/> (дата обращения: 17.05.2022).

²⁰ См.: Семенов С.Б. Концепция «Древней конституции» в английской политической литературе второй половины XVIII века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5. С. 172–177.

²¹ Jefferson Th. Op. cit. Vol. 5. P. 690.

²² Джефферсон Т. Общий обзор прав Британской Америки // Американские просветители. Избранные произведения: в 2-х т. М., 1968–1969. Т. 2. С. 8.

²³ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 85.

с преступлений, которые автор признавал наиболее тяжкими, и заканчивался проступками, снабженными пометой: «достойно сострадания, не наказывается».

Общий вектор реформы был задан виргинской декларацией прав. Ее 9-й раздел предусматривал, «что не следует требовать чрезмерного залога, налагать чрезмерные штрафы или применять жестокие и необычные наказания». Это казалось весьма актуальным, ведь используемое в колониальный период английское законодательство мягкостью не отличалось. Более того, современники были убеждены, что английское уголовное право, как выразился в 1793 г. губернатор Нью-Джерси Уильям Патерсон, «написано кровью, и его нельзя читать без ужаса»²⁴. Трудность состояла в том, что именно является «жестоким и необычным». Этот вопрос всплывал и при обсуждении федерального Билля о правах. Виргинская газета *Norfolk and Portsmouth Journal* рассуждала: «Выражения “необычный и суровый” или “жестокий и необычный”, несомненно, были бы слишком расплывчатыми, чтобы иметь какое-либо значение, поскольку они не допускают четкого и точного определения»²⁵. Джефферсон попытался предложить собственное решение проблемы.

Как уже говорилось, изложение начиналось с наиболее тяжких преступлений, караемых смертной казнью. Этот вид наказания вызывал в эпоху Просвещения бурные дебаты. Беккариа задавался вопросом: «Смертная казнь, действительно ли она полезна и необходима для безопасности и поддержания общественного порядка?»²⁶. Ж.-Ж. Руссо выражался довольно обтекаемо: «Мы вправе умертвить, даже в назидание другим, лишь того, кого опасно оставлять в живых»²⁷. Американские просветители также не преминули высказаться по данной проблеме. Судья пенсильванского верховного суда и генеральный прокурор США Уильям Брэдфорд, опираясь на такие европейские авторитеты, как Монтескье и Беккариа, связывал введение смертной казни с «деспотическими и варварскими столетиями»²⁸. Бенджамин Раш, реформатор американской медицины и американской пенологии, приводил аргумент «от республиканизма»: «Смертная казнь — естественное порождение монархических правительств. Короли верят, что они обладают своими коронами по божественному праву; неудивительно поэтому, что они принимают на себя божественную власть отнимать человеческую жизнь. Короли считают своих подданных своей собственностью, поэтому неудивительно, что они проливают кровь людей так же бесстрастно, как люди проливают кровь своих овец или крупного рогатого скота. Но принципы республиканских правительств говорят совсем на другом языке»²⁹. Большинство отцов-основателей сомневались в практической применимости теоретических построений такого рода. Во время Американской революции штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси и Пенсильвания провели реформы, сокращающие применение смертной казни, но ни один штат не отменил ее полностью. Современные историки считают, что отношение отцов-основателей к смертной казни было двойственным³⁰.

То же относится к Джефферсону. Он полагал, что смертные приговоры «лишь истребляют, а не исправляют»³¹. Однако в реформированном Джефферсоном виргинском кодексе смертная казнь сохранялась. Но сфера ее применения резко сокращалась. К моменту провозглашения независимости в Виргинии сохранялось 27 преступлений,

²⁴ Votes and Proceedings of the Seventeenth General Assembly of the State of New Jersey. Trenton, 1793. P. 105.

²⁵ Marcus IV // *Norfolk and Portsmouth Journal*. 12.III.1788.

²⁶ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 104.

²⁷ Руссо Ж.-Ж. Трактаты / отв. ред. А.З. Манфред. М., 1969. С. 175.

²⁸ Bradford W. An Enquiry How Far the Punishment of Death Is Necessary in Pennsylvania // *The American Journal of Legal History*. 1968. Vol. 12. № 2. P. 127–128.

²⁹ Rush B. The Selected Writings / ed. D.D. Runes. New York, 1947. P. 35–37, 52–53.

³⁰ Bessler J.D. Cruel & Unusual: The American Death Penalty and the Founders' Eighth Amendment. Boston, 2012. P. 146.

³¹ Джефферсон Т. Свет и свобода. Размышления о стремлении к счастью / под ред. Э.С. Петерсена. СПб., 2015. С. 111.

караемых смертной казнью, включая измену, поджог, изнасилование, кражу со взломом, конокрадство, ведовство и др. Джефферсон оставил только два: измену и убийство.

Он предполагал также отменить наиболее жестокие способы казни. Распятие в североамериканских колониях, конечно же, не практиковалось, но и без этого мучительные казни происходили. Самая страшная из английских казней, состоявшая последовательно в повешении казнимого, снятии еще живого с виселицы, вырывании внутренностей и четвертовании, в колониях применялась лишь дважды, оба раза в XVII в. Один из случаев имел место в Виргинии, где кабальный слуга был казнен в 1630 г. за убийство хозяина³². Даже на памяти Джефферсона такие приговоры выносились, например в 1770 г. в Северной Каролине в отношении лидеров восстания «регуляторов». Правда, приговор был смягчен до повешения.

А вот сожжение на костре применялось довольно широко. При этих словах воображение тут же подставляет образы ведьм и еретиков, сторованных по приговору инквизиции. В колониальной Америке были и религиозные преследования, и ведовские процессы. Однако и сэйлемские ведьмы, и те, кто имел несчастье разойтись в религиозных взглядах с бостонскими властями, погибали на виселице. Костры тем не менее горели, причем не столько в Массачусетсе, сколько в южных колониях. Эта страшная казнь была зарезервирована для определенного вида преступлений: малой измены. Согласно английскому обычному праву, под этим подразумевались три ситуации: убийство женой мужа, священником — прелата, слугой (в Америке — рабом) — хозяина. Белых женщин за «малую измену» обычно все-таки не жгли на кострах, заменяя страшную казнь повешением. А вот у чернокожих шансов на смягчение кары почти не было. Считается, что последний раз сожжение на костре по приговору суда в США имело место в 1830 г. в Южной Каролине.

Джефферсоновский билль отменял эти средневековые жестокости. Здесь предусматривалась смертная казнь через повешение. Как уже говорилось, оставались лишь два состава преступления, за которые предусматривалась соответствующая кара: измена и убийство. Измена определялась как ситуация, когда человек «объявляет войну республике или способствует врагам республики, оказывая им помощь или поддержку в нашей республике или где-либо еще»³³. При этом Джефферсон считал нужным особо выделить проблему недонесения об измене. Этот состав преступления широко представлен в кодексах Нового времени. Например, «Артикулы воинские» Петра I (1715), хотя и с диаметрально противоположных позиций, решали ту же задачу, что и билль № 64: модернизацию права, с учетом достижений европейской юридической мысли. «Артикулы» назначали равное наказание тому, «кто подданный войско вооружит или оружие предпримет против его величества, или умышлять будет помянутое величество полонить или убить, или учинит ему какое насилство», и тому, кто «о том сведом был, а не известил» (артикул 19)³⁴. «Уголовный кодекс Наполеона» (1810) требовал не просто донести до властей информацию о готовящихся преступлениях против государства, но и сделать это в течение 24 часов (ст. 103)³⁵. Джефферсон же делал оговорку: недонесение об измене не могло считаться преступлением со стороны близких родных преступника³⁶.

«Малая измена», в отличие от измены государству, во время Американской революции вызывала возражения реформаторов. Уильям Брэдфорд считал наказание за нее

³² The statutes at large: being a collection of all the laws of Virginia, from the first session of the legislature...: in 13 vols / ed. W.W. Hening. Vol. 1. New York, 1823. P. 146.

³³ Jefferson Th. Op. cit. Vol. 2. P. 493.

³⁴ Российское законодательство X—XX вв.: в 9-ти т. М., 1984—1994. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. С. 331.

³⁵ Code pénal de 1810 // URL: http://ledroitcriminel.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/code_penal_1810/code_penal_1810_2.htm (дата обращения: 17.05.2022).

³⁶ Jefferson Th. Op. cit. Vol. 2. P. 325. В современном федеральном законодательстве США недонесение об измене карается тюремным заключением до семи лет. Оговорки, оправдывающие недонесение об измене со стороны родных, которые делает Джефферсон, при этом не предусмотрены: 18 US Code § 2382 // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2382> (дата обращения: 17.05.2022).

несоразмерно жестоким, наследством «свирипых эпох»³⁷. Ряд северных штатов просто отменил у себя этот юридический термин, включив входившие сюда составы преступления в общее понятие убийства, с соответствующим смягчением кары. Например, Массачусетс упразднил понятие «малой измены» в 1785 г. на том простом основании, что оно больше «не кажется разумным»³⁸. В билле № 64 «малая измена» как отдельный состав преступления сохранялась, но автор во многом снимал ее женоненавистническую и расистскую направленность, включая сюда же убийство жены мужем, а также отцеубийство и детоубийство. Разумеется, Джефферсон не допускал даже мысли о сожжении на костре, но все равно считал, что подобные преступления заслуживают более суровой кары, чем даже государственная измена. Реформированные им законы карали «малую измену» уже не костром, а повешением, с тем дополнительным условием, что тело казненного передавалось в анатомический театр³⁹.

Что касается убийства, то здесь реформатор предлагал варианты: случайное убийство вообще не наказывать; непредумышленное убийство карать каторгой, преднамеренное — виселицей. Если орудием преступления служил яд, то яд и должен был стать также орудием кары⁴⁰.

В предлагаемом законопроекте смертная казнь дополнялась конфискацией имущества — в случае измены в пользу штата, в случае убийства в пользу семьи жертвы преступления. Видная американская исследовательница права Катрин Прейер видит в принципе компенсации жертве преступления отголоски англосаксонского вергельда⁴¹. Это мнение представляется обоснованным. Как уже говорилось, англосаксонские законы серьезно повлияли на билль № 64.

Традиционная суровость виргинского уголовного законодательства смягчалась любопытным обычаем, известным как «привилегия духовенства». В средние века в Англии она действительно применялась к духовным лицам. Если они могли доказать свою принадлежность к соответствующей категории, то передавались из светского суда в церковный, где наказания были мягче. К XVIII в. обычай превратился в формальность. Чтобы получить «привилегию духовенства», не нужно было быть священником. Нужно было лишь процитировать начало 50-го псалма: «*Miserere mei Deus, secundum magnam misericordiam Tuam*»⁴². Скорее всего, на практике даже это не требовалось. Во всяком случае, в Виргинии «привилегия» часто применялась к чернокожим рабам, которых вряд ли обучали латыни.

Применялась она широко. Преступления даже делились на такие, на которые распространялась «привилегия духовенства», и такие, на которые она не распространялась (*clergiable crimes* и *unclergiable crimes*). Например, подделка печати, удостоверяющей качество табака, влекла за собой смертную казнь без «привилегии духовенства»⁴³. Согласно статистике предреволюционной Виргинии, за девять лет 240 человек предстало перед судом присяжных. Из них: 17 были повешены; 9 получили помилование; 42 — «привилегию духовенства»; 79 были оправданы. Эта статистика неполная: значительная часть судебных архивов Виргинии сгорела во время Гражданской войны. По части дел приговор неизвестен⁴⁴. Но судить об общей картине по этим данным можно.

³⁷ *Bradford W.* Op. cit. P. 152.

³⁸ The Acts and resolves, public and private, of the province of Massachusetts Bay: in 21 vols. Boston, 1869–1922. Vol. 1784–1785. P. 176.

³⁹ *Jefferson Th.* Op. cit. Vol. 2. P. 494. В русском переводе «Заметок о штате Виргиния» в этом месте вкралась досадная ошибка. Вместо «анатомирования» переводчик вставил «четвертование», создав феерическую картину, ничего общего не имеющую с гуманистическим проектом Джефферсона: *Джефферсон Т.* Автобиография... С. 216.

⁴⁰ *Jefferson Th.* Op. cit. Vol. 2. P. 494–495.

⁴¹ *Preyer K.* Crime, the Criminal Law and Reform in Post-Revolutionary Virginia // *Law and History Review*. 1983. Vol. 1. № 1. P. 62.

⁴² Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей (*лат.*).

⁴³ The statutes at large... Vol. 8. P. 107.

⁴⁴ *Preyer K.* Op. cit. P. 61.

Джефферсон предполагал отменить и «привилегию духовенства», и помилование, «чтобы никто не мог быть склонен причинять вред в надежде на безнаказанность»⁴⁵. В сомнительных случаях предусматривалась возможность повторного рассмотрения дела. К. Прейер особо отмечала, что Джефферсон в своем проекте убирал оба традиционных средства смягчить жестокость английских законов⁴⁶. Но с точки зрения виргинского просветителя, в них не было необходимости в случае реформы законодательства. Он писал коллеге по комитету: «Пусть милосердие будет свойственно законодателю, но пусть судья будет простой машиной. Милости закона распределяются равно и беспристрастно среди всех людей; милости судьи или исполнительной власти — лишь эксцентричные порывы капризного, взбалмошного интригана»⁴⁷. Здесь он следовал за Беккариа, который предполагал, что «по мере смягчения наказаний милосердие и прощение становятся менее необходимыми»⁴⁸.

Коль скоро применение смертной казни сокращалось, ее следовало заменить другими видами наказания. Беккариа подсказывал: «Не суровость наказания, а продолжительность его морального воздействия — вот что производит наибольшее влияние на душу человека». Он же предлагал решение, которое и использовал Джефферсон: вместо смертной казни ввести каторжные работы⁴⁹. В набросках виргинского реформатора предусматривался принудительный труд в шахтах, солеварнях, на судоверфях, общественных мануфактурах и т.п.⁵⁰ Предполагалось, что каторжные работы помогут нравственному возрождению преступников, а вид каторжников в цепях будет выполнять функцию устрашения потенциальных преступников, которую традиционно выполняли публичные казни.

В билле № 64 за фальшивомонетничество предусматривалось шесть лет каторги, за конокрадство — три⁵¹. В случае кражи вор должен был не только отбыть каторгу, но и возместить ущерб пострадавшему, а также претерпеть позорящее наказание. В случае крупной кражи (если украденное стоило больше 5 долл.) виновный должен был простоять у позорного столба полчаса, в случае мелкой кражи — 15 минут⁵².

На практике каторжные работы были опробованы в Пенсильвании, но эксперимент был признан неудачным. Джефферсон писал позднее: «Выставленные на всеобщее обозрение бритоголовые преступники в скверной одежде, работая на больших дорогах, испытывали такую деградацию личности, что, вместо того чтобы исправиться, погружались в глубину самой ужасной и ожесточенной испорченности нравов и характеров»⁵³. Пенсильванские реформаторы нашли решение проблемы: в 1790-х годах они создали новаторскую систему тюремного заключения, основанную на полной изоляции преступников. С вариациями эта система используется до сих пор.

А вот джефферсоновская реформа уголовного права тюремного заключения вообще не предусматривала. Как правило, исследователи объясняют это странное обстоятельство тем, что Джефферсон в те годы не знал принципа одиночного заключения⁵⁴. Оно стало основой пенсильванской тюремной системы, но экспериментировать с ним начали только в 1790-х годах. Но это не означает, что соответствующие мысли не высказывались и ранее. Идея одиночного заключения возникла у английских филантропов еще в середине XVIII в. Новую меру наказания отстаивал Джонас Хэнвей, чей трактат «Одиночное

⁴⁵ *Jefferson Th. Op. cit. Vol. 2. P. 503.*

⁴⁶ *Preyer K. Op. cit. P. 61–62.*

⁴⁷ *Th. Jefferson to E. Pendleton. Aug. 26, 1776 // Jefferson Th. Op. cit. Vol. 1. P. 505.*

⁴⁸ *Беккариа Ч. Указ. соч. С. 243.*

⁴⁹ Там же. С. 170–173.

⁵⁰ *Jefferson Th. Op. cit. Vol. 2. P. 325–326.*

⁵¹ Для сравнения: в колониальной Виргинии смертная казнь полагалась не только самому конокраду, но и его укрывателям, и скупщикам краденых лошадей. См.: *The statutes at large... Vol. 5. P. 247–249.*

⁵² *Jefferson Th. Op. cit. Vol. 2. P. 498–501.*

⁵³ *Джефферсон Т. Автобиография... С. 52–53.*

⁵⁴ Например: *Peterson M.D. Op. cit. P. 129.*

тюремное заключение» вышел в 1776 г. Хэнвей рассматривал тюрьму как пространство между двумя мирами: преступлением и возвратом к добродетели. Еще один реформатор английской пенологии, Джон Говард, также выступал за создание новых учреждений — пенитенциарных домов, где карантин и изоляция использовались бы как своего рода лечение социальных девиаций. В 1779 г. парламент принял первый Пенитенциарный статут, который воплотил многие идеи просветителей. В частности, предусматривалось строительство двух тюрем с одиночными камерами⁵⁵. Пенсильванские реформаторы-пенологи действовали в том же направлении.

Можно предположить, что Джефферсона беспокоила проблема сохранения публичности кары. Тюремное заключение слабо сочеталось с традиционным представлением о наказании как об устрашающем примере, долженствующем отвращать зрителей от преступления. В конституции Пенсильвании 1776 г. особо оговаривалось, что «все лица в надлежащее время должны быть допущены к лицезрению заключенных за работой» (секц. 39).

Если о тюремном заключении в билле № 64 не упоминалось, то зато немалое место занимали калечащие наказания. Недаром исследователь Мэтью Кроу отмечал, что джефферсоновский билль содержит «удивительно много» телесных наказаний⁵⁶. Так, изнасилование, многоженство, содомия должны были караться кастрацией. В иных случаях вступал в действие талион. Позже Джефферсон писал: «Каким образом этот отвратительный принцип получил наше одобрение, я не помню»⁵⁷. Действительно, этот ветхозаветный закон подвергался критике пенологов эпохи Просвещения. Пенсильванец Уильям Брэдфорд вообще сомневался в применимости моисеева законодательства в Америке. Он писал: «Для племени пылких варваров, кочевавших в аравийских песках, могли подходить законы, которые совершенно неприемлемы для цивилизованного народа, обладающего цивилизованными и мягкими обычаями»⁵⁸. А вот в джефферсоновском законопроекте талион сохранялся, не исключение и с калечащими наказаниями: «Всякий, кто умышленно и по злому умыслу покалечит другого или изуродует его, отрезав язык или лишив возможности говорить, отрезав нос, губу или ухо, клеймя или иным образом, должен быть искалечен или изуродован подобным же образом»⁵⁹. В многотомном издании бумаг Джефферсона этот пассаж снабжен редакторским комментарием: «Опора на *lex talionis* шокирующе контрастирует с либеральной мыслью того времени, что способствовало провалу джефферсоновской реформы»⁶⁰. На самом деле *lex talionis* не казался отцам-основателям таким уж архаичным, хотя обычно его толковали не так буквально, как сделал Джефферсон. Талион понимался просто как закон воздаяния и восставшими фермерами-регуляторами, и просвещенными новоанглийскими юристами из окружения Джона Адамса⁶¹. Нет сведений, что виргинцев шокировал принцип талиона или что-то подобное. В законодательстве колониальной Виргинии он существовал в качестве кары за членовредительство, если виновником был раб. Тут шокировать могла разве что попытка распространить такие же наказания на свободных.

В.Н. Плешков приписывал введение принципа талиона стремлением реформатора учесть мнение своих более консервативных коллег, в частности Э. Пендлтона, а также

⁵⁵ Васильева С.А., Эрлихсон И.М. Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века: очерки интеллектуальной истории. СПб., 2020. С. 300, 340, 342–350.

⁵⁶ Crow M. Op. cit. P. 118.

⁵⁷ Джефферсон Т. Автобиография... С. 51.

⁵⁸ Bradford W. Op. cit. P. 138.

⁵⁹ Jefferson Th. Op. cit. Vol. 2. P. 498.

⁶⁰ Ibid. P. 505.

⁶¹ Востриков П.В. К вопросу о значении фронта в ранней американской истории: движения регуляторов в Северной и Южной Каролинах (1765–1771 гг.) // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. Вып. 12. Курск, 2020. С. 9–10; J. Warren to J. Adams. June 5, 1776 // Warren-Adams letters, being chiefly a correspondence among John Adams, Samuel Adams, and James Warren... 1743–1814: in 2 vols. [Boston], 1917–1925. Vol. 1. P. 255.

чрезмерной идеализацией англосаксонского прошлого⁶². Первое трудно доказать: во время работы над реформой уголовного законодательства именно Пендлтон выступал за создание абсолютно нового кодекса, а не за сохранение старинных установлений. Джефферсон, напротив, предлагал не трогать общее право без необходимости⁶³. Второе предположение, вероятно, близко к истине. Как уже говорилось, миф «древней конституции» англосаксов преследовал виргинского просветителя, в том числе и в этом его проекте.

Джефферсон не преминул включить в законопроект самые обсуждаемые темы эпохи Просвещения: наказание за самоубийство, проблему дуэлей, вопрос о незаконнорожденных детях. Не обошел он и тему колдовства и ереси.

Как правило, американские суды рассматривали дуэль как убийство, либо умышленное (murder), либо совершенное по неосторожности (manslaughter). Соответствующим образом формулировалось, например, обвинение против Аарона Бэрра, убившего на дуэли своего политического противника Александра Гамильтона. Заключение коронера гласило: «Аарон Бэрр... эсквайр и вице-президент Соединенных Штатов, не имея страха Божьего в очах своих, но соблазненный подстрекательством дьявола, в одиннадцатый день июля в прошлом вышеупомянутом году силой и оружием... совершил нападение на упомянутого Александра Гамильтона во время мира Божьего и народного в упомянутом штате Нью-Джерси... с преступным умыслом и по своей злой воле»⁶⁴.

Просветители дружно осуждали дуэли. Героиня романа Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза» риторически спрашивала: «Ужели доблестнейшим мужам древности приходило на ум мстить за нанесенные им обиды в поединках? Вызывал ли на поединок Цезарь Катона или Помпей Цезаря за все полученные оскорбления?.. Если самые просвещенные, самые отважные, самые добродетельные народы на свете не имели понятия о дуэли, то я утверждаю, что она — не установление чести, а мерзкий, варварский обычай, под стать зверским нравам, породившим ее»⁶⁵. О том же писала одна из популярнейших американских газет Connecticut Courant: «Искусство перерезать глотки в соответствии с этикетом и хорошими манерами было неизвестно грекам и римлянам. А ведь их не подозревают в отсутствии мужества»⁶⁶. Пенсильванский «Акт о пресечении порока и аморальности» (1779) пытался пресечь дуэли «на шпагах, пистолетах, рапирах или ином опасном оружии». И пославший вызов, и принявший его подвергались одинаковому наказанию: их штрафовали на 500 фунтов либо заключали на год в тюрьму без права освобождения под залог⁶⁷. Джефферсон предусматривал более суровую кару: бретерам грозило повешение. Пославший вызов вдобавок лишался нормального погребения: его тело следовало оставить болтаться на виселице⁶⁸.

Самоубийцам в Англии XVIII в. отказывали в христианском погребении; их имущество не могло быть передано по наследству, а конфисковывалось в пользу короны. Петровские артикулы карали самоубийство посмертным бесчестьем, а неудачную попытку самоубийства — смертью (Артикул 164)⁶⁹. Описав аналогичный французский закон, Ш.Л. Монтескье устами героя своих «Персидских писем» подытоживал: «Мне кажется, Иббен, что эти законы крайне несправедливы»⁷⁰. В Виргинии законодательство против самоубийц было более мягким; их ждала только конфискация имущества. Но Джефферсону и это наказание казалось излишним. В его проекте самоубийство декриминализировалось и рассматривалось как болезнь. Он прибавлял: «Что касается примера, то нам не нужно бояться его влияния.

⁶² Плешков В.Н. Указ. соч. С. 91.

⁶³ Джефферсон Т. Автобиография... С. 50; *Jefferson Th. Op. cit. Vol. 2. P. 325.*

⁶⁴ *Hamilton A. The Papers: in 27 vols / ed. H.C. Syrett. New York; London, 1961–1987. Vol. 26. P. 319.*

⁶⁵ Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. М., 1968. С. 140.

⁶⁶ Connecticut Courant. 29.IV.1779.

⁶⁷ Pennsylvania Packet. 13.III.1779.

⁶⁸ *Jefferson Th. Op. cit. Vol. 2. P. 494–495.*

⁶⁹ Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. С. 358.

⁷⁰ Дидро Д., Лесаже А.П., Монтескье Ш.Л. Французский фривольный роман. М., 1993. С. 298.

Люди слишком сильно привязаны к жизни»⁷¹. В том же направлении мыслили создатели «Уголовного кодекса Наполеона». В нем самоубийство вообще не упоминается.

Убийство незаконнорожденного ребенка в Европе XVIII в. каралось сурово. При этом сокрытие факта беременности уже считалось доказательством детоубийства в случае смерти младенца. Соответствующее условие во Франции было узаконено эдиктом Генриха II от февраля 1556 г.⁷² Просветители считали, что молчание будущей матери в этом случае вообще ничего не доказывает. Монтескье в романе «Персидские письма» комментировал французское законодательство на этот счет: «Здесь существуют насчет этого извращения страшные законы, доходящие до жестокости. Всякая девушка, не заявившая властям о своей беременности, наказывается смертью, если ее плод погибнет. Ни стыдливость, ни страх позора, ни несчастная случайность не служат ей оправданием»⁷³. Джефферсон шел дальше в рассуждениях: нельзя считать, что сокрытие беременности непременно связано с убийством ребенка. При том уровне младенческой смертности, который существовал в его время, естественная гибель малыша была более вероятной⁷⁴.

Наказания за ведовство в нашем сознании связываются скорее с темным средневековьем, чем с эпохой Просвещения. Но в XVIII в. они еще применялись: последний смертный приговор за ведовство в Швейцарии был вынесен в 1782 г. В Виргинии последняя ведьма была осуждена в 1730 г. В 1735 г. английский парламент принял Закон о ведовстве, в котором колдовство трактовалось как злонамеренный обман. Максимальное возможное наказание составляло год тюремного заключения⁷⁵.

Джефферсон как человек просвещенный в колдунов и ведьм не верил, а потому следовал логике английского законодательства. В его законопроекте предусматривалось наказание тем, кто пытался обмануть людей «с помощью мнимого искусства колдовства, магии, заклинаний или волхвований»⁷⁶. За это полагался «табурет для окунания» (ducking stool). Он представлял собой сиденье, установленное на конце двух балок длиной 12 или 15 футов, которые можно было раскачивать с берега пруда или реки, окуная жертву по уши в воду. Обычно так наказывали сварливых женщин.

Стоит обсудить еще один момент. Джефферсон впоследствии утверждал, что его проект реформ в Виргинии включал проект отмены рабства. Такой проект действительно найден среди его черновиков, но нет никаких доказательств, что его коллеги хотя бы видели этот документ⁷⁷. Более того, в его черновиках говорится об отдельных наказаниях для рабов⁷⁸, что предполагало и сохранение рабства.

Судьба билля № 64 в легислатуре складывалась неудачно. Во время войны виргинским законодателям было просто не до пенологии. Билль попал на рассмотрение легислатуры только в 1785 г. Реформатор пытался провести в жизнь хотя бы то, что зависело от него лично. Во время своего губернаторства в Виргинии (1779–1781) Джефферсон пользовался правом помилования, чтобы смягчить смертные приговоры до тех мер наказания, которые предусматривались его биллем. Например, совершивших тяжкие уголовные преступления могли отправить не на виселицу, а в свинцовые рудники. Континентальная армия нуждалась в большом количестве свинца для пуль. Удачное сочетание прагматизма и беккарианских принципов.

В 1785 г. Джефферсон был направлен послом во Францию. Пока он был в Европе, его друг Джеймс Мэдисон занялся продвижением его законопроектов, в том числе реформы

⁷¹ *Jefferson Th. Op. cit. Vol. 2. P. 504.*

⁷² Edit d'Henri II de février 1556 contre l'infanticide // URL: https://www.geneacaux.fr/spip/IMG/pdf/edit-d-henri-ii-de-fevrier-1556-contre-l-infanticide_a408.pdf (дата обращения: 17.11.2022).

⁷³ Французский фривольный роман. С. 347.

⁷⁴ *Jefferson Th. Op. cit. Vol. 2. P. 325–326, 504.*

⁷⁵ The Witchcraft Act 1735 (9 Geo. 2 c. 5) // URL: https://en.wikisource.org/wiki/Witchcraft_Act_1735 (дата обращения: 17.11.2022).

⁷⁶ *Jefferson Th. Op. cit. Vol. 2. P. 502.*

⁷⁷ *Bernstein R.B. Op. cit. P. 40.*

⁷⁸ В тех случаях, когда свободный отправлялся на каторгу, раб должен был быть продан в Вест-Индию, Южную Америку или даже в Африку: *Jefferson Th. Op. cit. Vol. 2. P. 504.*

уголовного права. Сам Джефферсон считал уместным ознакомить европейцев с принципами билля № 64. В 1785 г. в Париже вышли его «Заметки о штате Виргиния». В 1787 г. появился французский перевод, сделанный аббатом Морелле. В числе прочих сведений о Виргинии там приводился и краткий очерк реформы уголовного права⁷⁹.

Реакция и в том, и в другом случае была нелестной для автора. В 1787 г. Мэдисон сообщал другу об окончательном отклонении законопроекта. «Наш старый кровавый кодекс полностью восстановлен», — был его неутешительный комментарий⁸⁰. Мэдисон связывал оппозицию реформе с довольно мелким обстоятельством: предусмотренное наказание за конокрадство показалось законодательству слишком мягким⁸¹. Возможно, дело было и в том, что Мэдисон впоследствии называл «беккарианскими иллюзиями» Джефферсона. Виргинцы не были готовы принять его представление о пенитенциарной системе.

Что касается реакции европейцев, то ее описал сам Джефферсон: «В уголовном праве принцип возмездия подвергается здесь большой критике, особенно в случае изнасилования. Они считают наказание неприличным и неоправданным. Я был бы за то, чтобы изменить его, но по другой причине: это из-за искушения, которому подверглись бы женщины, чтобы сделать его инструментом мести непостоянному любовнику и разочарования соперницы»⁸². Так что здесь реформатора подвел закон талиона.

В 1796 г. Виргиния приняла все-таки реформированный уголовный кодекс. Он не совпадал с джефферсоновскими предложениями в деталях, но имел сходную направленность. Сокращалось применение смертной казни. Вместо нее в ряде случаев вводилось тюремное заключение. Для белых смертная казнь сохранялась за убийство первой степени, поджог, измену. Уточнение от 1799 г. включало в понятие убийства первой степени смерть рабов, которых засекли насмерть, заморили голодом или запытали. Рабы могли получить смертный приговор в тех случаях, когда свободных приговаривали только к тюремному заключению. Отменялась «привилегия духовенства», но только для белых. Для их рабов она сохранялась до 1848 г.⁸³

Билль № 64 — памятник противоречивости американского Просвещения. Теоретические наработки Чезаре Беккариа и других европейских философов сталкивались в нем с идеализированной англосаксонской древностью. Были учтены передовые на тот момент пенологические идеи, но выборочно. Например, тюремные реформы, разработанные английскими мыслителями, прошли мимо Джефферсона. Одновременно в его проекте присутствовали практики, кажущиеся архаичными: калечащие наказания, позорный столб, табурет для окунания. Принцип талиона смущал самого реформатора, но он не стал исключать этот элемент из своего законопроекта. Но несмотря на все это, сокращение применения смертной казни было несомненным гуманистическим принципом и в 1790-х годах было реализовано в штате Виргиния.

Библиография

Американские просветители. Избранные произведения: в 2-х т. М., 1968–1969.

Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995.

Васильева С.А., Эрлихсон И.М. Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века: очерки интеллектуальной истории. СПб., 2020.

⁷⁹ Джефферсон Т. Автобиография... С. 216–217.

⁸⁰ J. Madison to Th. Jefferson. Febr. 15, 1787 // *Jefferson Th. Op. cit.* Vol. 11. P. 152.

⁸¹ Ibidem.

⁸² Th. Jefferson to J. Madison. Dec. 16, 1786 // *Jefferson Th. Op. cit.* Vol. 10. P. 604.

⁸³ Boyd W.K. Documents and Comments on Benefit of Clergy as Applied to Slaves // *The Journal of Negro History*. 1923. Vol. 8. № 4. P. 443–447; Fede A. Homicide Justified: The Legality of Killing Slaves in the United States and the Atlantic World. Athens (Ga.), 2017. P. 115–117; Rutyna R.A. The Capital Laws of Virginia: An Historical Sketch, paper presented to the Virginia State Crime Commission Advisory Committee on Capital Punishment. P. 197 // URL: <https://rga.lis.virginia.gov/Published/1973/RD1/PDF> (дата обращения: 17.05.2022).

Востриков П.В. К вопросу о значении фронта в ранней американской истории: движения регуляторов в Северной и Южной Каролинах (1765–1771 гг.) // *Американистика: актуальные подходы и современные исследования*. Вып. 12. Курск, 2020. С. 8–24.

Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния / сост. А.А. Фурсенко. Л., 1990.

Джефферсон Т. Свет и свобода. Размышления о стремлении к счастью / под ред. Э.С. Петерсена. СПб., 2015.

Дидро Д., Лесажи А.Р., Монтескье Ш.Л. Французский фривольный роман. М., 1993.

Плешков В.Н. Борьба Томаса Джефферсона за демократические реформы в Виргинии (1776–1779) // *Американский ежегодник*. 1975. М., 1975. С. 67–92.

Руссо Ж.-Ж. Трактаты / отв. ред. А.З. Манфред. М., 1969.

Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. М., 1968.

Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. Томас Джефферсон. М., 1976.

Семенов С.Б. Концепция «Древней конституции» в английской политической литературе второй половины XVIII века // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2013. Т. 15. № 5. С. 172–177.

Согрин В.В. Джефферсон: человек, мыслитель, политик. М., 1990.

Bernstein R.B. Thomas Jefferson. New York, 2003.

Bessler J.D. Cruel & Unusual: The American Death Penalty and the Founders' Eighth Amendment. Boston, 2012.

Boyd W.K. Documents and Comments on Benefit of Clergy as Applied to Slaves // *The Journal of Negro History*. 1923. Vol. 8. № 4. P. 443–447.

Braatz E.E. The Eighth Amendment's Milieu: Penal Reform in the Late Eighteenth Century // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2016. Vol. 106. Iss. 3. P. 405–472.

Bradford W. An Enquiry How Far the Punishment of Death Is Necessary in Pennsylvania // *The American Journal of Legal History*. 1968. Vol. 12. № 2. P. 122–175.

Crow M. Thomas Jefferson, Legal History, and the Art of Recollection. New York, 2017.

Fede A. Homicide Justified: The Legality of Killing Slaves in the United States and the Atlantic World. Athens (Ga.), 2017.

Hamilton A. The Papers: in 27 vols / ed. H.C. Syrett. New York; London, 1961–1987.

Jefferson Th. The Papers: in 43 vols / eds J.P. Boyd, B.B. Oberg. Princeton (N.J.), 1950–2017.

Knepper P. Thomas Jefferson, Criminal Code Reform, and the Founding of the Kentucky Penitentiary at Frankfort // *The Register of the Kentucky Historical Society*. 1993. Vol. 91. № 2. P. 129–149.

Madison J. The Writings: in 9 vols / ed. G. Hunt. London; New York, 1910.

Malone D. Jefferson and His Times. Vol. 1. Jefferson the Virginian. Boston, 1948.

Peterson M.D. Thomas Jefferson and the New Nation: A Biography. New York, 1986.

Preyer K. Crime, the Criminal Law and Reform in Post-Revolutionary Virginia // *Law and History Review*. 1983. Vol. 1. № 1. P. 53–85.

Rush B. The Selected Writings / ed. D.D. Runes. New York, 1947.

Rutyna R.A. The Capital Laws of Virginia: An Historical Sketch, paper presented to the Virginia State Crime Commission Advisory Committee on Capital Punishment // URL: <https://rga.lis.virginia.gov/Published/1973/RD1/PDF> (дата обращения: 17.05.2022).

Votes and Proceedings of the Seventeenth General Assembly of the State of New Jersey. Trenton, 1793.

Warren-Adams letters, being chiefly a correspondence among John Adams, Samuel Adams, and James Warren... 1743–1814: in 2 vols. [Boston], 1917–1925.

Williams J.Sh. Thomas Jefferson — His permanent influence on American institutions. New York, 1913.

References

Amerikanskie prosvetiteli. Izbrannye proizvedeniya [American educators. Selected works]: v 2-h t. Moskva, 1968–1969. (In Russ.)

Bekkaria Ch. O prestupleniyah i nakazaniyakh [About crimes and punishments]. Moskva, 1995. (In Russ.)

Didro D., Lesazh A.R., Montesk'e Sh.L. Francuzskij frivol'nyj roman [French frivolous novel]. Moskva, 1993. (In Russ.)

Dzhefferson T. Avtobiografiya. Zametki o shtate Virginiya [Autobiography. Notes on the state of Virginia] / sost. A.A. Fursenko. Leningrad, 1990. (In Russ.)

Dzhefferson T. Svet i svoboda. Razmyshleniya o stremlenii k schast'yu [Light and Freedom. Reflections on the pursuit of happiness] / pod red. E.S. Petersena. Sankt-Peterburg, 2015. (In Russ.)

Pleshkov V.N. Bor'ba Tomasa Dzheffersona za demokraticheskie reformy v Virgini [Thomas Jefferson's struggle for democratic reforms in Virginia] (1776–1779) // *Amerikanskij ezhegodnik* [American Yearbook]. 1975. Moskva, 1975. S. 67–92. (In Russ.)

- Russo Zh.Zh.* Traktaty [Treatises] / otv. red. A.Z. Manfred. Moskva, 1969. (In Russ.)
- Russo Zh.Zh.* Yuliya, ili novaya Eloiza [Julia, or the new Eloise]. Moskva, 1968. (In Russ.)
- Semenov S.B.* koncepciya "Drevnej konstitucii" v anglijskoj politicheskoj literature vtoroj poloviny XVIII veka [The concept of the "Ancient Constitution" in the English political literature of the second half of the 18th century] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2013. T. 15. № 5. S. 172–177. (In Russ.)
- Sevost'yanov G.N., Utkin A.I.* Tomas Dzefferson [Thomas Jefferson]. Moskva, 1976. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* Dzefferson: chelovek, myslitel', politik [Jefferson: a man, a thinker, a politician]. Moskva, 1990. (In Russ.)
- Vasil'eva S.A., Erlihson I.M.* Prestuplenie i nakazanie v anglijskoj obshchestvennoj mysli XVIII veka: ocherki intellektual'noj istorii [Crime and punishment in the English Social Thought of the 18th century: Essays on Intellectual History]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)
- Vostrikov P.V.* K voprosu o znachenii frontira v rannej amerikanskoj istorii: dvizheniya reguljatorov v Severnoj i Yuzhnoj Karolinah [On the question of the significance of the Frontier in early American history: the movements of regulators in North and South Carolinas] (1765–1771 gg.) // *Amerikanistika: aktual'nye podhody i sovremennye issledovaniya* [American Studies: Current approaches and modern research]. Vyp. 12. Kursk, 2020. S. 8–24. (In Russ.)
- Bernstein R.B.* Thomas Jefferson. New York, 2003.
- Bessler J.D.* Cruel & Unusual: The American Death Penalty and the Founders' Eighth Amendment. Boston, 2012.
- Boyd W.K.* Documents and Comments on Benefit of Clergy as Applied to Slaves // *The Journal of Negro History*. 1923. Vol. 8. № 4. P. 443–447.
- Braatz E.E.* The Eighth Amendment's Milieu: Penal Reform in the Late Eighteenth Century // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2016. Vol. 106. Iss. 3. P. 405–472.
- Bradford W.* An Enquiry How Far the Punishment of Death Is Necessary in Pennsylvania // *The American Journal of Legal History*. 1968. Vol. 12. № 2. P. 122–175.
- Crow M.* Thomas Jefferson, Legal History, and the Art of Recollection. New York, 2017.
- Fede A.* Homicide Justified: The Legality of Killing Slaves in the United States and the Atlantic World. Athens (Ga.), 2017.
- Hamilton A.* The Papers: in 27 vols / ed. H.C. Syrett. New York; London, 1961–1987.
- Jefferson Th.* The Papers: in 43 vols / eds J.P. Boyd, B.B. Oberg. Princeton (N.J.), 1950–2017.
- Knepper P.* Thomas Jefferson, Criminal Code Reform, and the Founding of the Kentucky Penitentiary at Frankfort // *The Register of the Kentucky Historical Society*. 1993. Vol. 91. № 2. P. 129–149.
- Madison J.* The Writings: in 9 vols / ed. G. Hunt. London; New York, 1910.
- Malone D.* Jefferson and His Times. Vol. 1. Jefferson the Virginian. Boston, 1948.
- Peterson M.D.* Thomas Jefferson and the New Nation: A Biography. New York, 1986.
- Preyer K.* Crime, the Criminal Law and Reform in Post-Revolutionary Virginia // *Law and History Review*. 1983. Vol. 1. № 1. P. 53–85.
- Rush B.* The Selected Writings / ed. D.D. Runes. New York, 1947.
- Rutyna R.A.* The Capital Laws of Virginia: An Historical Sketch, paper presented to the Virginia State Crime Commission Advisory Committee on Capital Punishment // URL: <https://rga.lis.virginia.gov/Published/1973/RD1/PDF> (access date: 17.05.2022).
- Votes and Proceedings of the Seventeenth General Assembly of the State of New Jersey. Trenton, 1793.
- Warren-Adams letters, being chiefly a correspondence among John Adams, Samuel Adams, and James Warren... 1743–1814; in 2 vols. [Boston], 1917–1925.
- Williams J.Sh.* Thomas Jefferson – His permanent influence on American institutions. New York, 1913.

© 2023 г. Н.Ю. КУДЕЯРОВА

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МАССОВОЙ МИГРАЦИИ В ИТАЛИИ И ИСПАНИИ В XIX веке

Кудеярова Надежда Юрьевна — кандидат исторических наук, и.о. руководителя Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН (Москва, Россия).

E-mail: n.kudeyarova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57208112976; ORCID: 0000-0002-6899-0763; Researcher ID: HCI-8497-2022

Аннотация. В статье анализируются причины массовой эмиграции из стран Южной Европы в XIX в., оказавшей сильное влияние на формирование современного состава населения ряда латиноамериканских стран. Исследование базируется на модели «притягивающих» и «выталкивающих» факторов миграции, предложенной Э. Ли, а также на модели взаимосвязи миграции и диверсификации занятости по секторам экономической активности Г. Кабреры, где моноотраслевая специализация занятости в регионе стимулирует исход населения. Несмотря на медленный демографический рост, запаздывающая индустриализация в Италии и Испании не могла обеспечить достаточную занятость в условиях избытка рабочих рук, возникшего в сельских районах. Качество рабочих мест в аграрных регионах не удовлетворяло потребностей занятых в этой сфере людей, провоцируя отток населения. Важное влияние на становление внутренней мобильности оказал разрыв между аграрным Югом и индустриализирующимся Севером, характерный для обеих стран. Политическая турбулентность — процесс объединения Италии, карлистские войны в Испании — также усиливала исход населения. Нерешенность аграрного вопроса, рост численности населения и отставание модернизации усиливали действие «выталкивающих» факторов. В то же время латиноамериканские государства проводили активную политику по привлечению мигрантов. Автор отмечает структурное сходство внутренних причин массовой миграции, но на основе статистических данных выделяет разнообразие географии выбранных направлений переселения. Крах Испанской империи привел к завершению колониального типа миграции, в наибольшей степени влиявший в обозначенный период на ситуацию на Кубе. Дальнейшую динамику определяли социально-экономические мотивы и политика принимающих государств, прежде всего Латинской Америки и США, в которых мигранты видели новые для себя возможности.

Ключевые слова: трансатлантическая миграция, социальная модернизация, демографический рост, Италия, Испания, мигранты, индустриализация.

N.Yu. Kudeyarova

Social and Demographic Prerequisites for Mass Migration in Italy and Spain in the XIX Century

Nadezhda Kudeyarova, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: n.kudeyarova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57208112976; ORCID: 0000-0002-6899-0763; Researcher ID: HCI-8497-2022

Abstract. In this study the author analyses the causes of mass emigration from Southern Europe in the nineteenth century, which had a profound influence on the formation of the modern composition of the population of several Latin American countries. The study is based on the push/pull migration

model proposed by Everett S. Lee, as well as on the model of interrelation of migration and employment diversification by sector of economic activity developed by Gustavo Cabrera, where the mono-industry specialisation of employment in a region stimulates the population outflow. Despite slow demographic growth, lagging industrialisation in Italy and Spain could not cope with the surplus labour force that emerged in the agrarian regions. The gap between the agrarian South and the industrialising North, characteristic of these two countries, had an important impact on the formation of internal mobility. Political upheavals – the unification of Italy, the dynastic confrontation in Spain – also increased the outflow of population. Unresolved agrarian issues, population growth and lagging modernisation increased the push-factor effect. The author notes the structural similarity of the internal causes of mass migration but, on the basis of statistical data, emphasises the geographical diversity of the resettlement areas chosen. The collapse of the Spanish Empire brought an end to the colonial type of migration, which had its greatest impact on the situation in Cuba in the period indicated. Further dynamics were determined by the socio-economic motivations and policies of the host countries, especially in Latin America and the USA, where migrants found new opportunities.

Keywords: transatlantic migration, social modernisation, demographic growth, Italy, Spain, migrants, industrialization.

Миграционные процессы между Европой и Америкой на протяжении пяти веков развивались с разной степенью интенсивности. В XIX в. трансатлантическая мобильность постепенно переходила от режима колониальных миграций к экономически обусловленной форме переселения. Однако это не повлияло на основной ресурс свободной мобильности – ключевым источником переселенцев оставалась Европа.

В статье ставится задача рассмотреть трансформации, которые произошли в странах Южной Европы в XIX в. и которые повлияли на активность трансатлантической миграции. Если в первой половине XIX в. молодые латиноамериканские государства еще не были притягательны для мигрантов, то во второй половине столетия синхронизация с «выталкивающими» факторами в Европе привела в движение сотни тысяч людей.

Одной из первых европейских мигрантов начала принимать Аргентина. С 1809 по 1915 г. ее население увеличилось в 13 раз (с 609 тыс. до 7,9 млн), а доля уроженцев других государств в начале XX в. составила 30%. Среди основных групп мигрантов выделялись итальянцы (в среднем в эти годы около 50%) и испанцы (30%). Выходцы из романоязычных стран в целом составляли свыше 85% всего переселенческого потока¹. В соседнюю Бразилию волна массовой миграции пришла позднее. В течение 15 лет после отмены рабства в 1888 г. в страну прибыли 1,6 млн человек, среди которых итальянцы составили около 60%, португальцы – 18%, а на третьем месте были испанцы – 12%². Таким образом, именно выходцы из стран Южной Европы сформировали основу переселенческой волны последней четверти XIX – начала XX в.

Модели миграции, основанные на двухчастной (push/pull) основе, предполагают, что экономическое и политическое давление в странах происхождения заставляет потенциальных эмигрантов оценивать перспективы «географической мобильности с позиции повышения социального и материального положения, расширения возможностей трудоустройства при одновременном снижении уязвимости перед лицом нищеты»³. Эта ставшая классической модель миграции американского социолога Эверетта Ли позволяла объяснить миграционное движение и интерпретировать причины миграции⁴. Факторы «выталкивания» можно рассмотреть с точки зрения социально-экономических категорий:

¹ La población de Argentina. CICRED – INDEC, Serie Investigaciones Demográficas. Buenos Aires, 1975. № 1. P. 23, 60, 65; Кудеярова Н.Ю. Эпоха массовых миграций в Латинской Америке: глобализация vs локализация // Латинская Америка. 2017. № 2. С. 78.

² Ferreira Levy M.S. O papel da migração internacional na evolução da população brasileira (1872 a 1972) // Revista de Saúde Pública. 1974. Vol. 8. P. 71.

³ Ribas Mateos N. Una invitación a la sociología de las migraciones. Barcelona, 2004. P. 74.

⁴ Lee E. Theory of Migration // Demography. 1966. № 3. P. 47–57.

демографического роста, безработицы, спроса и предложения на рынке малоквалифицированного труда, низкой заработной платы, нехватки земли, неурожая из-за климатических проблем и др. Классические объяснения внутренней и внешней миграции дают представление о контексте и динамике, но не проявляют должным образом социальных механизмов, приводящих к миграционному исходу. В этом ключе значительный интерес представляет подход мексиканского демографа Г. Кабреры, предложившего модель влияния неравномерности экономической специализации регионов на активность миграционного исхода их жителей. Он показал важность диверсификации занятости по секторам экономической активности. Так, моноотраслевая специализация работающего населения (с большой долей вероятности это будет сельское хозяйство) не может создать условия для благополучного развития региона и занятости людей. Следствием такой ситуации становится отток населения. В итоге доминирование аграрного сектора, сельскохозяйственная трудовая активность указывают на большой потенциал для интенсивной эмиграции⁵. Опираясь на обозначенные теоретические подходы, в статье ключевое внимание уделено факторам «выталкивания», а также влиянию структуры занятости населения на территориальную мобильность.

XIX столетие — «долгий век», в котором по-разному для промышленного центра и периферии Европы проявились тенденции социально-экономической модернизации. Причины массовой трансатлантической миграции нередко объясняют заметным демографическим ростом, наблюдавшимся в Европе. Но, согласно исследованию итальянского демографа М. Ливи Баччи, такая динамика не отличалась однородностью: в сравнении с Западной и Северной Европой рост численности населения в странах Средиземноморья был ниже. Так, с 1800 по 1900 г. население Англии и Голландии выросло в 3,5 и 2,4 раза соответственно, а Италии и Испании — в 1,8⁶. Представляется, что «выталкивающие» факторы не сводились исключительно к общему росту численности жителей стран. Если в индустриальных центрах избыток сельского населения активно поглощался растущей промышленностью, то на периферии, в средиземноморских странах и Португалии, важным механизмом амортизации излишков трудовых ресурсов становилась эмиграция. Недостаток земельных угодий в условиях быстрого прироста сельского населения создавал спрос на более доступную землю за океаном.

ИТАЛИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО МАССОВОГО ИСХОДА

В начале XIX в. Италия представляла собой территорию, раздробленную на восемь государств. Процесс объединения (Рисорджименто) охватил долгий период с 1815 по 1870 г. Ключевым событием стало образование единого итальянского государства в 1861 г. Объединение было сопряжено с расширением королевства Сардиния—Пьемонт на юг, военным противоборством с королевством Обеих Сицилий, борьбой с австрийским господством. Конфликты затрагивали политическое и экономическое устройство государств с различными подходами к организации политической власти, принципам владения землей, аграрному укладу и развитию производства.

Сельский уклад Юга способствовал усиленному демографическому росту в этой части полуострова. Однако более высокие темпы промышленного развития вели к экономическому доминированию северо-западных регионов, которые первыми вошли в процесс индустриализации⁷. Ряд авторов отмечал, что в процессе объединения при помощи таможенных тарифов в отношении промышленной и сельской продукции Юг был превращен

⁵ *Cabrera G. Especialización económica y movimientos migratorios en México: un estudio de diagnóstico a nivel de subregiones para el periodo 1950–1960 y 1960–1970 // Crecimiento de la población y cambio agrario. México, 1979. P. 254.*

⁶ *Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. СПб., 2010. С. 18–19.*

⁷ *История Италии. Т. 2. М., 1970. С. 135–136.*

в эксплуатируемую колонию Севера⁸. Общественная проекция существовавшей дистанции политического и экономического развития проявилась в движении меридионализма⁹.

Экономическая отсталость Юга поддерживалась устоявшейся структурой землевладения, основой которого был латифундизм. Значительная часть аграрных реформ XIX в. продолжалась недолго, а результаты недостаточны для социальной модернизации. Так, в 1866 г. в Италии конфисковали земельную собственность церкви и выставили ее на продажу. Большую ее часть купили крупные землевладельцы, а ранее существовавшие права крестьянства были отменены без компенсации¹⁰. Латифундисты господствовали в Южной Италии и Сицилии вплоть до XX в. В сельскохозяйственной экономике наследственное владение землей определяло политическую власть и статус человека¹¹. Границы между различными социальными группами были труднопреодолимы. В итоге многие бедные итальянцы практически не имели возможности улучшить свою жизнь.

Большая часть итальянских мужчин была занята в сельском хозяйстве (более 67%) и менее 20% были задействованы в промышленности. Значительную часть промышленных рабочих составляли женщины, занятые в текстильной промышленности и работающие на дому¹². Развитие промышленности медленно влияло на социально-профессиональную структуру общества: в 1911 г. 55% активного населения Италии все еще работало в сельском хозяйстве, 30% было занято в промышленности и на транспорте и лишь 5% — в торговле¹³.

Отсутствие социальной модернизации в южной Италии вело к ответной реакции в виде многочисленных вспышек разбоя в сельской местности. С одной стороны, это явление было вызвано бедностью крестьянства, с другой — как отмечали исследователи, рассматривалось как реакция против действий новых землевладельцев — буржуазных элементов в «древнем обществе Юга», как движение против правительства Пьемонта, которое ввело воинскую повинность. В итоге после образования единого государства два криминальных явления юга Италии — разбой и организованная преступность — укоренились в структуре сельской и земельной организаций¹⁴. Они существенно снижали уровень безопасности и сокращали социальные перспективы в этой части страны. Структурная экономическая отсталость южных регионов полуострова стала важным элементом фундамента для последовавшего миграционного исхода. Она способствовала перетеканию рабочих рук из сельскохозяйственных в промышленные районы, а развитие внутристрановой миграции закладывало основу для последующей массовой внешней миграции.

Принято считать, что главной причиной миграционной активности в XIX в. стал демографический рост. Увеличение численности населения было очевидным: если в 1800 г. население итальянских государств составляло 17,8 млн, то в 1900 г. — 33,8 млн¹⁵. В течение столетия оно выросло на 90%, т.е. фактически удвоилось. Как и в других европейских странах, демографическая динамика в Италии во второй половине XIX в. была сопряжена с резким сокращением смертности, прежде всего младенческой, и плавным снижением рождаемости. Результат трансформации стал отчетливо заметен на рубеже XX в., когда

⁸ Грамши А. Монархическая традиция // Грамши А. Избранные произведения. Т. 1. М., 1957. С. 425.

⁹ Меридионализм (от итал. meridione — юг) — идеологическое течение в Италии, оформившееся после завершения объединения страны и предполагавшее выработку мер по преодолению разрыва в развитии двух частей страны.

¹⁰ Del Monte A., Pennacchio L. The structure of agricultural production and the causes of brigandage and criminal organisations in Italy after Unification: theory and evidence // MPRA Paper. 2012. № 38875. P. 4.

¹¹ Грамши А. Указ. соч. С. 494; Moss L.W., Cappannari S.C. Estate and Class in a South Italian Hill Village // American Anthropologist. 1962. № 64 (2). P. 288.

¹² Del Monte A., Pennacchio L. Op. cit. P. 2.

¹³ Impicciatore R., Rettaroli R. 150 years of official population statistics in Italy // Genus. 2012. Vol. LXVIII. № 3. P. 45.

¹⁴ Del Monte A., Pennacchio L. Op. cit. P. 3.

¹⁵ Ливи Бачи М. Указ. соч. С. 17.

ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 30 лет в 1870-х годах до 45 лет в 1910 г. Суммарный коэффициент рождаемости оставался высоким на уровне около 5 детей на женщину, постепенно снижаясь в северо-западных регионах страны¹⁶. Но в целом население полуострова росло медленнее, чем в странах Европы с развитой промышленностью. Отставание было заметно и в экономических показателях: в Италии ВВП на душу населения в период 1820–1870 гг. рос на 0,6% в год по сравнению со средним показателем по Западной Европе в 1%¹⁷.

Эмиграция начала активно набирать обороты в 1870-х годах. Объективной сложностью анализа социальных процессов в XIX в. остается слабая статистическая достоверность. Первые данные о крупных зарубежных колониях итальянцев были получены в переписи 1861 г. Системное исследование итальянской эмиграции увидело свет в 1876 г. Несмотря на полуофициальный характер, оно считалась «первой попыткой статистической оценки мобильности жителей полуострова»¹⁸. Таким образом, к началу систематизированного сбора данных миграция уже стала устойчивым явлением.

В итальянском эмиграционном потоке выделялись два ключевых направления — Европа и обобщенная Америка, которые фактически поровну делили между собой накопленный в 1876–1926 гг. объем мигрантов (таблица 1). Но наиболее массовым стало трансатлантическое направление.

Таблица 1

Распределение накопленной численности итальянских эмигрантов по странам в 1876–1915 гг., %¹⁹

США	Аргентина	Бразилия	Канада	Франция	Австро-Венгрия	Швейцария	Германия	Африка
29	13	9	1	12	11	9,5	8,8	1,5

Со временем ориентиры трансатлантической миграции менялись: если с 1876 по 1890 г. основную часть итальянцев принимала Аргентина, то затем до 1897 г. с ней на равных конкурировала Бразилия. Однако с 1898 по 1914 г. большая часть мигрантов отправилась в США. Это объяснялось тем, что «индустриальная система Северной Америки привлекала итальянскую рабочую силу более выгодными условиями труда и уровнем оплаты, чем сельскохозяйственные регионы Южной Америки, где от фермера требовались длительный и терпеливый труд и где денежный эквивалент заработной платы был ниже»²⁰.

Как показывают данные, в объединенном королевстве миграция была преимущественно мужским делом: 87,5% в 1876 г. и 55,3% в 1918 г. Профессиональный состав итальянских мигрантов не был статичным и отражал основные механизмы становления глобализовавшегося рынка труда. На начальном этапе основу потока составляли сельские батраки (*braccianti*) и неквалифицированные работники. До 1903 г. сельскохозяйственные рабочие, пастухи, садовники и другие лица, занятые сельским хозяйством, составляли более 40% эмигрантов. Во время Первой мировой войны и в послевоенный период значительно возросла доля строительных профессий, квалифицированных рабочих и ремесленников. Доля домашней прислуги и лиц, не имевших профессии, также увеличивалась, что было связано с ростом числа женщин-эмигранток, особенно из южных провинций²¹.

¹⁶ Impicciatore R., Rettaroli R. Op. cit. P. 44.

¹⁷ Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris, 2001. P. 186.

¹⁸ Ratti A.M. Italian Migration Movements, 1876 to 1926 // International Migrations. Vol. II. Interpretations / ed. W.F. Willcox. New York, 1931. P. 440.

¹⁹ Составлено по данным: Ardeni P.G., Gentili A. Revisiting Italian emigration before the great war: a test of the standard economic model // Quaderni – Working Paper DSE. 2013. № 907. P. 11.

²⁰ Ratti A.M. Op. cit. P. 450.

²¹ Ibid. P. 454–465.

Трансатлантическую миграцию сопровождал заметный возвратный поток. «Перелетные ласточки», как их называли, демонстрировали способность к динамичной адаптации к изменениям рынка труда. Нередко причиной возвращения домой становились семейные узы, связывавшие с родной страной. Влияние возвратной миграции по-разному проявлялось на местном уровне: «если на северо-востоке, где возвращение поощрялось и поддерживалось, было легче определить положительный эффект, то на юге, где рынок труда все еще характеризовался избыточным предложением рабочей силы, возвращавшиеся мигранты сталкивались с серьезными трудностями в поиске работы. Исследование возвратной миграции из США показало, что 19% вернулись из-за провала миграционного проекта, 40% — из-за достижения поставленных сберегательных целей, 26% вернулись на пенсию и только 16% — с намерением инвестировать в страну происхождения»²².

Рассматривая миграционную активность итальянцев, исследователи отмечают структурное разнообразие состава и направлений. С 1876 по 1886 г. основу эмиграционного потока составляли выходцы с севера Италии, которые напрямую отправлялись в соседние европейские страны. Так, если север страны был тесно связан с европейским и латиноамериканскими направлениями, то эмиграция из южных регионов была в основном трансокеанской. Каждый регион имел свои устоявшиеся каналы движения: «Аргентина и Бразилия принимали заметный процент эмигрантов из северной части Италии — Пьемонта и Венеции, наравне с выходцами южной части полуострова. В то же время в США и Канаду поток шел главным образом с Юга — из Сицилии, Кампании, Абруцци и Калабрии»²³.

Особенностью миграционной динамики в Италии стала значительная внутренняя неоднородность. Так, переселенцы первых двух десятилетий — с 1876 по 1895 г. — не были похожи на тех, кто мигрировал с 1896 по 1915 г. Отправлявшиеся в США не были похожи в экономическом и демографическом плане на тех, кто отправился в Латинскую Америку или в соседнюю Францию. При этом «сегментация по регионам исхода и направлениям мобильности была обусловлена не только дуализмом Север — Юг, но и существованием сегментированных рынков труда и потоков эмиграции. Это проявлялось и в различных мотивах переезда — в высокой доле временной эмиграции и показателях возвращения»²⁴. Важную роль играли условия стран приема, когда возможности освоения новых земель воспринимались как серьезный довод в пользу крупной инвестиции в переселение. По мере исчерпания этого ресурса увеличивалось значение городской промышленной занятости. В этом плане североамериканское направление могло вобрать в себя больший объем средиземноморской миграции. Подобная региональная характеристика связей свидетельствовала о важном влиянии диаспоры, объединявшем выходцев из одного города или провинции. «Сетевой» эффект миграции — важный фактор, влиявший на становление и расширение миграционного потока. Поддержка сообщества помогала организовать переезд, обосноваться на месте и найти работу. Зависимость миграционного потока от объема диаспоры становится самостоятельным фактором, определяющим интенсивность миграции»²⁵.

Действие «выталкивающих» факторов было более сложным, чем простой разрыв в базовых показателях, например уровня безработицы или заработной платы. В начале XX в. интенсивность миграционного потока зачастую не коррелировала с уровнем оплаты труда в стране исхода. Парадоксально, но «по мере того как разница в заработной плате начала уменьшаться, отток населения увеличивался. Итальянская эмиграция выросла с уровня 5 человек на тысячу в 1876 г. до 25 на тысячу в 1913–1914 гг., в то время как разрыв в

²² Del Boca D., Venturini A. Italian migration // IZA Discussion Paper Series. 2003. № 938. P. 16–17.

²³ Ratti A.M. Op. cit. P. 448.

²⁴ Ardeni P.G., Gentili A. Revisiting Italian emigration before the great war: a test of the standard economic model // Quaderni — Working Paper DSE. 2013. № 907. P. 29.

²⁵ Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. М., 2016. С. 56.

заработной плате уменьшился или остался стабильным»²⁶. Такого рода наблюдения делали невозможной абсолютизацию какого-либо единственного фактора в рамках классической push/pull модели. Хотя разрыв в уровнях оплаты труда всегда использовался в качестве одного из важных механизмов формирования мотивации к переезду, важен совокупный эффект воздействия широкого спектра причинно-следственных связей. Каждое небольшое изменение — в демографическом балансе и брачной структуре, в отраслевом распределении занятости, кредитно-денежной системе, политической турбулентности, транспортной системе — все это влияло на миграционную активность.

ИСПАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ В ПЕРИОД ЗАКАТА ИМПЕРИИ

В Испании миграционный исход обрел очертания позднее, чем в Италии. Комплекс условий, сопутствовавших формированию массовой волны, был во многом сходным. В Испании, как и в других странах Европы, постепенно росла численность населения. Так, за XIX в. она увеличилась с 10,6 млн (1797) до 18,6 млн человек (1900)²⁷. Парадоксально, что самых высоких отметок в истории страны рождаемость достигла предположительно в 1858—1870 гг., когда суммарный коэффициент рождаемости составил 4,6 ребенка на одну женщину. Более того, уровень рождаемости в 1861—1864 гг. составлял 39,5 промилле и был одним из самых высоких в Европе. При этом общий уровень смертности испанского населения, несмотря на постепенное снижение, оставался на высоком уровне — более 30 промилле²⁸. В целом позитивная демографическая динамика сопровождалась значительными потерями в войне за независимость против Франции (1808—1814), в ходе карлистских войн 1833—1839 и 1872—1876 гг. Общие потери оценивались в 1 млн человек, к которым можно было добавить 300 тыс. жертв эпидемии холеры, вспышки которой происходили на протяжении всего столетия²⁹. Следствием тяжелых условий была невысокая продолжительность жизни, которая в 1870 г. составляла 29,7 лет. Некоторая стабилизация в сфере безопасности привела к увеличению этого показателя до 34,8 лет к 1900 г.³⁰, тем не менее он отставал от среднего уровня западноевропейских стран — 40 лет³¹. В совокупности основная причина невысокого темпа роста испанского населения во второй половине XIX в. была связана с высокими показателями смертности.

Процесс экономической модернизации начался с большим временным лагом. В 1820—1870 гг. в Испании ВВП на душу населения рос на 0,52% в год, что подчеркивало отставание не только от средних показателей западноевропейских государств, но и от Италии³². Структурные изменения проходили на фоне политической турбулентности и были сопряжены с либеральными прорывами и консервативными откатами. Политическая трансформация, начатая Кадисской конституцией 1812 г., продолжалась на протяжении всего столетия. Важной чертой процесса модернизации оставалась нестабильность базовых юридических условий, где «любое законодательное изменение в период революционных кризисов воспринималось как временное»³³.

Ключевым вопросом были формы владения и управления землей. Первым воплощением борьбы реформистских сил стало появление в 1794 г. «Доклада об аграрном законе» Гаспара Ховельяноса. Этот текст вдохновлял законодателей следующего столетия. Аграрная реформа, обозначенная в конституциях 1837 и 1845 гг., растянулась на два десятилетия. Она привела к демонтажу режима сеньориальных прав, отмене майората, новому

²⁶ Ardeni P.G., Gentili A. Op. cit. P. 6.

²⁷ Estadísticas históricas de España: siglos XIX–XX. Bilbao, 2005. P. 124.

²⁸ Ibid. P. 80, 95.

²⁹ История Испании. Т. 2. От Войны за Испанское наследство до начала XXI века. М., 2014. С. 347.

³⁰ Estadísticas históricas... P. 86.

³¹ Ibid. P. 85.

³² Maddison A. Op. cit. P. 186.

³³ История Испании. С. 349.

законодательству о договорах и аренде, ликвидации Месты³⁴ и, как следствие, налоговой реформе в 1845 г.³⁵ Важным шагом стала масштабная деамортизация³⁶, затронувшая статус земель церковного и гражданского владения, давшая собственникам право свободного распоряжения землей. Уже к 1844 г. оказалось распродано 3/5 церковных владений³⁷. Несмотря на то что реформа была направлена на изменение структур, унаследованных от старого режима, отправной точкой реформ являлось негласное соглашение между аристократией и буржуазией, которая «имела бы свободный доступ к земельной собственности, жертвуя интересами крестьянства, которое во многих случаях яростно выражало свое несогласие»³⁸. Для крестьян отмена «сеньориальных прав привела к ликвидации огромного числа арендуемых участков земли и положила начало массовому обезземеливанию и пролетаризации крестьянства»³⁹. Тяжелые условия аренды вели к росту задолженности и утрате участков: к концу 1860-х годов безземельное крестьянство составляло 36% населения. В провинциях Кадис и Севилья доля сезонных сельскохозяйственных рабочих достигала 72%⁴⁰.

Несмотря на постепенный процесс модернизации, в стране преобладало сельское население. Социально-профессиональная структура отражала неравномерность и отставание промышленного развития. В период с 1870 по 1910 г. общая численность работающего населения Испании находилась в диапазоне 7,16–7,55 млн, из которых около 5–5,14 млн приходилось на первичный аграрный сектор. Занятое в нем трудоспособное мужское население оставалось стабильным на уровне 66%, в то время как доля промышленных рабочих составляла 14,4%, а относящихся к сфере услуг – 13,5%⁴¹. Это соотношение оставалось фактически неизменным вплоть до 1920 г. Несмотря на стабильное соотношение структуры занятости, постепенно развивался процесс внутренней миграции и урбанизации. Он выражался в быстром росте крупнейших городских агломераций, прежде всего Мадрида, Барселоны, Валенсии. К 1900 г. население Барселоны достигло 612 тыс. человек, Мадрида – 535 тыс., увеличившись с 1787 г. в 6 и 3 раза соответственно⁴². Остальные города также демонстрировали динамичный рост, но в абсолютных величинах они не достигли значений, сопоставимых с ведущими экономическими и политическими центрами страны. Именно в городах шел рост среднего класса, однако эта категория была неоднородна, она постепенно расширялась за счет чиновничества и других профессиональных групп. Тем не менее большая часть испанцев проживала преимущественно в сельской местности или в малых городах.

В конце XIX – начале XX в. Испания оставалась страной с плохо модернизированной аграрной экономикой и страдала от частых кризисов в сельском хозяйстве. Аграрный рост сдерживался двумя взаимосвязанными факторами: с одной стороны, крестьяне не обладали имуществом и сбережениями, стимулирующими к внедрению инноваций, а с другой – крупные собственники при наличии обильной и дешевой рабочей силы не были

³⁴ Места (Mesta) – влиятельная ассоциация дворян-овцеводов, основанная в XIII в. в Кастилии, защищавшая привилегированные права владельцев домашнего скота.

³⁵ Estadísticas históricas... P. 247.

³⁶ Деамортизация (desamortización) – принудительная продажа наследного недвижимого имущества в Испании, находившегося под защитой феодального права. Деамортизация распространялась на владения церкви, знати и общинные земли.

³⁷ История Испании. С. 351.

³⁸ Estadísticas históricas... P. 247.

³⁹ Ивлева Т.Н. Эволюция аграрной политики Испании // Латинская Америка. 2005. № 9. С. 31.

⁴⁰ История Испании. С. 368.

⁴¹ Estadísticas históricas... P. 150; Robledo R. Todo era América: Despoblación rural y políticas de inmigración (1850–1930) // Mundo Agrario. 2010. Vol. 10. № 20. P. 3–4.

⁴² Estadísticas históricas... P. 489.

заинтересованы в такой модернизации⁴³. Аграрный комплекс не был способен обеспечивать достаточную занятость в деревне и порождал сельскохозяйственную безработицу, являвшуюся фактором вытеснения населения. Процессы внутренней мобильности существенно влияли на постепенную депопуляцию сельских районов. Хотя начавшаяся индустриализация требовала притока рабочей силы, она не могла поглотить излишек рабочей силы из деревни, создавая условия для внешней миграции.

Территориальная проекция миграционного исхода испанцев была неравномерной. Наиболее высокая активность наблюдалась в северной части Иберийского полуострова. На первом месте по числу эмигрантов была Галисия (41,8% от общего числа). Такое доминирование привело к тому, что во многих латиноамериканских странах слово «галисийский» стало синонимом испанского, всего, что происходило с Иберийского полуострова. С заметным отставанием за Галисией следовали Кастилия–Леон с 12,4%, Андалусия с 9,7% и Астурия с 9,10%. Интенсивность миграции, вычисляемая на 1000 жителей, также отличалась по регионам: наибольшая интенсивность мобильности наблюдалась на севере – в Галисии (13,3%) и Астурии (11,4%), а также на Канарских островах (8,8%)⁴⁴.

В отличие от Италии, базовая форма внешней мобильности в Испании была связана с трансатлантической миграцией в Латинскую Америку. Ее количественная оценка имела свою специфику, связанную с тем, что она велась с 1882 г. и основывалась на данных о морских пассажиропотоках. Исследовательница истории миграции Б. Санчес Алонсо отмечает, что в подсчете объема потока, «речь шла о статистике пассажиров по морю, а не об эмиграции как таковой»⁴⁵. Сравнивая результаты испанской статистики в 1895–1913 гг. с данными латиноамериканских стран, она отмечала недооценку потока с испанской стороны. Несмотря на такие ограничения, можно отметить, что самые высокие показатели испанской эмиграции относятся к периоду 1905–1914 гг. За эти 10 лет из страны уехало от 1,5 до 2 млн испанцев, что составило около 12% от общего числа европейских эмигрантов, покинувших континент за тот же период (в этом потоке итальянцы и британцы составляли около 50%)⁴⁶. В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, доля испанцев в межконтинентальной миграции оказывалась намного выше ее показателей в XIX в.⁴⁷

Основу миграционного потока составляли молодые одинокие мужчины: 83% потока были мужчинами в возрасте от 14 до 60 лет, но основную часть составляли молодые люди от 15 до 19 лет. Это явилось следствием высокой доли временной миграции («перелетных ласточек»), связанной с сезонной работой в сельской местности. В отличие от мужчин, женщины отправлялись за океан в более старшем возрасте, что было связано с необходимостью вступления в брак, а также тем, что эмансипация наступала после 25 лет. Большая часть одиноких эмигранток выходила замуж в Америке за своих соотечественников и редко возвращалась в Испанию, чтобы выйти замуж. Напротив, мужчины для вступления в брак обычно возвращались на родину⁴⁸. В целом для испанской миграции было характерно активное возвратное движение: из общего числа этих мигрантов 57% вернулись в Испанию⁴⁹.

В период с 1882 по 1930 г. две трети из тех, кто при посадке на корабль обозначал свою профессию, были фермерами. За ними следовали работники торговли и транспорта. Профессиональный состав зависел не столько от запроса на рабочую силу в стране

⁴³ *Clar E., Martín-Retortillo M., Pinilla V. Agricultura y desarrollo económico en España, 1870–2000 // Documentos de Trabajo, DT–SEHA. 2015. № 1503. P. 4.*

⁴⁴ *La emigración española en América: historias y lecciones para el futuro / coord. M.A. Sallé Alonso. Madrid, 2009. P. 25.*

⁴⁵ *Sánchez Alonso B. Una nueva serie anual de la emigración española: 1882–1930 // Revista de Historia Económica. 1990. № 1. P. 134.*

⁴⁶ *Willcox W.F. International migrations. Vol. 1. Statistics. New York, 1929. P. 230–232.*

⁴⁷ *Ibid. P. 132–136; Estadísticas históricas... P. 92.*

⁴⁸ *La emigración española... P. 18–19.*

⁴⁹ *Ibid. P. 14.*

назначения, сколько от предложения на испанском рынке труда того времени. По мнению исследователей, уровень образования, прежде всего грамотности, у мигрантов был выше, чем в среднем по стране. Многие умели читать, что связывали с молодым возрастом мигрантов и необходимостью подготовки проекта переезда — перепиской, оформлением документов. По прибытии это позволяло им занимать рабочие места в торговле и промышленности⁵⁰.

В континентальных латиноамериканских государствах активную роль играли миграционные агентства по контрактации работников. Их целью являлось стимулирование переселения и создания сельскохозяйственных колоний⁵¹. Наибольшие результаты были достигнуты в Аргентине и Бразилии. В этих странах имелись финансовые ресурсы, а также юридические и финансовые механизмы в виде освобождения от налогов, особенно для занятий сельским хозяйством, оплаты проезда, временного размещения, земельных концессий и т.д. Другие меры, принимаемые для привлечения мигрантов, касались осуществления конституционных гражданских прав (доступ к собственности, свобода вероисповедания, натурализация). Все это привлекало крестьян и фермеров к переселению в эти страны. Так, «освоение пространства пампы в южной части региона Буэнос-Айреса произошло в результате позднего ввода этих земель на рынок в связи с прибытием выходцев из провинции Кастилия—Леон, специализировавшихся на выращивании зерновых культур. По мере истощения запаса государственных земель на пике массовой иммиграции переселенческое движение расширялось преимущественно за счет городской занятости»⁵².

Как и в случае с Италией, устоявшиеся каналы мобильности стали функционировать как самоподдерживающаяся система. В ней действие классических «выталкивающих» факторов утрачивало свою однозначную очевидность. «Хотя испанская эмиграция была обусловлена низким уровнем жизни, по мере роста доходов интенсивность миграции увеличивалась. Рост подушевого дохода облегчил некоторым группам населения финансовое бремя расходов на переезд. Таким образом, Испания конца XIX — начала XX в. стала ярким примером позитивной связи между повышением благосостояния и ростом темпов эмиграции», — отмечала Б. Санчес Алонсо⁵³.

Важным импульсом для усиления выездных настроений стало закрепление свободы эмиграции в конституции 1869 г. Отмена ограничений стимулировала выездную мобильность. Согласно данным статистики в период с 1885 по 1904 г. основными направлениями для выезда были Аргентина, Куба и Бразилия. В общей сложности в этот период испанская эмиграция составила 977,5 тыс. человек. С 1905 по 1914 г. эти три страны сохранили доминирование с некоторым изменением в долевом соотношении (таблица 2). Максимальные значения исхода были показаны в 1907—1914 гг., суммарно они составили около 1344,2 тыс. человек⁵⁴. Остальные страны принимали незначительное число испанцев в означенный период.

Таблица 2

Основные направления эмиграции из Испании, %⁵⁵

	Аргентина	Бразилия	Куба	Другие страны
1905	47,3	17,1	31,1	4,5
1914	54,7	13	23,9	8,4

⁵⁰ Ibid. P. 20, 21.⁵¹ Redondo Carrero E. La colonización rural con inmigrantes en Argentina a mediados del siglo XX: Un efímero impulso desarrollista alentado por el CIME // Revista de Indias. 2017. № 271. P. 824.⁵² Robledo R. Op. cit. P. 21.⁵³ Sánchez Alonso B. La época de las grandes migraciones: desde mediados del siglo XIX a 1930 // Mediterráneo Económico: Procesos migratorio, economía y personas. 2002. № 1. P. 25.⁵⁴ Pérez Acevedo M. Migración española hacia América desde la perspectiva de la Cartilla del Emigrante (1910) // Historia y Memoria. 2017. № 15. P. 178—179.⁵⁵ Составлено по данным из статьи М. Переса Асеведо (см. прим. 55).

Трансформация испанской колониальной системы сформировала в метрополии парадоксальный сплав разных режимов миграционной политики. С одной стороны, завоевание независимости континентальными латиноамериканскими государствами дало старт новому этапу мобильности, основанному на свободном выборе направления миграции. С другой стороны, сохранение Кубы в качестве последнего оплота империи продлило функционирование колониального типа миграций, что выражалось в целенаправленной политике расселения и милитаризации миграционного потока⁵⁶. Как следствие, на протяжении всего XIX в., особенно в последней его четверти, параллельно развивались сопоставимые по объему два потока с принципиально различной юридической и организационной рамкой.

Будучи территорией значительно меньшей в сравнении с государствами Южной Америки, на излете колониальной эпохи Куба притягивала около половины миграционного потока⁵⁷. Поздний колониальный период второй половины XIX в. был сопряжен с масштабным расширением сахарного производства и противодействием борьбе за независимость острова. Это усиливало милитаризованную составляющую передвижения людей из метрополии в островную колонию. Так, «за 30 лет с 1868 по 1898 г. из Испании на Кубу прибыли около 465 тыс. гражданских лиц и 535 тыс. военных, из которых около 700 тыс. окончательно осели на острове»⁵⁸.

На рубеже XIX–XX вв., когда поражение в испано-американской войне 1898 г. завершило распад империи, миграционная жизнь на острове активно развивалась. Отличительной чертой было значительное присутствие выходцев с Канарского архипелага, среди которых было много предпринимателей, торговцев, ремесленников или городских промышленников, чиновников, солдат⁵⁹.

Распад империи завершил длительный период колонизационной мобильности в Испании. Дальнейшую динамику определяли социально-экономические мотивы и политика принимающих государств.

* * *

Обобщая результаты проведенного исследования миграционного движения в Италии и Испании в XIX в., можно отметить его сложную структуру и отсутствие прямой зависимости между ключевыми социально-экономическими, демографическими и политическими характеристиками и интенсивностью миграционных потоков. Несмотря на то что в странах Южной Европы численность населения росла медленнее, чем в ее западной части, эти две страны внесли важный вклад в процесс массового трансатлантического перемещения населения. Демографический фактор стал важным условием роста миграционного потока. Значимое влияние оказывала политическая нестабильность. В Италии процесс болезненного объединения привел к противостоянию аграрного Юга и индустриализированного Севера. В Испании карлистские войны и турбулентность политических режимов усугубляли социальные проблемы.

Процесс модернизации в Южной Европе проходил со значительным отставанием, что сохраняло доминирование сельского уклада. Хотя в обеих странах проводились аграрные реформы, ни одна из них не укрепила земельладельческих прав крестьян. Сельское хозяйство оставалось ключевой отраслью экономики и сферой приложения труда подавляющего числа экономически активного населения. Доминирование сельского уклада вело к сохранению малопродуктивного труда и застойной бедности. Очевидным

⁵⁶ Кудярова Н.Ю. Испания — Куба: постколониальная миграционная трансформация // Латинская Америка. 2018. № 8. С. 66.

⁵⁷ Там же. С. 67.

⁵⁸ La Habana. De Colonia a Metrópoli. Madrid, 2007. P. 100.

⁵⁹ Santamaría García A. Una historia distinta, una historiografía diferenciada. Estudios recientes de los canarios en Cuba (1800–1930) // Migraciones y Exilios. 2004. № 4. P. 116.

следствием консервации отсталости стала активизация миграционного оттока из моноотраслевых районов. Демографический рост стимулировал отток людей из села из-за избытка рабочих рук и недостаточных возможностей для трудоустройства, а расширение внутренней миграции предшествовало трансокеанской мобильности.

Рассмотренные примеры Италии и Испании отмечает структурное сходство внутренних причин массовой миграции, но отличает география выбранных направлений переселения. Так, выходцы из северной части Италии в основном ориентировались на государства Европы и Латинской Америки, в то время как южане — на США. Испанцы осуществляли свой выбор в иной политической ситуации: в период заката империи сосуществовали два типа мобильности — колониальный, ориентированный на Кубу, и свободный экономический, связанный с независимыми южноамериканскими государствами. На этом фоне испанцы отправлялись почти исключительно в страны Латинской Америки и лишь незначительная часть — в США.

Классическая модель анализа миграционного движения, основанная на действии «выталкивающих» и «притягивающих» факторов, лишь отчасти помогает установить причины массового исхода из Южной Европы. Очевидно, что нерешенность аграрного вопроса, рост численности населения и отставание модернизации усиливали действие «выталкивающих» факторов. В то же время в новых государствах Латинской Америки и США многие видели для себя новые возможности.

Библиография / References

- Грамши А. Монархическая традиция // Грамши А. Избранные произведения. Т. 1. М., 1957. С. 422–426.
- Ивлева Т.Н. Эволюция аграрной политики Испании // Латинская Америка. 2005. № 9. С. 30–41.
- История Испании. Т. 2. От Войны за Испанское наследство до начала XXI века / отв. ред. О.В. Волюсюк. М., 2014.
- История Италии. Т. 2 / отв. ред. С.Д. Сказкин. М., 1970.
- Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. М., 2016.
- Кудеярова Н.Ю. Испания — Куба: постколониальная миграционная трансформация // Латинская Америка. 2018. № 8. С. 63–76.
- Кудеярова Н.Ю. Эпоха массовых миграций в Латинской Америке: глобализация vs локализация // Латинская Америка. 2017. № 2. С. 76–91.
- Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. СПб., 2010.
- Collier P. Iskhod: kak migratsiia izmeniaet nash mir [Exodus: How Migration is Changing Our World]. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Gramsci A. Monarkhicheskaia traditsiia [Monarchical Tradition] // Gramsci A. Izbrannye proizvedeniia [Selected Works]. Moskva, 1957. S. 422–426. (In Russ.)
- Istoriia Ispanii. T. 2. Ot Voyny za Ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka [History of Spain. Vol. 2. From the War of the Spanish Succession to the beginning of the 21st century] / отв. ред. О.В. Волюсюк. Moscow, 2014. (In Russ.)
- Istoriia Italii [History of Italy]. T. 2. / отв. ред. S.D. Skazkin. Moskva, 1970. (In Russ.)
- Iyleva T.N. Jevolvuciya agrarnoy politiki Ispanii [Evolution of the Spain agrarian policy] // Latinskaya Amerika [Latin America]. 2005. № 9. S. 30–41. (In Russ.)
- Kudeyarova N.Yu. Epokha massovykh migratsii v Latinskoy Amerike: globalizatsiya vs lokalizatsiya [The Mass Migration Epoch in Latin America: globalization vs. localization] // Latinskaya Amerika [Latin America]. 2017. № 2. S. 76–91. (In Russ.)
- Kudeyarova N.Yu. Ispaniya — Kuba: postkolonial'naya migratsionnaya transformatsiya. [Spain — Cuba: postcolonial migration transformation] // Latinskaya Amerika [Latin America]. 2018. № 8. S. 63–76. (In Russ.)
- Livi Bacci M. Demograficheskaia istoriia Evropy [Demographic history of Europe]. Sankt-Peterburg, 2010. (In Russ.)
- Ardeni P.G., Gentili A. Revisiting Italian emigration before the great war: a test of the standard economic model // Quaderni — Working Paper DSE. 2013. № 907. P. 1–38.
- Impicciatore R., Rettaroli R. 150 years of official population statistics in Italy // Genus. 2012. Vol. LXVIII. № 3. P. 43–62.
- La emigración española en América: historias y lecciones para el futuro / coord. Sallé M.A. Alonso. Madrid, 2009.
- La Habana. De Colonia a Metrópoli / ed. Ponce Herrero G. Madrid, 2007.

La población de Argentina. CICRED – INDEC, Serie Investigaciones Demográficas. № 1. Buenos Aires, 1975.

Lee E. Theory of Migration // *Demography*. 1966. № 3. P. 47–57.

Maddison A. The World Economy: a Millennial Perspective. Paris, 2001.

Moss L.W., Cappannari S.C. Estate and Class in a South Italian Hill Village' // *American Anthropologist*. 1962. № 64 (2). P. 287–300.

Pérez Acevedo M. Migración española hacia América desde la perspectiva de la Cartilla del Emigrante (1910) // *Historia y Memoria*. 2017. № 15. P. 169–201.

Ratti A.M. Italian Migration Movements, 1876 to 1926 // *International Migrations*. Vol. II. Interpretations / ed. W.F. Willcox. New York, 1931. P. 440–470.

Redondo Carrero E. La colonización rural con inmigrantes en Argentina a mediados del siglo XX: Un efímero impulso desarrollista alentado por el CIME // *Revista de Indias*. 2017. № 271. P. 823–851.

Ribas Mateos N. Una invitación a la sicosociología de las migraciones. Barcelona, 2004.

Robledo R. Todo era América: Despoblación rural y políticas de inmigración (1850–1930) // *Mundo Agrario*. 2010. Vol. 10. № 20. P. 1–27.

Sánchez Alonso B. La época de las grandes migraciones: desde mediados del siglo XIX a 1930 // *Mediterráneo Económico: Procesos migratorio, economía y personas*. 2002. № 1. P. 19–32.

Sánchez Alonso B. Una nueva serie anual de la emigración española: 1882–1930 // *Revista de Historia Económica*. 1990. № 1. P. 133–170.

Santamaría García A. Una historia distinta, una historiografía diferenciada. Estudios recientes de los canarios en Cuba (1800–1930) // *Migraciones y Exilios*. 2004. № 4. P. 115–132.

Vidal Rodríguez J.A. La inmigración española en Cuba durante la primera ocupación militar norteamericana (1899–1902): El control del mercado laboral // *Migraciones y Exilios*. 2004. № 4. P. 31–49.

DOI: 10.31857/S013038640020835-6

© 2023 г. О.В. ЗАИЧЕНКО

**«РУССКИЙ ШПИОН» ШВЕЙЦЕР: ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ
БИОГРАФИИ. АГЕНТ ВЫСШЕЙ ВОЕННО-СЕКРЕТНОЙ ПОЛИЦИИ
В ВАРШАВЕ (1819–1831)**

Заиченко Ольга Викторовна — кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9511-8818

Аннотация. В начале 30-х годов XIX в. для ведения политической и информационной борьбы с польскими эмигрантами и европейской оппозицией началось формирование на базе Третьего отделения российской внешней разведки как единой государственной службы с разветвленной агентурной сетью. У ее истоков стоял руководитель русской резидентуры в Германии с 1833 по 1839 г. барон Карл Фердинандович фон Швейцер. Созданная им структура, а также внедренные формы и методы агентурной работы оказали большое влияние на последующее развитие спецслужб в России. При этом до сих пор почти ничего не известно об этом человеке. Мы не знаем даже его настоящего имени и даты рождения. Еще при жизни он окружил себя тайной. Прежде всего это касается первого периода, связанного со службой в Высшей военно-секретной полиции в Варшаве в 1820-х годах. Не имея прямых подтвержденных свидетельств его жизни и деятельности, мы попытаемся впервые в историографии на основе косвенных данных восстановить обстоятельства биографии и службы Швейцера в тайной полиции наместника Польши до 1831 г. На примере агентурной работы Швейцера мы постараемся реконструировать конкретные формы построения русской службы внешней разведки, методы конспирации, вербовки, слежки, аналитической обработки полученной информации. В статье также приводятся примеры наиболее успешных операций, в которых участвовал агент. За основу исследования будут взяты архивные документы Третьего отделения и Высшей военно-секретной полиции в Варшаве, а также воспоминания современников и публикации в изданиях польской эмиграции.

Ключевые слова: барон фон Швейцер, Российская империя, Царство Польское, Германия, внешняя разведка, Высшая военно-секретная полиция, спецслужбы, государственная безопасность, агентура, разведка, разведчики, Германия, Германский союз, Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

O.V. Zaichenko

“Russian Spy” Schweitzer: An Attempt at Biography Reconstruction. Agent of the High Military Secret Police in Warsaw (1819–1831)

Olga Zaichenko, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9511-8818

Abstract. In the early 1830s, in order to wage a political and information war on Polish emigrants and the European opposition, the formation of Russian foreign intelligence as a unified state service with an extensive network of agents on the basis of the Third Section began. The head of the Russian residence

in Germany from 1833 to 1839, Baron Karl Ferdinandovich von Schweitzer, was one of its founders. The structure he created, as well as the forms and methods of intelligence work he put in place, had a major impact on the subsequent development of the security services in Russia. However, little is still known about the man. Even his real name and date of birth remain unknown to scholars. He surrounded himself with secrecy already during his lifetime. This applies first and foremost to the first period of it, associated with his service with the Higher Military Secret Police in Warsaw in the 1820s.

In the absence of direct evidence of his life and work, the author attempts to reconstruct the circumstances of Schweitzer's biography and service in the secret police of the Viceroy of the Kingdom of Poland up to 1831, based on circumstantial evidence. Using the example of Schweitzer's undercover work, the author attempts to reconstruct the structure of the Russian foreign intelligence service, methods of conspiracy, recruitment, surveillance and analytical processing of the information obtained. The article also provides examples of the most successful operations in which the agent, who at that time bore the name of de Schwegrois, was involved.

The study draws on archival documents of the Third Section and the Higher Military Secret Police in Warsaw, as well as memoirs of contemporaries and publications in the Polish émigré press.

Keywords: Baron von Schweitzer, Russian Empire, Kingdom of Poland, Germany, foreign intelligence, Higher Military Secret Police, special services, state security, agents, intelligence, intelligence agents, Germany, German Confederation, Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.

Все, кто когда-либо интересовался проблемой становления российской внешней разведки, сталкивался в архивных документах Третьего отделения с отчетами барона Карла Фердинандовича фон Швейцера, выполнявшего «деликатные поручения разведывательного рода»¹ правительств России и Австрии на территории Германского союза в 1820—1840-е годы. Все, что нам известно об этом человеке, можно уместить в паре абзацев, причем сведения касаются второй половины его жизни, начиная с 1830-х годов. Мы знаем с большой долей достоверности, что с 1833 по 1839 г. (согласно другой версии — по 1837 г.) он возглавлял шпионскую резидентуру Третьего отделения в Германском союзе и вплоть до 1844 г. в качестве зарубежного агента оставался в штате русской тайной полиции под началом графа А.Х. Бенкендорфа. Вместе с тем в исследованиях по истории спецслужб лишь скупо упоминается, что свою разведывательную деятельность на благо России он начал еще в 1820-х годах. Однако об этом этапе его карьеры ничего не известно, за исключением того, что Швейцер был зачислен в штат Третьего отделения между 1832 и 1833 гг. после службы в канцелярии наместника Царства Польского в Варшаве. По некоторым данным с конца 1820-х годов он был секретарем Великого князя Константина Павловича².

На разрозненную информацию об этом малоизвестном периоде жизни русского агента Швейцера мы случайно натолкнулись при изучении реакции немецкой прессы на восстание в Польше в 1830—1831 гг. Польская эмиграция начинала публикацию документов о работе тайной полиции Великого князя Константина Павловича, где среди сотрудников ведомства внешней разведки упоминается некто Швейцер (Швейцер де Швейгруа), и вплоть до польского восстания в ноябре 1830 г. он оставался одним из самых эффективных тайных агентов Высшей военно-секретной полиции в Варшаве. Причем о результативности работы Швейцера в его «варшавский» период мы узнаем, прежде всего, от пострадавшей стороны: из разоблачений польской эмиграции и бывших членов тайных патриотических организаций, в разгроме которых не последнюю роль сыграли его донесения. Слежка за

¹ Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование: в 2-х т. Т. 2. СПб., 1903. С. 710.

² Черкасов П.П. Третий человек в Третьем отделении. Адам Сагтынский — первый шеф российской внешней разведки // Родина. 2007. № 9. С. 56—62; *Его же*. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791—1867 гг.). М., 2008. С. 174, 176—178; *Его же*. Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. М., 2015. С. 128—129; Абакумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. С. 187; Бибилов Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 318—319, 321—323.

членами студенческих корпораций и представителями польской оппозиции в германских землях была одной из основных сфер его деятельности в 1820-е годы.

Несмотря на активность, Швейцеру удавалось оставаться в тени вплоть до 1831 г., когда сведения о нем как о «русском шпионе» впервые появились в немецкой прессе. Во время штурма Бельведерского дворца наместника Царства Польского Великого князя Константина Павловича в руки польских повстанцев попали секретные документы из агентурного архива полковника фон Засса, брошенные русской администрацией во время поспешного бегства. Уроженец Курляндии, потомственный военный, входивший в ближний круг Великого князя, барон Петер Георг Отто (больше известный как Петр Андреевич или Петр Егорович) фон Засс (1779–1830) более 10 лет, наряду с генералом Александром Рожнецким, курировал внешнюю военную разведку Великого князя Константина и погиб в первый день восстания. Среди обнаруженных материалов находились донесения из Германии, Швейцарии и Франции его доверенного лица – Швейцера де Швегруа, обосновавшегося на тот момент в Дрездене. Часть захваченного архива была опубликована в европейской прессе, и разразился скандал, который, казалось бы, должен был навсегда покончить с его карьерой тайного агента и репутацией приличного человека. В европейском массовом сознании восставшие поляки однозначно воспринимались как жертвы «русской системы террора и преследований», частью которой был объявлен Швейцер де Швегруа³. После огласки либеральное издание *Die Konstitutionelle Deutschland* предложило Верховному суду Саксонии начать следствие по делу Швейцера⁴, а радикально настроенный публицист Гарро Гарринг призвал к моральной казни «предателя и шпиона», если из-за соображений гуманности его нельзя казнить физически⁵. Имя Швейцера было внесено Союзом польских повстанцев в список разыскиваемых русских шпионов⁶. Он был публично объявлен «врагом польского народа» и осужден заочно⁷. В целях собственной безопасности в 1832 г. Карл Фридрих де Швегруа срочно покинул Германию, а через некоторое время появился в Петербурге под именем курляндского барона Карла Фердинандовича фон Швейцера, коллежского советника, чиновника для особых поручений Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Именно в этом качестве с 1833 г. барон упоминается в ежегодных месяцесловах и адрес-календарях чинов придворного штата Российской империи⁸. Таким образом, 1831 г. стал водоразделом в судьбе Швейцера, что позволяет нам рассматривать эту дату как временной рубеж первого периода его жизни.

Швейцер был не единственным, кто после создания Германского союза в 1815 г. был объявлен немецкой прессой русским шпионом с далеко идущими последствиями. Да и поднявшаяся в печати после польского восстания 1830 г. волна русофобии и шпиономании не была чем-то новым для немецкого массового сознания. В 1818 г. аналогичные обвинения были предъявлены дипломату и писателю Александру Стурдце (1791–1854). А менее чем через год популярный немецкий драматург Август фон Коцебу (1761–1819), также объявленный «русским шпионом» и «предателем Отечества», был убит студентом-теологом Карлом Людвигом Зандом⁹.

³ Hube M. Russisches Schreckens- und Verfolgungs-System sowie die in Preußen begonnene Nachahmung desselben. Paris, 1832.

⁴ (Anonym.) Spionage-Echo auf die polnischen Ereignissen // *Die Konstitutionelle Deutschland*. 1831. № 39. S. 612.

⁵ Harro. Das unreine Gewissen. Ein sonderbar Ding // *Der Komet*. 1831. № 75. S. 597–600.

⁶ Liste gesuchter Spione // *Polak Sumienny*. 1831. № 179. S. 344

⁷ Polen (Bericht über Zitierung von Spionen vor ein polnisches Gericht) // *Der Korrespondent von und für Deutschland*. 1831. № 234. S. 1492.

⁸ Месяцеслов и общий штат Российской империи на (1831–1842). СПб., 1830–1842. 1833. С. 26; 1837. С. 34; 1838. С. 30; 1840. С. 28; 1841. С. 18; 1842. С. 19; Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1843 год. СПб., 1843. С. 13; 1844. С. 12.

⁹ Заиченко О.В. Август фон Коцебу: история политического убийства // *Новая и новейшая история*. 2013. № 2. С. 177–191.

Однако если об Александре Стурдзе, а также об Августе фон Коцебу мы знаем почти все, в том числе то, что никакой разведывательной деятельностью в пользу России они не занимались, то барон фон Швейцер продолжает оставаться загадкой для историков по сию пору. В историографии отсутствует какая-либо точная информация о нем, особенно о первом этапе его жизни. Нет единого мнения относительно его подлинного имени. Мы не знаем, как он выглядел, почти не знаем обстоятельств его жизни и смерти. Нет даже точной даты его рождения.

Скудные сведения об этом удивительном человеке, которые нам удалось найти и систематизировать, носят мозаичный характер, и отдельные фрагменты противоречат друг другу. Еще при жизни он сделал все, чтобы скрыть правду, окружив себя мистификациями и тайнами. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) сохранились секретные донесения и отчеты Швейцера за период с 1823 по 1844 г. о состоянии дел в германских государствах и сопредельных странах¹⁰, но отсутствуют какие-либо материалы личного характера. Нам даже не удалось обнаружить его формулярный (послужной) список, который мог бы пролить свет на биографию таинственного барона, сыгравшего не последнюю роль в становлении российских разведывательных спецслужб в Европе.

В представленной статье мы постараемся на основе косвенных свидетельств максимально восполнить этот пробел, остановившись более подробно на наименее известном периоде жизни барона фон Швейцера — годах его службы в Варшаве в Высшей военно-секретной полиции до польского восстания 1830 г. Для этого будут проанализированы материалы из архива Третьего отделения за 1823—1830 гг., представляющие собой сохранившуюся часть отчетов Швейцера, адресованных полковнику П.А. Зассу и начальнику Генерального штаба генералу Д.Д. Куруте, предоставленных для ознакомления в ведомство Бенкендорфа. Кроме того, для восстановления официальной версии жизнеописания Швейцера будут использованы обнаруженные нами биографические очерки к собраниям сочинений поэта Карла Фридриха фон Швейцера; некрологи, написанные по случаю его смерти; информация, почерпнутая из полнейшей антологии немецкой поэзии, составленной Карлом Гёдеке, свидетельств современников и главное — документов из архива Высшей военно-секретной полиции Царства Польского, опубликованных в европейских изданиях польской эмиграции в начале 1830-х годов.

Начнем с реконструкции официальной биографии нашего героя. Оставаясь всю жизнь кадровым разведчиком, организатором и главой русской резидентуры в Германском союзе, барон Швейцер вел двойную жизнь, создавая долгие годы миф о себе самом. На закате карьеры он был известен современникам как немецкий аристократ, светский человек, благотворитель, собиратель предметов искусства и поэт «искреннего чувства, ясности ума и мастерства формы». Именно так описывают его некрологи¹¹, составленные друзьями по случаю внезапной кончины барона в Кёльне в страстную пятницу 2 апреля 1847 г. от сердечного приступа. За несколько дней до смерти он приехал в Кёльн для переговоров с издателем по поводу публикации сборника своих эпиграмм. Из некрологов мы знаем, что при жизни и посмертно были изданы два сборника стихов Швейцера, снабженные вступительными статьями с краткой биографией автора¹². Соединив все данные, полученные из некрологов и преамбул к сочинениям Швейцера, нам удалось воссоздать в общих чертах его официальную, наполовину вымышленную биографию, которая лишь

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 109. Опись 4а. Секретный архив Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Рубрика описи: Политическое положение иностранных государств по донесениям агентов III Отделения. Швейцер. Д. 214—305.

¹¹ Todesmeldung // Allgemeine Zeitung. 8.IV.1847. № 98. S. 782; Nekrolog // Schwäbischer Merkur. 10.IV.1847. № 97. S. 386; Neuer Nekrolog der Deutschen... / von Friedrich August Schmidt, Bernhardt Friedrich Voigt. Fünfundzwanzigster Jahrgang, Teil 2. 1847. Weimar, 1849. S. 905.

¹² Gedichte von Freiherrn von Schweizer. Stuttgart, 1845; (Anonym.) Welt und Zeit. Aus dem Nachlaß eines russischen Diplomaten / Hrsg. von L. Schücking. Berlin, 1855.

частично пересекается с подлинной. Более внимательное изучение этих публикаций также наводит на мысль, что он стремился скрыть некоторые факты своей жизни не только из-за соображений конспирации.

Надо заметить, что все три исследованных нами некролога, которые, как правило, составлялись ближайшими родственниками и друзьями, чтобы оставить потомкам наиболее подробное жизнеописание усопшего, в случае Швейцера оказались совершенно неинформативными. В них отсутствовали какие-либо подробности жизни покойного, за исключением нескольких часов перед кончиной. Не было указано ни одной точной даты, кроме даты смерти. Даже дата рождения была дана приблизительно: «около 1797 г.». За основу всех трех текстов бралась единственная прижизненная краткая биография из предисловия к томику стихов 1845 г.

Швейцер происходил из аристократической семьи переселенцев из Швейцарии; в молодости, получив хорошее образование, служил в русской армии, затем перешел на госслужбу и долгие годы находился в свите императора России в качестве референта личной канцелярии, занимаясь прошениями на имя государя. По «особому желанию князя Меттерниха» Швейцер на несколько лет был прикомандирован к русскому посольству в Вене, а затем вновь получил назначение в Петербург на руководящую должность в «высшее цензурное ведомство, что, впрочем, противоречило его наклонностям». Наконец, «поскольку климат в России уже не подходил к его ослабленному здоровью», он вышел в отставку в чине статского советника, кавалера ордена Святого Владимира II степени и «уединенно» поселился в Штутгарте «в окружении со вкусом подобранной коллекции картин и произведений искусства»¹³.

Семьи у барона никогда не было. Как сказано в *Neuer Nekrolog der Deutschen*: «Он шел в одиночестве по жизни и был один, когда смерть закрыла ему глаза»¹⁴. Таким образом, все обстоятельства шпионского скандала 1831 г. и сам факт его службы в Высшей военно-секретной полиции Варшавы были преданы забвению. О последующей деятельности в Третьем отделении также не упоминалось. Вместо этого широкой публике предлагалась респектабельная версия биографии вышедшего на покой чиновника и поэта-любителя, над созданием которой тайный агент русской разведки, видимо, трудился долгие годы.

Как бы мы ни оценивали стихотворное наследие Швейцера, но именно благодаря его творчеству остался след в истории немецкой литературы и вместе с ним несколько фактов подлинной биографии. Посмертно Швейцер был включен своим младшим современником литературоведом Карлом Гёдеке в созданную им многотомную энциклопедию немецких поэтов¹⁵, что уже само по себе примечательно. «Очерки по истории немецкой поэзии по источникам (1857–1881)», охватывающие временной период с начала XVI до середины XIX в., содержат максимально точно выверенные биографии 11 тыс. немецкоязычных поэтов и по сей день являются одним из самых полных и подробных справочников по истории литературы Германии.

Изучению биографии Швейцера, который «с 1830 г. начал публиковать сентиментальные стихи в немецких журналах», Гёдеке уделил особое внимание. Надо отдать ему должное: он провел настоящее расследование, объяснив свой интерес тем, что «мало кто знал, кем был этот барон фон Швейцер и в чем заключался род его деятельности. Его дата рождения и происхождение также долгое время оставались не выясненными, так что даже некролог в *Kölnische Zeitung*, составленный его друзьями, ошибочно причислил его к давно вымершему баронскому роду Швейцеров фон Видергот — выходцев из Швейцарии»¹⁶.

¹³ *Neuer Nekrolog der Deutschen...* S. 905.

¹⁴ *Ibidem*.

¹⁵ *Goedeke K. Grundriss der Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen. Zweite ganz neu bearbeitete Auflage: in 18 Bd. Bd. XV. Achtes Buch. Vom Frieden 1815 bis zur Französischen Revolution 1830. Abteilung VIII. Berlin, 1966. S. 382ff.*

¹⁶ *Ibid.* S. 383.

Результаты изысканий Гёдеке мы подтвердим и дополним фактами, содержащимися в других источниках. Прежде всего, это воспоминания журналиста, поэта и профессионального революционера Гарро Гарринга¹⁷, лично знавшего Швейцера во время пребывания в Польше в конце 1820-х — начале 1830-х годов и приложившего руку к его разоблачению в 1831 г., а также документы из архива тайной полиции Царства Польского, преданные огласке председателем «Специальной расследовательной Комиссии» юристом Михаэлем Хубе¹⁸, частично опубликованные в издаваемом в Лондоне журнале Литературного общества друзей Польши *Polonia or Monthly Reports of Polish affairs* («Полония или ежемесячные сообщения о польских делах») за август–декабрь 1832 г., где печатались антирусские материалы пропагандистского характера. Еще одна группа документов, связанных с ранним этапом агентурной деятельности Швейцера по разоблачению патриотических тайных организаций польских студентов, была опубликована известным польским историком профессором Шимоном Ашкенази¹⁹.

Исследования Гёдеке восстанавливают полное имя и опровергают главный миф официальной биографии нашего героя: Карл Фридрих Эрнст Георг Фрайерр Швейцер не был аристократом и изначально не имел никаких прав на баронский титул. Более того, он был незаконнорожденным ребенком «незамужней девицы Регины Маргареты Генриетты Вильгельмины, урожденной Шааф», появившимся на свет во Франкфурте-на-Майне 22 августа 1796 г. В качестве предполагаемого отца Гёдеке называет состоятельного вдовца Маркуса Иоганна Неббиена (1755–1836), издателя популярного журнала *Frankfurter Intelligence Journal*, разбогатевшего на торговле недвижимостью. Согласно церковным записям, на которые ссылается Карл Гёдеке, ребенок Регины Шааф был крещен только спустя восемь с половиной месяцев после рождения, 5 мая 1797 г., уже как сын «гражданина свободного города Франкфурта» купца Фридриха Кристиана Швейцера. Так наш герой получил свое имя и избавился от клейма незаконнорожденного. Возможно, именно по этой причине в качестве года рождения в его биографии появился 1797 г., который был указан в некрологах²⁰.

С 1804 г. благодаря финансовой поддержке Неббиена юный Швейцер смог посещать Франкфуртскую гимназию, которую покинул в 1810 г., так и не закончив курс. Похоже, уже в те годы проявился его решительный и авантюрный характер, поскольку в возрасте 15 лет юноша отправился в Париж и поступил в Императорскую гвардию. В чине лейтенанта французской армии Швейцер участвовал в походе Наполеона против России и в 1812 г. попал в плен.

После подписания Парижского мира в 1814 г. молодой человек направился в Варшаву, где у него был покровитель — полковник Огюст Буасси де Швегруа, входивший в окружение Великого князя Константина Павловича. Благодаря его протекции Швейцер поступил на службу в канцелярию Бельведерского дворца, где оставался до смерти де Швегруа в 1819 г. В этот период ходили упорные слухи, поддерживаемые самим Швейцером, что одинокий и бездетный полковник якобы стал ему приемным отцом. Об эпизоде с усыновлением пишет в своих мемуарах Гарро Гарринг²¹. Так или иначе, но в память об умершем друге и покровителе Буасси де Швегруа с апреля 1819 г. с разрешения польского военного министерства наш герой начал использовать имя Швейцер де Швегруа. Как уже отмечалось, именно так подписаны составленные им донесения, изъятые польскими повстанцами в

¹⁷ *Harring H. Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft. Nach zweijährigem Aufenthalt in Warschau. Selbstverlag. Nürnberg, 1831; Idem. Biographische Fragmente // Das Volk. Eine demokratische Zeitung. 1849. № 18. S. 93–96; № 26. S. 161–164; № 51. S. 319–321.*

¹⁸ *Hube M. Op. cit.*

¹⁹ *Askenazy S. Lukasinski. T. 1. Warschau, 1908.*

²⁰ *Todesmeldung. S. 782; Nekrolog. S. 386; Neuer Nekrolog der Deutschen... S. 905.*

²¹ *Harring H. Biographische Fragmente. S. 96.*

ноябре 1830 г. в Бельведерском дворце²². Это же имя, но без баронского титула, называет исследователь секретного архива тайной полиции в Варшаве Михаэль Хубе²³.

Как пишет Гёдеке, оставив службу в канцелярии Великого князя Константина Павловича, с 1819 по 1822 г. Швейцер много путешествовал, посетил Англию, Германию, изъездил всю Польшу и почти всю европейскую часть России. В этот период он совершил еще один нетипичный для шпиона поступок, который много говорит о его уме и характере. В декабре 1823 г. Швейцер представил в Гиссенский университет диссертацию «Размышления о прогрессе и революциях в философии Римской республики», успешно ее защитил и экстерном получил докторскую степень²⁴.

Однако карьера академического ученого в немецком университете мало интересовала Швейцера. Годом ранее на имя полковника фон Засса поступило одно из первых его агентурных донесений о студенческих корпорациях в Гиссене и Дармштадте, приведенное М. Хубе наряду с отчетами других агентов русской Высшей военно-секретной полиции²⁵. Гиссен неспроста был выбран Швейцером для защиты диссертации. Здесь внутри Гиссенской студенческой корпорации продолжал действовать законспирированный кружок, основанный юристом Карлом Фолленом. Члены этого университетского союза называли себя «черными» или «бескомпромиссными» и, по данным Центральной следственной комиссии в Майнце, разрабатывали планы революционного заговора и террористических актов²⁶. Судя по всему, выявление связей членов гиссенского кружка с Фолленом, эмигрировавшим в Швейцарию, было одним из заданий Швейцера. С мая по сентябрь 1822 г. он присылал полковнику фон Зассу агентурные донесения из Швейцарии, где описывал встречи К. Фоллена с немецкими и польскими студентами в Цюрихе и Базеле. Особый упор делался на его контакты с польскими студентами, обучавшимися в университете Гиссена. В журнале *Polonia* были опубликованы несколько донесений Швейцера, которые были приложены к докладам фон Засса генералу Куруте в ноябре 1822 г. В них Швейцер сообщал о перемещениях польских студентов, встречавшихся с Фолленом в Швейцарии: Годабского, Буковедского, Бабского и Калиновского²⁷. Все они в декабре 1822 г. были арестованы на польской границе, возвращаясь из Германии.

Это не единственный раз, когда Швейцер был специально внедрен в студенческую среду, что было обычной практикой для агентов военно-секретной полиции. Как утверждает Хубе, в том же 1822 г. донесения Швейцера способствовали разгрому еще одного тайного патриотического общества польских студентов, обучавшихся в Германии. Оно называлось «Полония» и действовало в Берлинском университете с 1818 г. под лозунгом «Свобода и Родина». Хубе пишет, что «с целью получения сведений об обществе под названием „Полония“ в Берлинский университет под видом студента был направлен молодой шпион де Швегруа, хорошо принятый польскими студентами. У молодых заговорщиков не было опыта секретной работы, они не были осведомлены о методах тайной полиции, в том числе о работе ее шпионов»²⁸.

И, наконец, в 1823 г. донесения Швейцера из Франкфурта-на-Майне привели к уничтожению тайного общества «Филоматов» и производного от него Филаретского союза студентов Виленского университета, действовавших в 1820–1823 гг. Как отмечал Ш. Ашкенази, изучавший подробности «Филоматского дела» на основе документов Высшей

²² (Anonym.) Russian reign of terror and persecution // *Polonia or Monthly Reports of Polish affairs*. 1832. № IV. P. 241–260.

²³ Hube M. Op. cit. S. 185.

²⁴ Goedeke K. Op. cit. S. 383.

²⁵ Hube M. Op. cit. S. 186–187.

²⁶ Schulze H. Sand, Kotzebue und das Blut des Verräters (1819) // *Das Attentat in der Geschichte* / Hrsg. A. Demandt. Köln, 1996. S. 215 – 232.

²⁷ Schweizer de Chvégrois zum Oberst von Saß. Berichte vom 13. Mai – 7. Oktober 1822. № 4, 7, 26, 30 // *Polonia or Monthly Reports of Polish affairs*. 1832. № VI. P. 471–486.

²⁸ Hube M. Op. cit. S. 196.

военно-секретной полиции, «самый первый и решающий донос на Филаретский союз исходил из-за границы, из Франкфурта-на-Майне, от Швейгера-Швейцера, пользовавшегося, по-видимому, исключительным доверием в тогдашней польской эмиграции, о чем свидетельствуют его тайные отчеты»²⁹. 20 февраля 1823 г. он сообщил фон Зассу: «Известно ли Вам, что в 1820 г. в Виленском университете было образовано тайное товарищество, имевшее свой подробный устав, разделенное на четыре секции и кружки, названные для конспирации по цветам радуги. Секции собираются дважды в месяц под начальством воевод, чтобы вести дискуссии о судьбах Польши»³⁰. 13 марта Швейцер дополнил донесение: «...ассоциация, созданная студентами в Вильне, о которой я говорил Вам в свое время, насчитывает около 200 членов и имеет тесные сношения с тайными организациями в Польском королевстве и в университетах Германии, особенно в Бреслау и Дармштадте»³¹. В результате следствия по делу «Филоматов» в Варшаве был инициирован крупнейший в Европе политический процесс против студенческого движения³². Суду было предано 108 участников студенческих организаций, что вызвало сильнейший резонанс не только в Царстве Польском, но и в Европе.

По всей видимости, доверие польской эмиграции к Швейцеру было подорвано, и в октябре 1823 г. он был срочно отозван в Варшаву. Чтобы не подвергать опасности жизнь и репутацию своего агента, полковник фон Засс в докладе генералу Куруте от 18 октября 1823 г. предложил организовать операцию прикрытия: «Для предупреждения всяких подозрений мы могли бы публично арестовать Ш. на блокпосте и продержать два или три дня без связи с внешним миром; этот мгновенный арест должен быть предан общественной огласке, чтобы вызвать душевный отклик у сочувствующих. Тогда принятые меры убедят всех, что он не имеет к этому делу никакого отношения»³³.

Высшая военно-секретная полиция, которая стала прообразом Третьего отделения, была создана в Царстве Польском по инициативе М.Б. Баркляя-де-Толли в 1815 г. В ее компетенцию входил надзор за политической благонадежностью, борьба с тайными организациями, прежде всего в университетах и армии, пресечение всяческих нарушений закона, а также разведка в странах Европы. Причем разветвленная зарубежная агентура занималась не только сбором военной и политической информации, но и слежкой за шпионами, засылаемыми в Россию из европейских стран. Деятельность секретной полиции курировал наместник Царства Польского Великий князь Константин Павлович, а практическим руководством занимался начальник его Генерального штаба генерал-лейтенант Д.Д. Курута (1770–1833).

К сожалению, ни в отечественной, ни в зарубежной историографии до сих пор нет ни одного научного исследования, посвященного деятельности Высшей военно-секретной полиции. Во время Ноябрьского восстания секретный архив этого ведомства был частично уничтожен или попал в руки повстанцев. Небольшая его часть впоследствии была опубликована в оппозиционной европейской прессе, часть бесследно пропала, часть была выкуплена через агентов Третьего отделения и вернулась в Россию. Еще один массив сохранившихся документов находится в Варшаве в Главном архиве древних актов в фонде Великого князя Константина Павловича. До 1830 г. наиболее интересные донесения и отчеты передавались генералом Д.Д. Курутой в Петербург «для ознакомления в заинтересованные департаменты»³⁴.

Из материалов, опубликованных Михаэлем Хубе, а также из воспоминаний генерала Клементия Колачковского, кузена княгини Лович, супруги Великого князя Константина Павловича, мы знаем, что внешней разведкой в Варшаве занималось два секретных

²⁹ *Askenazy S. Op. cit. S. 372–374.*

³⁰ *Ibid. S. 373.*

³¹ *Ibidem.*

³² *Skuodis V. Vilniaus universiteto filomatai ir filaretai, jų likimas. Istorinė apybraiža. Vilnius, 2003. P. 44–50.*

³³ *Askenazy S. Op. cit. S. 374.*

³⁴ ГАРФ. Ф. 109. Опись 4а. Д. 220. Л. 4.

подразделения: тайная полиция генерала от кавалерии Александра Александровича Рожнецкого (1774–1849), который курировал агентов в пограничных районах Пруссии и Австрии, и зарубежное отделение барона Петра Андреевича фон Засса, в ведении которого были германские государства, Франция, Италия, Англия³⁵.

Именно барон фон Засс привлек Швейцера к агентурной работе. Как отмечал Михаэль Хубе, «Швейцер де Швегруа был одним из самых активных и способных агентов, работающих за границей. Он докладывал барону фон Зассу из многих немецких и европейских городов в первую очередь о студенческих союзах... Его отчеты были составлены с такой точностью, что лучшего нельзя было и желать»³⁶. Карьерные успехи Швейцера во многом были связаны с его личными качествами, а также с «усердием и постоянным стремлением к самосовершенствованию», которые отмечали авторы некрологов³⁷. Даже Гарро Гарринг, познакомившийся со Швейцером в 1828 г. в Варшаве, не мог отказать ему в обаянии, уме, образованности и таланте в изучении языков. Помимо немецкого и французского языков, которыми Швейцер владел в совершенстве, он прекрасно говорил по-польски и по-русски. Кроме того, уже в зрелом возрасте он выучил итальянский и испанский языки³⁸.

Штат зарубежных отделений военно-секретной полиции был небольшим и состоял из начальника отделения, чиновника по особым поручениям, жандармского офицера и канцеляриста, который вел делопроизводство. Документы учета денежных средств, выделяемых на содержание отделений, показывают, что они располагали достаточно развитой сетью собственных агентов. Так, в краткой выписке о расходах на зарубежную агентуру за январь–март 1823 г. говорится о выделении 18 тыс. польских флоринов «полковнику Зассу для его заграничных агентов, полковнику Кемпену и его агентам, дивизионному генералу Рожнецкому для заграничных агентов»³⁹.

Более конкретную информацию о расходовании средств во время работы с агентами и информаторами дает отчет самого Швейцера за 1823 г., приложенный фон Зассом к общему отчету от 13 ноября, составленному для Великого князя Константина Павловича и опубликованному Ш. Ашкеназы в связи с делом «Филоматов». Общие расходы Швейцера за год составили 242 золотых голландских дуката и 2555 рублей 15 копеек. В эти суммы входили не только наличные выплаты постоянным агентам, но и подарки информаторам, среди которых преобладали дамы из различных слоев немецкого и польского общества. Так, например, «мадам Ж.», «за различные услуги, а также за помощь при передаче в мое распоряжение документов П. были подарены золотая табакерка и два турецких платка за 760 рублей». Другая дама с инициалами А.Х., «которая дала мне точные сведения об известном Вам тайном масонском объединении и списке лиц, принадлежащих к этому объединению», была вознаграждена «небольшим фарфоровым сервизом за 280 рублей»⁴⁰.

В 1820-е годы Швейцер де Швегруа числился чиновником для особых поручений при бароне фон Зассе и был его правой рукой. Он посылал донесения из Германии и Франции, координировал работу агентурной сети в Европе, регулярно составлял отчеты, сводя воедино информацию, полученную от других агентов. Среди его постоянных корреспондентов мы можем назвать троих: Нерлиха, Диттенбергера и Андрея Петрова «по прозвищу Туссен». От них Швейцеру поступали донесения из Вены, Дармштадта и Парижа⁴¹. Сам же он в качестве штаб-квартиры выбрал Франкфурт-на-Майне.

³⁵ Польша в 1814–1831 гг. Из воспоминаний генерала Клементия Колачевского // Русская старина. 1902. Т. 110. Кн. 5. С. 415–417.

³⁶ Hube M. Op. cit. S. 187.

³⁷ Todesmeldung. S. 782; Nekrolog. S. 386; Neuer Nekrolog der Deutschen... S. 905.

³⁸ Harring H. Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft. S. 98.

³⁹ Russian reign of terror and persecution. P. 252.

⁴⁰ Askenazy S. Op. cit. S. 377.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 109. Опись 4а. Д. 215. Л. 11–103.

В ГАРФ сохранились ежегодные отчеты и тематические записки Швейцера начиная с 1824 г. По содержанию это не столько агентурные донесения с изложением конкретной информации, как у большинства зарубежных резидентов, а серьезная аналитика на основе внимательного изучения фактов. Например, один из первых отчетов Швейцера за сентябрь—октябрь 1824 г. посвящен реакции различных общественных и политических кругов Европы на смерть Людовика XVIII на основе анализа откликов прессы, а также перечислению возможных вариантов изменений во французском кабинете министров⁴². В донесении за апрель 1825 г. содержится анализ литературно-философских течений в Германии с подробным разбором сочинений Гёте, Фихте, Канта, Шеллинга и других властителей умов немецкого общества⁴³. Отчеты за 1826 и 1827 гг. также в основном посвящены обзору немецкой и французской прессы под общей рубрикой «Политические отклики»⁴⁴. Вообще анализ состояния умов на фоне меняющейся политической ситуации — наиболее часто встречающаяся тема отчетов Швейцера. Ему настолько удавались подобные донесения, что в 1829 г. он составил специальную «Записку» с инструкцией для зарубежных агентов «о порядке составления корреспонденций о немецкой жизни и обзоров прессы»⁴⁵.

Помимо агентурных донесений, в обязанности Швейцера входил сбор информации о предполагаемых иностранных агентах на территории России и вербовка новых резидентов для русской разведки. Так, в октябре 1829 г. по поручению генерала Д.Д. Куруты им из Дрездена были подготовлены два отчета с подробными сведениями о саксонском графе Ридигере, недавно поступившем на русскую службу, и об «агенте прусской разведки в Австрии актрисе Эмили Лаванери»⁴⁶. В них детально описаны их перемещения, круг знакомств, распорядок дня и личные контакты. При этом Швейцер не только выполнял поручения о сборе сведений о подозрительных лицах, но и своими донесениями о засылаемых в Россию агентах соседних государств инициировал слежку за ними на местах. Так, например, в 1828 г. он, находясь в Вене, раздобыл и предоставил генералу Куруте доказательства разведывательной деятельности в пользу Австрии французского актера Лишамера и торговца из Силезии Траутфетера, которые несколько раз в течение года под разными предлогами въезжали на территорию Царства Польского⁴⁷. На основании этих сведений в 1828 г. генерал-лейтенант Курута отдавал приказы начальнику 25-й пехотной дивизии генерал-майору Рейбницу: «Я предписал Вашему Превосходительству принять надлежащие меры к секретному наблюдению за неким актером Лишамером... который по дошедшим ко мне из-за границы сведениям... подозревается, что он есть тайный агент австрийского правительства. По полученным ныне из-за границы же сведениям, я предлагаю Вам принять те же самые меры, как о Лишамере, и насчет некоего Траутфетера, который, подобно первому, отправился из Галиции в Россию. И обо всем, что окажется насчет его, Траутфетера, занятий, связей и переписки, мне немедленно с подробностью донести»⁴⁸. Одновременно городскому почтмейстеру было послано распоряжение «обратить особое внимание на переписку сих двух лиц, рассматривая подробнее все письма, к ним адресованные или от них отправляемые»⁴⁹.

О том, как шла вербовка зарубежных агентов, у нас есть подробное свидетельство, оставленное одним из несостоявшихся русских шпионов Г. Гаррингом. В 1828 г. при посредничестве Швейцера он был принят корнетом в Императорский Русский Лейб-гвардии Уланский полк Великого князя Константина. Гарринг настолько доверял барону, что по

⁴² Там же. Д. 209. Л. 1—14.

⁴³ Там же. Д. 210. Л. 4—11.

⁴⁴ Там же. Д. 212—214.

⁴⁵ Там же. Д. 217. Л. 1—4.

⁴⁶ Там же. Д. 219. Л. 21—43.

⁴⁷ Там же. Д. 218. Л. 8—19.

⁴⁸ Там же. Л. 42.

⁴⁹ Там же.

его совету подделал документы о дворянском происхождении, которые были необходимы для поступления в офицерский корпус. Швейцер два года хранил тайну Гарринга, а потом начал его шантажировать. Вместе с фон Зассом он неоднократно предлагал ему сменить уланский полк на службу в русской тайной полиции. По воспоминаниям Гарринга, фон Засс однажды поставил его перед выбором: «либо отправиться в Неаполь в качестве хорошо оплачиваемого шпиона под видом атташе посольства, либо быть готовым к свинцовым рудникам Сибири»⁵⁰. Охваченный страхом, Гарринг решился на дезертирство из русской армии, которое грозило ему военным трибуналом без срока давности. В июне 1830 г. он бежал от преследования русских спецслужб в Дрезден, где начал вести политическую колонку в либеральной газете *Der Komet*. Вскоре туда же с очередным особым поручением приехал Швейцер. В Дрездене разыгралось второе действие драмы с вербовкой, которое закончилось для Швейцера публичным разоблачением, а для Гарринга утратой датского гражданства и изгнанием из Саксонии под давлением русского посольства.

Ноябрьское восстание в Варшаве стало большим потрясением для немецкого общества и вызвало волну антирусских публикаций в печати. Чтобы как-то противостоять потоку негативной информации о «зверствах русских в Польше», было решено организовать альтернативную публикацию правдивых сведений о ходе военных действий. По поручению генерала Д.Д. Куруты Швейцер в первый и последний раз выступил в немецкой прессе в роли публициста и полемиста и, как Гарринг, начал вести колонку в солидной правительственной газете. С февраля по октябрь 1831 г. он написал для *Allgemeine Preußische Staatszeitung* множество коротких корреспонденций для рубрики «С польской границы»⁵¹. Это были военные сводки, ограниченные максимально точным изложением фактов без выраженной политической оценки. Несмотря на краткость и сдержанность этих публикаций, Швейцер все равно подвергся критике со стороны либеральных изданий⁵² за изложение позиции русского правительства.

Естественно, что Г. Гарринг присоединился к нападкам на Швейцера. Он поставил себе задачу разоблачить барона как русского шпиона и уже в декабре 1830 г. приступил к написанию своих знаменитых «Воспоминаний о Польше под властью России», ставших самым читаемым сочинением о «преступлениях русского деспотизма в Польше»⁵³. Гарринг одним из первых описал структуру и методы работы военно-секретной полиции в Варшаве и дал нелестные характеристики ее сотрудникам, в том числе фон Зассу и Швейцеру⁵⁴. За «Воспоминаниями» последовала публикация политической сатиры «Фауст в одеянии времени», где Гарринг прямо обвинял Швейцера в «предательстве немецкого Отечества», называя «гнусным шпионом» и «вторым Коцебу»⁵⁵.

Следом за этими публикациями развернулась настоящая газетная война между двумя публицистами с взаимными оскорблениями, угрозами и даже вызовом на дуэль. Если Гарринг стремился вывести дискуссию на политический уровень, пытаясь разоблачить Швейцера как русского шпиона и приравнять его деятельность к государственной измене, то барон, наоборот, умело опустил полемику до уровня частной перепалки, выяснения отношений и мелкой личной мести, сосредоточившись на неблагодарности и моральной нечистоплотности своего противника. В итоге ему удалось если и не развязать

⁵⁰ *Harring H.* Biographische Fragmente ... S. 319.

⁵¹ (*Anonym.*) Von der Polnischen Grenze // *Allgemeine Preußische Staatszeitung*. 1831. 12 Februar. № 43. S. 354 – 7. Oktober. № 278. S. 1523.

⁵² (*Anonym.*) Mixturen (Über Schweizers anonyme Berichte in der Preußischen Staatszeitung “Von der polnischen Grenze”) // *Der Komet*. 19.VII.1831. № 144. S. 912; *Bustorius*. Anonyme Korrespondenten-Berichte über die Niederschlagung des polnischen Aufstandes // *Allgemeine Zeitung*. Beilage. 5.IX.1831. № 284. S. 1034.

⁵³ *Harring H.* Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft.

⁵⁴ *Ibid.* S. 13, 53ff, 153ff.

⁵⁵ *Harring H.* Faust im Gewande der Zeit. Ein Schattenspiel mit Licht. Leipzig, 1831. S. 129ff.

обвинения в шпионаже, то увести дискуссию в плоскость дискредитации оппонентами друг друга по личным мотивам.

Однако это не помогло: положение Швейцера резко ухудшилось после анонимной публикации «Воспоминания польского патриота», появившейся независимо от разоблачений Гарринга в *Nürnberger Blätter*, где, в частности, шла речь о причастности Швейцера де Швегруа к разгрому в 1823 г. тайного общества «Полония» в Берлинском университете⁵⁶. Распространение в европейской прессе списков тайных агентов Высшей военно-секретной полиции сделало полемику с Гаррингом бессмысленной, а дальнейшее пребывание в Германии — опасным.

Возвращение в Варшаву стало таким же бессмысленным и опасным на фоне вооруженного сопротивления польских повстанцев, а также после гибели барона фон Засса, внезапной смерти от холеры в Витебске Великого князя Константина и последовавшего упразднения Высшей военно-секретной полиции. Но в это же время в Петербурге для ведения политической и информационной борьбы с польскими революционерами и европейской оппозицией на базе Третьего отделения началось формирование российской внешней разведки как единой государственной службы с разветвленной по всей Европе агентурной сетью. Неудивительно, что сотрудники Варшавской тайной полиции с их богатым опытом стали опять востребованы. В 1832 г. Швейцер срочно покинул Германию и направился в Петербург, а с 1833 г. уже появился в официальных списках штата Третьего отделения в качестве чиновника для особых поручений в чине коллежского советника, соответствующего званию полковника. Тогда же он начал формирование резидентуры Третьего отделения в Германии, внедряя в практику лучшие образцы структурной организации и методов агентурной работы, принятые в Высшей военно-секретной полиции Варшавы. Таким образом, с начала 30-х годов XIX в. закладывались основы российской профессиональной политической разведки нового образца, и роль барона Карла Фридриха фон Швейцера в этом процессе сложно переоценить.

Библиография

- Абакумов О.Ю.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008.
- Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1843 год. СПб., 1843.
- Бибилов Г.Н. А.Х.* Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009.
- Заиченко О.В.* Август фон Коцебу: история политического убийства // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 177–191.
- Месяцеслов и общий штат Российской империи на (1831–1842). СПб., 1830–1842.
- Польша в 1814–1831 гг. Из воспоминаний генерала Клементия Колачевского // Русская старина. 1902. Т. 110. Кн. 5. С. 409–438; Кн. 6. С. 553–574.
- Черкасов П.П.* Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008.
- Черкасов П.П.* Третий человек в Третьем отделении. Адам Сагтынский — первый шеф российской внешней разведки // Родина. 2007. № 9. С. 56–62.
- Черкасов П.П.* Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. М., 2015.
- Шильдер Н.К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование: в 2-х т. СПб., 1903.
- (*Anonym.*) Russian reign of terror and persecution // Polonia or Monthly Reports of Polish affairs. 1832. № IV. P. 241–260.
- (*Anonym.*) Welt und Zeit. Aus dem Nachlaß eines russischen Diplomaten / Hrsg. von Levin Schücking. Berlin, 1855.
- Askenazy S.* Lukasinski. T. 1. Warschawa, 1908.
- Gedichte von Freiherrn von Schweizer. Stuttgart, 1845.
- Goedeke K.* Grundriss der Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen. Zweite ganz neu bearbeitete Auflage: in 18 Bd. Bd. XV. Buch VIII. Vom Frieden 1815 bis zur Französischen Revolution 1830. Abteilung VIII. Berlin, 1966.
- Harring H.* Faust im Gewande der Zeit. Ein Schattenspiel mit Licht. Leipzig, 1831.

⁵⁶ (*Anonym.*) Erinnerungen eines polnischen Patrioten // *Nürnberger Blätter*. 6.VI.1831. № 67. S. 268ff; 8.VII.1831. № 81. S. 322.

- Harring H.* Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft. Nach zweijährigem Aufenthalt in Warschau. Selbstverlag. Nürnberg, 1831.
- Hube M.* Russisches Schreckens- und Verfolgungs-System sowie die in Preußen begonnene Nachahmung desselben. Paris, 1832.
- Neuer Nekrolog der Deutschen... / von Friedrich August Schmidt, Bernhardt Friedrich Voigt. Fünfundzwanzigster Jahrgang, Teil 2. 1847. Weimar, 1849.
- Schulze H.* Sand, Kotzebue und das Blut des Verräters (1819) // Das Attentat in der Geschichte / Hrsg. A. Demandt. Köln, 1996. S. 215–232.
- Skuodis V.* Vilniaus universiteto filomatai ir filaretai, jų likimas. Istorinė apybraiža. Vilnius, 2003.

References

- Abakumov O.Ju.* “...Chtob нравstvennaia zaraza ne pronikla v nashi predely”. Iz istorii bor’by III otdelenija s evropejskim vlijaniem v Rossii (1830-e — nachalo 1860-h gg.) [“... So that the moral contagion does not penetrate into our borders”. From the history of the struggle of the Third branch with European influence in Russia (1830s — early 1860s)]. Saratov, 2008. (In Russ.)
- Adres-kalendar’, ili obshhij shtat Rossijskoj imperii na 1843 god [Address-calendar, or the general state of the Russian Empire for 1843]. Sankt-Peterburg, 1843. (In Russ.)
- Bibikov G.N.* A.H. Benkendorf i politika imperatora Nikolaja I [A.H. Benckendorf and the policy of Emperor Nicholas I]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Zaichenko O.V.* Avgust fon Kocebu: istorija politicheskogo ubijstva [August von Kotzebue: The story of a political assassination] // Novaya i novejšhaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2013. № 2. S. 177–191. (In Russ.)
- Mesjaceslov i obshhij shtat Rossijskoj imperii na (1831–1842) [The monthly calendar and the general staff of the Russian Empire on (1831–1842)]. Sankt-Peterburg, 1830–1842. (In Russ.)
- Pol’sha v 1814–1831 gg. Iz vospominanij generala Klementija Kolachevskogo [Poland in 1814–1831. From the memoirs of General Klementi Kolachevsky] // Russkaja starina [Russian Antiquity]. 1902. T. 110. Kn. 5. S. 409–438; Kn. 6. S. 553–574. (In Russ.)
- Cherkasov P.P.* Russkij agent vo Francii. Jakov Nikolaevich Tolstoj (1791–1867 gg.) [A Russian agent in France. Yakov Nikolaevich Tolstoy (1791–1867)]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Cherkasov P.P.* Tretij chelovek v Tret’em otdelenii. Adam Sagtynskij — pervyj shef rossijskoj vneshnej razvedki [The third person is in the Third Ward. Adam Sagtynsky — the first chief of Russian Foreign Intelligence] // Rodina [Homeland]. 2007. № 9. S. 56–62. (In Russ.)
- Cherkasov P.P.* Shpionskie i inye istorii iz arhivov Rossii i Francii [Spy and other stories from the archives of Russia and France]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Shil’der N.K.* Imperator Nikolaj Pervyj, ego zhizn’ i carstvovanie: v 2-h t. [Emperor Nicholas I, his life and reign: in 2 vols]. Sankt-Peterburg, 1903. (In Russ.)
- (*Anonym.*) Russian reign of terror and persecution // Polonia or Monthly Reports of Polish affairs. 1832. № IV. P. 241–260.
- (*Anonym.*) Welt und Zeit. Aus dem Nachlaß eines russischen Diplomaten / Hrsg. von Levin Schücking. Berlin, 1855.
- Askenazy S.* Lukasinski. T. 1. Warschawa, 1908.
- Gedichte von Freiherrn von Schweizer. Stuttgart, 1845.
- Goedeke K.* Grundriss der Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen. Zweite ganz neu bearbeitete Auflage: in 18 Bd. Bd. XV. Buch VIII. Vom Frieden 1815 bis zur Französischen Revolution 1830. Abteilung VIII. Berlin, 1966.
- Harring H.* Faust im Gewande der Zeit. Ein Schattenspiel mit Licht. Leipzig, 1831.
- Harring H.* Memoiren über Polen unter russischer Herrschaft. Nach zweijährigem Aufenthalt in Warschau. Selbstverlag. Nürnberg, 1831.
- Hube M.* Russisches Schreckens- und Verfolgungs-System sowie die in Preußen begonnene Nachahmung desselben. Paris, 1832.
- Neuer Nekrolog der Deutschen... / von Friedrich August Schmidt, Bernhardt Friedrich Voigt. Fünfundzwanzigster Jahrgang, Teil 2. 1847. Weimar, 1849.
- Schulze H.* Sand, Kotzebue und das Blut des Verräters (1819) // Das Attentat in der Geschichte / Hrsg. A. Demandt. Köln, 1996. S. 215–232.
- Skuodis V.* Vilniaus universiteto filomatai ir filaretai, jų likimas. Istorinė apybraiža. Vilnius, 2003.

© 2023 г. Д.С. ТКАЧЕНКО

«МЫ ПРИБЫЛИ НА ЭТОТ БЕРЕГ ОТКРЫТО И НЕ МАСКИРУЯСЬ...»: ДЕЛО ШХУНЫ «ВИКСЕН». По материалам следствия и британской периодической печати конца 1830-х годов

Ткаченко Дмитрий Сергеевич — профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия).

E-mail: tkdmsg@rambler.ru

Scopus Author ID: 57222155056

Аннотация. Статья посвящена разбору деталей задержания на северо-восточном побережье Черного моря английской шхуны «Виксен» (Vixen) в ноябре 1836 г. Несмотря на то что анализ российско-британского дипломатического конфликта, вспыхнувшего вокруг этого инцидента, проведен в отечественной и зарубежной историографии, исследователями не использовались оригинальные следственные материалы, а также официальные заявления виновников конфликта в англоязычной прессе конца 1830-х годов.

Помимо уточнения фактической составляющей задержания шхуны «Виксен», реконструкция которого произведена в статье путем сверки сведений оригинальных следственных материалов с современной картой участка черноморского побережья между Геленджикской и Новороссийской бухтами, целью работы стало изучение условий реализации российской блокады Черноморского побережья Кавказа в конце 1830-х годов. Избранный автором подход позволил скорректировать ряд политических тезисов XIX в., превращенных в политико-идеологические штампы как британской, так и российской стороной.

Источниковой базой послужили материалы Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), а также публикации британских, американских и австралийских газет. Дополнительными источниками стали мемуары хозяина груза шхуны — Джеймса Беля и воспоминания капитана, задержавшего шхуну «Виксен», Н.П. Вульфа.

Автор соглашается с утверждением, что инцидент являлся заранее спланированной провокацией, однако оспаривает бытующее мнение о нахождении на судне груза оружия и пороха, на чем настаивала российская сторона. Прорыв судном блокады являлся явной разведкой боем, которая позволила англичанам увидеть не только техническое отставание судов эскадры Абхазской экспедиции контр-адмирала Эйсмонта от современных требований, но и излишнюю бюрократизацию системы управления российского Черноморского флота. Это в дальнейшем позволило британской дипломатии получить дополнительные аргументы в оспаривании условий Адрианопольского мирного договора.

Ключевые слова: шхуна «Виксен», Восточный вопрос, Россия, Великобритания, морская блокада, Черкессия, Джеймс Бель, следственные материалы, пресса, международные конфликты, международные отношения, дипломатические переговоры, Черноморский флот.

D.S. Tkachenko

“We Arrived Openly and Without any Disguise on this Coast...”: The Schooner “Vixen” Case in the Investigation Papers and British Press of the Late 1830s*Dmitry Tkachenko, Humanities Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).**E-mail: tkdmsg@rambler.ru**Scopus Author ID: 57222155056*

Abstract. In this article, the author examines the details of the detention of the British schooner “Vixen” on the north-east coast of the Black Sea in November 1836. Although the analysis of the Russian-British diplomatic controversy surrounding the incident has been undertaken in Russian historiography, it has not made use of original investigative material or official accounts of the perpetrators in the English-language press of the late 1830s. The use of historical computer reconstructions can significantly clarify both the “Vixen” Inquiry materials and correct the conclusions of some contemporary researchers who have addressed the political background of the incident. It also allowed the author to check the credibility of the investigative material collected between 1836 and 1837 as part of the original “Vixen” files. It also clarifies the political conclusions drawn by both Russian imperial authorities and British politicians, and corrects some of the assumptions of contemporary historians focused on examining the political repercussions of the case. The author also examines the conditions of the Russian blockade of the Black Sea coast of the Caucasus at the end of the 1830s. This is consistent with the aim of the study, namely to recreate a complete picture of the capture of the schooner “Vixen”. The latter was beyond the scope of previous studies. The study is based on materials from the Russian Navy State Archives (RGA VMF), as well as publications in British, American, and Australian newspapers. The author used the memoirs of the owner of the “Vixen”, James Stanislaus Bell, and the captain of the Russian ship, N.P. Volf, as additional primary source material. The study corroborates the conclusions that the “Vixen” incident was a premeditated provocation, but disputes the popular perception that the ship was actually carrying a cargo of weapons and gunpowder, as insisted on by the Russian side. The breach of the blockade by “Vixen” was a clear reconnaissance operation, which allowed the British to observe not only the technical inferiority of Russian ships in terms of modern requirements, but also the excessive bureaucratisation of the entire Russian Black Sea Fleet’s management system. This gave British diplomacy, which had contested the terms of the Treaty of Adrianople, additional arguments for its diplomatic efforts.

Keywords: “Vixen”, Eastern Question, Russia, UK, naval blockade, Circassia, James Bell, investigative material, press, international conflicts, international relations, diplomatic negotiations, Black Sea Fleet.

27 ноября 1836 г.¹ в 9 часов пополудни в Севастопольский порт вошел корабль под английским флагом, управлявшийся английской командой под присмотром русской охраны. На требование командующего портом разъяснить происходящее, начальник охраны отапортовал, что «шхуна сия нагружена солью, взята бригом “Аякс” в Суджук-Кальской бухте во время стояния там оной на якоре». Сам же военный корабль, сопровождавший нарушителя в Севастополь, потерялся, так как «отстал в море за противным ветром»².

Данный эпизод, зафиксированный делопроизводством морского министерства, положил официальное начало «Делу шхуны “Виксен”», переросшему в крупный международный скандал. Споры российской и британской сторон тянулись несколько лет, а их отголоски слышны были даже в заокеанских колониях³. Дебаты британского парламента

¹ Все даты в статье даны по старому стилю, если не указано иное.

² Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 1–2.

³ The Sydney Morning Herald. 26.III.1838. P. 2.

по делу печатала англоязычная пресса⁴, которая также публиковала официальные заявления участников инцидента и отдельные аналитические материалы. Владелец груза Дж. Бель, описав для газет детали задержания шхуны, полностью обошел этот вопрос в обширных мемуарах, посвятив их повторному визиту на берега так называемой «Свободной Черкессии»⁵.

Вместе с тем оригинальное «Дело о задержании “Виксен”» в настоящее время хранится в РГА ВМФ. В нем собраны материалы, полученные по горячим следам: изъятые британские и турецкие документы шхуны, объяснительные записки шкипера судна Томаса Чайлдса и купца Джеймса Бея, рапорты капитана русского брига «Аякс» — Николая Павловича Вульфа, листы первичных допросов команды и материалы работы следственной комиссии, а также обширная переписка командования Черноморского флота с морским министерством в Петербурге⁶. Из них имперские власти опубликовали только рапорт командующего Кавказским корпусом барона Г.В. Розена военному министру, сообщавший о факте задержания шхуны и начале следственных мероприятий⁷. Даже известный кубанский краевед Е.Д. Фелицын, проведя в 1890 г. специальное исследование о действиях российских крейсеров у Кавказского побережья Черного моря в 1830—1840-х годах, ничего из материалов по «делу “Виксен”» не поместил в свою подборку документов⁸. Отдельные документы дела были выборочно введены в научный оборот только в середине 1950-х годов⁹, но публиковались с купюрами, а целый пласт источников того же дела, не вписывающихся в официальную концепцию, был обойден вниманием.

Помимо этого, существует рассказ П. Вульфа, сына капитана Н.П. Вульфа, о задержании английской шхуны, составленный по воспоминаниям его отца к 50-летию инцидента¹⁰. В отечественной историографии «дело “Виксен”» являлось предметом исследований, которые, опуская детали задержания шхуны, делали акцент на политической составляющей и последствиях инцидента в контексте как последующей антироссийской деятельности Бея среди черкесов¹¹, так и обострения международных отношений между Британией и Российской империей по вопросу о так называемой «Свободной Черкессии»¹². При этом информация, характеризующая повседневную жизнь моряков российских судов, слабые стороны морской блокады и технические трудности ее реализации, обычно опускается, а детали исторического события трактуются вольно. Так, О.Р. Айрапетов, посвятив «делу “Виксен”» целую главу своего фундаментального исследования внешней политики Российской империи времен Николая I, о самом задержании нарушителя говорит вскользь. К тому же он допускает фактическую ошибку, приписывая задержку выхода брига «Аякс» из Геленджика начавшемуся шторму¹³.

⁴ Hansard's Parliamentary Debates. 3-rd series. Vol. 37. London, 1837. P. 621—656.

⁵ Бель Дж. Дневник пребывания в Черкессии в течение 1837—1839 годов. Т. 1—2. Нальчик, 2007.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210.

⁷ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берге. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 359.

⁸ Фелицын Е.Д. Действия русских крейсеров у Кавказских берегов Черного моря в 1830—40 годах // Кубанские ведомости. 1890. № 1, 2, 4, 5, 7—9.

⁹ Лазарев М.П. Документы. Т. II. М., 1955. С. 261—263, 265—267, 270.

¹⁰ Вульф П. Английская шхуна Wixen — военный приз, взятый бригам «Аякс» у берегов Кавказа в 1836 году // Морской сборник. 1886. Т. ССХII. № 4. С. 91—106.

¹¹ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829—1864 гг. Политика, война, дипломатия. М., 2009. С. 70—102.

¹² Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» (1836—1837 гг.) // Красный архив. 1940. № 5 (102). С. 189—195; Bondarevsky G.L. The Great Game. A Russian Perspective. Hastings, 2002. P. 31—32; Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856—1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2010. С. 53; Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801—1914. Т. 2. Внешняя политика императора Николая I. 1825—1855. М., 2017. С. 239—256.

¹³ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 249.

Ошибок и тенденциозных суждений не избежала и английская историография проблемы¹⁴. Так, П. Хопкирк, рассматривавший инцидент с «Виксен» в контексте противостояния двух политических течений Британии — «русофилов» и «русофобов», — не уделяет внимания описанию фактической стороны захвата шхуны, считая, что англичанам сразу же после ареста удалось передать сведения о произошедшем английской прессе¹⁵.

Целью данной статьи стало введение в научный оборот комплекса материалов дела для того, чтобы показать детали известного инцидента, не удостоенные вниманием авторов или сознательно скрываемые современниками.

Согласно объяснительной записке шкипера английского судна Чайлдса, он, погрузив в Константинополе груз соли, принадлежавший торговцу Дж. Белю, и дождавшись в Самсоне турецкого лодмана, в начале ноября 1836 г. отплыл по направлению к Суджук-Кальской бухте с сильным попутным юго-западным (SW) ветром¹⁶. В отечественной историографии бытует мнение, что Суджук-Кале был изначально сознательно выбран британским консулом в Стамбуле Д. Уркартом и политиком Ф.К. Понсонби как идеальное место для провокации¹⁷, хотя капитан судна объяснял английской прессе, что из трех пунктов возможного прибытия к кавказским берегам именно это место было выбрано из-за направления ветра¹⁸. Наложение маршрута шхуны на современную карту Черного моря показывает, что капитан избрал для своего путешествия прямой маршрут при наиболее благоприятном для него направлении ветра. Через три дня пути (27 ноября по нов. стилю) шхуна достигла бухты.

Однако сделала она это не через нейтральные воды, а двигаясь с тем же юго-западным ветром вдоль кавказских берегов. Мы можем только догадываться, сознательно ли был изменен маршрут, снесло ли корабль южнее течениями или неточные карты первой половины XIX в., искажая очертания моря, не давали возможность рассчитать точку прибытия. «Виксен» достигла кавказского побережья в пункте гораздо южнее Геленджика. В официальном заявлении для английской прессы Бель уточнил, что судно дошло до места «недалеко от залива под названием Джук (Djook) или Родос (Rodos)», современная Джубга. Найдя бухту неудобной для якорной стоянки, шхуна переместилась северней — в залив Пшад (Pechat), в устье реки Пшада в районе современного поселка Архипо-Осиповка, но, приблизившись к берегу, также «нашла непрактичным оставаться здесь на якоре из-за сильного ветра, дувшего с моря»¹⁹. Корабль, по словам Беля, был вынужден повернуть на северо-восток и идти вдоль берега с боковым ветром слева (галфвинд²⁰).

Геленджик еще со времен управления Кавказом И.Ф. Паскевича являлся главной морской базой России в регионе, в которой должна была постоянно располагаться эскадра судов, «устроенных со всеми удобствами для берегового плавания и могущих погрузить на себя от 40 до 100 человек... могущих действовать повсюду на пространстве от Анапы до Редут-Кале»²¹. В 1836 г. в нем располагался отряд Абхазской экспедиции судов российского Черноморского флота под общим руководством контр-адмирала С.А. Эйсмонта. В отряд, как отмечает П. Вульф, входили фрегат «Анна», бриги «Аякс», «Полукс» и «Нарцисс», а также люгер «Глубокий» и тендер «Скорый». Зона крейсирования русских судов простиралась от Геленджика до Сухума, между которыми они должны были постоянно

¹⁴ Cleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain. London, 1950. P. 192–204; King Ch. The Black Sea. A History. Oxford, 2004. P. 177; Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia. London, 2006. P. 151–155.

¹⁵ Hopkirk P. Op. cit. P. 151.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 5–5 об.

¹⁷ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы... С. 72.

¹⁸ The Morning Chronicle. 28.I.1837. P. 2.

¹⁹ The Times. 7.II.1837. P. 2.

²⁰ Курс, при котором угол между направлением ветра и направлением движения судна составляет около 90°.

²¹ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 370. Л. 2–2об.

патрулировать «в виду берегов, часто по несколько недель не имея с ним сообщения». Суда Абхазской экспедиции были далеко не лучшими кораблями российского флота, и недовольство как ими, так и погодными условиями в зимние месяцы часто выражалось «теми черноморцами, которым эту службу пришлось испытать самим»²².

О том, что в Геленджике находился русский отряд, англичане были хорошо осведомлены. Они пишут об этом в официальном заявлении, отмечая, что присутствие русских судов в бухте делало маловероятной встречу с «туземцами, населяющими побережье», и корабль взял курс на Суджук-Кале. Шкипер также не мог не знать, что, проходя «при дневном свете на расстоянии в три-четыре мили и видя несколько военных кораблей в Геленджикской бухте»²³, «Виксен» будет в свою очередь замечена. Англичане не знали только, что одним из русских кораблей в бухте был флагманский фрегат самого контр-адмирала Эйсмонта. «12 числа сего ноября в 5 часов пополудни при свежем SW ветре, — пишет командующий Абхазским отрядом, — прошла в виду Геленджика по направлению к Суджук-Кальской бухте шхуна, флага которой по пасмурности видно не было. Посему я в то же время предписал командиру брига “Аякс”, капитан-лейтенанту Вульф, сняться немедленно с якоря и следовать за той шхуной и, догнав или застигнув где на якорю, привести на здешний рейд для подробного на основании инструкции исследования»²⁴.

Пройдя с боковым ветром вдоль участка побережья, отделяющего Геленджикскую бухту от Суджук-Кальской, шхуна, совершив морской маневр, легла на попутный юго-западный ветер, который вынес ее в глубину бухты в район современного Новороссийска. Здесь судно и бросило якорь.

Как отмечают англичане в официальном заявлении, они, как только бросили якорь, «в пятницу утром высадились на берег, чтобы установить контакты с туземцами для обмена груза соли на продукты их земли, а когда днем соглашение было достигнуто, вернулись на борт, где всю субботу были изолированы сильным южным ветром»²⁵.

Преследующему шхуну российскому 20-пушечному бригу «Аякс», которому было предписано «вступить под паруса и следовать за неизвестной шхуной, употребить всю возможность догнать ее и привести на Геленджикский рейд, в случае малейшего с ее стороны сопротивления употребить силу оружия»²⁶, чтобы выполнить приказ, следовало повторить маневр «Виксен», но для этого сначала надо было оказаться в открытом море. Выход из Геленджикской бухты узкий, для прохождения его при юго-западном ветре следовало сперва совершить морской маневр внутри неширокой бухты. Мы можем только гадать, что не позволило русскому капитану это сделать: низкая компетенция, слабая подготовка команды или техническое состояние брига. Н.П. Вульф даже не пытался ничего предпринимать, предпочитая ожидать перемены ветра. О «противном SW ветре», задержавшем на сутки выполнение приказа, говорит и Н.П. Вульф в рапорте²⁷, и его сын в своей заметке²⁸, и сам командующий эскадрой²⁹. На следующий день в 9 часов утра ветер переменялся на северо-северо-восточный (NNO), что позволило «Аяксу» отчалить от берега и выйти из Геленджика с прямым попутным ветром.

Однако дуящий от берега ветер не давал выполнить поставленную задачу. Пройти отрезок пути от Геленджикской до устья Суджук-Кальской бухты с боковым ветром, дуящим справа, «Аякс» еще мог, а вот при попытке войти в глубь бухты он попадал в «мертвую зону» — северо-северо-восточный ветер, дующий с берега, являлся для корабля встречным. Корабль, судя по всему, был просто технически не способен на подобный маневр.

²² Вульф П. Указ. соч. С. 93.

²³ The Times. 7.II.1837. P. 2.

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 8.

²⁵ The Times. 7.II.1837. P. 2.

²⁶ Вульф П. Указ. соч. С. 93.

²⁷ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 15.

²⁸ Вульф П. Указ. соч. С. 94.

²⁹ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 8 об.

В сложившихся условиях капитан «Аякса» сделал все, что мог: он протянул корабль в открытое море за Суджук-Кальскую бухту, совершил маневр и, идя в левый бейдевинд³⁰, вернулся обратно. Траектория движения вынесла судно к самому входу в Суджук-Кальскую бухту, на южном берегу которого находилось строящееся русское Добское укрепление³¹. В виду него бриг был вынужден бросить якорь, ожидая очередной перемены ветра. Команда «Аякса» видела стоящую глубже в бухте шхуну «Виксен», фиксировала передвижения на ее борту, но корабль не мог, идя против ветра, приблизиться к нарушителю. «За противную погоду, в Суджукскую бухту войти было невозможно, — пишет в своем рапорте Вульф, — но 14 ноября в 8 часов пополудни при сильном с моря ветре, миновав мыс и укрепление Добское, в Суджукской бухте на удобном грунте я бросил якорь, по невозможности приблизиться к берегу в конце бухты. Здесь в продолжении дня выдержал сильный шторм и, осмотревшись, заметил в самом конце Суджукской бухты стоявшее на якорях двухмачтовое судно»³². Англичане в свою очередь также заметили, что «на входе в залив бросил якорь русский военный бриг», но в течение всего воскресного дня были заняты «краткой экспедицией на берегу»³³ и не предпринимали попытки покинуть стоянку.

Вместе с ожидаемой переменой ветра пришло волнение на море, которое улеглось только к середине следующего дня. 14 ноября «в час пополудни, — продолжает Вульф, — снявшись с якоря при ветре с берега, лавировкой приближаясь к судну, я нашел, что здесь была шхуна с поднятым английским флагом. Пушечным выстрелом я потребовал для опроса шкипера шхуны, который на гребном боте приблизился к борту»³⁴. Англичане также отмечают, что бриг, встав на якорь недалеко от «Виксен», под угрозой пушек потребовал на свой борт шкипера Чайлдса с судовым журналом и другими документами, а затем и хозяина груза — Беля³⁵.

Так закончилась погоня за шхуной, в ходе которой бригу понадобилось два дня, чтобы пройти отрезок пути длиной около 30 км. Нарушителя теперь следовало доставить в Геленджик, но английский шкипер наотрез отказывался выполнять требования, ссылаясь на статьи международного права.

Утром 15 ноября под угрозой пушек «Аякса» и имея на борту в заложниках Беля, Вульф заставил английскую шхуну сняться с якоря. Суда последовали в Геленджик, на рейд которого сам «Аякс» вернулся с большим трудом. «Пройдя на траверс Геленджикского рейда, я приказал шхуне идти при помощи гребного судна в бухту, а сам за неимением оно не мог долго времени войти на рейд»³⁶, — завершает Вульф свой рапорт. Это обстоятельство не укрылось и от англичан, которые в своем официальном заявлении отмечают, что захваченная «Виксен» зашла в Геленджик в понедельник вечером, а захвативший ее «Аякс» смог это сделать только через день — в среду³⁷.

Детали приведенной истории показывают явно провокационные цели английской экспедиции к кавказским берегам. Организаторы не могли не знать, что база российского флота располагается в Геленджике, в виду которого сознательно прошел их корабль. Они не могли не догадываться о целях морских маневров, с помощью которых «Аякс» в течение дня приближался к «Виксен». Они не искали возможности уклониться от встречи с русским судном, ведь ничего не мешало Чайлдсу — опытному шкиперу, располагавшему отличным маневренным и быстроходным кораблем, при виде русского крейсера в противоположном конце Суджук-Кальской бухты просто сняться с якоря и уйти в нейтральные

³⁰ Курс, при котором угол между направлением ветра и направлением движения судна составляет менее 90°.

³¹ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 15. Об этом же говорит и Вульф. С. 94.

³² РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 15.

³³ The Times. 7.II.1837. P. 2.

³⁴ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 15 об.

³⁵ The Times. 7.II.1837. P. 2.

³⁶ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 15 об.

³⁷ The Times. 7.II.1837. P. 2.

воды с идеальным для него попутным северо-северо-восточным ветром. Судя по карте, это можно было сделать с большим шансом на успех, даже без морских маневров. Попасть в плен к русским, видимо, и была политическая задача, поставленная перед экспедицией Беля. На это же намекает и П. Вульф, подметивший, что в отличие от шкипера «Виксен» Бель «тотчас же изъявил согласие идти в Геленджик»³⁸.

Прибыв на базу русского флота, Бель вместо объяснений инцидента сделал политическое заявление командующему эскадрой. «Мы прибыли на этот берег открыто и не маскируясь во время плаванья, предпринятого по всем правилам морских законов, с уважением общих правил торговли и правил регистрации судов. Исходя из сего, Vixen of London находилась под защитой юридических норм, бросая якорь в Суджук-Кальской бухте в то воскресное утро, когда капитан “Аякса” Вульф, действуя, как мы позднее поняли по приказам Вашего Превосходительства, приблизился к нам и объявил нам о нарушении блокады побережья, установленной Императором России, приказал сняться с якоря и следовать за ним в Геленджик, а в доказательство серьезности своих намерений выкатил на палубу пушки и навел их на “Виксен”»³⁹, — писал Бель. Текст этого документа англичане позднее дословно воспроизвели в официальном заявлении для британской прессы⁴⁰.

Арест подданных иностранного государства и их политическое заявление поставило командующего эскадрой в сложное положение. Контр-адмирал Эйсмонт, как показываю документальные материалы, создал временную комиссию по расследованию инцидента, которая затребовала от капитана Вульфа рапорт об обстоятельствах задержания судна, взяла объяснительные записки у Чайлдса и Беля, а также, допросив англичан порознь, составила обстоятельный протокол их ответов⁴¹.

Когда комиссия завершила работу, Бель еще больше накалил ситуацию, объявив капитану «Аякса» «желание видеть пилота турку, нанятого им до Суджука, для того, чтобы уплатить ему оставшиеся деньги». Комиссия потребовала снять показания и с лоцмана, но выяснила, что его нет на корабле, так как «при приближении брига “Аякс” к шхуне “Виксен” он оставлен на берегу в Суджук»⁴². В свете открывшегося обстоятельства, комиссии пришлось доследовать инцидент, так как имело место грубое нарушение основополагающей цели морской блокады побережья — предотвращения контактов адыгских племен с турецкими эмиссарами.

Одновременно Эйсмонт слал запросы вышестоящему начальству о дальнейших действиях и при первой же возможности дистанцировался от конфликта, переправив арестованное судно из Геленджика. «Шхуну приказываю не считать арестованной, — писал Эйсмонт, — а представить ей право иметь флаг своей нации, и на пути отсель в Севастополь должна она управляться шкипером Чайлдсом»⁴³. Командующий Абхазской экспедицией официально объявил англичанам, что они прибыли к черноморскому берегу «в нарушение блокады, установленной на пять лет и объявленной Европе российским императором, что в силу этого турецкие или иные суда, захваченные крейсерами при подобных обстоятельствах, должны восприниматься как законный приз, но в силу установившихся дружеских отношений между Великобританией и Россией он считает долгом переправить решение их дела своему высшему начальству в Севастополь»⁴⁴.

Конвоировать нарушителя должен был тот же «Аякс», на борту которого находились все документы арестованного судна, материалы предварительного следствия, а для гарантии лояльности английской команды — купец Бель. 22 ноября шхуна «Виксен» с конвоировавшим ее военным кораблем отправилась в Севастополь, но через четыре дня

³⁸ Вульф П. Указ. соч. С. 94.

³⁹ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 37.

⁴⁰ The Times. 7.II.1837. P. 2.

⁴¹ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 17–29.

⁴² Там же. Л. 30–30 об.

⁴³ Цит. по: Вульф П. Указ. соч. С. 96–97.

⁴⁴ The Times. 7.II.1837. P. 2.

пути, 26 ноября, «уже в виду крымских берегов» при свежем юго-западном боковом ветре «Аякс» потерял шхуну из вида.

Объяснения Вульфа по поводу случившегося сбивчивы. Его сын был уверен, что перед тем, как потерять в море «Виксен», отец увидел сигнал, что шхуна получила повреждения такелажа и вынуждена свернуть с маршрута. Бриг кинулся ее разыскивать вдоль крымского побережья, зашел в Феодосию и Керчь, откуда только через две недели, 10 декабря 1836 г., доплыл до Севастополя⁴⁵. В течение всего этого времени командование Черноморского флота разыскивало пропавший бриг, отправив для этих целей в Геленджик 12-пушечный тендер «Струя». Придя на российскую морскую базу у берегов Кавказа 10 декабря, в тот же день, когда «Аякс» добрался до Севастополя, командир корабля, лейтенант Васильев, тщетно пытался найти у командующего Абхазской экспедицией «бумаги английской шхуны для немедленного по оным заключения», о чем он рапортовал начальству⁴⁶.

История перехода «Виксен» из Геленджика в Севастополь — потеря конвоирующим своего подконвойного — показала техническое несовершенство кораблей Черноморского флота, причем находящийся на борту «Аякса» Бель мог собственными глазами видеть детали неразберихи.

Дальнейшее делопроизводство севастопольского начальства вскрыло неуклюжесть имперской бюрократической машины. Англичане писали коменданту, что после 12 дней пребывания в порту в ожидании продолжения следствия на борту судна закончился запас провизии, которой они не только питались сами, но и кормили русскую охрану, а купить что-то в городе они, находясь под арестом, не могли. Чтобы установить официальный статус «подследственных», комендант Севастополя слал запросы командованию Черноморским флотом в г. Николаев, а адмирал М.П. Лазарев, не беря на себя ответственность, пересылал бумаги начальнику Главного морского штаба в Петербург. Ни у кого из российских военных не вызывало сомнения, что захваченный в зоне морской блокады корабль «есть правильный наш приз»⁴⁷, но для придания этому выводу силы юридического решения потребовалась резолюция императора⁴⁸.

Пока тянулась переписка между Севастополем, Николаевом и Петербургом, англичане подогревали ситуацию, сообщая в письме командующему флотом адмиралу Лазареву, что из-за отсутствия в Севастополе английского консульства или частных английских купцов они вынуждены обращаться лично к нему для решения всех своих текущих проблем, в том числе пересылке писем родным с извещением о задержании русскими крейсерами⁴⁹. При этом приложенные частные письма на английском языке местное флотское начальство прочитать не могло из-за отсутствия переводчика. Тексты своих писем и ответы на них адмирала Лазарева англичане позднее опубликовали в Британской прессе⁵⁰.

Одновременно следствие выясняло, чем занимались англичане в Суджук-Кальской бухте в течение 36 часов, предшествовавших их аресту. По свидетельским показаниям экипажа, моряки вместе со шкипером высаживались на берег за водой, общались с местными жителями, которые встретили их весьма дружелюбно. В свою очередь капитан Н.П. Вульф свидетельствовал, что на момент ареста команда шхуны «выгружала неизвестно что на берег и с береговыми жителями имела сношение очень подозрительные»⁵¹, а Бель прибыл на борт «Аякса» со стороны берега. Своими контактами с «обитателями побережья с целью установить с ними торговлю» хвастали позднее и англичане⁵².

⁴⁵ Вульф П. Указ. соч. С. 97.

⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 2 об., 50.

⁴⁷ Там же. Л. 5 об., 7.

⁴⁸ Там же. Д. 361. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Д. 210. Л. 5 об.

⁵⁰ The Times. 7.II.1837. P. 2.

⁵¹ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 15 об., 21.

⁵² The Morning Chronicle. 28.I.1837. P. 2.

Следуя официальной инструкции, российские власти первым делом принялись искать на шхуне контрабанду — оружие и порох, но смогли обнаружить только вооружение самого корабля: две чугунные пушки трехфунтового калибра, шесть ружей, четыре пистолета, четыре пики, четыре сабли, «пороху около 10 фунтов, хранящегося в бочонке», и около 20 ядер⁵³. Наличие этого вооружения на борту не скрывал и шкипер судна, но его было явно недостаточно для торговли.

По линии агентурных сведений из Константинополя Новороссийскому генерал-губернатору М.С. Воронцову было сообщено, что «на судне сем находится оружие для продажи черкесам, что оружие то спрятано снизу трюма и покрыто солью»⁵⁴. Эти сведения были переданы флотским командованием в Севастополь и тщательно проверены, однако, выгрузив из трюма более 100 т соли «в карантинный пакгауз», флотское командование на дне шхуны ничего не обнаружило⁵⁵. Описывая этот эпизод журналистам, Бель отметил, что «русские офицеры высказали явное разочарование, не найдя под грузом порох или оружие»⁵⁶.

Результаты расследования явно расходились не только с агентурными данными из Константинополя, но и со сведениями, получаемыми российским командованием через лазутчиков у горцев. Последние сообщали, что «в первых числах прошлого ноября на одном судне, приставшем в Суджукской бухте (вероятно, английской шхуне, взятой нашими крейсерами), доставлено значительное количество соли, медных турецких трехфунтовых орудий 4, шестифунтовых так же 4, ружей и шашек весьма много, пороху девять бочонков в каждом по 4 пуда. Все это оружие и порох прибывшем на сем судне турком Атербет-Гасаном передано горцам и отвезено в аул Биде»⁵⁷.

Достоверность этих данных проверить не удалось, однако косвенно на возможность поднять на борт «Виксен» дополнительный груз указывали тщательно произведенные расчеты грузоподъемности судна. Комиссия в Севастополе сделала вывод, что «кормовая часть шхуны “Виксен” найдена без всякого груза, пустой, что шхуна с погруженной солью имеет углубление ахтерштевня только 10½ футов, форштевня — 9 футов и, следовательно, не имела полного дифферента, почему полагать должно, что в кормовой части шхуны находился еще груз, который, вероятно, ими оставлен где-нибудь на берегу Абхазии или же выброшен в море»⁵⁸.

Вскоре российское командование получило дополнительную информацию по линии министерства иностранных дел: статью из английской газеты *Morning Chronicle*. Она содержала общие рассуждения о незаконности блокады кавказского побережья под предлогом недопущения на эту территорию чумы, о технической невозможности для отсталой страны осуществлять действенный контроль над этим участком береговой линии. Статья также вскользь сообщала, что в начале ноября шхуна «Виксен» вышла из Константинополя к черкесским берегам, груженная ружейным порохом «и предметами, запрещенными русским таможенным тарифом», с целью «провести эксперимент проверки прочности установленной блокады»⁵⁹.

Статья была прочитана Белю, который заявил, что она «не может быть принята за официальную... ибо всем известно, что в Англии, Франции и Америке всякий печатать волен, что ему заблагорассудится, и поэтому статья эта не может служить к обличению их в ложных показаниях». Шкипер Чайлдс в свою очередь добавил, что статья написана «дельным человеком», но «объявление, что большая часть груза шхуны состоит из пороха,

⁵³ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 17.

⁵⁴ Там же. Л. 2 об.

⁵⁵ Там же. Л. 52.

⁵⁶ *The Morning Chronicle*. 3.III.1837. P. 2.

⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 61.

⁵⁸ Там же. Л. 52.

⁵⁹ *The Morning Chronicle*. 20.XII.1836. P. 2.

следует считать вопиющей ложью (glaring falsehood)»⁶⁰. Позднее в британской прессе Бель также отметил, что груза оружия на шхуне и не могло быть в силу ограничений, установленных турецкой стороной в Черном море. Не только все торговцы, но и русский консул хорошо знают, что «даже если бы на борту находились порох, оружие или пушки, то судно было бы полностью от них очищено в Константинополе... ведь в здешней торговле никакого вооружения нельзя загрузить без санкции турецкого правительства»⁶¹, писал он.

Следующей версией следствия стало обвинение англичан в передаче горцам с «Виксен» части вооружения самой шхуны. Тщательно изучив технические документы, российская сторона отметила, что из четырех пушек, которые было способно поднять на борт судно, «налицо только два орудия, других же двух не оказалось, и подозрение должно, не переданы ли они горцам, к чему было достаточно времени в продолжении лежания шхуны на якоре в Суджук-Кале». Доказать это обвинение не удалось: шкипер Чайлдс и команда упорно стояли на своем, заявляя, что иметь на борту полное вооружение в этой части света англичане не считали необходимым⁶². Английской прессе Бель добавил, что две двухфунтовые пушки служили на корабле исключительно для подачи сигналов⁶³. В целом, удобный для российской стороны тезис о наличии на шхуне контрабандного пороха и оружия, который из имперских политических документов перешел и в труды современных исследователей проблемы⁶⁴, доказать не удалось.

Основным обвинением, выдвинутым судну, стало нарушение установленной морской блокады черкесского берега, о которой, по мнению российской стороны, были извещены все иностранные государства, а их консулы в Константинополе снабжены текстами объявления на русском, английском, французском и итальянском языках⁶⁵.

Англичане в следственных показаниях единодушно утверждали, что действовали строго в соответствии с британскими морскими законами и не могли знать о блокаде, установленной императором России. «Сведений ни о какой береговой блокаде или каких-то иных ограничениях, которые бы препятствовали нашему плаванью, не было опубликовано в Governmental Gazette of Great Britain (британском официальном правительственном листке) ранее 1-го сентября — того последнего времени, когда заявитель сего, мистер Бель, покинул Лондон и ему стал недоступен этот единственный источник новых правительственных распоряжений, на коих он бы основывал свои действия как верноподданный, если бы таковые сокращения (condense) правил для Британских торговцев действовали для данного случая»⁶⁶, — отмечал в объяснительной записке Бель. Эту же версию англичане позднее изложили и в официальном заявлении британской прессе, добавив, что они не могут указать и на «законные основания для вмешательства в ход законного торгового мероприятия, которое они вели, пока сила не заставила его прервать»⁶⁷.

Российская сторона настаивала на том, что о морской блокаде шкипер и хозяин груза не могли не знать, а за их провокационными действиями стоят: консул в Константинополе Д. Уркварт и группа «русофобов» в британском правительстве. Британские официальные лица опровергали свою связь с экспедицией «Виксен», отмечали, что российские публикации в Official Gazette «являются массивной ложью и направлены на то, чтобы выставить в глазах всего мира британское правительство подстрекателем и сообщником попытки организовать поставку вооружения тем людям на черкесском берегу, которых они называют “восставшими подданными России”»⁶⁸.

⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 63.

⁶¹ The Morning Chronicle. 3.III.1837. P. 2.

⁶² РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 7–7 об., 24 об.

⁶³ The Morning Chronicle. 3.III.1837. P. 2.

⁶⁴ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы... С. 70.

⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 370. Л. 220.

⁶⁶ Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 37.

⁶⁷ The Times. 7.II.1837. P. 2.

⁶⁸ The Morning Chronicle. 3.III.1837. P. 2.

К политической стороне инцидента, хорошо освещенной в историографии⁶⁹, можно добавить, что идея расследовать связи Беля с правительством Великобритании возникла у российской стороны еще в момент задержания судна. Так, капитан Вульф, докладывая о случившемся, отмечал, что ему «очень подозрительно, что хозяин, назвавшийся купцом, судя по его с короною и номером пуговицам, едва ли есть чиновник какой-либо службы английского королевства»⁷⁰. Бель в свою очередь в мемуарах отмечал, что он имел все основания «предположить, что экспедиция была предпринята по желанию министра иностранных дел нашего кабинета, чьи намерения были сообщены через посредство государственного секретаря секретарю дипломатической миссии в Константинополе г-ну Уркварту, поделившемуся о том со мной»⁷¹.

В конечном счете имперское правительство постановило конфисковать «Виксен» и весь ее груз, объявляя их «правильным призом». Шкипер Чайлдс и команда, выполнявшие указания владельцев судна, были отпущены на свободу. Бель, Чайлдс и команда судна, заявив напоследок российским властям протест «против всего, что охватывает случай незаконного ущемления прав британских подданных, которому мы подверглись, равно как и против ведущих к опасным последствиям директив», потребовали разрешить им «как можно скорее вернуться домой, дабы мы могли довести этот случай до сведения правительства Великобритании»⁷². Как сообщили позднее англичане, морская администрация передала их в распоряжение генерал-губернатора М.С. Воронцова, который снабдил экипаж средствами для поездки в Константинополь⁷³.

Скандал с «Виксен» широко освещался в европейской прессе. Первое известие о случившемся опубликовало официальное издание Министерства иностранных дел Российской империи *Journal de St. Petersburg*, издававшееся на французском языке. Оно сухо изложило фактическую сторону инцидента. Сведения из российской газеты в один день перепечатали английские *Morning Chronicle* и *Morning Post*, которые в дальнейшем следили за развитием событий.

Первоначально пресса достаточно объективно сообщала о факте задержания «Виксен» в Суджук-Кальской бухте и не высказывала резких политических суждений. «Наказание было немедленно наложено: контрабанда была налицо, как и нарушение санитарных норм»⁷⁴, — писала *Morning Chronicle*. *Morning Post* же упрекала своего конкурента в противоречивости подачи фактов, подчеркивая, что вместо ожидаемого груза пороха, о котором им было ранее объявлено, на шхуне нашли только соль⁷⁵.

Вскоре инцидент, по замечанию Ч. Кинга, предоставил «топливо для политических интриг в Лондоне»⁷⁶. Так, в начале 1837 г. оппозиционная газета *Standard* писала, что скандал вокруг «Виксен» может перерасти в столкновение России и Великобритании, а правительство вигов, допустив свободную деятельность «агентов царя» в Испании, Франции, Бельгии и Ирландии, просто не может «потребовать достойное удовлетворение оскорблению, нанесенному британскому флагу»⁷⁷.

Добравшийся до Константинополя Дж. Бель совместно с совладельцем «Виксен» А.Мортоном выступили с заявлением по поводу инцидента, его опубликовало центральное британское издание «Таймс»⁷⁸, после чего в феврале—марте 1837 г. британская пресса

⁶⁹ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003. С. 117—155; Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 239—256; Cleason J.H. Op. cit. P. 164—204; Hopkirk P. Op. cit. P. 151—156.

⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 15 об.

⁷¹ Бель Дж. Указ. соч. С. 5.

⁷² РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 210. Л. 37 об.

⁷³ The Morning Chronicle. 20.XII.1836. P. 2.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ The Morning Post. 28.I.1837. P. 2.

⁷⁶ King Ch. Op. cit. P. 177.

⁷⁷ The Standard. 31.I.1837. P. 2.

⁷⁸ The Times. 7.II.1837. P. 2.

буквально взорвалась от негодования по поводу случившегося. Как считает английский исследователь Дж. Клеасон, письма Беля в «Таймс» послужили основой для нападок на Россию в палате общин в апреле 1837 г.⁷⁹ Скандал привлек к себе внимание и других изданий. О «Виксен» писали в региональных изданиях Эдинбурга, Лидса, Йорка, Питсбурга⁸⁰. Он докатился даже до американских штатов Пенсильвании, Теннесси, Флориды и Южной Каролины, а также австралийского Сиднея⁸¹. Колониальная пресса трактовала захват «Виксен» как ущемление Россией интересов не только Британии, но и всех других держав, заинтересованных в организации черноморской торговли. «Если “Виксен” была захвачена на основе русских таможенных и санитарных законов, то это означает нарушение пунктов Адрианопольского и Ункар-Искелесийского договоров о суверенности Черного моря — прав всего мира плавать в нем: Англии, Франции, Америки — всех нас. Вот, что служит точкой притяжения в инциденте»⁸², — писала американская газета из Пенсаколы.

Детали политического скандала вокруг обмена нотами российского и британского правительств, обсуждения инцидента с «Виксен» в британском парламенте и реакция на конфликт правительств других европейских государств достаточно известны и не раз становились предметом детального изучения исследователями, которые считают, что организаторы провокации надеялись на два вероятных исхода: в случае, если шхуне удастся незамеченной пробраться к берегу, будет доказан факт фактической неспособности России обеспечить морскую блокаду Западного Кавказа, а ее задержание могло спровоцировать военный конфликт с появлением британского военного флота в Черном море и вытеснением России с ее позиций в этом регионе⁸³. Обе эти цели не были достигнуты благодаря действиям кораблей Абхазской экспедиции, однако детали задержания шхуны давали англичанам богатую пищу для размышлений. Они наносили удар по престижу русского флота и имиджу блокады. Выходило, что прямо под носом у русских крейсеров английская шхуна, не прячась, не только проскочила через блокаду, но и шла напрямую, вдоль берега в виду русских наблюдателей в Геленджике, а затем стала на якорь вблизи строящегося у входа в Суджук-Кальскую бухту Добского укрепления.

Кроме того, англичане смогли своими глазами увидеть недостатки российской морской блокады: технически устаревший русский крейсер двое суток преодолевал 30 км, отделявших Геленджик от Суджук-Кале, а затем при конвоировании нарушителя в Севастополь потерялся в море. Не на высоте оказалось и морское командование как в штабе Абхазской экспедиции, так и в Севастополе, общение с которым показало англичанам, что в критической ситуации оно не может что-то оперативно предпринять без прямого указа сверху и долгой чиновничьей волокиты. К тому же англичан неплохо приняли на своем берегу черкесы, и команда прямо под носом у плывущего ее арестовывать крейсера смогла не только выгрузить часть груза, но еще и оставить на берегу своего турецкого лоцмана. Проведенная «разведка боем» открыла англичанам глаза на многое из того, что российское командование хотело скрыть за блокадой. В мемуарах Бель отмечал, что во время своего пребывания у российского командования он ежедневно собирал политические сведения, которые могли быть использованы в интересах его страны, а в апреле 1837 г., на следующий день после прибытия из России в Константинополь, он принял решение на турецком судне «вернуться в Черкессию, дабы там пополнить исследования, столь печально прерванные». Вместо соли он взял во вторую экспедицию в район Пшада

⁷⁹ Cleason J.H. Op. cit. P. 192.

⁸⁰ The Morning Post. 6. II.1837; Caledonian Mercury. 9.II.1837; The Leeds Mercury. 11.II.1837; The York Gazette. 21.III.1837; The Daily Pittsburgh Gazette. 30.III.1837.

⁸¹ National Benner and Nashville Whig. 27.III.1837; The Charleston Courier. 30.V.1837; The Sydney Morning Herald. 26.IV.1838.

⁸² Pensacola Gazette. 15.IV.1837. P. 2.

⁸³ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы... С. 71; Айпанетов О.Р. Указ. соч. Т. 2. С. 249.

«немалый ассортимент подарков, таких как ружья, сабли и телескопы для вождей»⁸⁴, а также порох.

Между тем решение окончательной судьбы шхуны тянулось до осени 1837 г. На основании Высочайшего повеления «Виксен» была конфискована. Это решение мотивировалось тем, что «морское начальство имеет право взять в казну всякое из пленных судов и выдать деньги за корабли... по сделанной через особую комиссию оценке»⁸⁵.

В августе 1837 г. следственная комиссия, работавшая в Севастополе, определила стоимость шхуны в 59 943 руб. 62,5 коп., и в сентябре эта сумма была ассигнована из остаточных сумм Черноморского управления «для раздела между приобретателями приза». Выплата призовых денег команде должна была осуществляться поэтапно. Первая треть выдавалась через два месяца после извещения, а оставшиеся две трети через следующие два месяца⁸⁶. Капитан Вульф за поимку шхуны получил орден Св. Анны 2-й степени и 5 тыс. руб. призовых денег⁸⁷.

Сама же шхуна, которая, по словам российских моряков, была очень хорошо построена и могла поднимать груз от 120 до 130 т⁸⁸, под новым именем «Суджук-Кале» пополнила военные транспорты Черноморского флота. Судно сначала исполняло транспортные функции, но потом на него было поставлено 10 орудий, и оно продолжало службу в качестве военного корабля⁸⁹ и, не имея «на ходу соперников», долго служило Российскому черноморскому флоту.

Анализ документов следствия по «делу “Виксен”» показал явные несостыковки в обвинениях, выдвинутых англичанам российской стороной: ряд тезисов, которые позднее были использованы как политические аргументы в международном скандале, не имеют фактического подтверждения. Шхуна везла горцам соль, а не пушки, оружие и порох, причем выбор мирного груза был сделан хозяином судна скорее всего сознательно, с целью создать российской стороне максимальные затруднения при аргументации обвинения. На провокационный характер мероприятия указывают и маршрут, и детали задержания шхуны, и поведение хозяина груза и шкипера во время следствия. Однако детали следствия говорят и о существенных недостатках в организации российской стороной морской блокады «Черкесского берега», прежде всего о техническом несовершенстве судов, ее осуществлявших. Их возможностей было вполне достаточно для борьбы с черкесскими лодками и турецкими каботажными судами, но корабли Абхазской экспедиции оказались несостоятельными в конкуренции со шхуной современной европейской конструкции.

Библиография

Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Т. 2. Внешняя политика императора Николая I. 1825–1855. М., 2017.

Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» (1836–1837 гг.) // Красный архив. 1940. № 5 (102). С. 189–195.

Бель Дж. Дневник пребывания в Черкессии в течение 1837–1839 годов. Т. 1–2. Нальчик, 2007.

Вульф П. Английская шхуна *Wixen* – военный приз, взятый бригам «Аякс» у берегов Кавказа в 1836 году // Морской сборник. 1886. Т. ССХII. № 4. С. 91–106.

Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003.

Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М., 2009.

Лазарев М.П. Документы. Т. II. М., 1955.

Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2010.

Скрицкий Н.В. Крымская Война. 1853–1856 годы. М., 2006.

⁸⁴ *Бель Дж.* Указ. соч. С. 5, 13.

⁸⁵ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 361. Л. 1 об.

⁸⁶ Там же. Л. 1–1 об.

⁸⁷ *Вульф П.* Указ. соч. С. 98.

⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 361. Л. 53.

⁸⁹ *Вульф П.* Указ. соч. С. 98.

- Bondarevsky G.L.* The Great Game. A Russian Perspective. Hastings, 2002.
Cleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain. London, 1950.
Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia. London, 2006.
King Ch. The Black Sea. A History. Oxford, 2004.

References

- Ajrapetov O.R.* Istorija vneshnej politiki Rossijskoj imperii. 1801–1914 [A History of the Russian Empire International Affairs] Vol. 2. Vneshnjaja politika imperatora Nikolaja I. 1825–1855 [The International Affairs of the Nicolaus I Epoch]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Anglo-russkij incident so shkhunoj “Viksen” [Anglo-Russian incident with the schooner “Vixen”] (1836–1837 gg.) // Krasnyj arhiv [Red Archive]. 1940. № 5 (102). S. 189–195. (In Russ.)
- Bel’ Dzh.* Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837–1839 godov [Diary of a stay in Circassia during 1837–1839]. T. 1, 2. Nal’chik, 2007. (In Russ.)
- Degoev V.V.* Bol’shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost’ [The Big Game in the Caucasus: History and Modernity]. Moskva, 2003. (In Russ.)
- Degoev V.V.* Kavkaz i velikie derzhavy. 1829–1864 gg. Politika, vojna, diplomatiya [The Caucasus and the Great Powers. 1829–1864. Politics, war, diplomacy]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Lazarev M.P.* Dokumenty. [Documents]. T. II. Moskva, 1955. (In Russ.)
- Sergeev E.Ju.* Bol’shaja igra, 1856–1907: mify i realii rossijsko-britanskih otnoshenij v Central’noj i Vostochnoj Azii [The Great Game of 1856–1907: Myths and Realities of Russo-British Relations in Central and East Asia]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Skrickij N.V.* Krymskaja Vojna. 1853–1856 gody [The Crimean War of 1853–1856]. Moskva, 2006. (In Russ.)
- Vul’f P.* Anglijskaya shkhuna *Wixen* – voennyj priz, vzyatyj brigom “Ayaks” u берегов Kavkaza v 1836 godu [The English schooner *Wixen* is a military prize taken by the brig *Ajax* off the coast of the Caucasus in 1836] // Morskoy sbornik [Marine Collection]. 1886. T. CCXII. № 4. S. 91–106. (In Russ.)
- Bondarevsky G.L.* The Great Game. A Russian Perspective. Hastings, 2002.
Cleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain. London, 1950.
Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia. London, 2006.
King Ch. The Black Sea. A History. Oxford, 2004.

DOI: 10.31857/S013038640021317-6

© 2023 г. Д.Р. ЖАНТИЕВ

ДВА ОБРАЗА МЛАДОТУРЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ В БЕЙРУТЕ И ДАМАСКЕ НА РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1908 года В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Жантиев Дмитрий Рустемович — кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: zhantiev@iaas.msu.ru

Scopus Author ID: 55587549800; ORCID: 0000-0003-4243-6120

Аннотация. В статье рассматривается реакция провинциального общества на события первого этапа Младотурецкой революции в Османской империи в 1908 г. на примере двух крупных центров сирийских провинций Османской империи — Бейрута и Дамаска. Ограничение младотурками власти султана-халифа Абдул-Хамида II вызвало неоднозначную, порой диаметрально противоположную реакцию на арабской периферии Османской империи, анализ которой необходим для понимания механизмов дальнейших отношений провинциальных элит с имперским центром. На основе консульских донесений и свидетельств ряда очевидцев событий показаны два образа младотурок и их действия в 1908 г. глазами бейрутской и дамасской общественности. В то время как в приморском Бейруте, служившем главными «морскими воротами» османской Сирии, либеральные настроения среди местных интеллектуалов и торговых семей (как мусульман, так и христиан) послужили почвой для позитивного и даже восторженного восприятия революции, в более традиционной и консервативной городской среде Дамаска восстановление действия конституции и ограничение султанской власти было воспринято настороженно-негативно. Разрушение системы отношений «патрон — клиент», связывавших крупных землевладельцев и мусульманских религиозных деятелей Дамаска с султанским двором, породило протестные настроения среди горожан, что, в свою очередь, осенью 1908 г. привело к массовым беспорядкам в Дамаске. Проведенное исследование опровергает распространенный тезис об однозначно позитивном восприятии Младотурецкой революции в арабских провинциях Османской империи.

Ключевые слова: Османская империя, младотурки, Сирия, Бейрут, Дамаск, политическая борьба, Младотурецкая революция, центр—периферия, общественные движения.

D.R. Zhantiev

Two Images of the Young Turk Revolution: Public Reaction in Beirut and Damascus to the Revolutionary Events of 1908 in the Ottoman Empire

Zhantiev Dmitry, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: zhantiev@iaas.msu.ru

Scopus Author ID: 55587549800; ORCID: 0000-0003-4243-6120

Abstract. In this study, the author examines the reaction of the provincial society to the events of the first stage of the Young Turk Revolution in the Ottoman Empire in 1908 on the example of two large centers of the Syrian provinces of the Ottoman Empire — Beirut and Damascus. The Young Turks'

restriction of the power of Sultan-Caliph Abdul-Hamid II caused an ambiguous, sometimes diametrically opposed reaction in the Arab periphery of the Ottoman Empire, the analysis of which is necessary to understand the mechanisms of further relations between the provincial elites and the imperial center. On the basis of consular reports and testimonies of a number of eyewitnesses of the events, two images of the Young Turks and their actions in 1908 are shown through the eyes of the Beirut and Damascus public. While in seaside Beirut, which served as the main “sea gate” of Ottoman Syria, liberal sentiments among local intellectuals and merchant families (both Muslims and Christians) served as a breeding ground for a positive and even enthusiastic perception of the revolution, in a more traditional and conservative Damascus the restoration of the constitution and the limitation of the Sultan’s power was perceived with a wary negative. The destruction of the “patron-client” relationship that connected the large landowners and Muslim religious figures of Damascus with the Sultan’s court gave rise to protest moods among the townspeople, which, in turn, led to mass riots in Damascus in the fall of 1908. The conducted research refutes the widespread thesis about the unambiguously positive perception of the Young Turk Revolution in the Arab provinces of the Ottoman Empire.

Keywords: Ottoman Empire, Young Turks, Syria, Beirut, Damascus, political struggle, Young Turk revolution, centre-periphery, social movements.

Вооруженное восстание в Османской империи в июле 1908 г., организованное подпольной младотурецкой революционной организацией, известной как «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»), положило начало Второй конституционной эпохе (1908–1920). В этот период политическая система османского государства принципиальным образом изменилась: на смену считавшейся сакральной власти султана-халифа Абдул-Хамида II (1876–1909) пришло конституционное правление и соперничество политических партий и групп, оспаривавших друг у друга влияние на османское правительство. Восприятие Младотурецкой революции 1908–1909 гг. в османском обществе было весьма неоднозначным, тем более что ситуация менялась быстрыми темпами. Выступление верных младотуркам воинских частей в Македонии началось в первых числах июля 1908 г. Но в условиях жесткой цензуры информация о нем доходила до отдаленных провинций империи со значительным опозданием и в основном на уровне слухов вплоть до 24 июля 1908 г., когда Абдул-Хамид II, так и не решившийся подавить мятеж силой, согласился выполнить требования революционеров. В сознании большинства османских подданных главным общественно важным событием лета 1908 г. стало издание султанского указа о восстановлении во всей полноте действия османской Конституции 1876 г. и проведении новых парламентских выборов спустя почти тридцать лет после роспуска первого османского парламента. Кроме того, младотуркам в июле 1908 г. удалось добиться от султана издания указов об отмене политической цензуры, амнистии политических заключенных и свободе собраний в преддверии новых выборов. В то же время руководящий комитет организации «Иттихад ве теракки», заседавший в Салониках, продолжал оставаться закрытой, законспирированной структурой и в своей работе в провинциях опирался на местные ячейки, состоявшие в основном из офицеров и чиновников. Особенно сильным влияние идей младотурок было среди молодых армейских офицеров, получивших образование в военных училищах. Турецкий исследователь К. Карпат справедливо отмечал, что протестный потенциал среди молодого офицерства во многом был связан не столько с распространением революционных либеральных идей и их осмыслением, сколько с тяжелым финансовым положением, вызванным размером жалования и задержками его выплат¹.

Демонстрируя формальное уважение к Абдул-Хамиду II в первые месяцы революции, младотурки были намерены установить контроль над османским правительством и вооруженными силами, а главное, лишить султанскую власть ее сакрального с точки зрения ислама характера. Но степень влияния конституционных идей и деятельности самой организации «Иттихад ве теракки» значительно отличалась в разных регионах Османской

¹ *Karpat K.H.* The Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State. New York, 2001. P. 172.

империи. Вполне закономерно, что в европейских областях, которые и стали ареной вооруженного выступления в июле 1908 г. (Македония, Албания и Фракия), это влияние было наибольшим. В Анатолии, Сирии и Ираке (в основном в крупных военных гарнизонах) также действовали тайные ячейки младотурецкой организации, но до начала революционных событий местное население практически ничего не знало об их деятельности, а зачастую и о самом факте их существования. Примечательно и то, что руководство комитета «Иттихад ве теракки» не рассчитывало на успех своей пропаганды в арабоязычных провинциях (вилайетах) империи. Во многом это объяснялось тем, что большинство офицеров и гражданских чиновников турецкого, албанского и иного происхождения, активно участвовавших в деятельности тайной организации, не владели арабским языком, что затрудняло их общение с арабоязычными жителями Сирии и Ирака. Кроме того, в арабских провинциях империи авторитет султана-халифа Абдул-Хамида II традиционно был весьма высок. Этому способствовали не только официальная печать и государственная система образования, но также провинциальная знать — крупные землевладельцы, мусульманские религиозные авторитеты (улама) и, что особенно важно, шейхи суфийских братств (турук), находившиеся под патронажем султанского двора.

Общественная реакция в сирийских вилайетах на события Младотурецкой революции 1908–1909 гг. особенно важна для понимания исторических судеб поздней Османской империи и ее ближневосточных арабских владений. В последней четверти XIX — начале XX в. Абдул-Хамид II и его верные приближенные, в числе которых были влиятельные выходцы из Сирии, придавали Сирии (включая Горный Ливан и Палестину) не меньшее стратегическое значение, чем оставшимся владениям на Балканах. Именно прочный контроль над сирийскими провинциями обеспечивал османам коммуникации с Хиджазом как областью двух Благородных святынь — Мекки и Медины, что позволяло легитимизировать власть султана как халифа ислама и покровителя хаджа. Исторический эпитет Дамаска — «преддверье Мекки» — тем самым обретал дополнительное политическое звучание. Стратегическое значение Сирии и внимание султанских властей к ситуации в сирийских провинциях также возросли в последние два десятилетия XIX в. после британской оккупации Египта в 1882 г. и установления над ним военно-политического контроля. Играя среди османских владений роль своего рода стратегического связующего звена между Анатолией, Ираком, Египтом и Хиджазом, Сирия к началу XX в. демонстрировала достаточно высокий уровень стабильности. Пароходные и телеграфные сообщения связывали ее с имперским центром — Константинополем (Стамбулом), а крупные контингенты османских регулярных войск и жандармерии обеспечивали внутренний порядок, иногда нарушавшийся редкими локальными волнениями в некоторых горных районах, например в области Джебель ад-Друз к югу от Дамаска. Общественная безопасность, рост сельскохозяйственного производства и торговых связей с внешними рынками, повышение уровня грамотности в связи с распространением системы государственного образования, проникновение западных миссионерских структур, активно работавших среди арабоязычных христианских общин Сирии, Ливана и Палестины, активизация внутренних и внешних миграций — все эти явления к началу XX в. были связаны с итогами эпохи реформ Танзимата (1839–1876) и продолжавшейся консервативной модернизации в правление Абдул-Хамида II.

Как верно отметил американский исследователь А. Массо, имперская перестройка периода Танзимата, наряду с иностранным вмешательством и внутренними мятежами, превратили общественное пространство османской Сирии одновременно в инструмент социальных преобразований и ставку в политической борьбе². Для султанских властей была принципиально важна лояльность крупных мусульманских землевладельческих семей (аянов) Сирии, пользовавшихся большим авторитетом как в городах, где они

² Massot A. Ottoman Damascus during the Tanzimat: The New Visibility of Religious Distinctions // *Modernity, Minority, and the Public Sphere. Jews and Christians in the Middle East*. Leiden; Boston, 2016. P. 181.

преимущественно проживали, так и в сельской местности, где располагались их владения. Включение представителей местных элит в ряды образованного османского чиновничества, в том числе столичного, осуществлялось посредством распространения государственных школ и цепочек отношений «патрон — клиент», связывавших провинциальные центры с имперской столицей. Давняя традиция занятия сирийскими аянами должностей в провинциальной администрации сохранялась и в эпоху реформ, открывая новые возможности в условиях включения османских владений в мировую капиталистическую систему и развития торговли, финансов. Административные средства накопления капитала, основанные на манипулировании такими ресурсами, как ильтизам (откуп права сбора государственных налогов) и вакфы (недвижимость, переданная на благотворительные цели), к середине XIX в. давали аянским семьям возможность контролировать значительные площади обрабатываемой земли. Во второй половине XIX в. введение в действие Османского земельного кодекса 1858 г. позволило владельцам капиталов приобретать государственные земли и осваивать ранее не возделанные земли на правах, близких по своему характеру к частной собственности.

Вне зависимости от того, был ли авторитет знатной семьи приобретен на государственной службе или же в результате накопления торгового капитала, в условиях османского или же европейского (консульского) покровительства он позволял богатым и влиятельным городским семьям распространять свои экономические интересы на сельские внутренние районы центральной и южной Сирии. К началу XX в. среди всех сирийских городов социально-экономическое развитие наиболее активно шло в Дамаске и Бейруте. Как приморский Бейрут, служивший основными «морскими воротами» на сиро-ливанском побережье, так и Дамаск, окрестности которого исторически выполняли функцию главной житницы всего региона, поглощали обширную миграцию из сельских районов, что способствовало изменениям в социальной структуре городов. Мигранты, переселявшиеся в крупные городские центры, предпочитали селиться в тех или иных кварталах в зависимости от религиозной (мусульмане, христиане различных конфессий) и этнической (арабы, курды) принадлежности. Для многих мигрантов Бейрут играл при этом роль транзитного пункта с перспективой дальнейшей эмиграции в далекие заморские края — вплоть до США и Бразилии, благодаря налаженным пароходным сообщениям. В постепенно меняющейся действительности обоих ключевых городов османской Сирии местная «аристократия» — будь то такие богатейшие мусульманские семьи, как аль-Азм, аль-Абид, аль-Куватли и др. в Дамаске или же христианские семьи Сурсок, Бустрос, Трад и др. в Бейруте — была жизненно заинтересована в стабильности османской власти как гаранта безопасности и открытости Сирии для внешней торговли. Примечательно, что как в Бейруте, так и в Дамаске городская знать, независимо от конфессиональной принадлежности, эффективно использовала семейные связи и брачные альянсы как средства накопления и приумножения капитала. Признаки классовой консолидации проявлялись в том, что ограниченный круг семей в каждом городе воспринимал в качестве более-менее равных себе только семьи, принадлежащие к данной группе, а сама фамилия становилась символом высокого социального статуса.

К началу XX в. процессы модернизации в Османской империи существенно изменили облик городов, но в приморском Бейруте, по сравнению с Дамаском, эти изменения были гораздо более заметными. В городе, помимо османских школ, функционировали европейские и американские миссионерские учебные заведения, развивалось издательское дело и периодическая печать³, европейское влияние ощущалось в торговой и банковской сферах, а также в повседневном образе жизни многих горожан. Капиталистическая урбанизация, рост грамотности, развитие журналистики, деятельность литературно-просветительских обществ и салонов, увеличение численности образованной элиты

³ Сарабьев А.В. Дома, за рубежом. Миграции христиан Сирии и Ливана (вторая половина XIX — первая половина XX в.). М., 2012. С 61—77.

— как среди мусульман, так и христиан — все эти факторы на протяжении второй половины XIX — начала XX в. способствовали активизации интеллектуальных контактов Бейрута со Стамбулом и Каиром, а также с рядом европейских стран. Бурная интеллектуальная жизнь Бейрута ко времени Младотурецкой революции не только отражала социально-экономическую и культурную специфику османской модернизации и урбанизации, но также способствовала формированию гражданского общества, критически настроенного ко многим проявлениям деятельности османских властей. Целый ряд издававшихся в городе неправительственных арабоязычных газет («Хадикат аль-ахбар», «Самарат аль-фунун», «Аль-муктатаф», «Лисан аль-халь» и др.) формировали городскую и провинциальную информационную повестку и нарратив, определяли тот круг социально значимых тем, которые широко обсуждались среди горожан⁴. В целом, османский Бейрут начала XX в. можно охарактеризовать как архетипический средиземноморский город с многоконфессиональным, этнически и социально неоднородным населением, который был обязан своему экономическому процветанию морской торговле с Европой и культурному обмену с другими средиземноморскими городами. Но, в отличие от Александрии, Туниса или Алжира, чья городская экономика в то время определялась широким присутствием иностранного капитала, и самих европейцев, в Бейруте крупная торговля находилась в основном в руках местных богатых семей.

Согласно депешам российских консулов в Бейруте и Дамаске, направлявшимся летом 1908 г. в посольство России в Константинополе, новости о вооруженном выступлении в Македонии в июле 1908 г. и о согласии Абдул-Хамида II пойти навстречу требованиям мятежников стали совершенно неожиданными для местной общественности. Османские должностные лица на местах пребывали в растерянности и поначалу не знали, как реагировать на происходящее. Как следует из донесения российского генерального консула в Бейруте князя А.А. Гагарина, адресованного поверенному в делах российского посольства в Константинополе Д.А. Нелидову от 16 (29) июля 1908 г., первые официальные известия, свидетельствовавшие о революционных потрясениях, поступили исполняющему обязанности вали (губернатора) Бейрутского вилайета Шукри-паше от садра-зама (великого визиря) Саид-паши 11 (24) июля 1908 г.⁵ В своей экстренной телеграмме глава османского правительства сообщал о том, что султан Абдул-Хамид II приказал созвать меджлис (парламент) согласно Конституции 1876 г., в связи с чем в Бейрутском вилайете требуется срочно начать подготовку к выборам депутатов, отвечающих конституционным требованиям. Аналогичные телеграммы были в то время разосланы от имени главы османского правительства по всем провинциям обширного государства. После опубликования сообщения по Бейруту быстро распространилась сенсационная новость о предстоящем созыве османского меджлиса. Закономерно, что первой реакцией горожан (как мусульман, так и христиан) стал страх: высказывались опасения о провокации со стороны властей с целью выявления носителей оппозиционных взглядов. О младотурках в Бейруте в то время еще мало кто знал, и выражение сочувствия к ним прежде считалось чрезвычайно опасным⁶. Но вскоре общественная атмосфера в Бейруте начала меняться. Согласно поступившему из столицы распоряжению, исполнявший обязанности вали Шукри-паша был отозван, и на его место назначен Мехмед Али-бей, репутация которого, впрочем, так же как и предшественника, оставляла желать лучшего. В ходе церемонии вступления в должность нового губернатора произошло событие, невозможное на протяжении предыдущих тридцати лет правления Абдул-Хамида II: мусульманский шейх, редактор одной из газет, в своей речи стал жестко критиковать злоупотребления османских чиновников провинциальной администрации и не позволил вали прервать

⁴ Hanssen J. *Fin de Siecle Beirut. The Making of an Ottoman Provincial Capital*. Oxford; New York, 2005. P. 6.

⁵ Смелянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М., 2015. С 159–160.

⁶ Там же.

себя. Именно эта речь, вызвавшая одобрительную реакцию толпы горожан, а не официальные телеграммы, по словам А.А. Гагарина, убедила жителей Бейрута в революционном характере политических перемен, происходящих в государстве⁷. Ощущение «крушения устоев» усилилось, когда был обнародован султанский указ об амнистии для политических заключенных, а также были получены известия из османской столицы о бегстве за границу Ахмада Иззет-паши аль-Абида — выходца из знатного и богатого дамасского рода, одного из наиболее влиятельных приближенных султана, курировавшего все важнейшие административные назначения и внутреннюю политику в сирийских провинциях.

Влияние Младотурецкой революции на сирийские провинции Османской империи следует рассматривать не только в связи с событиями 1908 г. в Сирии и Ливане, но также принимая во внимание важные изменения ситуации при султанском дворе в Стамбуле, где до июля 1908 г. большим влиянием обладали приближенные султана — выходцы из арабских провинций, игравшие роль посредников между провинциальной знатью и дворцом. Помимо Ахмада Иззет-паши аль-Абида, еще двое высокопоставленных выходцев из Сирии — шейх суфийского братства рифайя Абу-л-Худа ас-Сайяди и Наджиб-паша Мальхама, приближенных к особе султана, в июле 1908 г. утратили свое политическое влияние, причем лишились не только должностей при султанском дворе, но и свободы, будучи арестованными младотурками. Шейх Абу-л-Худа на протяжении долгого времени был фактически духовным наставником султана и его конфиденциальным советником по религиозным вопросам. Убеденный сторонник принципа сакральности власти султана как халифа всех мусульман, яркий оратор и религиозный автор Абу-л-Худа выстроил разветвленную систему протекции в отношении улама в Сирии, Ираке и ряде других областей Османской империи, контролируя назначения на важнейшие алиимские должности. Кроме него, ни один другой мусульманский религиозный деятель в течение трех с лишним десятилетий правления Абдул-Хамида II не достигал столь значительного личного влияния на султана⁸. Наджиб-паша Мальхама, представитель христианской маронитской семьи ливанского происхождения, выполнял особые конфиденциальные поручения султана и возглавлял его тайную полицию, призванную обеспечивать безопасность повелителя и следить за общественными настроениями в государстве. В знак особого доверия он и его брат Селим, занимавший пост министра сельского хозяйства, лесов и шахт, были удостоены титула паши, что было большой редкостью среди чиновников-христиан⁹. Братья Мальхама, подобно Ахмаду Иззет-паше аль-Абиду и шейху Абу-л-Худе ас-Сайяди, сделав столь успешную карьеру в столице, оказывали покровительство многим своим землякам, а их успех до лета 1908 г. символизировал то, каких высот могли достичь выходцы из Сирии и Ливана на султанской службе. Казавшиеся немыслимыми ранее известия о бегстве влиятельного вельможи Ахмада Иззет-паши аль-Абида, чьей протекции искали богатейшие семьи Дамаска и Бейрута, а также об аресте шейха Абу-л-Худы и Наджиб-паши Мальхамы вызвали в июле—августе 1908 г. закономерные последствия: те, кто ранее гордился своей близостью к «всесильному временщику» Ахмаду Иззет-паше, стали открыто подвергать его критике и перечислять его злоупотребления.

В Бейруте в первые недели после успеха мятежа младотурок воцарилась праздничная атмосфера всеобщего ликования и надежд на лучшую жизнь в связи с возвращением конституционного строя¹⁰. Город украсился флагами и иллюминацией, улицы заполнились радостными толпами горожан, приветствовавших офицеров местного гарнизона, в рядах которых стали проявлять себя члены ранее законспирированной ячейки младотурецкой организации¹¹. Офицеры-младотурки во главе с полковником Риза-беем, видя массовые

⁷ Там же. С. 160.

⁸ О нем см.: *Abu-Manneh B. Sultan Abdulhamid II and Shaikh Abulhuda Al-Sayyadi // Middle Eastern Studies. 1979. Vol. 15. № 2. P. 131–153.*

⁹ *Makzume E. Sultan II. Abdülhamid'in Hizmetinde Selim Melhame Paşa ve Ailesi. İstanbul, 2019. P. 13–15.*

¹⁰ *Rashid Rida M. Rihlatan ilya Suriya (1908–1920). Beirut, 2001. P. 23–24. (In Arabic)*

¹¹ *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Указ. соч. С. 161–163.*

симпатии горожан, быстро почувствовали себя хозяевами положения в Бейруте: устраивали торжественные банкеты, в том числе за счет средств, собранных состоятельными горожанами, и без труда добивались отставки неугодных чиновников, поскольку вали теперь ни в чем не мог им отказать¹². По сообщению британского консула в Бейруте Г.А. Камбербэтча, младотурецкий комитет в Бейруте благодаря налаженным телеграфным сообщениям находился в постоянном контакте с Центральным комитетом «Иттихад ве теракки» в Салониках и был полон решимости «довести дело до конца»¹³. Уже в первой половине августа 1908 г. офицерам-младотуркам удалось сместить вали Мехмеда Али-бея, арестовать начальников полиции и жандармерии, а также наиболее известных султанских агентов из числа местных офицеров и чиновников, составлявших доносы на своих коллег и других горожан¹⁴.

Прежняя «вертикаль власти» и система личной протекции, связанные напрямую с султанским двором в Стамбуле, перестали функционировать, но городская буржуазия Бейрута, как и раньше, искала высокого покровительства. И вполне закономерно новых покровителей «отцы города» увидели в лице офицеров-младотурок. Зная о хронических задержках жалования османским военным, состоятельные бейрутцы организовывали сбор средств в пользу победивших революционеров¹⁵ и соперничали друг с другом в борьбе за их симпатии. В такой обстановке все больше офицеров и чиновников желали присоединиться к младотурецкой организации. Примечательно, что радостные настроения не сопровождались критикой в адрес султана Абдул-Хамида II и в звучавших в ходе торжественных речей лозунгах «Да здравствует свобода! Да здравствует армия! Да здравствует султан!»¹⁶ как будто не ощущалось противоречия. Это объяснялось тем обстоятельством, что и злоупотребления султанских чиновников, и страх перед доносами в общественном сознании жителей османской Сирии ассоциировались с придворным окружением Абдул-Хамида II, его советниками и фаворитами, но не с самим султаном-халифом. Личность падишаха в глазах подданных — как мусульман, так и многих немусульман — оставалась священной и неприкосновенной.

В целом летом и осенью 1908 г. общественная жизнь в Бейруте была необычайно политизирована. Горожане проявляли живой интерес к новостям из столицы, которые обсуждались в местной прессе. На фоне завышенных ожиданий порой случались эксцессы, как, например, попытка толпы освободить всех заключенных из местной тюрьмы и призывы к отказу от уплаты налогов. Но офицеры-младотурки восстановили порядок и по сути ограничили свою революционную деятельность в Бейруте смещением и арестами ряда неугодных им должностных лиц. Как и Центральный комитет «Иттихад ве теракки», его местное отделение было намерено контролировать деятельность османского государственного аппарата, но при этом не возлагать на себя ответственность за его работу.

Дамаск, по сравнению с внешне относительно «европеизированным» и быстро растущим Бейрутом, в большей степени сохранял традиционный арабо-мусульманский облик, а торгово-ремесленные слои городского населения доверяли в первую очередь консервативно настроенным местным землевладельцам, улама и суфийским шейхам, что практически не оставляло младотуркам почвы для пропаганды либеральных антиправительственных идей. В отличие от Бейрута, младотурецкий переворот июля 1908 г. не стал в Дамаске причиной массового ликования, а крушение влияния Ахмада Иззет-паши аль-Абиди и шейха Абу-л-Худы ас-Сайяди вызвало плохо скрываемую тревогу у многих их протеже. Местный младотурецкий комитет, представленный в основном турецкими офицерами гарнизона, не пользовался доверием местных жителей. Как сообщал в своем донесении российскому послу в Константинополе И.А. Зиновьеву консул в Дамаске

¹² Там же. С. 167–175.

¹³ *Der Matossian B.* Formation of Public Sphere(s) in the Aftermath of the 1908 Revolution among Armenians, Arabs, and Jews // “L’ivresse de la liberté”. La revolution de 1908 dans l’Empire ottoman / ed. F. Georjeon. Paris, 2012. P. 214.

¹⁴ *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Указ. соч. С. 174–175.

¹⁵ *Kurd Ali M.* Hitat al-Sham. Part 3. Dimashk, 1983. P. 117. (In Arabic)

¹⁶ *Jessup H.H.* Fifty-three years in Syria. Vol. II. New York, 1910. P. 786.

князь Б.Н. Шаховской 15 (28) октября 1908 г., «комитет выказал много грубости и резкости при удалении от должностей неугодных им чиновников; очень неосторожно они начали действовать против шейхов и улема, которые здесь очень сильны и влиятельны, и заставили их возненавидеть как комитет, так и конституцию в теперешнем ее проявлении, относительно которой они говорят, что она исторгнута военными не для блага народа, а чтобы захватить власть в свои руки...»¹⁷. Дополнительным фактором активизации протестных настроений в Дамаске, направленных против «Иттихад ве теракки», стала подготовка к выборам депутатов нижней палаты османского парламента (Меджлис-и умуми) осенью 1908 г. Младотурки стремились заранее отстранить от участия в выборах неугодных им кандидатов и провести в парламент своих сторонников. Следует отметить, что в Дамаске, как и в Бейруте, в первые месяцы после начала революции в местные отделения младотурецкой организации стремились вступить немало людей, не принадлежавших ранее к революционному движению. В Дамаске в состав младотурецкого комитета к осени 1908 г. были приняты и некоторые представители влиятельных городских семей, в то время как большая часть городской знати (в том числе семьи аль-Азм, аль-Аттар, аль-Хатиб и др.) испытывали к младотуркам недоверие. Те, в свою очередь, пытались не только заполнить временный политический «вакуум», образовавшийся после революции, но и давать указания османской провинциальной администрации. Первой задачей «Иттихад ве теракки» в Дамаске было избавиться от чиновников, известных своей лояльностью к Абдул-Хамиду II и его приближенным. С этой целью офицеры-младотурки оказывали давление на вали, требуя уволить главу административного совета провинции Мухаммада Фаузи-пашу аль-Азма, а также муфтия Дамаска и ряд других должностных лиц¹⁸. Эти действия вызвали недовольство среди улама, которые стали искать повод для дискредитации местных активистов младотурецкого движения.

В городе постепенно усиливались протестные настроения, которые вылились в массовые беспорядки 11 (24) октября в связи с выступлением в Омейядской мечети — крупнейшей и важнейшей в городе — шейха Мухаммада Рашида Риды. В эпоху самовластного правления Абдул-Хамида II он, как и ряд его единомышленников, считался османскими властями опасным диссидентом и был вынужден вести свою проповедническую и публицистическую деятельность в Египте, т.е. вне досягаемости султанской полиции. При этом Рашид Рида был убежденным сторонником младотурецкой организации «Иттихад ве теракки»; осенью 1908 г. он посетил Сирию, рассчитывая на защиту и заступничество революционеров. Но в родном Триполи реформатору был оказан столь враждебный прием, что он спешно покинул город, опасаясь за свою жизнь. Главным событием его визита в Дамаск стали запланированные заранее и одобренные местным комитетом «Иттихад ве теракки» выступления с лекциями в Омейядской мечети, что само по себе считалось большой честью. Будучи сторонником реформаторского движения в исламе, Рашид Рида призывал к «очищению ислама» от всего, что не соответствует Корану и сунне, а также критиковал деятельность суфийских шейхов, считая их уровень религиозной образованности недостаточным для религиозных авторитетов¹⁹. Такая позиция отвечала интересам младотурок, рассчитывавших ослабить доверие горожан к местным улама-традиционалистам и руководителям суфийских братств. Но во время второй лекции, скорее напоминавшей проповедь, выступление Мухаммада Рашида Риды прервал шейх Салих Шариф ат-Туниси. Он обвинил оратора в нападках на уважаемых мусульман, дав понять собравшимся, что взгляды Рашида Риды несут в себе признаки ваххабизма, а следовательно, непризнания власти османского султана. Это страшное обвинение немедленно было поддержано толпой, и Мухаммад Рашид Рида спешно покинул мечеть²⁰.

¹⁷ Смелянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Указ. соч. С. 261–262.

¹⁸ Der Matossian B. Op. cit. P. 212–213.

¹⁹ Rashid Rida M. Op. cit. P. 45–46.

²⁰ Guardians of faith in modern times: “ulama” in the Middle East / ed. M. Hatina. Leiden; Boston, 2009. P. 239.

Сам Мухаммад Рашид Рида впоследствии утверждал, что шейх ат-Туниси намеренно настраивал против него верующих с целью спровоцировать беспорядки в Дамаске, поскольку являлся убежденным сторонником шейха Абу-л-Худы ас-Сайяди²¹. По всей видимости, такого же мнения придерживался и начальник жандармерии в Дамаске Асад-бей, состоявший в местном комитете «Иттихад ве теракки». Расценивая речи ат-Туниси в мечети как намеренную провокацию, он велел арестовать шейха. Напряженность в Дамаске достигла апогея: на улицах и на городских рынках стали собираться тысячи людей с оружием²². Толпа требовала освобождения шейха ат-Туниси, расправы над Асад-беєм и роспуска младотурецкого комитета. Несмотря на то, что ат-Туниси вскоре был освобожден, вооруженные протестующие ворвались в правительственные здания. Спасаясь от разъяренной толпы, начальник жандармерии Асад-бей в страхе покинул охваченный беспорядками город. Только своевременное вмешательство вали Шукри-паши, который поддержал освобождение ат-Туниси, несколько успокоило страсти, но деятельность младотурецкого комитета в Дамаске была временно парализована²³. Важно отметить, что массовые беспорядки в Дамаске, ставшие проявлением недоверия горожан к младотурецкой организации, вспыхнули незадолго до выборов в парламент, и руководство салоникского комитета «Иттихад ве теракки» было крайне обеспокоено происходящим. Направленные в Дамаск эмиссары в результате долгих и сложных переговоров с местной элитой смогли добиться восстановления общественного порядка в городе. Но их попытки провести угодных младотуркам кандидатов от Сирийского вилайета на выборах в парламент не принесли желаемого результата, поскольку большинство избирателей в Дамаске предпочли кандидатов, не связанных с младотурецкой организацией²⁴.

Революционные события лета 1908 г. вызвали весьма неоднозначную реакцию в сирийских провинциях Османской империи. Залогом политической и социальной стабильности на местах традиционно была система отношений «патрон — клиент». Благодаря лояльности наиболее авторитетных и богатых семей в провинциальных центрах османским властям удавалось поддерживать общественный порядок. Слом устоявшихся в эпоху Абдул-Хамида II патрон-клиентских цепочек создавал неопределенность. В приморском Бейруте местная элита приветствовала революцию и стремилась заручиться поддержкой победившей политической силы в лице комитета «Иттихад ве теракки». Предвыборная борьба за выдвижение кандидатов в депутаты османского парламента придавала дополнительный вес лидерам конфессиональных общин. В результате главы богатейших политически активных семей Бейрута зарекомендовали себя в качестве лидеров²⁵ своих конфессиональных общин в политическом союзе с младотурками. В то же время в Дамаске восприятие Младотурецкой революции оказалось иным: свержение прежних столичных покровителей местной мусульманской элиты, политические «чистки» в провинциальной администрации и высокомерное отношение революционно настроенных офицеров к дамаской знати, в том числе к религиозным авторитетам, вызвало широкое общественное недовольство среди мусульманского большинства жителей города. Не случайно в Дамаске осенью 1908 г. горожане в насмешку стали называть младотурецкую организацию «обществом раскола и упадка»²⁶, а весной следующего 1909 г. толпы местных мусульман радовались известиям о неудачах младотурок в ходе попытки контрпереворота в Стамбуле. Рост недовольства младотурецким правлением со стороны арабоязычных сирийских интеллектуалов, характерный для последующих нескольких лет османской исто-

²¹ *Rashid Rida M.* Op. cit. P. 51.

²² *Ibid.* P. 48.

²³ *Смелянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Указ. соч. С. 264–266.

²⁴ *Kayali H.* Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918. Berkeley; Los Angeles; London, 1997. P. 65.

²⁵ Заим, мн.ч. зуама (букв. «лидер») — традиционный эпитет влиятельного ливанского политика, способного определить результаты выборов в избирательном округе и выступающего в качестве патрона для своих клиентов.

²⁶ *Der Matossian B.* Op. cit. P. 214.

рии, вплоть до начала Первой мировой войны²⁷, во многом также связан с теми первыми потрясениями, которые революционные события 1908 г. принесли в османскую Сирию.

Библиография / References

Сарабьев А.В. Дома, за рубежом. Миграции христиан Сирии и Ливана (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М., 2012.

Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М., 2015.

Sarab'ev A.V. Doma, za rubezhom. Migracii hristian Sirii i Livana (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.) [At home, abroad. Migration of Christians of Syria and Lebanon (the second half of the 19th – the first half of the 20th century)]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Smilyanskaya I.M., Gorbunova N.M., Yakushev M.M. Siriya nakanune i v period Mladotureckoj revolyucii. Po materialam konsul'skih donesenij [Syria on the eve and during the Young Turk Revolution. Based on the materials of consular reports]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Abu-Manneh B. Sultan Abdulhamid II and Shaikh Abulhuda Al-Sayyadi // Middle Eastern Studies. 1979. Vol. 15. № 2. P. 131–153.

Der Matossian B. Formation of Public Sphere(s) in the Aftermath of the 1908 Revolution among Armenians, Arabs, and Jews // “L'ivresse de la liberté”. La revolution de 1908 dans l'Empire ottoman / ed. F. Georgeon. Paris, 2012. P. 189–219.

Guardians of faith in modern times: “ulama” in the Middle East / ed. M. Hatina. Leiden; Boston, 2009.

Haddad M. The Rise of Arab Nationalism Reconsidered // International Journal of Middle East Studies. 1994. Vol. 26. № 2. P. 201–222.

Hanssen J. Fin de Siecle Beirut. The Making of an Ottoman Provincial Capital. Oxford; New York, 2005.

Jessup H.H. Fifty-three years in Syria. Vol. II. New York, 1910.

Karpat K.H. The Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State. New York, 2001.

Kayali H. Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918. Berkeley; Los Angeles; London, 1997.

Kurd Ali M. Hitat al-Sham. Part 3. Dimashk, 1983. (In Arabic)

Makzume E. Sultan II. Abdülhamid'in Hizmetinde Selim Melhame Paşa ve Ailesi. İstanbul, 2019.

Massot A. Ottoman Damascus during the Tanzimat: The New Visibility of Religious Distinctions // Modernity, Minority, and the Public Sphere. Jews and Christians in the Middle East. Leiden; Boston, 2016. P. 155–184.

Rashid Rida M. Rihlatan ilya Suriya (1908–1920). Beirut, 2001. (In Arabic)

²⁷ *Haddad M.* The Rise of Arab Nationalism Reconsidered // International Journal of Middle East Studies. 1994. Vol. 26. № 2. P. 214–215.

© 2023 г. Д.Ю. КОЗЛОВ

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС БРИТАНСКОГО ФЛОТА В НАБЛЮДЕНИЯХ И ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРИ ГРАНД ФЛИТЕ (1914–1918)

Козлов Денис Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра военной истории России Института российской истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: kozloffdenis@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6456-5009

Аннотация. Статья посвящена оценкам офицерского корпуса английского флота, содержащимся в официальных докладах, переписке, воспоминаниях и дневниках морских офицеров: М.А. Кедрова, М.И. Смирнова, Г.К. фон Шульца и С.А. Изенбека. Они в годы Первой мировой войны были официальными российскими представителями при Гранд Флите. Цель статьи — обобщить взгляды представителей российского флота на традиции, общую и профессиональную культуру британских флотских офицеров, уровень их морской, специальной и тактической подготовки, особенности менталитета, служебной субординации, взаимоотношений во флотской среде, уклада службы и повседневной жизни. Констатируются существенные отличия профессиональных качеств офицеров британского и российского флотов, обусловленные главным образом разными принципами комплектования и подготовки командного состава, а также рост недоверия английской флотской корпорации к России как к союзнику в ходе войны. Делается вывод, что профессиональный анализ сильных и слабых сторон командного состава королевского флота существенно дополнил и актуализировал образ британского союзника, сформировавшийся в отечественной военно-морской среде во время Великой войны и в последующие годы, а также способствовал более взвешенной самооценке российских военных моряков.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великобритания, военно-морской флот, Россия, офицеры, Антанта, менталитет, восприятие, межличностные отношения, профессиональная культура.

D.Yu. Kozlov

The Officer Corps of the British Navy in the Observations and Assessments of Russian Representatives to the Grand Fleet, 1914–1918

Denis Kozlov, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: kozloffdenis@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6456-5009

Abstract. In this article, the author examines the assessment of the Royal Navy's command staff contained in official reports, correspondence, memoirs, and diaries of naval officers Mikhail Kedrov, Mikhail Smirnov, Gustav von Schultz, and Sergei Izenbek, who were official Russian representatives to the Grand Fleet during the Great War. The purpose of this article is to summarise the views of representatives of the Russian Navy on the traditions, general and professional culture of British naval officers, the level of their maritime, special and tactical training, the specifics of their

mentality, service subordination, relationships in a naval environment, the ways of service and everyday life. Considerable differences in the professional qualities of the officers of the British and Russian fleets were noted, stemming mainly from the different principles of recruitment and training of the command staff, as well as the growing distrust of the British naval corporation towards Russia as an ally during the war. The author concludes that professional analysis of the strengths and weaknesses of the Royal Navy's command staff significantly complemented and updated the image of the British ally formed in the Russian naval milieu during the Great War and in the years following, and contributed to a more balanced self-assessment of Russian naval personnel.

Keywords: World War I, Great Britain, Navy, Russia, officers, Entente, mentality, perception, interpersonal relations, professional culture.

Отправка российских подданных на иностранные флоты стала практиковаться с начала XVIII в. — времени становления отечественных регулярных морских сил. Но если при Петре I такие командировки преследовали сугубо образовательные цели — «научение дворянских детей морской службе», то начиная с царствования Екатерины II подобные контакты вышли на более высокий уровень и организовались, помимо прочего, в видах обмена боевым опытом с ведущими европейскими флотами. В октябре 1762 г. в Великобританию была отправлена группа волонтеров — 21 офицер во главе с капитаном 2 ранга И.А. Борисовым, которым предписывалось «видеть военные действия» и «примечать тамошние военные порядки». Через четыре года шесть русских офицеров по главе с лейтенантом Т.Г. Козляниновым отправились на Мальту «для приобретения большей в морском искусстве практики» на тамошнем галерном флоте¹.

Новый импульс «волонтерство» получило с началом войн с революционной Францией: уже в октябре 1793 г. Екатерина II одобрила представление Адмиралтейств-коллегии о поездке в Англию 12 морских офицеров, в том числе известных в будущем мореплавателей Ю.Ф. Лисянского и И.Ф. Крузенштерна. Большинство из них получили назначение на средиземноморскую эскадру вице-адмирала С. Худа и впоследствии приняли участие в сражениях с французами и испанцами².

Практиковались такие формы сотрудничества и за границей. Так, в Русско-японскую войну 1904—1905 гг. при штабе адмирала Х. Того состояли несколько британских офицеров, в том числе военно-морской атташе кэптен У. Пэкинхэм, который участвовал во всех крупных столкновениях с русскими и составил весьма содержательные отчеты, частично опубликованные в 1909 г.³

В 1911 г. офицер шведского морского штаба К. Линдстрём был на год прикомандирован к германскому флоту, что, кстати, вызвало весьма настороженное отношение дипломатических служб России, союзной ей Франции и дружественной Великобритании⁴. В преле 1912 г. глава российской миссии в Стокгольме А.А. Савинский докладывал в Министерство иностранных дел, что постоянное пребывание шведского офицера на немецком военном корабле весьма насторожило французского посланника в Швеции Н. Тьебо, так как «подобной любезности Германия не оказывала никогда никому, и... она может служить лишь новым подтверждением его основной мысли о существовании соглашения между морскими генеральными штабами двух Держав»⁵.

¹ Гребенщикова Г.А. Российский флот и дипломатия Екатерины II. Т. 2. СПб., 2020. С. 162—170.

² Гребенщикова Г.А. Российские волонтеры в британском флоте // Морской сборник. 2014. № 7. С. 85—91.

³ Лихарев Д.В. Цусимское сражение 14—15 мая 1905 г. Историография проблемы. Уссурийск, 2009. С. 11—13.

⁴ Табаровская К.А. Российско-шведские отношения накануне Первой мировой войны (1905—1914 гг.). Политический, экономический, военный аспекты. По материалам российских архивов: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 150.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 118. Л. 85 об., 87.

Несмотря на то что военного соглашения между Стокгольмом и Берлином не существовало⁶, этот случай сочли тревожным симптомом и российские военно-морские агенты (атташе). В августе 1911 г. старший лейтенант А.К. Петров докладывал в Морской генеральный штаб (МГШ, генмор), что командирование шведского офицера «служит одним из признаков сближения германского и шведского флотов», и обратил внимание на то обстоятельство, что «до своего зачисления в штаб флота этот офицер занимал должность адъютанта инспектора флота, т.е. того лица, которое во время войны будет командовать флотом»⁷. А через год сменивший А.К. Петрова старший лейтенант граф П.Ф. Келлер высказал мнение, что «по принятым всюду правилам, иностранные офицеры не допускаются к службе на военные суда. Исключения делаются лишь в крайних случаях и только для союзников»⁸.

В это же время заметно оживились контакты в военно-морской сфере и между Россией и Великобританией. В сентябре 1912 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов поднимал вопрос о «некоторой помощи со стороны британского флота» во время своего визита в Великобританию⁹, однако король Георг V и шеф Форин Офис Э. Грей не смогли «дать определенного ответа, а тем более взять на себя какие-либо обязательства в этом отношении». Лондон, впрочем, допускал возможность оказания помощи русским «в пределах практической возможности», что, вероятно, выразилось бы в «отвлечении на себя германских сил в Немецком (Северном. — Д.К.) море»¹⁰. Мысль о вторжении в Балтийское море не нашла поддержки, поскольку королевский флот рисковал, по выражению Э. Грея, оказаться «в мышеловке» ввиду «возможности Германии наложить руку на Данию и преградить выход через Бельт»¹¹.

Понимая, что «во всякой продолжительной и тяжелой борьбе» успех будет сопутствовать стороне, «в руках которой находится господство над морями», весной 1914 г. российская дипломатия предприняла еще одну попытку искать сближения с англичанами «в форме более конкретной, чем неопределенное сознание общей с ней опасности»¹². Этому, надо полагать, изрядно поспособствовало и начало реализации амбициозных кораблестроительных программ, повышавших реноме России как потенциального союзника. В апреле 1914 г. Николай II в беседе с британским послом Дж. Бьюкененом не преминул напомнить, что к 1917 г. Россия будет располагать на Балтике восемью dreadnoughts¹³, которые окажут английскому флоту действенную помощь, так как немцы вынуждены будут выделить значительные силы для сдерживания русских морских сил¹⁴. Это вполне осознавали и сами англичане: 12 мая 1914 г.¹⁵ британский кабинет с удовлетворением констатировал, что «предположительно существенное

⁶ Рупасов А.И. Германо-шведские контакты о заключении военного союза (1910–1915 гг.) // Первая мировая война и международные отношения. Сборник. СПб., 1995. С. 30–40; Новикова И.Н. «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны / под ред. Ю.Г. Акимова. СПб., 2006. С. 55–66.

⁷ Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 3966. Л. 9.

⁸ Табаровская К.А. Указ. соч. С. 150.

⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 208. Л. 20.

¹⁰ Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск, 2002. С. 63.

¹¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 209. Л. 3–7; Доклады б. министра ин. дел С.Д. Сазонова Николаю Романову. 1910–1912 гг. // Красный архив. Т. 3 (1923). С. 17–18.

¹² Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 64.

¹³ Речь идет о четырех линкорах типа «Севастополь» и четырех броненосных (по классификации 1915 г. — линейных) крейсерах типа «Измаил».

¹⁴ Айрапетов О.Р. Контекст одной пропагандистской акции 1914 года // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. Т. I. М., 2004. С. 122.

¹⁵ Даты приведены по новому стилю.

усиление русского Балтийского флота безусловно облегчит наше положение по отношению к Германии»¹⁶.

Кстати, в первые годы после войны с Японией многие чины Морского министерства, в отличие от дипломатов, традиционно причисляли Великобританию к вероятным противникам. В феврале 1906 г. вице-адмирал З.П. Рожественский настаивал на необходимости разработки «плана войны с Англией» как одного из вариантов плана применения Балтийского флота¹⁷. Даже в 1908 г., т.е. после заключения политического соглашения с Лондоном, МГШ просчитывал возможность войны России в союзе с Германией против Великобритании¹⁸. В 1909 г. генмор предостерегал власти предержащие, что ощутимых военных преференций от сближения с «Туманным Альбионом» Россия не получит: «Стратегия Англии как союзника глубоко эгоистична, и ради политических устремлений она способна поступиться стратегическими принципами»¹⁹. Более того, в июне 1912 г. военно-морской агент в Германии и Голландии, известный германофил капитан 2 ранга Е.А. Беренс был склонен усматривать причину распределения немецких военных ассигнований в пользу армии («львиная доля пошла на сухопутье, флот же ограничился гораздо меньшим, чем предполагал») в происках «коварных англосаксов»²⁰.

Однако в последние предвоенные годы на фоне форсированной милитаризации Германии значительная часть российской военно-морской элиты если не отказалась от сакраментальной англофобии вовсе, то, во всяком случае, вполне допускала возможность стратегического взаимодействия с британским флотом, что, очевидно, было обусловлено осознанием общности военно-политических задач обеих империй²¹. Иллюстрация тому — выдержка из меморандума начальника МГШ вице-адмирала светлейшего князя А.А. Ливена «Политическое значение России перед войной» (1912 г.): «Без нее (Англии. — Д.К.) осуществление морской обороны было бы для нас предприятием безнадежным, но в расчете на согласованные с этой державой действия мы можем рассчитывать на постепенное улучшение нашего положения и в конце концов даже на полную безопасность»²². В датированной январем того же года «Памятной записке по поводу закона о флоте и судостроительной программы» А.А. Ливен писал: «На первом плане стоит борьба между Англией и Германией из-за обладания Немецким морем. В случае осуществления немецких вожделений Россия будет окончательно отрезана от океана. Нам вследствие этого следует всячески поддерживать Англию в этой борьбе»²³. Впрочем, подобные метаморфозы во взглядах на Британию были вообще характерны для российского «политического класса». Как показывают результаты специальных

¹⁶ Гилберт М. Первая мировая война. М., 2016. С. 30–31.

¹⁷ Рапорт генерал-адъютанта вице-адмирала Рожественского морскому министру от 7 февраля 1906 г. // [Щеглов А.Н.] Значение и работа штаба по опыту русско-японской войны. [СПб., 1906.] Ч. 1. С. 57.

¹⁸ Корелин А.П., Павлов Д.Б. Российские вооруженные силы в межвоенный период. Проблемы военно-стратегического планирования // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014. С. 71.

¹⁹ Цит. по: Корбетт Ю. Операции английского флота в мировую войну. Т. 1 / пер. с англ. М.Л. Бертенсона, предисл. М.А. Петрова. Л., 1927. С. 17.

²⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 83. Л. 16–18.

²¹ Сергеев Е.Ю. Имперские военные элиты России и Великобритании в конце XIX — начале XX века: опыт сравнительного анализа // Россия и Британия. Вып. 4. Связи и взаимные представления. XIX–XX века. М., 2006. С. 228–246.

²² Цит. по: Игнатьев А.В. Незавершенный этап (к истории русско-английских переговоров 1914 г.) // История СССР. 1960. № 3. С. 112.

²³ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 303. Л. 21.

исследований, «к весне 1912 г. ... все, за исключением крайне правых, были согласны с курсом на сближение с Францией и Англией»²⁴.

В мае 1914 г. генмор совместно с Министерством иностранных дел выработал инструкцию военно-морскому агенту в Лондоне флигель-адъютанту капитану 1 ранга Н.А. Волкову, которому поручались переговоры с первым морским лордом адмиралом флота Л. фон Баттенбергом о заключении морской конвенции²⁵. К середине июля проект соглашения, аналогичного русско-французской морской конвенции 1912 г.²⁶, был подготовлен, однако завершить эту работу до начала военных действий не успели²⁷. Как писала берлинская газета «Миттаг» от 14 августа 1914 г., «планы нашего противника не удалось, ибо война началась преждевременно»²⁸.

С началом Первой мировой войны через посольство Великобритании российское морское командование получило официальное предложение об отправке на английский флот двоих офицеров²⁹. В соответствии с предписанием начальника МГШ вице-адмирала А.И. Русина от 27 сентября 1914 г. с высочайшего соизволения в Великобританию отправились флигель-адъютант капитан 1 ранга М.А. Кедров³⁰ и капитан 2 ранга М.И. Смирнов³¹, назначенные «состоять на время войны с Германией на английском флоте, оперирующем в Северном море»³². Эти офицеры, кроме того, доставили в английское адмиралтейство секретные документы германского флота по связи, попавшие

²⁴ Голубев А.В., Поршинева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011. С. 80.

²⁵ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 27. Л. 13; Ф. 138. Оп. 467. Д. 324. Л. 32–33.

²⁶ Русско-французская морская конвенция, 3 (16) июля 1912 г. // Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 28.

²⁷ См. подробнее: Ловягин А. Англо-русская морская конвенция (К материалам по истории подготовки России к мировой войне на море) // Морской сборник. 1929. № 2. С. 60–67; Деренковский Г.М. Франко-русская морская конвенция 1912 г. и англо-русские морские переговоры накануне первой мировой войны // Исторические записки. 1949. Вып. 29. С. 80–122; Игнатьев А.В. Указ. соч. С. 107–118; Лунеева Ю.В. Англо-русские морские переговоры накануне Первой мировой войны (1914 год) // Россия и Британия. Вып. 4. Связи и взаимные представления. XIX–XX века. М., 2006. С. 194–206.

²⁸ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 324. Л. 38 об. Из содержания документов, в 1921 г. изданных в Германии Б. фон Зиббертом, явствует, что германское правительство было проинформировано о подготовке русско-английских переговоров по разведывательным каналам (Виноградов К.Б. Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения 1914–1917 гг. / под ред. И.С. Галкина. М., 1962. С. 71).

²⁹ Козлов Д.Ю., Емелин А.Ю. Военно-морское сотрудничество России и стран Антанты накануне и в годы Первой мировой войны // Россия в стратегии Первой мировой войны. Кн. 1. Россия в стратегии Антанты. СПб., 2014. С. 284.

³⁰ Кедров Михаил Александрович (1878–1945), вице-адмирал (1920), флигель-адъютант (1913). Участник Русско-японской войны. В Первую мировую войну – помощник начальника учебно-артиллерийского отряда и командир учебного судна «Петр Великий», флаг-капитан 2-й бригады линейных кораблей Балтийского моря (1914 г.), в командировке при английском флоте (1914–1915), командир линейного корабля «Гангут» (1915–1916), начальник минной дивизии Балтийского моря (1916–1917). Помощник морского министра и начальник МГШ, затем представитель Морского министерства в Русском правительственном комитете в Лондоне (1917). Командующий белым Черноморским флотом, затем Русской эскадрой, руководил эвакуацией армии П.Н. Врангеля и гражданских беженцев из Крыма (1920). Создатель и председатель эмигрантского Военно-морского союза (1929), заместитель председателя Русского общевоинского союза (1930).

³¹ Смирнов Михаил Иванович (1880–1940), контр-адмирал (1918). Участник Русско-японской войны. В Первую мировую войну – командир эскадренного миноносца «Выносливый» (1914), в командировке при английском флоте (1914–1915), при командовании союзного флота в Средиземном море (1915), командир эскадренного миноносца «Казанец» (1915–1916), флаг-капитан по оперативной части (1916–1917), и.д. начальника штаба командующего Черноморским флотом (1917), член военно-морской миссии в США (1917). Командующий Волжской флотилией белых (1918), управляющий Морским министерством в правительстве А.В. Колчака (1918–1919), командующий Камской (Речной боевой) флотилией (1919).

³² РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1731. Л. 9 об.

к русским в результате навигационной катастрофы малого крейсера «Магдебург» 26 августа 1914 г.³³

Весной 1915 г. М.А. Кедрова и М.И. Смирнова сменил капитан 1 ранга Г.К. фон Шульц³⁴, состоявший офицером связи при Гранд Флите³⁵ до марта 1918 г. Кроме того, с сентября 1916 г. до апреля 1917 г. в Англии находился капитан 2 ранга С.А. Изенбек³⁶, отправленный специально для знакомства с постановкой у союзников артиллерийского дела и обмена информацией по этой части (как значится в послужном списке Сергея Артуровича, он был «командирован в Англию на суда Английского большого флота для выяснения результатов Ютландского боя и опыта войны англичан»³⁷).

Помимо официальных отчетов и докладов, представленных в МГШ, полуофициальных писем, адресованных офицерам генмора, и иных документов, отложившихся в РГАВМФ³⁸, М.А. Кедров и Г.К. фон Шульц оставили воспоминания³⁹, а С.А. Изенбек — дневник в жанре травелога⁴⁰. Дополнением к последнему стал доклад «На английском флоте»⁴¹, датированный ноябрем 1921 г., когда автор служил в Штабе Морских сил Республики⁴².

³³ Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 323. Л. 1–47; Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 116. Л. 17–20; *Эмме В.* Период крейсерских походов и ожидание генерального сражения на Центральной позиции. 13–26 июля по 24 августа — 6 сентября 1914 г. // Военно-Морская Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. на море. Сборник № 2. Пг., 1922. С. 164–169; *Бочаров А.А., Емелин А.Ю.* Легенды крейсера «Магдебург» // Цитадель. 2002. Вып. 10. С. 33–44; *Koop G., Schmolke K.-P.* Kleine Kreuzer 1903–1918 (BREMEN-bis CÖLN-Klasse). Bonn, 2004. S. 153; *Партала М.А.* Рифы и мифы острова Оденсхольм. К истории захвата секретных документов германского флота на крейсере «Магдебург» // Защита информации. INSIDE. 2007. № 1. С. 84–90; № 2. С. 80–86; *O'Hara V.P., Heinz L.R.* Clash of Fleets. Naval Battles of the Great War, 1914–18. Annapolis, 2017. P. 60–63.

³⁴ *Шульц Густав Константинович, фон* (1871–1946), капитан 1 ранга (1914), контр-адмирал финляндского флота (1926). Участник Русско-японской войны. В Первую мировую войну — командир вспомогательного крейсера «Русь» (1914), офицер связи при Гранд Флите (1915–1918). Начальник штаба (1919–1923), командующий (1923–1926) ВМС Финляндии.

³⁵ Гранд Флит (Grand Fleet) — стратегическое объединение военно-морских сил Великобритании в период Первой мировой войны, включавшее основные силы флота.

³⁶ *Изенбек Сергей Артурович* (1883–1962), инженер-капитан 1 ранга (1940), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1961). Участник Русско-японской войны. В Первую мировую войну — старший артиллерийский офицер линейного корабля «Император Павел I», прикомандирован к МГШ (1914), флагманский артиллерийский офицер 2-й (с 1915 г. — 1-й) бригады линейных кораблей Балтийского моря (1914–1916), в командировке при английском флоте (1916–1917), заведующий английским столом иностранного отдела МГШ (1917–1918). Начальник оперативного, затем технического управлений Штаба морских сил Республики (1919–1923). Крупный организатор промышленности и специалист в области счетно-решающих приборов и систем управления артиллерийской стрельбой.

³⁷ Цит. по: *Зеленева И.В., Пономарева Т.И.* Дневник С.А. Изенбека как источник по истории военно-морского сотрудничества России и Великобритании в 1916–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 104.

³⁸ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2983, 2984, 2986, 3347, 3354, 3356, 3367, 3371, 3378, 3409, 3415, 3416.

³⁹ *Шульц Г.К., фон.* С английским флотом в мировую войну. Воспоминания представителя русского флота при Гранд Флите. СПб., 2000; *Кедров М.А.* Моя автобиография. 1878–1933 гг. / вступ. ст., коммент. Д.Ю. Козлова, Л.И. Петрушевой, В.А. Болтрукевича. М., 2020.

⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 755. Оп. 1. Д. 6. Обзор документа см.: *Зеленева И.В., Пономарева Т.И.* Указ. соч. С. 102–111.

⁴¹ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 7. Оп. 2. Д. 452. Л. 9–10 об.

⁴² Наряду с перечисленными офицерами в 1916 — начале 1917 г. в Великобританию были командированы специалист по минному и противолодочному вооружению капитан 2 ранга Б.Ю. Аверкиев, подводник капитан 2 ранга С.А. Кукель и старший лейтенант А.А. Шенснович, занимавшийся вопросами звукоподводной связи (РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 667. Л. 1–62; *Козлов Д.Ю., Емелин А.Ю.* Указ. соч. С. 287–298), но их отчеты содержат главным образом техническую информацию о постановке соответствующих отраслей военно-морского дела в британском флоте (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4418, 4433, 3358, 3384, 3418 и др.).

Ценность этих источников определяется не только высоким профессионализмом, боевым и служебным опытом авторов, но представившейся им уникальной возможностью длительного пребывания на кораблях союзного флота (в том числе участия в сражениях и боях с германцами) и непосредственного общения с его офицерами и командами. Как писал М.А. Кедров А.И. Русину в январе 1915 г., «ни агенты, ни офицеры, приезжавшие в Лондон и временно на корабли эскадры, не могли увидеть всего этого — надо было пожить у них в их кают-компаниях, поговорить с их адмиралами и командирами, когда они распоясывались, несмотря на их всю сдержанность, затем лично увидеть их материальную часть или, вернее, ее состояние, их тактику, организацию, управление, их состояние духа, степень их “военной интеллигентности”»⁴³.

В своих докладах, а затем мемуарах российские офицеры затрагивали широкий спектр тем — особенности британской кораблестроительной школы, вооружение и техника королевского флота, проблемы морской стратегии и тактики, уровень оперативной и боевой подготовки и многое другое. Остановимся подробнее на наблюдениях и оценках наших представителей, касающихся офицерского состава крупнейшего флота мира — общей и профессиональной культуры британских моряков, особенностей их менталитета, взаимоотношений во флотской среде, повседневной жизни.

«Удельный вес» этой проблематики в текстах побывавших в Англии офицеров различен. Наиболее развернуто высказался на эту тему Г.К. фон Шульц, что, очевидно, стало следствием наиболее длительного — около трех лет — пребывания на английском флоте. В его мемуарах, помимо прочего, можно встретить весьма емкие и не лишённые литературных достоинств характеристики отдельных персонажей — от первого лорда адмиралтейства У. Черчилля, который принял Густава Константиновича по его прибытии в Англию, до рядового морской пехоты Батарда, приставленного к российскому офицеру на линейном корабле «Хёркилис» «для личного услужения»⁴⁴.

Русские представители сходились во мнении о высоком уровне морской и тактической выучки британских офицеров и, как следствие, полном доверии флагманов к подчинённым командирам. Так, Г.К. фон Шульц, участвовавший в выходе Гранд Флита в центральную часть Северного моря 18–20 августа 1916 г., обратил внимание на действия сил охранения: «Завеса не нуждалась ни в каких сигналах. По-видимому, эсминцы пользовались полной самостоятельностью... Штаб флота и начальники флотилий не беспокоили их излишними сигналами, которые только напрасно отвлекали бы внимание командиров. Из моей прежней службы мне было знакомо, что высшие штабы часто злоупотребляют своим правом поднимать сигналы, и поэтому само обуздание в этом отношении служило для меня показателем хорошей школы Гранд Флита»⁴⁵.

Действительно, столь высокий уровень самостоятельности командиров тактического звена не был характерен для российского флота, яркой иллюстрацией чему служит попытка отряда кораблей Черноморского флота (линкор «Императрица Мария», крейсер «Кагул» и эскадренные миноносцы «Счастливый», «Дерзкий», «Гневный», «Беспокойный» и «Пылкий») уничтожить германо-турецкий малый крейсер «Бреслау» («Мидилли») 22 июля 1916 г. В ходе шестичасового преследования неприятельского корабля командующий флотом вице-адмирал А.В. Колчак лично, «через голову» находившегося на «Счастливом» начальника минной бригады контр-адмирала М.П. Саблина (не говоря уже о начальнике 1-го дивизиона миноносцев капитане 1 ранга Н.Н. Савинском, державшем брейд-вымпел на «Дерзком») отдавал приказы напрямую командирам эсминцев, но не смог реализовать 3–4-узловое преимущества русских миноносцев в скорости и отрезать

⁴³ Цит. по: Кедров М.А. Указ. соч. С. 148.

⁴⁴ Шульц Г.К., фон. Указ. соч. С. 5, 6.

⁴⁵ Там же. С. 40.

«Бреслау» от Босфора⁴⁶. Командующий флотом фактически отстранил штатных начальников от управления силами в бою, при этом сам, находясь на отставшем линкоре, на завершающем этапе преследования уже не владел тактической обстановкой и упустил противника⁴⁷.

Став свидетелем критической ситуации во время больших маневров Гранд Флита в марте 1917 г. (в тумане пересеклись курсы флота линейных крейсеров и 1-й эскадры линейных кораблей, что едва не привело к нескольким столкновениям), Г.К. фон Шульц констатировал, что в подобных случаях британские моряки демонстрировали «морскую дисциплину и передающееся из поколения в поколение профессиональное хладнокровие, которое вместе со строгим самообладанием является наиболее характерной чертой английского моряка». Вообще, в морской практике британского флота, в отличие от многих других, отсутствовала нарочитая лихость, а так называемый морской шик при сложном маневрировании — например швартовках и постановках на якорь — считался дурным тоном: «Показное удалство, поспешная стремительность и быстрая работа машинами были исключены; неосторожные и рискованные эволюции считались в английском флоте «плохой морской практикой» (Bad Seamanship)... Уверенное, правильное маневрирование красивее, чем рискованные фокусы, и склонность к фокусам встречаешь чаще у моряков, которые лишены настоящего морского образования и опыта»⁴⁸.

Но у этой медали была и обратная сторона — консерватизм в некоторых технических и оперативно-тактических вопросах, невосприимчивость к чужому опыту, обусловленные, по мнению Г.К. фон Шульца, в значительной мере «обособленностью Англии от остального мира, вредно отразившейся на народной психологии»⁴⁹. С этой оценкой солидарен М.А. Кедров: «Они почти проспали многое, что у других уже считается за аксиому, что их островное положение и всегдашнее численное превосходство сильно отразилось на военной стороне их флота». «Им была полезна, — пишет далее Михаил Александрович, — маленькая война, как для нас была японская, и они сами это теперь сознают; подобный шок встряхнул бы их островной сон и действительно, может быть, дал бы им тот флот, на который так надеется народонаселение Англии и в победе или поражении которого жидется их «быть или не быть»»⁵⁰. По выражению С.А. Изенбека, «с идейной точки английский флот сравнительно отстал от жизни»⁵¹.

Русские представители обратили внимание на тот факт, что при превосходной подготовке по своей узкой специальности, отменном знании материальной части и отличных навыках обращения с ней («что знает англичанин — знает твердо»⁵²) британские офицеры, включая флагманов и командиров, поражали, по выражению М.А. Кедрова, «убожеством

⁴⁶ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 911. Л. 47–54; Ф. 1262. Оп. 1. Д. 8. Л. 76; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 555. Л. 148 об., 149 об.; Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. М., 1938. С. 328–333; Флот в первой мировой войне / под ред. Н.Б. Павловича. Т. 1. Действия русского флота. М., 1964. С. 491–493; Dönitz K. Mein wechselvolles Leben. Göttingen, 1968. S. 105–106; Langensiepen B., Gülerlyüz A. The Ottoman Steam Navy 1828–1923. London, 1995. P. 51; Langensiepen B., Nottelmann D., Krüsmann J. Halbmond und Kaiseradler: Goeben und Breslau am Bosphorus 1914–1918. Hamburg; Berlin; Bonn, 1999. S. 140–141; O'Hara V.P., Heinz L.R. Op. cit. P. 198–199; Виноградов С.Е. Линейный корабль «Императрица Мария». Легенда длиной в столетие. М., 2017. С. 139–143; Крестьянинов В.Я. Черноморский флот в Первой мировой войне 1914–1918 годов. СПб., 2021. С. 310.

⁴⁷ См. подробнее: Козлов Д.Ю., Подсобляев Е.Ф., Грибовский В.Ю. «Должен признать... что к делу развития морской силы Колчак имел громадное влияние». К вопросу об эффективности управления силами флота вице-адмиралом А.В. Колчаком // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 28–36.

⁴⁸ Шульц Г.К., фон. Указ. соч. С. 62, 80.

⁴⁹ Там же. С. 52.

⁵⁰ Кедров М.А. Указ. соч. С. 148–149.

⁵¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 452. Л. 9 об.

⁵² Там же.

военной мысли»: «Прекрасные моряки с прекрасной командой, с хорошо поставленным физическим воспитанием, они невозможно отстали как “военные моряки”»⁵³.

Характерный эпизод: Г.К. фон Шульц, описывая завтрак у командира линкора «Ройял Соверен» кэптана А. Ханта 2 сентября 1916 г., замечает: «В числе приглашенных было еще несколько старших командиров, и разговор исключительно вертелся на вопросе о возможности скорого производства в контр-адмиралы. Несколько раз я пытался перевести беседу на более военные темы, но безуспешно... Старшему персоналу грозила опасность воспринять психологию мирного времени, когда обычные вопросы каждодневной службы, назначения и свободные командирские вакансии привлекают наибольший интерес большинства офицеров»⁵⁴.

Вместе с тем от внимания русских представителей не ускользнули успехи союзников в освоении некоторых «прорывных» новаций, в корне изменивших характер вооруженного противоборства на море, например подводных лодок. Так, в ноябре 1914 г. флагманский электротехник бригады подводных лодок Балтийского моря старший лейтенант С.А. Кукель, ознакомившись с пришедшими в Россию английскими субмаринами «Е1» и «Е9», докладывал начальнику Главного управления кораблестроения вице-адмиралу П.П. Муравьеву: «В области военно-морского искусства они стоят на большой высоте, и им удалось практически испытать несколько тактических приемов, которые полезно перенять и нашим подводникам»⁵⁵. Речь, в частности, идет об используемом британскими лодками способе залповой стрельбы торпедами с временным интервалом, который оказался гораздо эффективнее стрельбы по площади с углом растворения («веером»), практиковавшейся в отечественном флоте⁵⁶.

Характеризуя времяпрепровождение британских моряков в Скапа Флоу⁵⁷, Г.К. фон Шульц отметил «столь характерную для англосаксонской расы страсть к состязаниям», выражавшуюся в популярности среди как офицеров, так и команд соревнований по футболу, гольфу, боксу, гребным и парусным гонкам и даже состязаний между кораблями по разведению огородов на близлежащем острове Фара. Особое впечатление на Г.К. фон Шульца произвели контр-адмирал Р. Арбетнот и кэптен Фиц-Эрберт, которые в июне 1915 г. прямо на торжественном обеде на линкоре «Мальборо» с участием прибывшего на флот епископа Йорского облачились в подаренные японским представителем дуэльные доспехи и учинили бой на бамбуковых палках, а перед этим устроили мотоциклетные гонки на острове Мэнлэнд.

Российский представитель обратил внимание на популярность любительских сценических постановок (в том числе с участием офицеров), кинематографа, концертов корабельных оркестров. Чтение же, за исключением периодических и особенно иллюстрированных изданий, занимало, несмотря на наличие на кораблях читален и библиотек, «второстепенное место», что, впрочем, объяснялось судовой обстановкой с ее постоянными сигналами, командами и другими звуками, не способствующими вдумчивому чтению.

Резко диссонировал с российской традицией и полный отказ англичан от парадно-церемониальных ритуалов в военное время. Даже во время посещения Гранд Флита Герогом V в июле 1915 г. «не было ни громких приветствий, ни речей, ни криков ура».

⁵³ Кедров М.А. Указ. соч. С. 148.

⁵⁴ Шульц Г.К., фон. Указ. соч. С. 44.

⁵⁵ РГАВМФ. Ф. 401. Оп. 1. Д. 1197. Л. 196–203. Опул. с сокращениями: Козлов Д.Ю. Британские подводные лодки в Балтийском море. 1914–1918 годы. СПб., 2006. С. 174–178.

⁵⁶ См. подробнее: Томашевич А.В. Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в 1914–1915 гг. М.; Л., 1939. С. 14; Павлович Н.Б. Развитие тактики военно-морского флота. Ч. II (от русско-японской до первой мировой войны). М., 1979. С. 148; Ковалев Э.А. Разработка и освоение российскими подводниками залповой торпедной стрельбы веером // Военно-исторический журнал. 2006. № 1. С. 24–28; Завьялов И. Практические стрельбы и маневры русских подводных лодок перед Первой мировой войной // Морской сборник. 2022. № 3. С. 87–89.

⁵⁷ Скапа Флоу (Scapa Flow) — главная база Гранд Флита на Оркнейских островах.

Пренебрежение формальностями проявилось и в передаче командования Гранд Флитом от Дж. Джеллико к Д. Битти в ноябре 1916 г. И Дж. Джеллико, назначенный первым морским лордом, и бывшие командующие эскадрами адмиралы С. Берни и Л. Хэлси, которые вместе с ним получили назначения в адмиралтейство, отправились к новому месту службы безо всяких прощальных церемоний: «Такой необычный способ обхождения понравился мне своей военной непритязательностью: она, как нельзя больше, гармонировала со строгой серьезностью военного времени»⁵⁸.

Но самым разительным отличием британских морских сил от российского флота, как, впрочем, и флотов Германии и Австро-Венгрии, являлись демократичные отношения офицеров и матросов. Даже в самой изнурительной и грязной из корабельных работ — погрузке угля — офицеры и судовые священники принимали непосредственное участие наравне с нижними чинами. Это, по наблюдению Г.К. фон Шульца, являлось «одним из звеньев воспитательной системы, которая стремится сблизить офицеров и команду и приучить их к совместной работе в самых разнообразных областях корабельной жизни»⁵⁹.

Пожалуй, наиболее емко эту ситуацию охарактеризовал С.А. Изенбек: «Странные вообще отношения между офицерами и командой — смесь товарищества и наружного уважения с громадной долей презрения со стороны офицеров к матросу и полного равнодушия и, я бы сказал, застенчивости со стороны матросов к своему начальству. Вместе с тем я вполне уверен, что команда за офицерами пойдет куда угодно»⁶⁰. Правда, российские офицеры не пытались порассуждать о причинах столь разительного отличия, которые, очевидно, крылись главным образом в том, что офицерский корпус флота в Англии, в отличие от России, не являлся замкнутой сословной корпорацией⁶¹.

Очевидно, поразили русских офицеров вопиющие, на их взгляд, нарушения воинской субординации — например, произнесенные вслух, безо всякого стеснения в присутствии постороннего лица, тем более иностранца, ироничные замечания командира линейного корабля «Хёркилис» кэптана Л. Клинтон-Бейкера в адрес У. Черчилля по поводу сооруженных по его инициативе «кораблей-привидений» (hush-ships)⁶², совершенно немыслимые в российском флоте.

Последнее можно отнести и к любительскому спектаклю о жизни Гранд Флита, устроенному офицерами линкора «Малайя» осенью 1916 г. В представлении была обыграна фамилия Дж. Джеллико, который в одном из куплетов фигурировал с ударением на последний слог — Джелли-ко (Джелли в переводе на русский — студень или желе), что недвусмысленно намекало на склонность главнокомандующего избегать чрезмерно рискованных оперативных и тактических решений.

Разумеется, обратило на себя внимание британское чувство юмора. Так, Г.К. фон Шульц воспроизводит анекдот об упомянутом выше У. Пэкинхэме (в 1917 г. он возглавил флот линейных крейсеров), который на корабле спал только одетым и, во избежание белых ворсинок на форме, специально заказал синее постельное белье с синим же пухом в подушках⁶³.

⁵⁸ Шульц Г.К., фон. Указ. соч. С. 9–12, 19–20, 22, 25–26, 45–46, 50–51.

⁵⁹ Там же. С. 22.

⁶⁰ Цит. по: Бажанов Д.А. Английский и российский флот глазами русских представителей при Grand Fleet (1915–1917 гг.) // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 20 марта 2015 г.: сб. науч. ст. СПб., 2016. С. 100.

⁶¹ О принципах комплектования и особенностях подготовки офицерского корпуса британского флота см. подробнее: Назаренко К.Б. Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. М.; СПб., 2017. С. 46–49; Лихарев Д.В. Флот и морское ведомство Великобритании на пути к Первой мировой войне. 1900–1914. СПб., 2021. С. 109–120.

⁶² Речь идет о несамоходных макетах линейных кораблей, поставленных в Скапа Флоу для введения в заблуждение германской разведки.

⁶³ Шульц Г.К., фон. Указ. соч. С. 9, 50–51.

Отношение к России, как показывает анализ текстов русских офицеров, зависело главным образом от положения дел на Восточноевропейском театре военных действий. Победы русской армии над австрийцами в Галиции и Карпатах во второй половине 1914 г. и начале 1915 г., по свидетельству М.А. Кедрова, сделали его «персоной грата» не только на британском флоте, но и в правительственных кругах и при дворе⁶⁴. Однако в последующем, начиная с «великого отступления» 1915 г., стало заметно охлаждение отношений к российскому союзнику. Природу растущего недоверия попытался проанализировать Г.К. фон Шульц: «Виной этому была внутренняя политика России в связи с начинавшимся экономическим развалом, военной усталостью и другими явлениями. Многочисленные скандалы при дворе, усилившееся влияние Распутина и назначение Штюрмера премьер-министром усиливали недоверие, и в январе 1917 г. меня часто спрашивали, действительно ли Россия желает заключить сепаратный мир с Германией?»

Густав Константинович приводит и высказанное в марте 1917 г. мнение Д. Битти, который накануне войны, в ходе визита в Кронштадт возглавляемой им эскадры линейных крейсеров, побывал в Санкт-Петербурге и Москве: «Правящие круги и в особенности придворная камарилья не произвели на него приятного впечатления; его удивляло, каким образом в самое критическое время войны такие личности, как Протопопов, могут играть роль при дворе и даже в правительстве»⁶⁵.

При этом отношение к самим русским представителям, по их единодушному мнению, было предельно корректным, благожелательным и даже предупредительным. Высоко ценили английские моряки и помощь, оказанную им российским флотом в развитии минного, противоминного и противолодочного вооружения, совершенствовании способов боевого использования корабельной артиллерии⁶⁶. Фраза заместителя главнокомандующего Гранд Флитом и командующего 1-й эскадрой вице-адмирала Ч. Мэддена в адрес С.А. Изенбека — «Ваше самолюбие может быть удовлетворено: Grand Fleet стреляет по русским методам стрельбы»⁶⁷ — стала почти хрестоматийной, хотя и содержит, надо признать, некоторое преувеличение.

Таким образом, в официальных бумагах, письмах, дневниках и мемуарах российских морских офицеров, прикомандированных к Гранд Флиту в 1914–1918 гг., содержится профессиональный анализ сильных (высокий уровень профессиональной подготовки и морской культуры, инициативность и самостоятельность, демократичные отношения с нижними чинами и др.) и слабых (консерватизм в некоторых технических и оперативно-тактических вопросах и др.) сторон командного состава английского флота. Ценные наблюдения российских представителей существенно обогатили представления о сильнейшем флоте мира, сформировавшиеся в отечественной военно-морской среде во время Первой мировой войны и в последующие годы. Тесное знакомство с людьми и техникой британского союзника способствовало и более взвешенной самооценке наших моряков, так как позволяло по-иному, «свежим взглядом» со стороны посмотреть на положение дел в российском флоте, рельефнее очертить его достижения и проблемы.

⁶⁴ Кедров М.А. Указ. соч. С. 27–28.

⁶⁵ Шульц Г.К., фон. Указ. соч. С. 54, 60.

⁶⁶ В ноябре 1914 г. англичанам было передано 100 мин образца 1898 г. из запасов Владивостокского порта и змейковый трал с чертежами, чертежи «минного щита» (защитника), а также секретная «Записка о современном развитии траления для уничтожения минных заграждений»; для обучения британских коллег эксплуатации этих образцов была отправлена группа специалистов. В дальнейшем Морское министерство предоставило британцам экземпляры мин образцов 1908 и 1912 гг., плавающих мин Колбасьева и Калчева-Шрейбера, запального стакана и ударно-механического прибора образца 1912 г., порохового выбрасывающего заряда образца 1912 г. для торпедных аппаратов, глубинной бомбы Аверкиева, ныряющих снарядов. (См. подробнее: Козлов Д.Ю., Емелин А.Ю. Указ. соч. С. 283–284, 291, 293–294.)

⁶⁷ Цит. по: Петров М.А. Два боя (Черноморского флота с л. кр. «Гебен» 5-IX-1914 и крейсеров Балт. флота у о. Готланд 19-VI-1915). Л., 1926. С. 1.

Библиография

- Айрапетов О.Р.* Контекст одной пропагандистской акции 1914 года // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. Т. I. М., 2004. С. 93–134.
- Бажанов Д.А.* Английский и российский флот глазами русских представителей при Grand Fleet (1915–1917 гг.) // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 20 марта 2015 г.: сб. науч. ст. СПб., 2016. С. 95–100.
- Бочаров А.А., Емелин А.Ю.* Легенды крейсера «Магдебург» // Цитадель. 2002. Вып. 10. С. 33–44.
- Виноградов К.Б.* Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения 1914–1917 гг. / под ред. И.С. Галкина. М., 1962.
- Виноградов С.Е.* Линейный корабль «Императрица Мария». Легенда длиной в столетие. М., 2017.
- Гилберт М.* Первая мировая война. М., 2016.
- Голубев А.В., Поршнева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011.
- Гребенщикова Г.А.* Российские волонтеры в британском флоте // Морской сборник. 2014. № 7. С. 85–91.
- Гребенщикова Г.А.* Российский флот и дипломатия Екатерины II. Т. 2. СПб., 2020.
- Деренковский Г.М.* Франко-русская морская конвенция 1912 г. и англо-русские морские переговоры накануне первой мировой войны // Исторические записки. 1949. Вып. 29. С. 80–122.
- Доклады б. министра ин. дел С.Д. Сазонова Николаю Романову. 1910–1912 гг. // Красный архив. Т. 3 (1923). С. 1–28.
- Завьялов И.* Практические стрельбы и маневры русских подводных лодок перед Первой мировой войной // Морской сборник. 2022. № 3. С. 78–89.
- Зеленева И.В., Пономарева Т.И.* Дневник С.А. Изенбека как источник по истории военно-морского сотрудничества России и Великобритании в 1916–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 102–111.
- Игнатьев А.В.* Незавершенный этап (к истории русско-английских переговоров 1914 г.) // История СССР. 1960. № 3. С. 107–119.
- Кедров М.А.* Моя автобиография. 1878–1933 гг. / вступ. ст., коммент. Д.Ю. Козлова, Л.И. Петрушевой, В.А. Болтрукевича. М., 2020.
- Ковалев Э.А.* Разработка и освоение российскими подводниками залповой торпедной стрельбы веером // Военно-исторический журнал. 2006. № 1. С. 24–28.
- Козлов Д.Ю.* Британские подводные лодки в Балтийском море. 1914–1918 годы. СПб., 2006.
- Козлов Д.Ю., Емелин А.Ю.* Военно-морское сотрудничество России и стран Антанты накануне и в годы Первой мировой войны // Россия в стратегии Первой мировой войны. Кн. 1. Россия в стратегии Антанты. СПб., 2014. С. 265–302.
- Козлов Д.Ю., Подсобляев Е.Ф., Грибовский В.Ю.* «Должен признать... что к делу развития морской силы Колчак имел громадное влияние». К вопросу об эффективности управления силами флота вице-адмиралом А.В. Колчаком // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 28–36.
- Корбетт Ю.* Операции английского флота в мировую войну. Т. 1 / пер. с англ. М.Л. Бертенсона, предисл. М.А. Петрова. Л., 1927.
- Корелин А.П., Павлов Д.Б.* Российские вооруженные силы в межвоенный период. Проблемы военно-стратегического планирования // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014. С. 61–84.
- Крестянинов В.Я.* Черноморский флот в Первой мировой войне 1914–1918 годов. СПб., 2021.
- Лихарев Д.В.* Флот и морское ведомство Великобритании на пути к Первой мировой войне. 1900–1914. СПб., 2021.
- Лихарев Д.В.* Цусимское сражение 14–15 мая 1905 г. Историография проблемы. Уссурийск, 2009.
- Ловягин А.* Англо-русская морская конвенция (К материалам по истории подготовки России к мировой войне на море) // Морской сборник. 1929. № 2. С. 60–67.
- Лорей Г.* Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. М., 1938.
- Лунева Ю.В.* Англо-русские морские переговоры накануне Первой мировой войны (1914 год) // Россия и Британия. Вып. 4. Связи и взаимные представления. XIX–XX века. М., 2006. С. 194–206.
- Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002.
- Назаренко К.Б.* Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. М.; СПб., 2017.
- Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны / под ред. Ю.Г. Акимова. СПб., 2006.
- Павлович Н.Б.* Развитие тактики военно-морского флота. Ч. II (от русско-японской до первой мировой войны). М., 1979.

Партала М.А. Рифы и мифы острова Оденсхольм. К истории захвата секретных документов германского флота на крейсере «Магдебург» // Защита информации. INSIDE. 2007. № 1. С. 84–90; № 2. С. 80–86.

Петров М.А. Два боя (Черноморского флота с л. кр. «Гебен» 5-IX-1914 и крейсеров Балт. флота у о. Готланд 19-VI-1915). Л., 1926.

Рупасов А.И. Германо-шведские контакты о заключении военного союза (1910–1915 гг.) // Первая мировая война и международные отношения. Сборник. СПб., 1995. С. 30–40.

Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск, 2002.

Сергеев Е.Ю. Имперские военные элиты России и Великобритании в конце XIX — начале XX века: опыт сравнительного анализа // Россия и Британия. Вып. 4. Связи и взаимные представления. XIX–XX века. М., 2006. С. 228–247.

Табаровская К.А. Российско-шведские отношения накануне Первой мировой войны (1905–1914 гг.). Политический, экономический, военный аспекты. По материалам российских архивов: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

Томашевич А.В. Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в 1914–1915 гг. М.; Л., 1939.

Флот в первой мировой войне / под ред. Н.Б. Павловича. Т. 1. Действия русского флота. М., 1964.

Шульц Г.К., фон. С английским флотом в мировую войну. Воспоминания представителя русского флота при Гранд Флите. СПб., 2000.

[Щеглов А.Н.] Значение и работа штаба на основании опыта русско-японской войны. [СПб., 1906].

Эмме В. Период крейсерских походов и ожидание генерального сражения на Центральной позиции. 13–26 июля по 24 августа — 6 сентября 1914 г. // Военно-Морская Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. на море. Сборник № 2. Пг., 1922. С. 127–178.

Dönitz K. Mein wechselvolles Leben. Göttingen, 1968.

Koop G., Schmolke K.-P. Kleine Kreuzer 1903–1918 (BREMEN-bis CÖLN-Klasse). Bonn, 2004.

Langensiepen B., Güleriyüz A. The Ottoman Steam Navy 1828–1923. London, 1995.

Langensiepen B., Nottelmann D., Krüsmann J. Halbmond und Kaiseradler: Goeben und Breslau am Bosphorus 1914–1918. Hamburg; Bonn, 1999.

O'Hara V.P., Heinz L.R. Clash of Fleets. Naval Battles of the Great War, 1914–18. Annapolis, 2017.

References

Airapetov O.R. Kontekst odnoi propagandistskoi aksii 1914 goda [The Context of One Propaganda Action in 1914] // Russkii sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii XIX–XX vv. [Russian Collection. Studies in the History of Russia in the 19th–20th Centuries]. 2004. Vol. I. S. 93–134. (In Russ.)

Bazhanov D.A. Angliiskii i rossiiskii flot glazami russkikh predstavitelei pri Grand Fleet (1915–1917 gg.) [British and Russian Navies through the Eyes of Russian Representatives at the Grand Fleet (1915–1917)] // Peterburgskie voenno-istoricheskie chteniya. S.-Peterburg, 20 marta 2015 [Petersburg Military-Historical Readings. Interuniversity Scientific Conference. St. Petersburg, March 20, 2015]. Sankt-Peterburg, 2016. S. 95–100. (In Russ.)

Bocharov A.A., Emelin A.Yu. Legendy kreisera “Magdeburg” [Legends of the Cruiser “Magdeburg”] // Tsitadel’ [Citadel]. 2002. Vol. 10. S. 33–44. (In Russ.)

Corbett J. Operatsii angliiskogo flota v mirovuiu voinu [History of the Great War. Naval Operations]. Leningrad, 1927. (In Russ.)

Derenkovskii G.M. Franko-russkaia morskai konventsia 1912 g. i anglo-husskie morskii peregovory nakanune pervoi mirovoi voiny [French-Russian Naval Convention of 1912 and British-Russian Naval Negotiations on the Eve of World War I] // Istoricheskie zapiski [Historical Records]. 1949. Vol. 29. S. 80–122. (In Russ.)

Doklady b. ministra in. del S.D. Cazonova Nikolaiu Romanovu. 1910–1912 gg. [Reports of the Former Minister of Foreign Affairs S.D. Sazonov to Nikolai Romanov. 1910–1912] // Krasnyi arhiv [The Red Archive]. 1923. Vol. 3. S. 1–28. (In Russ.)

Emme V. Period kreiserskikh pohodov i ozhidanie general’nogo srazhenia na Tsentral’noi pozistii. 13–26 iulia po 24 avgusta — 6 sentiabria 1914 g. [The Period of Cruisers’ Operations and the Expectation of a General Battle in the Central Position. 13/26 July to 24 August / 6 September 1914] // Voennno-Morskai Komissia po issledovaniu i ispol’zovaniu opyta voiny 1914–1918 gg. na more. Sbornik № 2 [Naval Commission for the Study and Use of the Experience of the War 1914–1918 at sea. Collection № 2]. Petrograd, 1922. S. 127–178. (In Russ.)

- Flot v pervoi mirovoi voine. T. 1. Deistvia russkogo flota [Navy in World War I. Vol. 1. The Operations of the Russian Navy]. Moskva, 1964. (In Russ.)
- Gilbert M.* Pervaia mirovaia voina [The First World War]. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Golubev A.V., Porshneva O.S.* Obraz souznika v soznanii rossiiskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn [The Ally's Image in the Minds of Russian Society in the Context of World Wars]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Grebenshikova G.A.* Rossiiskie volonteryy v britanskom flote [Russian Volunteers in the British Navy] // Morskoi sbornik [Naval Collection]. 2014. № 7. S. 85–91. (In Russ.)
- Grebenshikova G.A.* Rossiiskii flot i diplomatiya Ekateriny II [Russian Navy and Diplomacy of Catherine II]. Vol. 2. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)
- Ignat'ev A.V.* Nezavershennyy etap (k istorii rusско-angliiskikh peregovorov 1914 goda) [An Unfinished Stage (on the History of Russian-English Negotiations in 1914)] // Istoria SSSR [History of the USSR]. 1960. № 3. S. 107–119. (In Russ.)
- Kedrov M.A.* Moia avtobiografiya. 1878–1933 gg. [My Autobiography. 1878–1933] / vstup. st., komment. D.Iu. Kozlova, L.I. Petrushevoi, V.A. Boltrukevicha. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Korbett Iu.* Operatsii angliiskogo flota v mirovuiu voynu. T. 1 [The operations of the British Navy in the World War. Vol. 1] / per. s angl. M.L. Bertensona, predisl. M.A. Petrova. Leningrad, 1927. (In Russ.)
- Korelin A.P., Pavlov D.B.* Rossiiskie vooruzhennyye sily v mezhoennoy period. Problemy voenno-strategicheskogo planirovaniya [Russian Armed Forces in the Interwar Period. Problems of Strategic Planning] // Rossiya v gody Pervoi mirovoi voyny: ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis [Russia during the First World War: Economic Situation, Social Processes, Political Crisis] / otv. red. Iu.A. Petrov. Moskva, 2014. S. 61–84. (In Russ.)
- Kovalev E.A.* Razrabotka i osvoenie rossiiskimi povodnikami zalpovoi torpednoi strel'by veerom [Development and Mastering of Salvo Torpedo Firing by a Spread by Russian Submariners] // Voennostoricheskii zhurnal [Military History Magazine]. 2006. № 1. S. 24–28. (In Russ.)
- Kozlov D.Yu.* Britanskii podvodnye lodki v Baltiiskom more. 1914–1918 gody [British Submarines in the Baltic Sea. 1914–1918]. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)
- Kozlov D.Yu., Emelin A.Yu.* Voennomorskoe sotrudnichestvo Rossii i stran Antanty nakanune i v gody Pervoi mirovoi voyny [Naval Cooperation between Russia and the Entente Countries on the Eve and during the First World War] // Rossiya v strategii Pervoi mirovoi voyny. Kniga 1. Rossiya v strategii Antanty [Russia in the Strategy of the First World War. Vol. 1. Russia in the Entente strategy]. Sankt-Peterburg, 2004. S. 265–302. (In Russ.)
- Kozlov D.Yu., Podsoblaiev E.F., Gribovskii V.Yu.* “Dolzhen priznat'... chto k delu razvitiya morskoi sily Kolchak imel gromadnoe vlianie”. K voprosu ob effektivnosti upravleniya silami flota vitse-admiralom A.V. Kolchakom [“I Must Admit ... that Kolchak had a Huge Influence on the Development of Naval Power”. On the Issue of the Effectiveness of Command and Control of the Fleet Forces by Vice Admiral A.V. Kolchak] // Voennostoricheskii zhurnal [Military History Magazine]. 2006. № 2. S. 28–36. (In Russ.)
- Krest'yaninov V. Ya.* Chernomorskiy flot v Pervoi mirovoi voine 1914–1918 godov [Black Sea Fleet in World War I 1914–1918]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)
- Liharev D.V.* Flot i morskoe vedomstvo Velikobritanii na puti k Pervoi mirovoi voine. 1900–1914 [The Navy and the Naval Ministry of Great Britain on the Way to the First World War. 1900–1914]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)
- Liharev D.V.* Tsusimskoe srazhenie 14–15 maia 1905 g. Istoriografiya problemy [Battle of Tsushima May 14–15, 1905. Historiography of the Problem]. Ussuriisk, 2009. (In Russ.)
- Lorey H.* Operatsii germano-turetskikh morskikh sil v 1914–1918 gg. [Operations of the German-Turkish Naval Forces in 1914–1918]. Moskva, 1938. (In Russ.)
- Loviagin A.* Anglo-russkaia morskaya konventsia (K materialam po istorii podgotovki Rossii k mirovoi voine na more) [British-Russian Naval Convention (On Materials on the History of Russia's Preparations for a World War at Sea)] // Morskoi sbornik [Naval Collection]. 1929. № 2. S. 60–67. (In Russ.)
- Luneva Yu.V.* Anglo-rossiiskie morskoe peregovory nakanune Pervoi mirovoi voyny (1914 god) [British-Russian Naval Negotiations on the Eve of the First World War (1914)] // Rossiya i Brinania. Vyp. 4. Sviazi i vzaimnye predstavleniya. XIX–XX veka [Russia and Britain. Vol. 4. Connections and Mutual Representations. 19th–20th Centuries.]. Moskva, 2006. S. 194–206. (In Russ.)
- Mirovye voyny XX veka. Kn. 2. Pervaia mirovaia noina. Dokumenty i materialy [World Wars of the 20th Century. Vol. 2. World War I. Documents and Materials]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Nazarenko K.B.* Baltiiskii flot v revoliutsii. 1917–1918 gg. [The Baltic Fleet in Revolution. 1917–1918]. Moskva; Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)
- Novikova I.N.* “Mezhdu molotom i nakoval'nei”. Shvetsia v germano-rossiiskom protivostoianii na Baltike v gody Pervoi mirovoi voyny [“Between the Hammer and the Anvil”. Sweden in the German-Russian Confrontation in the Baltic during the First World War] / pod red. Iu.G. Akimova. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)

Partala M.A. Rify i mify ostrova Odenshol'm. K istorii zahvata sekretnykh dokumentov germanskogo flota na kreisere "Magdeburg" [Reefs and Myths of Odensholm Island. On the History of the Capture of Secret Documents of the German Navy on the Cruiser "Magdeburg"] // Zashita informatsii. INSIDE [Data Protection. INSIDE]. 2007. № 1. S. 84–90; № 2. S. 80–86. (In Russ.)

Pavlovich N.B. Razvitie taktiki voenno-morskogo flota. Ch. II (ot russko-iaponskoi do pervoi mirovoi voiny) [The Evolution of Naval Tactics. Vol. II (from the Russo-Japanese to World War I)]. Moskva, 1979. (In Russ.)

Petrov M.A. Dva boia [Two Battles]. Leningrad, 1926. (In Russ.)

Rupasov A.I. Germano-shvedskie kontakty o zakliuchenii voennogo soiuz (1910–1915 gg.) [German-Swedish Contacts on the Conclusion of a Military Alliance (1910–1915)] // Pervaia mirovaia voina i mezhdunarodnye otnosheniia. Sbornik [World War I and International Relations. Collection]. Sankt-Peterburg, 1995. S. 30–40. (In Russ.)

Sazonov S.D. Vospominania [Memories]. Minsk, 2002. (In Russ.)

Sergeev E.Yu. Imperskie voennye elity Rossii i Velikobritanii v kontse XIX – nachale XX veka: opyt sravnitel'nogo analiza [Imperial Military Elites of Russia and Great Britain in the Late 19th – Early 20th Centuries: an Experience of Comparative Analysis] // Rossiia i Brinania. Vyp. 4. Sviazi i vzaimnye predstavleniia. XIX–XX veka [Russia and Britain. Vol. 4. Connections and Mutual Representations. 19th–20th Centuries]. Moskva, 2006. S. 228–247. (In Russ.)

Shul'ts G.K., von. S angliiskim flotom v mirovuiu voinu. Vospominania predstavitelia russkogo flota pri Grand Flite [With the British Navy in the World War. Memoirs of a Representative of the Russian Navy at the Grand Fleet]. Sankt-Peterburg, 2000. (In Russ.)

Tabarovskaia K.A. Rossiisko-shvedskie otnosheniia nakanune Pervoi mirovoi voiny (1905–1914 gg.) Politicheskii, ekonomicheskii, voennyi aspekty. Po materialam rossiiskikh arhivov: dis. ... kand. ist. nauk [Russian-Swedish Relations on the Eve of the First World War (1905–1914). Political, Economic, Military Aspects. Based on the Materials of the Russian Archives: Dissertation PhD]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Tomashevich A.V. Podvodnye lodki v operatsiakh russkogo flota na Baltiiskom more v 1914–1915 gg. [Submarines in the Operations of the Russian Fleet in the Baltic Sea in 1914–1915]. Moskva; Leningrad, 1939. (In Russ.)

[*Sheglov A.N.*] Znachenie i rabota shtaba na osnovanii opyta russko-iaponskoi voiny [The Role and Work of the Headquarters Based on the Experience of the Russo-Japanese War]. [Sankt-Peterburg, 1906]. (In Russ.)

Vinogradov K.B. Burzhuaznaia istoriografia pervoi morovoi voiny. Proishozhdenie voiny i mezhdunarodnye otnosheniia 1914–1917 gg. [Bourgeois Historiography of the First World War. Origins of War and International Relations 1914–1917] / pod red. I.S. Galkina. Moskva, 1962. (In Russ.)

Vinogradov S.E. Lineinyi korabl' "Imperatritsa Maria". Legenda dlinoi v stoletie [Battleship "Imperatritsa Maria". A Century Long Legend]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Zavialov I. Prakticheskie strel'by i manevry russkikh podvodnykh lodok pered Pervoi mirovoi voinoi [Practical Firing and Maneuvers of Russian Submarines before the First World War] // Morskoi sbornik [Naval Collection]. 2022. № 3. S. 78–89. (In Russ.)

Zeleneva I.V., Ponomareva T.I. Dnevnik S.A. Izenbeka kak istochnik po istorii voenno-morskogo sotrudnichestva Rossii i Velikobritanii v 1916–1917 gg. [S.A. Izenbek's Diary as a Source on the History of Naval Cooperation between Russia and Great Britain in 1916–1917] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. 2020. № 450. S. 102–111. (In Russ.)

Dönitz K. Mein wechselvolles Leben. Göttingen, 1968.

Koop G., Schmolke K.-P. Kleine Kreuzer 1903–1918 (BREMEN-bis CÖLN-Klasse). Bonn, 2004.

Langensiepen B., Güleriyüz A. The Ottoman Steam Navy 1828–1923. London, 1995.

Langensiepen B., Nottelmann D., Krüsmann J. Halbmond und Kaiseradler: Goeben und Breslau am Bosporus 1914–1918. Hamburg; Berlin; Bonn, 1999.

O'Hara V.P., Heinz L.R. Clash of Fleets. Naval Battles of the Great War, 1914–18. Annapolis, 2017.

© 2023 г. В.С. МИРЗЕХАНОВ, Л.В. ЛАННИК

ЛИКВИДАЦИЯ БАТУМСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ, СЕНТЯБРЬ–НОЯБРЬ 1918 года

Мирзеханов Велихан Салманханович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: lum62@yandex.ru

Scopus Author ID: 57202778122; ORCID: 0000-0003-0660-6508; Researcher ID: J-1238-2018

Ланник Леонтий Владимирович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

Аннотация. Несмотря на очевидное с середины сентября 1918 г. поражение Центральных держав на основных фронтах Первой мировой войны, корректно говорить о финальном этапе существования Батумской подсистемы. Он стал возможным вследствие инерции германской и османской экспансии в регионе, получившей новый импульс после взятия Баку турецкой армией в сентябре 1918 г. В течение двух месяцев продолжались попытки сохранить влияние Берлина и Константинополя в регионе, в том числе за счет непростых компромиссов с Советской Россией и благодаря оперативной паузе, взятой британскими войсками. Экономические перспективы эксплуатации Закавказья в интересах Центральных держав реализовать не удалось, хотя общий потенциал был раскрыт, а подготовка сменилась пробными поставками. Возросло воздействие интервенции Центральных держав на ход Гражданской войны на Северном Кавказе. Ликвидация Батумской подсистемы стала одной из первых задач прибывавших в середине ноября британских эмиссаров, но ни отменить, ни трансформировать ее результаты они не смогли по тем же причинам, что привели к неудачам в политике германских и османских акторов.

Ключевые слова: международные отношения, международные системы, межимперская конкуренция, постимперские пространства, Первая мировая война, Гражданская война в России, Мудросское перемирие, Компьенское перемирие, Османская империя, Грузия, Армения, Азербайджан, Дагестан, РСФСР.

V.S. Mirzekhanov, L.V. Lannik

The Dismantling of the Batum Subsystem of International Relations and Its Historical Consequences, September–November 1918

Velikhan Mirzekhanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: lum62@yandex.ru

Scopus Author ID: 57202778122; ORCID: 0000-0003-0660-6508; Researcher ID: J-1238-2018

Leontiy Lannik, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

Abstract. The final phase of the Batum subsystem unfolded despite the apparent defeat of the Central Powers on the main fronts of the Great War already at the end of September 1918. It was a consequence of the inertia of German and Ottoman expansion in the region, which received a new impetus after the capture of Baku in September 1918. For two months, efforts to maintain Berlin's and Constantinople's influence in the region continued, partly through uneasy compromises with Soviet Russia and thanks to an operational pause taken by British troops. The economic potential of exploiting the Transcaucasia for the Central Powers could not be realised, but the overall capabilities were unlocked and preparations gave way to a test-delivery phase. The impact of the intervention of the Central Powers on the course of the Civil War in the North Caucasus increased. The elimination of the Batum subsystem was one of the primary objectives of the British emissaries who were arriving from mid-November, however, they were unable to undo or transform its effects due to the same reasons that led to the policy failures of the German and Ottoman actors.

Keywords: international relations, international systems, inter-imperial competition, post-imperial spaces, World War I, Russian Civil War, Armistice of Mudros, Armistice of 11 November 1918, Ottoman Empire, Georgia, Armenia, Azerbaijan, Dagestan, RSFSR.

Взятие Баку силами турецко-азербайджанской Исламской армии 14–15 сентября 1918 г. для всех имперских акторов и всех сторонних наблюдателей оказалось полной неожиданностью. Поскольку оно совершенно противоречило общей динамике противостояния на фронтах Великой войны, которая вступила в стадию быстрого эндшпиля максимум через три-четыре дня после смены хозяина нефтепромыслов, то эти события можно было считать лишь одной из флуктуаций. Однако системный анализ имеющихся фактов в развитии Батумской подсистемы не позволяет прийти к такому напрашивающемуся выводу. Во-первых, победа Исламской армии вытекала из общей динамики соотношения сил, на что неоднократно указывали не только различные информаторы османских, германских и советских инстанций¹, но и не раз предупреждал командующий британскими войсками генерал Л. Данстервиль. Во-вторых, последовавший за ней финальный акт османской экспансии носил вполне системный характер, и не только за счет активных переговоров в Берлине, оформивших вхождение пространства Батумской подсистемы в рамки незадолго до этого «отредактированного» Добавочным договором Бреста. Не менее важным признаком целостного характера данного проекта, финального для младотурецкого режима, были спешные попытки завершить государственное оформление сателлитов (Азербайджана и Горской республики), подписание ряда соглашений, призванных создать условия для более устойчивой трансформации постимперского пространства. Масштабные события финала Великой войны не только перечеркнули эти усилия, но и обрекли их на полное (до недавнего времени) забвение в историографии. Лишь с начала XXI в. усилиями специалистов из Азербайджана, Турции и некоторых других стран, а также дагестанских исследователей эта страница истории макрорегиона — наступление османские войск и их союзников вопреки всему и вся — получила должное освещение. Однако в широкий контекст схватки за преобразование Евразии по итогам распада империй и Великой войны события в Закавказье осенью 1918 г. до сих пор не ставились. Это отчетливо видно по слабому вниманию «имперской» историографии к отрезку времени до начала явного оформления гегемонии Великобритании в регионе (к концу ноября 1918 г.). Тем важнее задача по реконструкции финального этапа существования

¹ См. подробнее: *Мирзаханов В.С., Ланник Л.В.* Бакинский кризис в истории Батумской подсистемы: кульминация неудавшихся имперских проектов, август-сентябрь 1918 г. // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 113–116.

Батумской подсистемы², ведь только это позволит корректно анализировать то «брестское» наследие, в котором Антанта попыталась выстроить удобную ей расстановку сил в макрорегионе, готовя его включение в новый глобальный порядок.

Несмотря на некоторую растерянность политических элит как Антанты, так и Четверного союза, и Советской России в связи с взятием турками Баку 14–15 сентября, а также вопреки быстрому усложнению гуманитарной ситуации из-за серии грабежей и расправ, паузы в схватке за контроль над западным побережьем Каспия все стороны не предполагали и не ожидали от противника. Британцы провели смену командования после столь явного, хотя и вполне логичного, провала: Л. Данстервиля³ во главе «Сил северной Персии» сменил (на встрече в Казвине 19 сентября) генерал У. Томсон. Вопреки громкому эффекту от победы Нури-паши в Баку, позиции Томсона были во многом более выгодными, чем у его предшественника до первого десанта на нефтепромыслах. За англичанами и их союзниками сохранялся полный набор исходных пунктов и баз для возможного (но пока не обладающего ресурсами) контрудара: превосходящие всех противников военно-морские силы на Каспии, стоявшие за о. Наргин, закрепившиеся в Дагестане войска генерала Л.Ф. Бичерахова, Красноводск и контролируемый пробританской «диктатурой» Закаспий, Энзели, где постепенно накапливались прибывающие через Персию индийские части. Значительно лучше по итогам многомесячной работы обстояло дело со снабжением и доставкой на южный берег Каспия оружия, боеприпасов и продовольствия. Все более кумулятивный эффект давали к октябрю и усилия по установлению контроля над Туркестаном⁴, с купированием влияния «интернационалистов», т.е. военнопленных из Центральных держав, часто вступавших в альянс с местными большевиками. Разумеется, требовалась определенная реорганизация и оперативная пауза, однако при энергичных действиях нефтепромыслы Баку было сравнительно легко подвергнуть продовольственной блокаде, а затем и взять в более тесное кольцо осады с суши и с моря.

Бурное ликование турецких и азербайджанских лидеров сопровождалось размашистыми планами по экспансии сразу во всех направлениях, включая Туркестан. Вместо того, чтобы готовиться к отражению вполне вероятного контрудара, Нури-паша планировал развернуть широкую вербовку в азербайджанскую армию. Однако и для постановки под контроль хотя бы Бакинской и Елизаветпольской губерний требовалось не менее двух военных кампаний: против дружин Андраника Озаниана в Карабахе, что рано или поздно заставило бы вмешаться и пока что вполне лояльную Османской империи Армянскую республику, а также против Муганской республики, где старообрядческое население, несмотря на распри между местными белыми и красными, сравнительно успешно отбивалось от атак азербайджанских отрядов⁵. И если вторая из проблем была решена азербайджанским правительством лишь в апреле-мае 1919 г., то против Андраника,

² До некоторой степени переходный этап — без постановки в контекст более общих процессов на территориях бывшей Российской империи в связи с аннулированием Брестского мира — рассматривается: *Zürner W. Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978. S. 179–193.*

³ Город был сдан, несмотря на возможность устроить затяжные уличные бои: боеприпасов хватало. Масштабные диверсии устроить не успели, так что почти все нефтяные объекты были целы, хотя их производительность оставляла желать лучшего. Сам Данстервиль при получении 16 сентября в Энзели телеграммы о его отзыве в Багдад полагал, что «проделал отличную работу». Он не торопясь вернулся на прежнее место службы в Британскую Индию: *The Diaries of General Lionel Dunsterville 1911–1922* // URL: http://www.gwpda.org/Dunsterville/Dunsterville_main.html (дата обращения: 01.11.2022).

⁴ См. подробнее: *Улунян А.А. Туркестанский плацдарм 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019. С. 145–220.*

⁵ Характерно, что в рамках созданного правительства Кавказско-Каспийского союза пытался вовлечь Мугань в свою сферу влияния и Л.Ф. Бичерахов, однако «конфедерация» была явно номинальной, как и ее подчинение Уфимской директории. См.: *Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия, 1917–1919. М., 2011. С. 110–149.*

конфликтовавшего и с эриванским правительством⁶, Исламская армия двинулась в ближайшие недели, втянувшись в активную кампанию в Карабахе без действительно крупных результатов.

Куда более насущным вопросом, прямо угрожавшим едва успевшему обрести свою столицу Азербайджану, стало продолжение боевых действий против британцев и союзных им сил на море и в Дагестане. Решать эту задачу Нури-паша намерен был наступательно. Для этого у него не хватало ни сил, ни — после отбытия со скандалом германских генштабистов — экспертной помощи, ни должной энергичности. Допускать на нефтепромыслы кайзеровский контингент и даже отправленную (выехала 25 сентября) к нему миссию полковника Ф. фон дер Гольца⁷ он не желал. Помимо естественного стремления сохранить исключительный контроль над Баку, сказывались и вполне оправданные опасения насчет стремления к большей самостоятельности правительства хана Хойского, которое охотно наладило бы отношения с Германией, чтобы взаимовыгодно обменивать нефтепродукты (а на складах в Баку их уже скопилось до 100 млн пудов⁸) на остро необходимое продовольствие и оружие. Османские эмиссары предпочитали не платить за полученные сырье и продукты, а, напротив, компенсировать себе все расходы по военной кампании против Бакинской коммуны и Центрокаспия (до 3 млн лир), так что со временем взаимное недовольство Азербайджана и его младотурецких кураторов только нарастало. Пока его надеялись уладить путем сложных дипломатических маневров, так что в начале октября 1918 г. открылись переговоры в Константинополе между Талаатом и Топчибашевым⁹. Разумеется, хватало аналогичных процессов и в отношениях между Грузией и Германией¹⁰, так что в дальнейшем от гегемона Брестской системы требовались бы все большие усилия по пресечению опасных горизонтальных связей и попыток переориентации сателлитов на более сговорчивых покровителей второго порядка (например на Австро-Венгрию).

Кроме того, после важнейшего шага в государственном оформлении заявивших о себе в договорах Батумской подсистемы проектов напрашивался следующий: завоевание при османской (а также германской, со стороны Владикавказа) поддержке территории для Горской республики. Ее лидеры усилили лоббирование скорейших военных операций на базе Тифлиса и Баку, впервые получая довольно обнадеживающие ответы с указанием количества выделяемого (при согласии германской Ставки) оружия¹¹.

Неприятный сюрприз с взятием Баку без прямого германского военного участия, нарастающие осложнения в дискуссиях с Нури-пашой, командующим группой армий «Восток» Халилом-пашой, сложные переговоры в Берлине с великим визирем Талаатом-пашой — все это не помешало целому ряду германских инстанций испытать прилив экспансионистских надежд и проектов, последних в Великой войне. Г. фон Сект справедливо полагал, что кампания далеко не окончена, а потому уже 19 сентября группе армий

⁶ Из многочисленной эпического тона литературы о нем следует выделить подборку источников, где, однако, именно эта проблема затронута не слишком подробно: Андраник Озаян. Документы и материалы / сост. А.О. Арутюнян и др. Ереван, 1991. С. 296–331.

⁷ Goltz F. v. d. Meine Entsendung nach Baku // Zwischen Kaukasus und Sinai: Jahrbuch des Bundes der Asienkämpfer. Bd. 3. Sangerhausen, 1923. S. 125–156.

⁸ По оценкам германских эмиссаров: Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Т. II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien; Köln; Weimar, 1992. S. 120–121.

⁹ См. подробнее: Дипломатические беседы А.А. Топчибашева в Стамбуле (записи чрезвычайного посланника и полномочного министра Азербайджанской Республики). 1918–1919 гг. Баку, 1994.

¹⁰ Следует указать на последовательную идеализацию германо-грузинского взаимодействия в новейших работах, которые отказываются признавать факт оккупации и освещать восстания против интервентов. См.: Astamadze G. Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhängigkeit und das deutsch-georgische Bündnis im Südkaukasus. Paderborn, 2022.

¹¹ См.: Bihl W. Op. cit. Т. II. S. 122; Friedrich Freiherr Kref von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020. S. 713–175.

«Восток» (где после отъезда со скандалом Э. Параквина продолжал работу майор Майр) последовал приказ из османской Ставки о захвате Энзели, Решта и Казвина¹². На Кавказ для подготовки этих операций отправились дополнительные германские эмиссары (представители флота, авиации, а также экономисты и инженеры). Примерно в это же время активизировались усилия германского консула в Тебризе, снабжавшего оружием джангалийских повстанцев Кучек-хана¹³. Энтузиасты индийских проектов с удвоенной силой принялись доказывать возможность нового акта революционизирования через Афганистан британских колоний¹⁴. Кресс был твердо намерен не допустить формирования еще одного исключительно османского сателлита, «перехватив» управление Горской республики, начав с захвата нефтеносных районов Грозного и Майкопа и рейда на Владикавказ¹⁵, а также постепенно вынудив Нури-пашу согласиться на совместный контроль над Баку. Для этого в его распоряжении были не только значительные по местным меркам силы (20 тыс. человек), но и обещанные поставки сверхмалых подлодок для Баку¹⁶, а также готовность грузинского правительства шантажировать Нури-пашу и его покровителей в Константинополе транспортной блокадой любых поставок через Карс и Батум.

Значительно сложнее оказались задачи для германской дипломатии, которая должна была с позиций гегемона Брестской системы срочно преодолеть очередной опасный кризис. Почти согласованный с Талаатом-пашой протокол о разделе сфер влияния на Кавказе, об урегулировании сохранившихся разногласий по статусу младших партнеров и дальнейшем взаимодействии в ходе экспансии (в Персии и Туркестане) едва не был сорван реакцией на успехи Нури-паши. С 20 сентября началась затяжная борьба вокруг угроз Москвы денонсировать Брест-Литовский мир с Османской империей при категорическом требовании вернуть Баку под контроль советской власти. Советский полпред А.А. Иоффе сыграл выдающуюся роль в том, чтобы натиск Советской России, все более уверенно чувствовавшей себя в связи с победами РККА в Поволжье, так и остался в форме шантажа. Это существенно сократило время на поиски нового компромисса между Берлином, Константинополем и Москвой¹⁷. Главным его соратником в этой нелегкой миссии был глава германского дипломатического ведомства П. фон Хинтце, успешно решивший задачу парирования острого недовольства младотурок.

Германо-турецкий протокол был подписан 23 сентября, став первым и последним, но в целом достаточно целостным соглашением о Кавказе между двумя союзными странами. Семь его статей носили следы отчетливого компромисса, давшегося и Талаату, и Хинтце тяжело¹⁸. Почти трехнедельные их переговоры из-за Добавочного договора¹⁹ заняли

¹² См. подробнее: *Rabenau F.v., Seeckt H.v. Aus seinem Leben.* (Bd. 2). Leipzig, 1940. S. 44–46.

¹³ См., например: *Blücher W.v. Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen.* Biebrach, 1949. S. 124–125; *Zürner W. Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran.* Bern; Frankfurt a.M.; Las Vegas, 1978.

¹⁴ См., например: *Seidt H.-U.* Berlin, Kabul, Moskau: Oskar Ritter von Niedermayer und Deutschlands Geopolitik. München, 2002. S. 115–121.

¹⁵ См. подробнее: *Zürner W. Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens im Jahre 1918 // JfGO.* 1978. Bd. 26. Hf. 1. S. 31–59.

¹⁶ *Baumgart W. Das “Kaspi-Unternehmen” – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? 2 Tle. // JfGO.* 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.

¹⁷ Большая часть соответствующей переписки пока не публиковалась: Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 82. Оп. 1. П. 8. Д. 34–35; П. 11. Д. 47–49; Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 989–990. Недавно введены в научный оборот (не считая опубликованных в советских подборках конца 1950-х – начала 1970-х годов) еще лишь два документа, см.: Брестский мир: пролог, заключение, итоги. Сб. док. / отв. сост. А.В. Репников; сост. А.В. Борисова; пред., комм., прим., указ. Л.В. Ланника и А.В. Репникова, при участии Б.С. Котова. М., 2022. С. 551–552.

¹⁸ Анализ условий: *Bihl W.* Op. cit. Т. II. S. 123–124, 259.

¹⁹ См. подробнее: *Мирзеханов В.С., Ланник Л.В.* Указ. соч. С. 110–111; Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / eingl. und Hrsg. von J. Hürter. München, 1998. S. 541ff.

как раз тот отрезок времени, за который крушение Центральных держав стало не просто очевидным и необратимым, но еще и калейдоскопическим. К моменту подписания протокола от 23 сентября это было еще не вполне осознано в основном из-за длительного срока поступления информации с периферийных фронтов и военной цензуры, блокировавшей ее распространение. Это гарантировало значительную инерцию в финальной стадии только что отредактированной Батумской подсистемы, ведь в Тифлис, откуда шли импульсы германского закрепления в регионе, новости шли долго, а в Баку — еще дольше, что обеспечило не менее 7–10 дней развития в прежнем направлении. Поэтому даже первые грозные признаки сворачивания закавказских проектов — прекращение перебросок дополнительных германских и османских сил, курируемых из Севастополя вице-адмиралом А. Хопманом, — были истолкованы поначалу неверно. Их связывали с исчерпанными возможностями для размещения войск интервентов в Грузии и с тяжелыми перебоями в работе закавказских железных дорог, что было вполне убедительно. Даже сведения о кризисном положении на Салоникском фронте долго воспринимались как временные, ведь Центральные державы провели масштабную переброску войск, в том числе в Причерноморье, сумев сорвать возвращение Румынии в стан Антанты, подавить Владейское восстание в Болгарии, им немного не хватило времени, чтобы сорвать переговоры болгар с Антантой о перемирии²⁰. Без деталей происходящего Кресс фон Крессенштейн, а также представители Австро-Венгрии в Тифлисе Франкенштейн и Павлас вплоть до 6–8 октября 1918 г. (когда началось быстрое сокращение германской группировки в Грузии) имели все основания полагать, что освоение макрорегиона в интересах Центральных держав продолжается, пусть и с известными осложнениями и менее высокими темпами, чем планировалось совсем недавно.

Такому оптимистическому — вопреки всему — взгляду содействовало и частичное упрощение расстановки сил в подсистеме. После ноты главы венского МИД Ш. фон Буриана от 14 сентября 1918 г. с предложением перемирия без предварительных условий, ставшей замаскированной капитуляцией Австро-Венгрии²¹, германские инстанции перестали должным образом учитывать позицию Вены по вопросам, связанным с Османской империей, лишь информируя ее о некоторых договоренностях. При этом на Ближнем Востоке и в Константинополе по-прежнему оставалось значительное количество габсбургских войск и специалистов²², а кайзеровские эмиссары продолжали пользоваться информацией и содействием коллег из Дунайской монархии там, где это было возможно и необходимо. О завершении «армянского проекта» главы Генштаба А. Арца фон Штрауссенбурга с австро-венгерским протекторатом над Эриванью можно говорить в конце сентября, когда уже было очевидно, что единственная интересующая Вену проблема касается эвентуальных поставок из Закавказья хотя бы топлива. В обмен на соответствующие германские гарантии австро-венгерский МИД легко солидаризовался с предложениями Берлина, отказываясь от прежних сложных и очень нервировавших германскую Ставку маневров, вызванных постоянными внутритроицонными стычками²³. Это не исключало дальнейших, но все менее действенных усилий Вены по разрешению

²⁰ См. подробнее: Ланник Л.В. После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб., 2020. С. 269–273.

²¹ Он упорно пытался не допустить П. фон Хинтце, предлагая крупные уступки по австро-польскому варианту, но безуспешно: Paul von Hintze. S. 522–524, 561–569.

²² О масштабах усилий Вены по поддержанию османских фронтов и внушительный список подразделений и различных австро-венгерских инстанций в Османской империи в августе 1918 г. см.: Bihl W. Op. cit. Т. II. S. 131–132; Pomiankowski J. Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches. Erinnerungen an die Türkei aus der Zeit des Weltkrieges. Wien, 1928.

²³ Bihl W. Op. cit. Т. II. S. 194–200.

острого гуманитарного кризиса в Армении²⁴. Притязания Болгарии были удовлетворены в последние дни ее участия в Великой войне долгожданным компромиссом по Фракии и Добрудже, зафиксированным протоколом лишь 25 сентября 1918 г.²⁵ Заключение к концу сентября нескольких давно назревших и крайне сложно дававшихся компромиссных соглашений по балансированию Брестской системы в нескольких кризисных для нее пунктах выглядит иронией судьбы: этим действительно важным для дальнейшего ее развития документам не суждено было действовать не то что месяца, а порой и недели.

Перспективы Батумской подсистемы в продолжавшемся ее, по меньшей мере частично, развитии в рамках интегрирования в Брестскую систему наиболее наглядно прослеживаются в экономической сфере. Сырьевые и в целом «грабительские» мотивы империалистических держав (включая Османскую империю) подчеркивала советская историография²⁶, необоснованно примитивизируя логику действий, в частности Германии. Значение военно-экономических факторов экспансии в Закавказье было достаточно весомым, чтобы оно не нуждалось в утрировании. Здесь важно учитывать не только реальные результаты (т.е. поставки, объем контрактов или кредитов), но и тот потенциал, который рассматривался как обоснование прилагаемых комплексных усилий акторами событий. Даже в том случае, если оценки оказались завышенными, а различного рода «технические» (включая валютные) проблемы недооцененными. Помимо хорошо известных исключительных возможностей по поставкам нефти и марганца, Закавказье было богато и другими дефицитными и критически важными для Германии ресурсами, в том числе медью, шелком-сырцом, хлопком, шерстью, имелись перспективы вывоза табака (из Абхазии), чая (из Аджарии), различных алкогольных напитков, мяса, жиров, фруктов, каспийской рыбы и т.д. Взамен необходимо было срочно наладить поставки в регион зерновых и угля²⁷. Все это требовало инвестиций для реконструкции и расширения промышленных объектов и плантаций. Сказывались и тяжелые последствия дезинтеграции имперской инфраструктуры, выстроенной для вывоза лишь через основную территорию России, теперь недоступную. Первые действительно осязаемые результаты стали проявляться как раз к началу октября, когда вступили в силу заключенные еще 12 июля германо-грузинские соглашения. Успешно развивался вывоз марганца из Батума и Поти, проследовали несколько пробных партий нефтепродуктов, завершалась подготовка транспортировки медной руды²⁸.

Несмотря на начавшуюся в Германии 29 сентября «революцию сверху», т.е. сочетание парламентаризации монархии и подготовки к выходу Кайзеррейха из войны, не дожидаясь необходимости капитуляции, сложные переговоры продолжались не только в Баку между Нури-пашой и Ф. фон дер Гольцем (о начале вывоза нефтепродуктов и поставках оружия)²⁹, но и в Берлине между Иоффе и османским послом Рифатом-пашой, ведь Талаат уже уехал, чтобы скоро лишиться и поста, и родины. Хинтце в эти же дни был вынужден пожертвовать своим постом в германском дипломатическом ведомстве³⁰.

²⁴ Был введен в оборот огромный объем источников на эту тему (из 10 томов неоконченного проекта 3 последних посвящены 1918 г.): Österreich – Armenien 1872–1936 / Hrsg. von A. Ohandjanian: 10 Bde. Wien, 1995. 3. Aufl. Bd. 8–10.

²⁵ См. подробнее: *Bihl W.* Op. cit. Т. II. S. 271–273. Длиннейшая переписка по этому вопросу пока не введена в научный оборот. См., например: *Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes* (далее – PA AA), RZ 201/11059–11060.

²⁶ См., например: Победа советской власти в Закавказье. Тбилиси, 1971; *Пиния Г.В.* Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978. С. 109–122.

²⁷ См. подробнее: *Zürner W.* Kaukasien 1918–1921. S. 161–173.

²⁸ См., например: *Bihl W.* Op. cit. Т. II. S. 331.

²⁹ См. подробнее: *Goltz F. v. d.* Op. cit.

³⁰ Его сменил бывший глава колониального ведомства В. Зольф, он в меньшей степени, чем предшественник, интересовался вопросами Востока. В его единственной биографии данный спектр проблем освещен очень поверхностно, см.: *Vietsch E. v.* Wilhelm Solf. Botschafter zwischen den Zeiten. Tübingen, 1961.

ради более приемлемого для переговоров с Антантой состава нового правительства во главе с принцем Максом Баденским. Вопреки осознанию всемирно-исторического масштаба событий вокруг выхода из войны Болгарии, краха турецких фронтов на Ближнем Востоке и начала нотной переписки германского правительства с президентом США В. Вильсоном еще один протокол, советско-турецкий, важнейший для стабилизации обстановки в Закавказье, был все же согласован 5 октября. Германская империя очередной раз справилась с базовой задачей гегемона, хотя быстрый темп событий заставлял смещать баланс сделки каждый день, причем в пользу РСФСР. Важнейшим следствием этого стало принятое турецкой стороной обязательство о выводе османских войск из Закавказья. Это соответствовало и условиям протокола от 23 сентября, но на этот раз имелись в виду иные границы не только Азербайджана, но и Армении, и Грузии. Однако нажим Москвы (особенно Г.В. Чичерина) не позволил новому протоколу вступить в силу, ведь к 9 октября НКВД дал понять, что достигнутые Иоффе с таким трудом уступки уже недостаточны. В РСФСР весь октябрь лелеяли надежды на всеевропейскую революцию, хотя обстановка на фронтах Гражданской войны в России не позволяла считать достигнутой победу даже в «отдельно взятой стране». Чтобы позиция полпреда в Берлине, настроенного на компромиссы, стала жестче, его убеждали в том, что большевистское движение на Кавказе крепнет, хотя перспективы оно было в лучшем случае неоднозначны. Несмотря на неизбежный рост недовольства не только германской, но и османской оккупацией, а также на отдельные попытки взаимовыгодных контактов с Москвой из Тифлиса и Эривани, перспектив мощного именно большевистского восстания в регионе не было и не предвиделось. Последующие попытки историографии СССР представить в качестве «революционных выступлений» целый ряд других бунтов и вспышек социальных конфликтов не слишком убедительны³¹, хотя в руководстве Советской России действительно предпочитали оценивать ситуацию именно так.

В начале октября казалось, что для прямого советского вмешательства в схватку за Закавказье и извне открываются достаточно крупные перспективы, но не благодаря значительному укреплению РККА осенью 1918 г., действительно приведшему к ряду ее успехов, особенно в Поволжье. Мощным импульсом к наращиванию давления Москвы в Закавказье могло стать поражение советских войск в затяжной схватке за Северный Кавказ, которая продолжалась с крайним упорством и в начале октября, и позже. Было очевидно, что Белое движение удержит Черноморское побережье, Кубань и Ставрополье. Отступление 11-й армии и влившихся в нее остатков «Железного потока» (едва ли не 90 тыс. бойцов) к Астрахани могло превратиться в катастрофу в связи с полным отсутствием снабжения и инфраструктуры в калмыцких степях³². Поэтому куда более перспективным вариантом становилось продвижение в Дагестан и Чечню. Это позволило бы склонить чашу весов в многостороннем конфликте в высокогорье в сторону красных и их локальных союзников, а затем дало бы базу для наступления на Баку при поддержке наращиваемых в Астрахани военно-морских сил Каспийской флотилии. Вероятность и оправданность именно такого варианта стратегического маневра даже возрастала в течение октября и начала ноября из-за хода событий на фронтах Гражданской войны.

Повторный мощный натиск донских дивизий на Царицын и ожидаемая в ближайшем будущем (пусть и ошибочно) прямая военная поддержка Добровольческой армии со стороны Антанты, как только она установит контроль над черноморской акваторией, делала отступление к Волге слишком рискованным, а шансы на восстановление контроля над Баку в ближайшее время нулевыми. При этом к концу осени 1918 г. иных источников

³¹ См., например: *Саркисян Е.К.* Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ереван, 1975. С. 394–420.

³² До сих пор есть лишь советская версия этой кампании: *Сухоруков В.Т.* 11-я армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге. М., 1961.

топлива Советская Россия по-прежнему не имела³³, а возможности для захвата Донбаса еще до наступления зимы отсутствовали. Крупные осложнения для процесса государствообразования не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье имели бы и действительно стратегические успехи Добровольческой армии (а затем и Вооруженных сил Юга России), ведь позиции сторонников «единой и неделимой» по своей бескомпромиссности порой до странности совпадали с нежеланием Москвы иметь дело с «шутовскими республиками»³⁴. Вполне достаточной иллюстрацией этому стали ход и результаты переговоров в Екатеринодаре между грузинскими и белогвардейскими лидерами, проводившихся благодаря германским усилиям не допустить образования нового фронта в регионе³⁵. Их неутешительные итоги подталкивали Тифлис к поддержке большевиков, продолжавших упорную борьбу за Владикавказ, так что последовали поставки оружия, хотя они не смогли переломить ход кампании на Северном Кавказе. Смерть 8 октября 1918 г. М.В. Алексеева не привела к существенным изменениям политического курса правительства в Екатеринодаре, ведь сосредоточение власти в руках А.И. Деникина даже ужесточило позицию Белого движения на возможных дальнейших переговорах с любыми лимитрофами³⁶.

Тогда же можно говорить о последних днях так и не начавшей (с июля!) работы Константинопольской конференции, которая должна была оформить интеграцию пространства Батумской подсистемы в общую сферу влияния Центральных держав под германской гегемонией. Османские лидеры пытались в срочном порядке обеспечить лояльность и Эривани, и Тифлиса долгожданным выводом войск по меньшей мере за батумские границы, а также согласием на ряд других территориальных уступок. Все это позволило бы Грузии снять угрозу потери Поти и вернуть себе Джавахетию, а Армения увеличила бы свою территорию в два с лишним раза (с 9 до 21 тыс. кв. км), что сделало бы ее значительно более жизнеспособной. Это резко приблизило будущую грузино-армянскую войну. Кроме того, не дожидаясь закрепления щедрых предложений от доживавшей последние дни Османской империи, уже был поставлен вопрос о выводе турецких войск и за брестские границы, что было важнейшим признаком ликвидации Батумской подсистемы в рамках Брестской системы как особого пространства османского влияния.

В то же время Брестский вариант переустройства постимперских пространств — пока — сохранял свое значение для всех ее элементов, а на его демонтаж в ближайшее время не рассчитывали ни в Москве, ни в Берлине, имея в виду дальнейшее развитие взаимодействий на антантантовской основе и более выгодных для РСФСР условиях³⁷. Нажим НКВД на Османскую империю возрастал, ведь Совнарком так и не признал никаких договоров в Закавказье, а также уклонился от дипломатического признания даже Грузии (хотя, согласно Добавочному договору, «не возражал» против соответствующего шага Германии), не говоря об Армении и Закавказье, поэтому теперь мог ссылаться на свою

³³ Именно поэтому в Петроград в октябре — начале ноября 1918 г. срочно начали завозить 100 тыс. т германского угля морем, однако полностью реализовать этот проект, спасший бывшую столицу от гуманитарной катастрофы, не успели. В последующей историографии сведения об этом чрезвычайно скудны: АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 25. Д. 102; *Шишкин В.А.* Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969. С. 61—62.

³⁴ Это охотно подчеркивает национальная историография. См., например: *Мустафа-заде Р.С.* Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918—1922 гг. М., 2006. С. 44—52.

³⁵ См. грузинскую их версию: Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 391—414.

³⁶ См. подробнее: *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920 гг.). М., 2016.

³⁷ Это хорошо иллюстрирует переписка советского полпреда Иоффе и спектр переговоров по самым разным вопросам, проводимых им с германской стороной за последний месяц дипломатических отношений: АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 11—12. Д. 49—52; *Nadolny R.* Mein Beitrag. Wiesbaden, 1955. S. 117—121; *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966. S. 328—341.

принципиальность в позиции по всему комплексу вопросов переустройства макрорегиона³⁸. В действительности же дала плоды не столько нестигаемость Москвы, сколько нехватка времени у Османской империи в имплементации договоров от 4 июня, а у Германии — та же нехватка, но уже в ревизии этих договоров без автоматического возвращения к параметрам Брестского мира от 3 марта 1918 г.

Новое правительство Порты во главе с Иззетом-пашой (с 11–13 октября) согласилось на вывод османских войск, а соответствующий приказ Г. фон Сект из османской Ставки отдал 15 октября. Довольно скоро дошло до требования восстановить границу 1878 г., уже начали обсуждать «возвращение» Батума Грузии, что особенно показательно при исключительном значении этого порта³⁹. Однако все зависело от того, когда и насколько согласится выполнить этот приказ Нури-паша⁴⁰. К этому моменту он уже начал наступление на Шушу, а после получения приказа от 15 октября (т.е. не ранее 18 октября) начал подготовку к наступлению на Дербент. Его заносчивость и антипатия к нежеланным покровителям из Германии приобретали опасные размеры. Так, он наотрез отказался от предлагаемых ему поставок моторных катеров, самолетов и вообще любой техники, которую пришлось бы обслуживать германским специалистам, соглашаясь лишь на винтовки и пулеметы с боеприпасами. При общем уровне боеспособности и катастрофическом снабжении османских войск — несмотря на временное отсутствие сопоставимых противников — это было обречено привести к авантюре с очень краткосрочным эффектом⁴¹.

В конце октября неумолимо приближался финал участия Порты в Великой войне. С 5 октября она оказалась отрезана от сухопутного сообщения с оставшимися союзниками. Войска в Сирии и Месопотамии совершали безостановочный отход, постепенно лишаясь остатков вооружения и боеспособности. С середины октября на повестке дня стоял прорыв флота Антанты через Проливы⁴², однако обе стороны явно надеялись избежать уже ненужного кровопролития. Лишавшиеся одного за другим постов лидеры младотурок готовились бежать, но попытались отдать хотя бы некоторые «долги» своим германским друзьям (или оплатить будущее убежище?). Они настаивали на соблюдении права австро-венгерских и германских войск на эвакуацию в случае перемирия с Антантой (в обмен на передачу линейного крейсера «Гёбен»), а также попытались отозвать из Азербайджана Нури-пашу и все же добиться поставок нефти из Батума (хотя бы скопившихся там еще с 1917 г. запасов). Но эффект был невелик. Накануне подписания Мудросского перемирия Константинополь срочно покинул не только Г. фон Сект, но и — на подлодке — несколько младотурецких лидеров, включая весь триумвират (Талаат, Энвер и Джемаль). За спиной они оставили не только Константинополь, но и многих из тех, кто продолжал исполнять их приказы и имел все шансы расплатиться за содеянное, когда победители установят контроль над уже распавшейся Османской империей.

³⁸ Именно такое впечатление должны были создавать некоторые из документов, вошедшие в официальную подборку: *Документы внешней политики СССР*. Т. 1. М., 1958. С. 509–516.

³⁹ См., например: *Маргиев З.Г.* Батум во времена Османской империи: краткий административный, статистический и исторический обзор г. Батуми и региона в составе Османской империи. М., 2008.

⁴⁰ К сожалению, никаких мемуаров сам Нури-паша (как и Халил-паша), а также их ближайшие соратники в штабах не оставили. Воспоминания Э. Параквина подробно описывают события под Баку лишь до 18 сентября, а далее идут лишь некоторые сведения о ситуации в Грузии в октябре 1918 г.: *Parakvin E.* Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. [s.l., s.a.]. S. 218ff.

⁴¹ В данном случае успешные попытки реабилитировать репутацию османской армии в годы Великой войны (см., например: *Erickson E.J.* Ottoman Army effectiveness in World War I: a comparative study. New York; London, 2007) едва ли могут изменить общую оценку перспектив экспансии в Закавказье.

⁴² Его отражением с согласия Совнаркома с помощью судов Черноморского флота с германскими экипажами должен был заниматься А. Хопман. См. его дневник: *Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918* / Hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971. S. 608–631.

Как и всякое динамически развивающееся явление в международных отношениях, Батумская подсистема не могла быть отменена росчерком пера в Мудросе и/или в Компьене. Ликвидировать ее наследие было возможно лишь после замены базового силового фактора в регионе, т.е. после полного вывода османских и германских войск (не менее 18 и 5,5 тыс. военнослужащих соответственно), и прибытия не демонстративных, а по меньшей мере сопоставимых с прежними сил интервентов, но теперь уже из Антанты. Оба этих процесса по самым оптимистическим расчетам должны были потребовать не менее месяца, а в случае активного саботажа выполнения условий Антанты и куда большего времени. Не имея об этом детальных сведений, но остро чувствуя вакуум силы в Прикаспии, Нури-паша успел воспользоваться слабостью противника хотя бы в северном направлении. Пиком его успехов после ожесточенных боев не только с отрядами Бичерахова, но и с местными союзниками большевиков стало взятие Дербента уже к 8–9 октября, а месяцем позже — вступление в Порт-Петровск. В надежде обеспечить массовый приток добровольцев Нури-паша заявил, что действует по приглашению Горской республики⁴³. Характерно, что его победы были одержаны не только после выхода Османской империи из войны, но и — частично — даже после заключения Компьенского перемирия, что явилось выразительной иллюстрацией к тому, сколь непросто принудить развитие столь отдаленного региона на Евразийском континенте к динамике выстраиваемой атлантистской картины мира. Даже в середине ноября 1918 г. и Нури-паша, и лидеры Азербайджанской демократической республики еще надеялись, что им удастся продолжить консолидацию мусульманских государственных проектов в макрорегионе, теперь уже под эгидой Азербайджана⁴⁴, но с очевидным младотурецким руководством в вооруженных силах⁴⁵. Политическая ширма была столь заманчива, что от нее не собирались отказываться и в случае вынужденного возвращения бакинского правительства в Гянджу. Карьере Нури-паши как завоевателя был положен конец переориентацией на Антанту не только его противников, но и недавних подопечных — правительства хана Хойского.

Победители в Великой войне приступали к переформатированию макрорегиона в максимально благоприятных условиях, ведь их возможности и перспективы сильно переоценивались едва ли не всеми политическими силами. И все же в недостаточно достигаемом для них регионе новый гегемон — страны Антанты — столкнулся с уже описанным выше набором трудностей и следствий его неготовности к решению узла проблем. Системная природа процессов, происходивших в Закавказье и уже частично деформированных рамками Батумской подсистемы, дала себя знать почти немедленно. Лучшим ее доказательством стала аналогичность, если не идентичность, мер, оценок и запросов к метрополии нового имперского куратора трансформации макрорегиона генерала У. Томсона, с 16–17 ноября приступившего в Энзели и Баку к решению тех же задач и теми же методами⁴⁶, что и пока не намеренный срочно уезжать из Тифлиса генерал Ф. Кресс фон Крессенштейн⁴⁷. Для начала он должен был признать, что британских сил

⁴³ См., например: Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская республика (1918–1919 гг.). Документы и материалы / под ред. Х.А. Амирханова и др. Махачкала, 2013. С. 99–103.

⁴⁴ Связи Азербайджана с Горской республикой и другими «правительствами» на Северном Кавказе стали особой темой в современной историографии: Алиева С.И. Азербайджанская демократическая республика и государственные образования Северного Кавказа в 1918–1920 годы: Горская республика, Северо-Кавказское эмиратство, Имамат Гоцинского. Ростов н/Д., 2017.

⁴⁵ Это не вполне раскрывается в современной азербайджанской историографии при всей ее подчеркнутой лояльности к Турции. См., например: Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Армия. (Документы и материалы). Баку, 1998.

⁴⁶ Уже 6 декабря 1918 г. Томсон зафиксировал первые и довольно точные выводы о перспективах британской гегемонии. См. подробнее: Zürrer W. Kaukasien 1918–1921. S. 182–193.

⁴⁷ Ему удалось покинуть Тифлис лишь 7 января, а выехать из Батума уже 3 февраля 1919 г. См. его подробный отчет в германское внешнеполитическое ведомство: Friedrich Freiherr Kress von Kressenstein. S. 688–696.

(чуть более 1500 человек) мало, а союз с Бичераховым скорее осложняет его положение в Азербайджане, чем помогает укрепить «новый старый» режим.

Эпилог функционирования Батумской подсистемы, просуществовавшей чуть менее полугода, с начала июня по середину ноября 1918 г. (не считая своего рода «пролога» на Трапезундской и Батумских мирных конференциях в марте—мае), вовсе не сводился к «междущаствию» между выводом войск Центральных держав и прибытием крупных контингентов Антанты, занявшему несколько недель. Необратимость запущенных имплементацией договоров от 4 июня процессов выразилась в новом витке теперь куда более самостоятельного развития трех закавказских государств и Горской республики, ведь они попытались использовать наследие османского и германского военно-административного присутствия. Только успехи германской миссии в создании грузинской армии на основе достаточно аморфной Народной гвардии⁴⁸ позволили меньшевистскому правительству вплотную подойти весной 1920 г. к сохранению независимости страны. Именно настойчивая имплементация Батумских договоров и взятие Баку войсками Исламской армии придали слову «Азербайджан» современное политическое значение, позволили конституироваться «татарскому» государству, имевшему поначалу наименьшие шансы на самостоятельное существование после распада Закавказской федерации. И Азербайджан, и Грузия, и лидеры Горской республики приложили заметные усилия к сохранению необходимых им для развития армии офицеров из штабов Кресса и Нури-паши, уступив лишь упорному давлению Антанты⁴⁹. При всей трагичности созданного договорами от 4 июня положения Армении именно эти соглашения позволили ей получить минимальную передышку в отчаянной ситуации, зафиксировать (далеко не очевидный) центр своей государственности и дожидаться решающей помощи извне, пусть и не от Австро-Венгрии и Германии, как пытались лидеры эриванского правительства, а уже от победившей Антанты. Созданная в рамках Батумской подсистемы расстановка сил определила сравнительную устойчивость правительств в Тифлисе, Эривани и Баку в течение еще полутора-двух лет, что ошибочно связывается лишь с поддержкой британских интервентов, а в действительности в большей степени стало следствием мер, предпринятых еще эмиссарами Четверного Союза. Недолгая история имплементации Батумских договоров имела исключительное влияние на развитие северокавказских государственных проектов, позволив лидерам Горской республики заявить о себе на международной арене и значительно усложнить ход многослойного конфликта в Дагестане и Чечне.

Библиография / References

Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Армия. (Документы и материалы). Баку, 1998.

Алиева С.И. Азербайджанская демократическая республика и государственные образования Северного Кавказа в 1918–1920 годы: Горская республика, Северо-Кавказское эмиратство, Имамат Гоцинского. Ростов н/Д., 2017.

Андраник Озаян. Документы и материалы / сост. А.О. Арутюнян и др. Ереван, 1991.

Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. 1917–1919. М., 2011.

Брестский мир: пролог, заключение, итоги. Сб. док. / отв. сост. А.В. Репников; сост. А.В. Борисова; пред., комм., прим., указ. Л.В. Ланника и А.В. Репникова, при участии Б.С. Котова. М., 2022.

⁴⁸ Это видно даже по самой лестной для нее мемуаристике: *Джугели В.* Тяжелый крест (записки народногвардейца) / пред. Е.П. Гегечкори. Тифлис, 1920; *Квинитадзе Г.И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917–1921 гг. Paris, 1985.

⁴⁹ Значительная активизация действий Франции к югу от Кавказского хребта, но к северу от Сирии и Киликии последовала весной 1920 г., однако французская политика в макрорегионе в 1918–1919 гг., проводившаяся и в британской зоне влияния, еще ждет своего исследователя. См. подробнее: *Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг.: в 2 т. / под ред. А.Ю. Павлова.* СПб., 2021. Т. 1. С. 169–189; Т. 2. С. 290–312.

Ватлин А.Ю., Ланник Л.В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.

Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг.: в 2 кн. / под ред. А.Ю. Павлова. СПб., 2021.

Джугели В. Тяжелый крест (записки народногвардейца) / пред. Е.П. Гегечкори. Тифлис, 1920.

Дипломатические беседы А.А. Топчибашева в Стамбуле (записи чрезвычайного посланника и полномочного министра Азербайджанской Республики). 1918–1919 гг. Баку, 1994.

Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1958.

Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919.

Квинтадзе Г.И. Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917–1921 гг. Paris, 1985.

Ланник Л.В. После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.

Маргиев З.Г. Батум во времена Османской империи: краткий административный, статистический и исторический обзор г. Батуми и региона в составе Османской империи. М., 2008.

Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. Батумская подсистема как пространство османской гегемонии в Закавказье: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 5–22.

Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. Батумская подсистема международных отношений: проблемы становления и межимперской конкуренции, июнь–август 1918 г. // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 5–28.

Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. Бакинский кризис в истории Батумской подсистемы: кульминация неудавшихся имперских проектов, август–сентябрь 1918 г. // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 104–119.

Мустафа-заде Р.С. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918–1922 гг. М., 2006.

Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 гг.). М., 2016.

Саркисян Е.К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ереван, 1975.

Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская республика (1918–1919 гг.). Документы и материалы / под ред. Х.А. Амирханова и др. Махачкала, 2013.

Сухоруков В.Т. 11-я армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге. М., 1961.

Улунян А.А. Туркестанский плацдарм 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969.

Alieva S.I. Azerbajdzhanskaja demokratičeskaja respublika i gosudarstvennye obrazovanija Severnogo Kavkaza v 1918–1920 gody: Gorskaja respublika, Severo-Kavkazskoe jemiratstvo, Imamat Gocinskogo [The Azerbaijan Democratic Republic and the state formations of the North Caucasus in 1918–1920: the Mountain Republic, the North Caucasus Emirate, the Imamate of Gotsin]. Rostov na Donu, 2017. (In Russ.)

Andranik Ozanjan. Dokumenty i materialy [Documents and materials] / sost. A.O. Arutjunjan i dr. Erevan, 1991. (In Russ.)

Azerbajdzhanskaja Demokratičeskaja Respublika (1918–1920). Armija. (Dokumenty i materialy) [Azerbaijan Democratic Republic (1918–1920). Army. (Documents and materials)]. Baku, 1998. (In Russ.)

Bezugol'nyj A.Ju. General Bicherahov i ego Kavkazskaja armija [General Bicherakhov and his Caucasian Army]. 1917–1919. Moskva, 2011. (In Russ.)

Brestskij mir: prolog, zaključenje, itogi: sbornik dokumentov [Brest World: prologue, conclusion, results] / otv. sost. A.V. Repnikov; sost. A.V. Borisova; pred., komm., prim., ukaz. L.V. Lannika i A.V. Repnikova, pri učastii B.S. Kotova. Moskva, 2022. (In Russ.)

Diplomatičeskie besedy A.A. Topchibasheva v Stambule (zapisi chrezvychajnogo poslannika i polnomochnogo ministra Azerbajdzhanskoj Respubliki) [A.A. Topchibashev's diplomatic talks in Istanbul (recordings of the Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary of the Republic of Azerbaijan)]. 1918–1919 gg. Baku, 1994. (In Russ.)

Dokumenty i materialy po vneshnej politike Zakavkaz'ja i Gruzii [Documents and materials on the foreign policy of Transcaucasia and Georgia]. Tiflis, 1919. (In Russ.)

Dokumenty vneshnej politiki SSSR [Documents of the Foreign policy of the USSR]. Т. 1. М., 1958. (In Russ.)

Džugeli V. Tjazyhelyj krest (Zapiski narodnogvardejca) [Heavy Cross (notes of the People's Guard)] / pred. E.P. Gegechkori. Tiflis, 1920. (In Russ.)

Kvintadze G.I. Moi vospominanija v gody nezavisimosti Gruzii 1917–1921 gg. [My memories during the years of independence of Georgia 1917–1921]. Paris, 1985. (In Russ.)

Lannik L.V. Posle Rossijskoj imperii: Germanskaja okkupacija 1918 g. [After the Russian Empire: The German Occupation of 1918]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)

Margiev Z.G. Batum vo vremena Osmanskoj imperii: kratkij administrativnyj, statisticheskij i istoricheskij obzor g. Batumi i regiona v sostave Osmanskoj imperii [Batumi during the Ottoman Empire: a brief administrative, statistical and historical overview of the city of Batumi and the region within the Ottoman Empire]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Mirzehanov V.S., Lannik L.V. Bakinskij krizis v istorii Batumskoj podsystemy: kul'minacija neudavshihsja imperskih proektov, avgust–sentjabr' 1918 g. [The Baku Crisis in the History of the Batumi subsystem: the Culmination of Failed Imperial Projects, August–September 1918] // Novaja i novejšaja istorija [Modern and Contemporary History]. 2022. № 5 (65). S. 104–119. (In Russ.)

Mirzehanov V.S., Lannik L.V. Batumskaja podsystema kak prostranstvo osmanskoj gegemonii v Zakavkaz'e: k postanovke problemy [The Batumi subsystem as a space of Ottoman hegemony in Transcaucasia: towards the formulation of the problem] // Novaja i novejšaja istorija [Modern and Contemporary History]. 2021. № 3. S. 5–22. (In Russ.)

Mirzehanov V.S., Lannik L.V. Batumskaja podsystema mezhdunarodnyh otnoshenij: problemy stanovlenija i mezhiperskoj konkurencii, ijun'–avgust 1918 g. [The Batumi subsystem of international relations: problems of formation and interimperial competition, June–August 1918] // Novaja i novejšaja istorija [Modern and Contemporary History]. 2022. № 4. S. 5–28. (In Russ.)

Mustafa-zade R.S. Dve respubliki. Azerbajdzhan-rossijskie otnoshenija v 1918–1922 gg. [Two republics. Azerbaijan-Russian relations in 1918–1922]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Puchenkov A.S. Nacional'naja politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920 gg.) [The National policy of General Denikin (spring 1918 – spring 1920)]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Sarkisjan E.K. Jekspansionistskaja politika Osmanskoj imperii v Zakavkaz'e nakanune i v gody pervoj mirovoj vojny [Expansionist policy of the Ottoman Empire in Transcaucasia on the eve and during the First World War]. Erevan, 1975. (In Russ.)

Shishkin V.A. Sovetskoe gosudarstvo i strany Zapada v 1917–1923 gg.: Oчерki istorii stanovlenija jekonomiceskijh otnoshenij [The Soviet State and the Western countries in 1917–1923. Essays on the history of the formation of economic relations]. Leningrad, 1969. (In Russ.)

Sojuz ob'edinennyh gorcev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917–1918 gg.) i Gorskaja respublika (1918–1919 gg.). Dokumenty i materialy [Union of United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (1917–1918) and the Mountain Republic (1918–1919) Documents and materials] / pod red. H.A. Amiranova i dr. Mahachkala, 2013. (In Russ.)

Suhorukov V.T. 11-j armija v bojah na Severnom Kavkaze i Nizhnej Volge [The 11th Army in the battles in the North Caucasus and the Lower Volga]. Moskva, 1961. (In Russ.)

Ulunjan A.A. Turkestanskij placdarm 1917–1922. Britanskoe razvedyvatel'noe soobshhestvo i britanskoe pravitel'stvo [Turkistan bridgehead 1917–1922. The British Intelligence Cosociety and the British Government]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Vatlin A.Ju., Lannik L.V. Tajnye noty k Dobavochnomu dogovoru 27 avgusta 1918 g.: neizvestnyj sjužet iz istorii sovetsko-germanskih otnoshenij na ishode Pervoj mirovoj vojny [Secret notes to the Supplementary Agreement of August 27, 1918: an unknown plot from the history of Soviet-German relations at the end of the First World War] // Novaja i novejšaja istorija [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 208–230. (In Russ.)

Vrag, protivnik, sojuznik? Rossija vo vneshnej politike Francii v 1917–1924 gg. [Enemy, opponent, ally? Russia in the foreign policy of France in 1917–1924]: v 2 kn. / pod red. A.Ju. Pavlova. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)

Astamadze G. Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhängigkeit und das deutsch-georgische Bündnis im Südkaukasus. Paderborn, 2022.

Baumgart W. Das “Kaspi-Unternehmen” – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? 2 Tle. // JfGO. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966.

Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien; Köln; Weimar, 1992.

Blücher W.v. Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen. Biebrach, 1949.

Friedrich Freiherr Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020.

Goltz F. v.d. Meine Entsendung nach Baku // Zwischen Kaukasus und Sinai: Jahrbuch des Bundes der Asienkämpfer. Bd. 3. Sangerhausen, 1923. S. 125–156.

Kreutzer M.S. Dschihad für den deutschen Kaiser. Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918). Graz, 2012.

Krug S. Die “Nachrichtenstelle für den Orient“ im Kontext globaler Verflechtungen (1914–1921). Strukturen – Akteure – Diskurse. Bielefeld, 2020.

Nadolny R. Mein Beitrag. Wiesbaden, 1955.

Österreich – Armenien 1872–1936 / Hrsg. von A. Ohandjanian: 10 Bde. Wien, 1995. 3. Aufl. Bd. 8–10.

Paraquin E. Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. [s.l., s.a.].

Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / eingel. und Hrsg. von J. Hürter. München, 1998.

Pomiankowski J. Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches. Erinnerungen an die Türkei aus der Zeit des Weltkrieges. Wien, 1928.

Rabenau F.v., Seeckt H.v. Aus seinem Leben. (Bd. 2). Leipzig, 1940.

Seidt H.-U. Berlin, Kabul, Moskau: Oskar Ritter von Niedermayer und Deutschlands Geopolitik. München, 2002.

The Diaries of General Lionel Dunsterville 1911–1922 // URL: http://www.gwpda.org/Dunsterville/Dunsterville_main.html (access date: 01.11.2022).

Vietsch E.v. Wilhelm Solf. Botschafter zwischen den Zeiten. Tübingen, 1961.

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / Hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.

Zürrer W. Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens im Jahre 1918 // JfGO. 1978. Bd. 26. Hf. 1. S. 31–59.

Zürrer W. Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978.

Zürrer W. Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteneinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern; Frankfurt a.M.; Las Vegas, 1978.

© 2023 г. В.Н. ЧЕРНЕГА

«АТЛАНТИЧЕСКАЯ» И «ЕВРОПЕИСТСКАЯ» ТЕНДЕНЦИИ В ЧЕТВЕРТОЙ И ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКАХ ВО ФРАНЦИИ (1946–2022)

Чернега Владимир Николаевич — доктор юридических наук, Чрезвычайный и полномочный посланник, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: v.n.tchernega@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3031-0187; Researcher ID: AAD-3569-2022

Аннотация. В статье рассматривается эволюция двух важнейших тенденций во французской внешней политике в 1946–2022 гг.: «атлантической» и «европеистской». Обе эти тенденции возникли вскоре после Второй мировой войны и в дальнейшем переплетались сложным образом. В Четвертой республике в контексте «советской угрозы» и германской проблемы доминирующее влияние среди элит долгое время имели «атлантисты». «Европеисты», добивавшиеся, помимо экономической интеграции, военно-политического сплочения западноевропейских государств при лидирующей роли Франции, не противопоставляли себя им, хотя объективно их усилия вели к ослаблению «трансатлантической солидарности». «Европеистские» проекты не увенчались успехом, но и разочарование Франции в США, связанное с их позицией во время Суэцкого кризиса 1956 г. и Алжирской войны (1954–1962), уменьшило вес «атлантистов» в правящих кругах. После установления Ш. де Голлем в 1958 г. Пятой республики «атлантическая тенденция» была сведена к минимуму, «европеистская» — ограничена требованием сохранять максимально возможный национальный суверенитет. В последеголлевский период все президенты Франции стремились одновременно укреплять обе тенденции. Однако все большее вовлечение страны в деятельность НАТО фактически блокировало субстантивное продвижение «европеистских» проектов. В статье показано, как пришедший к власти в 2017 г. убежденный «европеист» Э. Макрон, который видит возможность для Франции проводить державную политику лишь в рамках нынешнего Европейского союза (ЕС), пытается решить эту дилемму, пропагандируя создание «европейской опоры» Альянса как путь к его усилению. Оцениваются дальнейшие перспективы «европеистской» идеи, а также шансы Франции на реализацию державных притязаний в гипотетической «державе Европы».

Ключевые слова: Франция, внешняя политика, внешнеполитические доктрины, «атлантизм», «европеизм», НАТО, ЕС, международные отношения.

V.N. Chernega

“Atlantist” and “Europeanist” Trends in the Fourth and Fifth Republics in France (1946–2022)

Vladimir Chernega, Institut of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: v.n.tchernega@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3031-0187; Researcher ID: AAD-3569-2022

Abstract. The article examines the evolution of the “Atlantic” and “European” trends in French foreign policy, which became crucial for it between 1946 and 2022. Both of these trends emerged shortly after the Second World War and were subsequently intertwined in complex ways. In the Fourth Republic, in the context of the ‘Soviet threat’ and the need to solve the “German problem”, the “Atlantists” long had a dominant influence at the level of the elites. The “Europeanists”, who, in addition to economic integration, sought the military-political unity of the West European nations with France in the lead, did not oppose them, although objectively their efforts led to a weakening of “transatlantic solidarity”. The “Europeanist” projects were not successful, but at the same time the disappointment in the US over its position during the 1956 Suez Crisis and the Algerian War reduced the influence of the “Atlantists” in ruling circles. Ultimately, after the establishment of the Fifth Republic by Charles de Gaulle in 1958, the “Atlantic tendency” was reduced to a minimum, the “Europeanist” was limited by his demand to preserve the maximum possible national sovereignty. In the post-De Gaulle period, all the presidents of France sought, each in his own way, to simultaneously strengthen both tendencies. However, the increasing involvement of the country in NATO activities actually blocked the substantive promotion of “Europeanist” projects. The article shows how the convinced “Europeanist” E. Macron, who came to power in 2017, who sees an opportunity for France to pursue a sovereign policy only within the framework of the EU, transformed into a “power of Europe”, is trying to solve this dilemma by promoting the creation of a “European pillar” Alliance as a way to strengthen it. The further prospects of the “Europeanist” idea are assessed, as well as the chances of France for the realization of great claims in the hypothetical “power of Europe”.

Keywords: France, foreign policy, foreign policy doctrines, “Atlanticism”, “Europeanism”, NATO, EU, international relations.

В мае 2022 г. президент Э. Макрон в своем выступлении на конференции «Будущее Европы», организованной в Европейском парламенте в Страсбурге в рамках французского председательства в Совете Европейского союза (ЕС) (январь–июнь), высказался за пересмотр учредительных договоров объединения, что позволило бы органам ЕС принимать решения по важнейшим вопросам его функционирования квалифицированным большинством голосов. Он мотивировал свое предложение необходимостью продвигать «державу Европу», которая обладала бы «стратегической самостоятельностью»¹. Хотя Макрон не уточнил, о самостоятельности по отношению к кому идет речь, было очевидно, что имелись в виду США и НАТО. Впрочем, раньше он не раз заявлял, что ЕС должен стать «мировым центром силы», способным на равных конкурировать с Соединенными Штатами, Китаем и поднимающейся Индией. Известны его высказывания о «смерти мозга» НАТО и о желательности создания «европейской армии», которая защищала бы ЕС от Китая, России и США. Симптоматично, что речь в Страсбурге была произнесена в ситуации, когда президенту Дж. Байдену в связи с событиями на Украине удалось построить европейских союзников по Альянсу, пребывавших в некоем разброде в правление Д. Трампа, в одну шеренгу под предлогом противодействия «российской агрессии»².

Э. Макрон олицетворяет во Франции «европеистскую» тенденцию. С нашей точки зрения, «европеизм» как термин шире, чем «европейская интеграция». Последняя ассоциируется главным образом с экономическим сближением и требуемыми им политико-институциональными изменениями, в то время как «европеизм» включает в себя также дипломатическое и военно-политическое измерения. Французские «европеисты» исходят из того, что с учетом своих относительно скромных экономических и военных

¹ Discours du Président de la République à l’occasion de la Conférence sur l’avenir de l’Europe, Starsbourg, le lundi 9 mai 2022 // URL: <https://www.presidente-francaise,concilium.europa.eu/fr/actualites/discours-du-president-de-la-republique-a-l-occaionde-la-conference-sur-l-avenir-de-l-europe> (дата обращения: 25.06.2022).

² *Monbrial Th. de.* Les Etats-Unis ont repris en main la destinée de l’Europe // La Croix. 08.IX.2022 // URL: <https://www.la-croix.com/Debats/Etats-Unis-repris-main-destinee-lEurope-2022-09-08-120123231> (дата обращения: 16.11.2022).

возможностей в современном мире страна может обеспечить свои национальные амбиции, исторически сложившиеся как державные, иначе говоря, глобальные, лишь в рамках «державы Европы», проводящей собственную внешнюю политику и опирающейся на достаточно независимый оборонный потенциал. Ряд козырей, которыми располагает Франция, — ядерный арсенал, постоянное членство в Совете Безопасности ООН, заморские территории и департаменты, сеть военных баз за рубежом (второе место в мире после США), уменьшающееся, но все еще реальное влияние на африканском континенте — позволяет ей рассчитывать если не на политическое лидерство в такой «державе», то, по крайней мере, на одну из ведущих ролей. Козыри обеспечивают ей весомую позицию в тандеме с Германией, который до сих пор был мотором интеграционного европейского процесса.

Стоит отметить, что Макрон, несмотря на упомянутые выше высказывания, сочетает «европеистские» идеи с заверениями о приверженности «трансатлантической солидарности», предполагающей сотрудничество в рамках НАТО и хорошие отношения с США. Можно лишь гадать, носят ли подобные заявления тактический характер или Э. Макрон, которого оппоненты регулярно обвиняют в непоследовательности, искренне пытается примирить противоречащие друг другу позиции. Очевидно, что движение в сторону «стратегической самостоятельности» ЕС объективно требует реформирования упомянутой солидарности не в пользу НАТО и Соединенных Штатов.

Сложное переплетение «атлантических» и «европеистских» установок характерно во Франции не только для Макрона и возникло не сегодня. Статья призвана проанализировать, хотя и схематично, как «атлантическая» и «европеистская» тенденции зародились в период Четвертой республики (1946–1958 гг.), как они сосуществовали и эволюционировали в дальнейшем, после установления Пятой республики. На основе анализа будут рассмотрены их перспективы в обозримом будущем. Новизна статьи определяется указанным ракурсом темы и рядом приводимых в ней фактов, актуальность — важностью «атлантической» и «европеистской» тенденций для внешней политики Франции и франко-российских отношений, особенно в контексте нынешней конфронтации между Россией и Западом.

В исследовании использованы главным образом французские материалы. Большим подспорьем явились труды историков Ф. Бозо, Б. Вассенберг, П. Гроссера, Ж. Дюби, Ж. Карпантье, Ф. Лебрена; специалистов по международным отношениям и геополитике Б. Бади, М. Ваисса, Д. Видаля, А. Дезюэна, А. Дюмулена, Т. Гомара, Н. Гро-Верёда, О. Зажека, М. Лефевра, К. Лекена, Т. Монбриала, Б. Ниве, Ф. Шарийона. В качестве документальных источников использовались тексты международных договоров, официальные публикации ЕС. Привлекались также выступления французских президентов, воспоминания их близких сотрудников. Разумеется, учитывались и оценки российских исследователей, в частности Ю.И. Рубинского, Ю.А. Борко, Т.В. Зверева, А.В. Манойло, Н.Н. Наумова, Ю.В. Никуличева, Е.О. Обичкиной, Т.Г. Пархалиной, А.С. Сидорова.

Франция являлась одним из двенадцати западных государств, которые по инициативе и под фактическим руководством США подписали в апреле 1949 г. Североатлантический договор, учредивший НАТО³. Причины этого шага и последующая французская политика, направленная на обеспечение национальной безопасности, достаточно подробно проанализированы в литературе, посвященной Четвертой республике, как в нашей стране, так и за рубежом. Представляется тем не менее целесообразным напомнить наиболее важные моменты. Вхождение Франции в Альянс объяснялось прежде всего «советской угрозой», которую Париж, как и Запад в целом, усматривал в создании Советским Союзом народных демократий в Восточной Европе. Страх правящих элит перед этой экспансией усиливался существованием в стране мощной и ориентированной на Москву Французской коммунистической партии, которую поддерживала значительная часть электората и левой интеллигенции. Свою роль сыграл и «план Маршалла», одобренный

³ Кроме США и Франции, в организацию вошли Бельгия, Великобритания, Дания, Исландия, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия.

конгрессом США в 1948 г. Разоренная войной Франция нуждалась в американской помощи, и, чтобы облегчить ее получение, премьер-министр социалист П. Рамадье еще в 1947 г. устранил коммунистов из правительства, в котором они участвовали с 1944 г.⁴

Другой важной причиной было желание Франции иметь гарантии защиты на случай возрождения в качестве мощной державы Германии, жаждущей реванша после Второй мировой войны. Еще до учреждения НАТО французская дипломатия пыталась решить обе проблемы — советскую угрозу и возможную германскую — в европейских рамках. Речь шла о создании военно-политической организации, которая позволила бы сплотить государства Европы, не вошедшие в зону влияния СССР, для противодействия обоим вызовам. Эта идея была близка и Великобритании. Не случайно именно У. Черчилль после своей знаменитой речи в Фултоне в марте 1946 г., где он говорил о «железном занавесе» на европейском континенте, предложил в сентябре того же года создать Совет Европы (СЕ), на который предполагалось возложить оборонительную функцию⁵.

Инициатива Черчилля предусматривала максимальный охват организацией возможных государств-членов и, соответственно, требовала длительного времени на реализацию. В результате Франция, Великобритания, Бельгия, Нидерланды и Люксембург пошли другим путем и подписали в марте 1948 г. в Брюсселе пакт, содержавший ряд положений о сотрудничестве в экономической, социальной и культурной областях, но главными в нем были обязательства, касающиеся коллективной обороны. В преамбуле пакта подчеркивалась, например, необходимость принятия совместных мер «в случае агрессивной политики со стороны Германии», а статья 4 устанавливала обязательство сторон оказать взаимную помощь любыми средствами, включая военные, «в случае вооруженной агрессии в Европе»⁶.

Правильность выбора более узкого формата подтвердил в мае 1948 г. конгресс в Гааге, созданный для создания СЕ. Поставленная задача не была выполнена из-за споров относительно критериев и географических пределов «европейской общности», которая определяла бы право вступления в организацию. Спустя год СЕ все же был образован, практически одновременно с учреждением НАТО, и в его Уставе значилось, что он может заниматься любыми вопросами, кроме обороны⁷.

В 1952 г. Франция сделала новую попытку «европеизировать» противостояние «советской угрозе» и германской проблеме, выдвинув инициативу об образовании Европейского оборонительного сообщества, которое должно было включить в себя Францию, Бельгию, Италию, Нидерланды, Люксембург, но главное — ФРГ. Проект предполагал формирование единой европейской армии, в которую интегрировался бы создаваемый бундесвер. Но по иронии судьбы соответствующему договору отказал в ратификации в 1954 г. именно французский парламент⁸. В то же время, как известно, созданный в 1951 г. по инициативе главы генерального комиссариата по планированию Франции Ж. Монне и министра иностранных дел страны Р. Шумана Европейский союз угля и стали в составе тех же государств оказался успешным проектом и стал предтечей образованного в 1957 г. Европейского экономического сообщества (ЕЭС), трансформировавшегося в 1992 г. в ЕС.

В октябре 1954 г. при активном участии французской дипломатии на основе Брюссельского пакта 1948 г. в Париже был учрежден Западноевропейский союз (ЗЕС), включивший, помимо названных выше участников пакта, Италию. Принятие ФРГ в ЗЕС придало определенную международную легитимность созданному в июне 1954 г. бундесверу

⁴ DUBY G. Histoire de France. Paris, 1970. P. 641.

⁵ Hassenberg B. Histoire du Conseil de l'Europe. Strasbourg, 2015. P. 155.

⁶ Traité entre la Belgique, la France, le Luxembourg, les Pays-Bas et le Royaume-Uni de Grande Bretagne et l'Irlande du Nord signé le 7 mars 1948 // URL: https://www.cvce.obj/trate_de_bruxelles_17mars_1948-fr-3467de5e-9802-4b65-8076-778bc79164d3.html (дата обращения: 20.05.2022).

⁷ Statut du Conseil de l'Europe, 5 mai 1949. Strasbourg, 2012. P. 2.

⁸ Lequesne Ch. Réurrences et changements dans l'engagement européen // La France, une puissance contrariée / sous la direction de B. Badie et D. Vidal. Paris, 2021. P. 73.

и облегчило ее вступление в НАТО в следующем году. Однако сам ЗЕС, несмотря на постепенное увеличение числа государств-членов, не смог выйти из тени Альянса.

Таким образом, членство Франции в НАТО сочеталось с существованием в ней «европеистской» тенденции, направленной не только на экономическое сотрудничество западноевропейских государств, но также на продвижение их военно-политического сплочения вне рамок «трансатлантической солидарности», хотя ей «европеисты» не были враждебны. Однако в их системе приоритетов, помимо заинтересованности в формировании общего рынка, важное место занимало получение максимального французского влияния на решение «германской проблемы». В более широком плане речь шла о лидерстве страны в Западной Европе, о восстановлении державного статуса, утраченного после капитуляции в 1940 г. Великодержавный комплекс побудил Францию к провальным колониальным войнам в Индокитае (1946–1954) и Алжире (1954–1962), а также к интервенции в Египет (1956), когда она вместе с Великобританией и Израилем безуспешно пыталась военным путем воспрепятствовать национализации Каиром компании Суэцкого канала.

Среди политических сил державное начало олицетворялось, прежде всего, оппозиционным Объединением французского народа, созданным Ш. де Голлем в 1947 г. после ухода с поста премьер-министра Временного правительства годом ранее. Национально-патриотические установки голлистов предопределили их враждебное отношение к любым проектам и альянсам, предусматривавшим ограничение национального суверенитета Франции. Однако в конце 40-х и первой половине 50-х годов, как отмечает профессор Лионского университета О. Зажек, в правящих элитах преобладающим влиянием пользовались «атлантисты», хотя и составляли меньшинство. Они не были чужды «европеистским» и державным установкам, поскольку считали, что те и другие не противоречат общей линии борьбы с коммунизмом. Вместе с тем «атлантисты» отдавали безусловный приоритет членству Франции в НАТО и укреплению отношений с США. Сильный удар по их позициям нанесло поведение США во время Суэцкого кризиса, когда Вашингтон потребовал фактически вместе с Москвой прекратить упомянутую выше интервенцию в Египет. Второй удар нанесла политика Соединенных Штатов в отношении войны в Алжире, где они в русле своего курса на деколонизацию негласно помогали Фронту национального освобождения⁹. Проамериканская и проатлантическая ориентация Парижа начала ослабевать. Одним из признаков тяготения к более самостоятельному курсу явился отказ принять в 1957 г. принцип «двойного ключа» для ядерного оружия, предложенный Соединенными Штатами европейским союзникам по НАТО в обмен на отказ от собственных разработок в области военного атома. Напротив, Франция активизировала ядерные исследования.

Алжирский кризис, как известно, явился главной причиной крушения в 1958 г. Четвертой республики, повторного прихода к власти Ш. де Голля и установления им Пятой республики. Происшедшая смена режима и, соответственно, приоритетов во внешней политике серьезно сказались на позициях «атлантистов» и «европеистов».

О внешнеполитическом курсе Ш. де Голля написано много как французскими, так и другими, в том числе российскими, авторами. Отметим некоторые особенности его подхода к роли Франции на международной арене, в основе которого лежала установка на восстановление ее державного статуса. Высказывание Ш. де Голля в «Военных мемуарах» — «Франция, лишенная величия, перестает быть Францией»¹⁰ — стало со временем хрестоматийным. Конечно, как указывали позже некоторые его соратники, эти слова не стоило воспринимать буквально, хотя они соответствовали настрою многих французов и значительной части элиты. Генерал был прагматиком и хорошо понимал ограниченность возможностей страны по сравнению со сверхдержавами: США и СССР. Тем не менее он

⁹ Zajec O. La variable atlantiste // La France, une puissance contrariée / sous la direction de B. Badie et D. Vidal. Paris, 2021. P. 57–58.

¹⁰ *Gaulle Ch. de. Memoires de guerre. Vol. 1. L'Appel. Paris, 1954. P. 29.*

рассчитывал в определенной мере компенсировать ее «волевой» политикой, нахождением «французской ниши» в глобальном соперничестве Запада и Востока, а также созданием национального ядерного арсенала. Стоит подчеркнуть, что учреждение режима со столь обширными президентскими полномочиями — де Голля порой называли «республиканским монархом» — отражало не только его воззрения на организацию государства, но также же желание сконцентрировать властные ресурсы на решении внешнеполитических задач¹¹.

В целом, речь шла о достижении страной максимально возможной самостоятельности в международных делах. После того как Вашингтон отверг выдвинутое Ш. де Голлем в 1958 г. требование об образовании в НАТО руководящего триумvirата в составе США, Великобритании и Франции, последняя стала постепенно покидать совместные командования (штабы) организации. Успешное испытание в 1960 г. атомной бомбы, освобождение в 1962 г. от бремени войны в Алжире придали стремлениям Франции новый импульс. Окончательный выход страны из интегрированных военных структур Альянса в 1966 г. и выдворение с национальной территории его штаб-квартиры, а также верховного военного командования союзными силами в Европе (SHAPE) и 29 американских баз остались в истории апофеозом французской державной политики в послевоенный период. В конфиденциальных беседах с лицами из своего окружения Ш. де Голль признавал, что считал эти шаги необходимыми еще до возвращения к власти, а его меморандум по поводу триумvirата в НАТО был лишь тактической уловкой, которая даст повод взять курс на обеспечение национальной обороны своими силами¹².

Следует напомнить также, что в 1966 г. Ш. де Голль совершил длительный визит в СССР. Убежденный антикоммунист, он, однако, считал идеологии преходящими, а геополитические интересы постоянными. Исходя из своего представления о «вечной России, переодетой в Советский Союз», он видел во франко-советском сближении шанс в некоторой мере уравновесить давление со стороны США и получить возможность маневрирования между двумя сверхдержавами¹³.

В том же году большой резонанс в мире вызвало выступление де Голля в столице Камбоджи Пномпене. Президент подчеркнул императивность «третьего пути» — альтернативы участию в конфронтации между двумя блоками, возглавляемыми США и СССР, и недвусмысленно осудил американское вмешательство в войну во Вьетнаме¹⁴. Камбоджа была выбрана как соседка Вьетнама и активный участник Движения неприсоединения. Таким образом, Ш. де Голль посылал сигналы Вашингтону, что Франция намерена проводить тот внешнеполитический курс, который сочтет соответствующим своим национальным интересам. Вместе с тем страна не была выведена из политического союза НАТО и в противостоянии с «советским блоком» оставалась союзником Соединенных Штатов. Тем не менее французские «атлантисты» не скрывали своего возмущения курсом де Голля, который, по их мнению, вел Францию к изоляции внутри западного лагеря. Особенно яростно выступал против этого Ф. Миттеран, возглавлявший тогда Федерацию демократических социалистических сил. Он заявлял, что политика Ш. де Голля вдохновлялась «национализмом, отжившим свое время»¹⁵.

Не были довольны Ш. де Голлем и многие «европеисты». Он поддерживал участие Франции в ЕЭС, считая его полезным для экономического развития страны и

¹¹ Duverger M. La monarchie républicaine ou comment les démocraties se donnent des rois. Paris, 1974; Debré M. Le pouvoir politique. Paris, 1977.

¹² Peyrefitte A. C'était de Gaulle. T. 1. La France redevient la France. Paris, 1994. P. 67.

¹³ Parmentier F. Les déterminants politiques // La France, une puissance contrariée / sous la direction de B. Badie et D. Vidal. Paris, 2021. P. 38.

¹⁴ Charles de Gaulle. Paroles publiques // URL: https://www.fresque.ina.fr/de-gaulle/fiche-media/Gaulle_001161/discours-de-pnom-pen.html (дата обращения: 30.05.2022).

¹⁵ Wieder Th. 1966: la France tourne le dos à l'OTAN // Le Monde. 10.III.2009. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2009/03/10/1996la-france-tourne-le-dos-a-l-otan_1165992_3210.html (дата обращения: 30.06.2022).

европейской интеграции ФРГ, однако видел в нем лишь «союз наций», т.е. объединение суверенных государств. В начале 60-х годов Ш. де Голль попытался подвигнуть «шестерку», составлявшую тогда ЕЭС (Францию, ФРГ, Италию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург), к созданию политического союза, понимаемого как «европейская Европа», свободная от диктата Соединенных Штатов, согласовывающая внешнюю политику государств-членов и продвигающая «общую оборону», независимую от НАТО. Именно в этом был смысл так называемого «плана Фуше» (по имени высокопоставленного французского дипломата), выдвинутого Францией в 1961 г. Поскольку в проекте утверждался приоритет межгосударственного сотрудничества, но отсутствовала ссылка на Альянс, он сразу же вызвал настороженное отношение остальных стран ЕЭС. Они подозревали, что он направлен на ослабление институтов НАТО и его фактическое разрушение. В 1962 г. Ш. де Голль исключил из проекта ссылку на Римский договор 1957 г., и проект был окончательно отклонен¹⁶.

Подписанный в 1963 г. Ш. де Голлем и канцлером ФРГ К. Аденауэром межгосударственный договор (Елисейский договор) имел своей целью не только историческое примирение с бывшим противником. После неудачи «плана Фуше» первый президент Пятой республики хотел создать франко-германскую связку для продвижения «европейской Европы» при лидерстве Франции. В то же время, по его решению, Франция дважды (в 1963 и 1967 гг.) блокировала вступление в ЕЭС Великобритании, которую де Голль считал «троянским конем» США¹⁷.

Между тем видный «европеист» Ж. Монне мечтал о роли ЕЭС как второго (после США) полюса в «евроатлантическом сообществе». По его мнению, для того чтобы второй полюс мог уравновесить первый, ЕЭС нуждался в Великобритании¹⁸.

Таким образом, во время правления Ш. де Голля «атлантизм» во внешней политике Франции был сведен до номинального участия в политическом союзе НАТО. «Европеистская» тенденция была значительной, но ограничивалась требованием сохранять максимально возможный национальный суверенитет.

Преемники генерала на посту главы государства также не были чужды державным амбициям и в целом стремились избегать американского диктата. Вместе с тем они постепенно отходили от ряда аспектов прежней внешнеполитической линии, которые считали максималистскими и не соответствующими возможностям страны. Уже при Ж. Помпиду (1969–1974) среди французских элит стал заметен настрой считать страну «средней державой», которая не может себе позволить вести дорогостоящую политику «величия»¹⁹. Новый президент существенно смягчил курс в отношении США и не препятствовал вступлению в ЕС Великобритании (1973). Именно в правление Ж. Помпиду, как указывает профессор Высшей школы политических исследований в Париже К. Лекен, во внешней политике Франции утвердился установка на то, что ЕС является необходимым ей «мультипликатором» экономических и международных возможностей²⁰. Отсюда — нарастающие тенденции, допускавшие усиление наднационального начала в объединении.

Сменивший Ж. Помпиду В. Жискара д'Эстен (1974–1981) стал употреблять вместо «величия» термин *rayonnement*, который можно перевести как «блеск» или «влияние». Новый президент выступал за более прагматичную внешнюю политику, нацеленную прежде всего на интересы экономического развития страны на либеральных рельсах. В. Жискара д'Эстен был готов пойти довольно далеко по пути европейской интеграции, и не случайно в его правление министр иностранных дел Ф. Понсе впервые заговорил о «державе

¹⁶ Adamczyk M. 1961, l'échec du "Plan Fouchet", Enseigner de Gaulle // URL: <https://enseigner.charles-de-gaulle.org/1961-lechec-du-plan-fouchet> (дата обращения: 10.06.2022).

¹⁷ Peyrefitte A. Op. cit. P. 69.

¹⁸ Gerbet P. Jean Monnet — Charles de Gaulle. Deux conceptions de la construction européenne // G. Bos-suet, A. Wilkens. Jean Monnet et les chemins de la paix. Paris, 1999. P. 412–413.

¹⁹ Lefevre M. La politique étrangère de la France. Paris, 2019. P.45

²⁰ Lequesne Ch. Op. cit. P. 73.

Европы»²¹. В 1979 г. Франция сыграла самую активную роль в создании Европейской валютной системы ЕЭС, ставшей предтечей Экономического и валютного союза ЕС и единой валюты евро. Президент лично пропагандировал первые прямые выборы в Европейский парламент в июне 1979 г., утверждая, что «еще никогда в нашей стране консенсус по Европе не был столь велик»²². Между тем незадолго до этого бывший премьер-министр Ж. Ширак, лидер голлистской партии Союза за народное движение крупнейшей силы парламентского большинства, обличал «вассальную Францию в империи торгашей» и называл сторонников ЕЭС «партией заграницы»²³. Именно при В. Жискара д'Эстене, сделавшем одним из приоритетов сближение с ФРГ и совместное продвижение интеграционных проектов, французские СМИ запустили в оборот выражение «франко-германская пара», превратившееся затем в «франко-германский тандем»²⁴.

Одновременно В. Жискара д'Эстен продолжил линию на укрепление отношений с США, что, помимо прочего, позволило реализовать его инициативу об образовании Группы семи (Большая семерка), первое заседание которой состоялось в Рамбуйе в 1975 г. Стоит упомянуть учреждение им и президентом США Дж. Фордом в 1976 г. Франко-американского фонда, который, как и ряд других подобных структур, сыграл в будущем значительную роль в воспитании в «атлантическом» духе молодых французских политиков.

Вместе с тем В. Жискара д'Эстен время от времени считал нужным льстить державным чувствам, сохранявшимся у многих французов. В 1981 г. он, например, заявлял: «Мы являемся сегодня великой державой, великой военной державой в воздухе и на море, третьей военной державой мира»²⁵. В конечном счете противоречие между присущим ему реализмом и необходимостью считаться с общественным мнением побудило его назвать Францию «великой средней державой»²⁶.

В дальнейшем это противоречие было присуще всем французским президентам, которые считали ЕС «мультипликатором» экономической мощи и международных возможностей Франции и способствовали углублению европейской интеграции. При Ф. Миттерране (1981–1995), состоялись заключение Маастрихтского договора (1992), поменявшего название Европейского экономического сообщества на Европейский союз и существенно расширившего полномочия его институтов, а также создание Европейского центрального банка (1989). Миттерран укреплял тандем Франции и ФРГ и в 1989 г. по его инициативе была сформирована франко-германская бригада как символ нового качества отношений между двумя государствами. Две страны все более очевидно выполняли роль мотора интеграционного процесса в ЕС. В правление Ф. Миттеррана произошло объединение ФРГ и ГДР, которого он не желал, зато он смог добиться согласия канцлера Г. Коля на введение евро, что должно было снять проблему доминирования в ЕС германской марки²⁷.

Но если Ф. Миттерран был известен своими евроинтеграционными установками (как и возглавляемая им до избрания на пост главы государства Социалистическая партия), то разворот к ним президента Ж. Ширака (1995–2007) можно расценивать как окончательную победу «интеграционистов» над «суверенистами» в правящих элитах страны. При Шираке был подписан Амстердамский договор (1997), включивший в себя Шенгенские соглашения. Он приложил большие усилия для решения в ЕС проблем, связанных с введением евро (1999), поддержал вступление в ЕС большинства стран Восточной Европы и активно рекламировал вынесенный на референдум в 2005 г. проект европейской

²¹ Ibid. P. 78.

²² L'Histoire en citations, 09.03.2005 // URL: <https://www.histoire-en-citations.fr/chirac-nous-disons-non-a-une-france-vassale-dans-un-empire-de-marchand-non-a-une-france> (дата обращения: 07.07.2022).

²³ Ibidem

²⁴ Thomann P.-E. Le couple franco-allemand et le projet européen. Paris, 2015. P. 11.

²⁵ Vaïsse M. Une puissance moyenne? // La France, une puissance contrariée / sous la direction de B. Badie et D. Vidal. Paris, 2021. P. 97.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Thomann P.-E. Op. cit. P. 416.

конституции, который по поручению ЕС подготовил В. Жискара д'Эстен. Как известно, большинство французов проголосовали против проекта, что вместе с отрицательным голосованием в Нидерландах теоретически похоронило его. Тем не менее основные его положения, в том числе касавшиеся увеличения полномочий Европейского парламента, учреждения постов председателя Европейского совета (президента ЕС) и Верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности, вошли при президенте Н. Саркози (2007–2012) в Лиссабонский договор 2007 г. Саркози смог продать его ратификацию через парламент, фактически обойдя результаты референдума. В соответствии с договором, в 2011 г. в ЕС под эгидой указанного Верховного представителя была создана собственная дипломатическая структура — Европейская служба внешней деятельности (ЕСВД), опирающаяся сегодня на широкую сеть зарубежных представительств.

Появление указанных постов и ЕСВД означало продвижение «европеистской» идеи. Оно было предопределено формированием еще в рамках Маастрихтского договора 1992 г. Общей политики в области внешней политики и безопасности (PESC), активно продвигавшейся французской дипломатией. В тексте договора впервые обозначалась перспектива «определения политики общей обороны, которая в свое время приведет к общей обороне» (Раздел I, ст. В)²⁸. В 1992 г. франко-германская бригада была преобразована в Еврокорпус, в который вошли также подразделения Бельгии, Испании и Люксембурга. Эти изменения придали определенный импульс ЗЕС, который формально существовал параллельно с ЕС, но на практике являлся его придатком. В организацию входили в разных статусах — члены, ассоциированные члены, наблюдатели, ассоциированные партнеры — 28 государств. События на Балканах в 90-е годы позволили ЗЕС осуществить в этом регионе так называемые петербургские миссии, выразившиеся в размещении там под его эгидой полицейских сил²⁹. Однако в 1998 г. в рамках PESC была выделена Политика в области безопасности и обороны, которая означала концентрацию соответствующих полномочий и возможностей внутри Евросоюза. В 2000 г. большинство функций и структур ЗЕС (в частности, Спутниковый центр и Институт европейской безопасности) были переданы в ведение ЕС. Отныне ЗЕС существовал лишь формально и в 2011 г. был окончательно упразднен.

Евросоюз же в 2003 г. впервые осуществил собственную военно-гуманитарную миссию (операция «Артемис» в Конго по защите лагерей беженцев, проводившаяся в соответствии с резолюцией 1484 СБ ООН). В дальнейшем число подобных и других миссий ЕС с привлечением военных и полицейских сил возросло. В 2004 г. было создано Европейское агентство по вопросам обороны, которое должно было «помогать государствам-членам совершенствовать оборонные потенциалы»³⁰. Лиссабонский договор 2007 г. конкретизировал приведенное выше положение Маастрихтского договора об общей обороне: в компетенцию ЕС входит «постепенное определение оборонной политики, которое может привести к созданию общей обороны» (ст. 11А)³¹. Договор предусматривал также запуск в 2010 г. Постоянного структурированного сотрудничества (PESCO) в области безопасности и обороны, в рамках которого должны были осуществляться совместные оборонные проекты.

Однако этот прогресс в осуществлении «европеистской» идеи, ставший возможным благодаря скоординированной политике франко-германского тандема, был весьма

²⁸ Traité sur l'Union européenne, signé à Maastricht le 7 février 1992 // URL: <https://www.eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/T/?uri=celex%3A11992M%2FTXT> (дата обращения: 11.06.2022).

²⁹ Dumoulin A., Gros-Verheide N. La politique européenne de sécurité et de défense commune. Bruxelles, 2017. P. 223.

³⁰ Agence européenne de défense // URL: https://www.european-union.europa.eu/institutions-law-budget/institutions-and-bodies-profiles/eda_fr (дата обращения: 12.07.2022).

³¹ Traité de Lisbonne modifiant le traité sur l'Union européenne, le traité instituant la Communauté européenne et certains actes connexes, signé à Lisbonne le 13 décembre 2007 // URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/projets/PL%20690%20traite.pdf> (дата обращения: 25.06.2022).

относительным. Перечисленные достижения носили либо декларативный, либо «эмбриональный» характер. Упомянутый выше PESCO, например, в 2010 г. не заработал, военные или полицейские миссии ЕС за рубежом осуществлялись национальными подразделениями государств-членов (иногда также государств, не входящих в объединение), Европейское агентство по вопросам обороны в 2016 г. имело годовой бюджет всего в 30 млн евро³².

Главной причиной являлось существование НАТО, который, во-первых, уже имел интегрированные военные структуры, необходимые инфраструктуру и логистику, разведывательные средства, находящиеся в его подчинении наличные оперативные силы; во-вторых, опирался на военную мощь США. Эта данность нашла свое отражение в статье 25А Лиссабонского договора, согласно которой НАТО является для государств — членов ЕС «фундаментом коллективной обороны и инстанцией по ее осуществлению»³³. Франция не противодействовала включению в договор этой статьи, в ее внешней политике одновременно с курсом на продвижения ряда инициатив по формированию «державы Европы» усиливалась «атлантическая» тенденция. Как указывал Ю. Ведрин, дипломатический советник Ф. Миттерана и министр иностранных дел Ж. Ширака, Франция в отношениях с США пыталась придерживаться формулы «союзники, друзья, но не ведомые»³⁴. Однако война в Ираке в 1990—1991 гг., в которой Франция поддержала Соединенные Штаты, показала ее значительное отставание в военных технологиях, логистике, разведывательных средствах. Распад СССР лишил Францию возможности маневрировать между двумя сверхдержавами. Отсюда поощрение Ф. Миттераном сотрудничества с США в военной области и на уровне разведывательных служб, что с учетом отмеченного неравенства объективно вело к определенной зависимости от Вашингтона. Миттеран считал необходимым сближение Франции с НАТО, но избегал прямого подчинения ей французских вооруженных сил.

Такую же двойственную позицию занимал и Ж. Ширак. В 1999 г. Франция приняла участие в натовских бомбардировках Югославии и поддержала начавшееся вступление в Альянс восточноевропейских государств. Стоит отметить, что если при Ф. Миттеране в конце 80-х и начале 90-х годов во властных кругах обсуждался вопрос о целесообразности сохранения НАТО в качестве оборонительного союза, то во время правления Ж. Ширака возобладал подход, сформулированный США: союз должен защищать и продвигать общие западные ценности³⁵. Расширение Альянса на Восток, равно как и дальнейшее сближение с ним Франции, получило таким образом идеологическое обоснование. Однако в 2003 г. Ж. Ширак осудил американское вторжение в Ирак, что повлекло за собой кризис в отношениях с Вашингтоном. Но вскоре был взят курс на примирение, который продолжил Н. Саркози. Он возвратил Францию в 2009 г. в натовские интегрированные военные структуры (кроме Группы ядерного планирования).

Переплетение «европеистской» и «атлантической» тенденций продолжилось при Ф. Олланде (2012—2017). В марте 2016 г. на саммите Франции, ФРГ, Италии и Испании он активно ратовал за ускорение экономической интеграции и продвижение общей обороны в зоне евро — 19 государств-членов из 28 на тот момент, остальные должны были подтягиваться по мере возможности (идея «двухскоростной Европы»)³⁶. Париж активно поддержал инициативу председателя Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера по созданию Фонда европейской обороны, выдвинутой в октябре 2016 г. Фонд был призван поощрять

³² Agence européenne de défense.

³³ Traité de Lisbonne modifiant le traité sur l'Union européenne, le traité instituant la Communauté européenne et certains actes connexes, signé à Lisbonne le 13 décembre 2007.

³⁴ Charillon F. Introduction // La France dans le monde / sous la direction de F. Charillon. Paris, 2021. P. 18, 38.

³⁵ Zajec O. Op. cit. P. 61—62.

³⁶ Pflimlin F. Sommet de Versailles. Pour une Europe à plusieurs vitesses // Le Monde. 07.III.2017. URL: https://www.lemonde.fr/europe/article/2017/03/07/sommet-de-versailles-pour-une-europe-a-plusieurs-vitesses_5090248_3214.html (дата обращения: 06.06.2022).

совместные разработки в области вооружений и тем самым уменьшить необходимость закупок оружия у США³⁷. Вместе с тем Ф. Олланд, по общему мнению французских экспертов, был еще более проамериканским президентом, чем Н. Саркози. Он продолжил курс на сближение с НАТО, в частности, при нем были одобрены протоколы к Североатлантическому договору, вновь позволяющие натовским структурам пользоваться им-мунитетами и привилегиями на территории Франции³⁸.

Одной из главных причин такого «атлантического дрейфа» страны в широком плане было стремление правящих элит вписаться в однополярный мировой порядок, строившийся Соединенными Штатами после исчезновения СССР. Большую роль играло и растущее осознание ограниченности военных возможностей Франции. Во время франко-британской интервенции в Ливии в 2011 г. явно потребовалась поддержка США и НАТО, как и в ходе начатой в 2014 г. французской антиджихадистской операции «Бархан» в регионе Сахеля в Африке.³⁹ Вместе с тем усиление трансатлантической солидарности рассматривалось Парижем как необходимость по мере усиления Китая и России. После событий на Украине в 2014 г. тезис об императивности противодействия «российской угрозе» превратился для большей части правящих элит Франции в своего рода аксиому. Профессор Американского университета в Париже Ф. Голуб добавляет к указанным причинам политику США, придающую экстратерриториальный характер американским санкциям. «Она окончательно лишала Францию минимальной автономии, которой та располагала со времени генерала Ш. де Голля»⁴⁰.

«Атлантическая» тенденция была значительно сильнее «европеистской» и фактически блокировала ее субстантивное развитие. К моменту избрания Э. Макрона в мае 2017 г. главой государства на первый срок подавляющее большинство французских политиков, экспертов и журналистов считали, что ЕС за 60 лет существования очень мало продвинулся по пути превращения в политическую державу, не говоря уже о военной составляющей. В целом, в стране превалировал скептицизм в отношении перспектив «европеизма». Э. Макрон еще в своей книге «Революция», изданной в 2016 г. одновременно с приходом к власти в США Д. Трампа, выражал убеждение в необходимости достижения самостоятельности Европы» в политической и военной областях, ссылаясь, прежде всего, на сдвиг в экономических и геополитических приоритетах США в сторону Азии⁴¹. Лозунг Д. Трампа *America first*, его критические высказывания в адрес НАТО лишь укрепили это его убеждение.

В сентябре 2017 г. в выступлении в Университете Сорбонна уже в качестве президента Франции Э. Макрон предложил программу, открывавшую при ее реализации перспективу трансформации ЕС в квазигосударственное образование⁴². Выступление вызвало большой резонанс в стране и за рубежом, анализировалось в России. Потому представляется целесообразным отметить в нем противопоставление установкам национал-патриотов («суверенистов») «подлинного суверенитета», достижимого лишь в рамках «европейского суверенитета». Среди «ключей» к последнему на первое место была поставлена «общая оборона», Макрон призвал, в частности, сформировать «общую стратегическую

³⁷ *Pène F.* Qu'est-ce que le Fonds européen de défense? // URL: <https://www.touteleurope.eu/l-ue-dans-le-monde/qu-est-ce-que-le-fonds-europeen-de-defense/> (дата обращения: 02.07.2022).

³⁸ *Bruno R.* Ni vu, ni connu, Hollande veut réintégrer pleinement la France à l'OTAN // *Marianne*. 20.1.2016. URL: <https://marianne.net/politique/ni-vu-ni-connu-hollande-veut-reintegrer-la-france-dans-lotan> (дата обращения: 16.07.2020).

³⁹ Операция «Бархан» заменила операцию «Сервал», начатую в 2013 г. в Мали.

⁴⁰ *Golub Ph.* L'introuvable autonomie face aux Etats-Unis // *La France, une puissance contrariée / sous la direction de B. Badie et D. Vidal*. Paris, 2021. P. 173.

⁴¹ *Macron E.* Révolution. Paris, 2016. P. 57.

⁴² Initiative pour l'Europe. Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique, 26 septembre 2017 // URL: <https://www.elisee.fr/emmanuel-macron-/2017/09/26/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-> (дата обращения: 30.05.2022).

культуру», «общие силы вмешательства», общую военную доктрину и общий оборонный бюджет, а в конечном счете — автономный военный потенциал «в дополнение к НАТО»⁴³.

В течение первого президентского срока, закончившегося в апреле 2022 г., Э. Макрон активно продвигал свой европейский проект, в том числе в оборонной области. Благодаря осторожной, но реальной поддержке канцлера ФРГ А. Меркель ему удалось добиться некоторых успехов, которые уже подвергались анализу российскими исследователями⁴⁴. Наша статья лишь упомянет те из них, которые кажутся важными с точки зрения усиления военно-политического измерения ЕС: получение Фондом европейской обороны в 2021 г. бюджета в 7,9 млрд евро на следующие шесть лет; подписание в 2017 г. 23 государствами ЕС соглашения о старте PESCO в области безопасности и обороны и запуск в последующие годы в его рамках более 30 проектов; создание в 2018 г. Инициативы европейского вмешательства — аналитической ячейки, занимающейся вопросом о будущих общих силах европейского вмешательства; учреждение в том же году Европейского разведывательного колледжа.

Однако эти успехи были недостаточны, чтобы позволить говорить о серьезном продвижении к стратегической самостоятельности Европы, о которой мечтает Э. Макрон. Главным препятствием по-прежнему является НАТО, заинтересованный в военном сближении государств — членов ЕС лишь в той мере, в какой это способствует повышению их оборонных расходов и укреплению военной инфраструктуры, которую могли бы использовать ее силы. Появление в ЕС параллельных командных структур означало бы ослабление доминирующей роли США. Как пишет французский исследователь Б. Ниве, Соединенные Штаты всегда придерживались линии «поддерживать единство ЕС, когда это возможно, и его расколы, когда это необходимо»⁴⁵. Настороженно или враждебно к инициативам президента Франции относятся восточноевропейские государства-члены, особенно Польша, Чехия и прибалтийские страны, откровенно ориентирующиеся в вопросах военной защиты на Соединенные Штаты. Менее очевидной является поддержка таких инициатив со стороны ФРГ, где после прихода к власти в США Дж. Байдена вновь появилась надежда, что в «атлантическом сообществе» все вернется «на круги своя»⁴⁶.

Страхи, связанные с российской специальной военной операцией на Украине, усилили пронаатовские настроения в рамках всего ЕС, а нейтральные Швеция и Финляндия заторопились вступить в Альянс. Дж. Байден, пользуясь ситуацией, выстроил европейских союзников в одну колонну под своим руководством. В самой Франции ярые «атлантисты», которые всегда скептически относились к «европеистским» установкам главы государства, приветствуют восстановление «трансатлантического единства», а сам президент искренне или нет, но поддерживает активизацию НАТО на восточном фланге⁴⁷. Таким образом, на данном этапе «атлантическая» тенденция, которая, как показано выше, и раньше была доминирующей, полностью возобладала.

Означает ли этот триумф «атлантизма» окончательное поражение «европеизма»? Как явствует из выступления Э. Макрона в Европейском парламенте в Страсбурге в мае 2022 г., он так не считает, хотя ему приходится все время подчеркивать свое продвижение «европейской опоры» в НАТО, которая не разрушит, а укрепит Альянс⁴⁸. Определенные

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Сидоров А.С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 137–169.

⁴⁵ Nivet B. L'Europe puissance, mythes et réalités. Bordeaux, 2019. P. 146.

⁴⁶ Kuntz B. Paris et Berlin: un moteur stratégique de l'Europe en panne // La France dans le monde / sous la direction de F. Charillon. Paris, 2021. P. 88.

⁴⁷ Lassere I. La guerre en Ukraine redéfinit les priorités diplomatiques d'Emmanuel Macron // Le Figaro. 24.IV.2022. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/la-guerre-en-ukraie-redefinit-les-priorites-diplomatiques-d-emmanuel-macron-20220424> (дата обращения: 23.05.2022).

⁴⁸ Ouvry L. La difficile «voie française» au sein de l'OTAN et ses enjeux // Défense et sécurité internationale. 2022. № 158. P. 90.

основания для оптимизма у него есть, особенно в долгосрочной перспективе. В частности, повышение оборонных расходов европейских государств — членов НАТО до 2% ВВП, которого добивался Д. Трамп, сейчас становится реальностью, более того, некоторые из государств, например ФРГ, намерены превысить данную планку. Парадоксальным образом это сделает их менее зависимыми от США и НАТО в военном плане. О связи повышения военных расходов и перевооружения Европы в последнее время заговорили в официальном Брюсселе. Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель в мае 2022 г. представил Еврокомиссии предложения по поддержке европейской оборонной индустрии и унификации вооружений, реализация которых позволила бы объединению существенно продвинуться вперед по пути уменьшения зависимости от импорта вооружений (на практике главным образом из США). Символично, что, обосновывая эти предложения, Ж. Боррель сослался на то, что «НАТО порождает у нас ложное чувство безопасности»⁴⁹. Определенный импульс «европеизму» придали результаты референдума в Дании в июне 2022 г., на котором 67% голосовавших поддержали участие страны в проектах по линии «европейской обороны»⁵⁰.

Упомянутая в начале данной статьи инициатива Э. Макрона о введении принятия решений в ЕС квалифицированным большинством затрагивает вопросы бюджетно-налоговой политики, сферы безопасности и обороны. Одобрение ее позволило бы обходить оппозицию восточноевропейских государств-членов, а в более широком плане — нивелировать негативные последствия новых расширений объединения.

Следует заметить, что возможные некоторые подвижки на пути к «державе Европе» не обязательно пойдут на пользу державным интересам Франции. Она могла рассчитывать на лидерство в ЕЭС при де Голле, когда объединение насчитывало шесть членов. В нынешнем ЕС, состоящем из 27 государств, ее шансы на это весьма призрачны. Особенно важно, что претензии Франции на такое лидерство вряд ли потерпит ФРГ, которая превосходит ее в экономическом плане. Но как бы там ни было, у Э. Макрона после переизбрания на пост президента в апреле 2022 г. есть еще почти пять лет для новых попыток подвинуть ЕС к стратегической самостоятельности, которая остается для него важнейшей внешнеполитической целью.

Библиография / References

Борко Ю.В. Евросоюз в XXI веке. Прошлые успехи не гарантируют будущего // Проблемы европейской безопасности. 2016. № 1. С. 3–16.

Манойло А.В. Современные подходы Европейского союза к созданию собственных вооруженных сил // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 75–94.

Никуличев Ю.В. Пробуждение «спящей красавицы». Программа PESCO между атлантизмом и европеизмом // Проблемы европейской безопасности. 2018. № 3. С. 47–63.

Пархалина Т.Г. Европа в эпоху геополитической неопределенности. Введение // Проблемы европейской безопасности. Сборник научных трудов. 2018. № 3. С. 6–21.

Рубинский Ю.И. Национальная идея в политической культуре Франции. М., 2004.

Рубинский Ю.И. Франция: время Саркози. М., 2011.

Обишкина Е.О. Внешняя политика Эммануэля Макрона: поиски геополитической стратегии в разладившейся мировой иерархии // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3. С. 235–274.

Сидоров А.С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 137–169.

⁴⁹ *Strobants J.-P.* Défense: la Commission dévoile son projet pour réarmer le continent // Le Monde. 18.V.2022. URL: https://www.lemonde.fr/economie/article/2022/05/18/defense-la-commission-devoile-son-projet-pour-rearmer-le-continent_6126679 (дата обращения: 30.06.2022).

⁵⁰ *Référendum. Le Danemark va rejoindre la défense européenne* // Courier international. 02.VI.2022. URL: <https://www.Courrierinternational.com/article/referendum/le-danemark-va-rejoindre-la-defense-europeenne> (дата обращения: 23.07.2022).

Borko Yu.V. Evrosoyuz v XXI veke. Proshliye uspehi ne garatiruyut budutzhego [European Union in the 21st century. Past successes do not guarantee the future] // Problemy evropeiskoi bezopasnosti [Problems of European Security]. 2016. № 1. S. 3–16. (In Russ.)

Manoilov A.V. Sovremenniy podhody Evropeyskogo soyuza k sozdaniyu sobstvennykh vooruzhennykh sil [Modern approaches of the European Union to the creation of its own armed forces] // Aktualnie problemi Evrope [Current problems of Europe]. 2020. № 4. S. 75–94. (In Russ.)

Nikulichev Yu.V. Probuzhdeniye spychei krasavitsi. Programma PESCO mezhdru atlantismom et evropeismom [Awakening of the “sleeping beauty”. PESCO program between Atlanticism and Europeanism] // Problemy evropeiskoi bezopasnosti [Problems of European security]. 2018. № 3. S. 47–63. (In Russ.)

Obichkina E.O. Vneshnyaya politika Emmanuelya Makrona: poiski geopoliticheskoi strategii v razladi-vsheysya mirivoi ierarhii [Foreign policy of Emmanuel Macron: the search for a geopolitical strategy in a disordered world hierarchy] // Aktualnie problemi Evrope [Current problems of Europe]. 2021. № 3. S. 235–274. (In Russ.)

Parhalina T.G. Evropa v epohu geopoliticheskoi neopredelennosti. Introduction [Europe in the Age of Geopolitical Uncertainty. Introduction] // Problemy evropeiskoi bezopasnosti [Problems of European security]. 2018. № 3. S. 6–21. (In Russ.)

Rubinsky Yu.I. Frantsiya: vremya Sarkozy [France: the time of Sarkozy]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Rubinsky Yu.I. Natzinalnaya ideya v politicheskoi kulture Frantsii [National idea in the political culture of France]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Sidorov A.S. “Evropeiskaya oborona” cherez prizmu frantsuzskikh interesov i vozmozhnostey [European defense through the prism of French interests and capabilities] // Aktualnie problemi Evrope [Current problems of Europe]. 2020. № 4. S. 137–169. (In Russ.)

Adamczyk M. 1961, l'échec du “Plan Fouchet”, Enseigner de Gaulle // URL: <https://enseigner.charles-de-gaulle.org/1961-lechec-du-plan-fouchet> (access date: 10.06.2022).

Agence européenne de défense // URL: https://www.european-union.europa.eu/institutions-law-budget/institutions-and-bodies-profiles/eda_fr (access date: 12.07.2022).

Bozo F. La politique étrangère de la France depuis 1945. Flammarion, 2019.

Bruno R. Ni vu, ni connu, Hollande veut réintégrer pleinement la France à l'OTAN // Marianne. 20.1.2016. URL: <https://marianne.net/politique/ni-vu-ni-connu-hollande-veut-reintegrer-la-france-dans-lotan> (access date: 16.07.2020).

Charillon F. Guerres d'influence. Les Etats à la conquête des esprits. Paris, 2022.

Charillon F. Introduction // La France dans le monde / sous la direction de F. Charillon. Paris, 2021. P. 9–26.

Charles de Gaulle. Paroles publiques. URL: https://www.fresque.ina.fr/de-gaulle/fiche-media/Gaulle_001161/discours-de-pnom-pen.html (access date: 30.05.2022).

De Gaulle Ch. Memoires de guerre. Vol. 1. L'Appel. Paris, 1954.

Debré M. Le pouvoir politique. Paris, 1977.

Discours du Président de la République à l'occasion de la Conférence sur l'avenir de l'Europe, Strasbourg, le lundi 9 mai 2022 // URL: <https://www.presidente-francaise.concilium.europa.eu/fr/actualites/discours-du-president-de-la-republique-a-l-occaionde-la-conference-sur-l-avenir-de-l-europe> (access date: 25.06.2022).

Duby G. Histoire de France. Paris, 1970.

Dumoulin A., Gros-Verheide N. La politique européenne de sécurité et de défense commune. Bruxelles, 2017.

Duverger M. La monarchie républicaine ou comment les démocraties se donnent des rois. Paris, 1974.

Gerbé P. Jean Monnet – Charles de Gaulle. Deux conceptions de la construction européenne // G. Bossuet, A. Wilkens. Jean Monnet et les chemins de la paix. Paris, 1999. P. 411–433.

Golub Ph. L'introuvable autonomie face aux Etats-Unis // La France, une puissance contrariée / sous la direction de B. Badie et D. Vidal. Paris, 2021. P. 167–174.

Hassenberg B. Histoire du Conseil de l'Europe. Strasbourg, 2015.

Initiative pour l'Europe. Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique, 26 septembre 2017 // URL: <https://www.elisee.fr/emmanuel-macron-/2017/09/26/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-> (access date: 30.05.2022).

Kuntz B. Paris et Berlin: un moteur stratégique de l'Europe en panne // La France dans le monde / sous la direction de F. Charillon. Paris, 2021. P. 86–93.

Lassere I. La guerre en Ukraine redéfinit les priorités diplomatiques d'Emmanuel Macron // Le Figaro. 24.IV.2022. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/la-guerre-en-ukraie-redefinit-les-priorites-diplomatiques-d-emmanuel-macron-20220424> (access date: 23.05.2022).

Lefebvre M. La politique étrangère de la France. Paris, 2019.

- Lequesne Ch.* Récurrences et changements dans l'engagement européen // *La France, une puissance contrariée / sous la direction de B. Badie et D. Vidal.* Paris, 2021. P. 72–80.
- Macron E.* Révolution. Paris, 2016.
- Nivet B.* L'Europe puissance, mythes et réalités. Bordeaux, 2019.
- Ouvry L.* La difficile “voie française” au sein de l'OTAN et ses enjeux // *Défense et sécurité internationale.* 2022. № 158. P. 88–95.
- Pène F.* Qu'est-ce que le Fonds européen de défense? // URL: <https://www.touteleurope.eu/l-ue-dans-le-monde/qu-est-ce-que-le-fonds-europeen-de-defense/> (access date: 02.07.2022).
- Peyrefitte A.* C'était de Gaulle. T. 1. La France redevient la France. Paris, 1994.
- Pflimlin F.* Sommet de Versailles. Pour une Europe à plusieurs vitesses // *Le Monde.* 07.III.2017. URL: https://www.lemonde.fr/europe/article/2017/03/07/sommet-de-versailles-pour-une-europe-a-plusieurs-vitesses_5090248_3214.html (access date: 06.06.2022).
- Référendum. Le Danemark va rejoindre la défense européenne // *Courrier international.* 02.VI.2022. URL: <https://www.Courrierinternational.com/article/referendum/le-danemark-va-rejoindre-la-defense-europeenne> (access date: 23.07.2022).
- Statut du Conseil de l'Europe, 5 mai 1949. Strasbourg, 2012.
- Strobants J.-P.* Défense: la Commission dévoile son projet pour réarmer le continent // *Le Monde.* 18.V.2022. URL: https://www.lemonde.fr/economie/article/2022/05/18/defense-la-commission-devoile-son-projet-pour-rearmer-le-continent_6126679 (access date: 30.06.2022).
- Thomann P.-E.* Le couple franco-allemand et le projet européen. Paris, 2015.
- Traité de Lisbonne modifiant le traité sur l'Union européenne, le traité instituant la Communauté européenne et certains actes connexes, signé à Lisbonne le 13 décembre 2007 // URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/projets/PL%20690%20traite.pdf> (access date: 25.06.2022).
- Traité entre la Belgique, la France, le Luxembourg, les Pays-Bas et le Royaume-Uni de Grande Bretagne et l'Irlande du Nord signé le 7 mars 1948 // URL: https://www.cvce.obj/trate_de_bruxelles_17mars_1948-fr-3467de5e-9802-4b65-8076-778bc79164d3.html (access date: 20.05.2022).
- Traité sur l'Union européenne, signé à Maastricht le 7 février 1992 // URL: <https://www.eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/T?uri=lex%3A11992M%2FTXT> (access date: 11.06.2022).
- Vaïsse M.* Une puissance moyenne? // *La France, une puissance contrariée / sous la direction de B. Badie et D. Vidal.* Paris, 2021. P. 95–102.
- Wieder Th.* 1966: la France tourne le dos à l'OTAN // *Le Monde.* 10.III.2009. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2009/03/10/1996la-france-tourne-le-dos-a-l-otan_1165992_3210.html (access date: 30.06.2022).
- Zajec O.* La variable atlantiste // *La France, une puissance contrariée / sous la direction de B. Badie et D. Vidal.* Paris, 2021. P. 54–63.

© 2023 г. **О.Е. ТРОФИМОВА**

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ШВЕЙЦАРИИ ДО НАЧАЛА 2000-х годов

Трофимова Ольга Ефимовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия).

E-mail: olgatrofimova53@mail.ru

Scopus Author ID: 55480331900; ORCID: 0000-0001-8788-5064; Researcher ID: J-3387-2017

Аннотация. Тема исторических особенностей швейцарской экономики до XXI в. практически не исследована в отечественной научной литературе и является актуальной, так как опыт превращения Швейцарии из отсталого государства в одно из самых развитых и конкурентоспособных представляет большой интерес для научного сообщества. Автор поставил перед собой цель исследовать особенности формирования многонационального и поликонфессионального союза территорий (кантонов) в федеративное государство, которые оказали непосредственное влияние на развитие капиталистических отношений, индустриализацию Швейцарии, особую нишевую специализацию экономики и ее конкурентоспособность. В статье выделена связь швейцарского федерализма со структурой «снизу вверх», политики нейтралитета и прямой демократии с новыми трендами в отраслевой и экспортной специализации, ростом сферы услуг, включая финансовый и банковский сектора. Особое внимание обращается на политическое и экономическое балансирование Конфедерации между союзниками — странами Антанты и коалицией Центральных держав в период Первой мировой войны и антигитлеровской коалицией и странами «оси» во Второй мировой войне, что позволило ей сохранить и успешно развивать свою экономику. В статье выделяется ряд факторов, определивших основные тенденции экономического развития страны. Автор использует официальные статистические документы и интернет-ресурсы. В работе делается вывод о связи исторического развития Швейцарии на общенациональном и кантональном уровнях с ее успехами в области экономики. Нетипичный подход швейцарцев к прагматичному использованию недостатков, их особая идентичность и менталитет, сформировавшиеся в течение длительного исторического периода, также сыграли важную роль в создании швейцарской экономической модели.

Ключевые слова: Швейцария, федерализм, нейтралитет, индустриализация, экспортная специализация, экономика, интернационализация, сфера услуг, экономическое развитие.

О.Е. Trofimova

The Historical and Political Peculiarities of the Swiss Economic Development until the early 2000s

Olga Trofimova, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: olgatrofimova53@mail.ru

Scopus Author ID: 55480331900; ORCID: 0000-0001-8788-5064; Researcher ID: J-3387-2017

Abstract. The study of the historical characteristics of the Swiss economy and its development up to the twenty-first century has not been thoroughly examined by either Soviet or Russian scholars and is highly topical due to the fact that the transformation of Switzerland from a backward economy to one of the most advanced and competitive countries is of considerable interest to the academic community. The goal is to examine and analyse the characteristics of the evolution of a multi-ethnic and multi-confessional union into a federal state, which have directly influenced the development of capitalist relations, the industrialisation of Switzerland, its particular niche specialisation and competitiveness. The author also draws the attention to the political and economic equilibration of the 'neutral' Confederation between the Central Powers led by Germany and Entente countries and Allies and the Axis during the two world wars, which allowed its economy to be safeguarded and successfully grown. A number of factors determining the country's main economic development trends are identified in the article. The conclusion is drawn that there is a linkage between Switzerland's national and regional historical development and its economic success. The Swiss peculiar approach to pragmatic exploitation of weaknesses and disadvantages, its particular identity and the mentality that has developed over a long historical period, have played a crucial role in the creation of the Swiss economic model.

Keywords: Switzerland, federalism, neutrality, industrialisation, export specialisation, economy, internationalisation, services.

Многие исследователи подчеркивают, что конкурентоспособность и политическая стабильность являлись ключевыми факторами успешного развития экономики Швейцарии в XIX–XX вв. Уникальность ситуации состоит в том, что Швейцария, не имеющая полезных ископаемых, выхода к морю и условий для развития сельского хозяйства, но располагающая выгодным географическим положением, смогла из отсталого государства превратиться в одну из самых развитых стран Европы. Существовали и другие предпосылки экономических успехов Швейцарии. В первую очередь это исторические особенности формирования швейцарского государства и его экономики. Дело не только в том, что географические особенности альпийского региона вынудили небольшие общины самоорганизоваться экономически и политически в союз, а затем в Конфедерацию и создать особую трехуровневую систему федерализма (центральная власть — кантоны — муниципалитеты). Умение швейцарцев «превращать недостатки в достоинства» и особый швейцарский менталитет, трудовая и предпринимательская культура имели важное значение для достижения экономических успехов. Согласно некоторым экономическим теориям предполагают, что процветание страны зависит в конечном счете от качества человеческого капитала, уровень которого в Швейцарии достаточно высокий, а также от условий и особенностей его формирования, в том числе системы образования и подготовки кадров¹.

Швейцарский союз — одно из немногих государств Европы с гетерогенной структурой мирно сосуществующего населения, состоящего из трех основных национальностей, говорящих на своих языках. Кроме того, 0,5% населения до сих пор используют романский или ретороманский язык (в кантоне Граубюнден). Постоянно присоединяя территории монархий и герцогств Германии, Франции и Италии, союз стремился сохранить свое единство.

Хронологический подход в изучении экономики Швейцарии не всегда отражает особенности этого процесса. Более полную картину может дать конструктивный междисциплинарный подход. В данном исследовании мы остановимся на периоде XIX–XX вв., когда началось формирование капиталистических отношений и новых отраслей промышленности в Швейцарии.

1803 г. часто рассматривают в качестве исходной точки, от которой ведет свою историю современная Швейцария и связанное с ней развитие основ ее экономики. Можно выделить две важные даты этого периода. Первая — это 1815 г., когда 22 суверенных

¹ См. подробнее: *Straumann T.* Pourquoi la Suisse est-elle riche? L'histoire économique nous répond // *Revue de politique économique*. 2010. № 1/2. P. 4–8.

кантона заключили между собой межгосударственный союз (Staatenbund), утвержденный на Венском конгрессе европейских государств. Этот союз просуществовал до создания нынешнего федеративного государства (Bundesstaat) и принятия Конституции в 1848 г. Исполнительная власть стала принадлежать союзному совету (Bundesrat). Венский конгресс признал «постоянный нейтралитет» Швейцарии. Это был период Реставрации разобщенного конфликтами и наполеоновскими войнами государства.

В 1820 г. население Швейцарии составляло около 2 млн человек, а ВВП на душу населения оценивался в 1090 долл.² Эта цифра была выше, чем в Норвегии, но меньше, чем в Великобритании, Нидерландах, Бельгии, Австрийской империи, где индустриализация началась раньше, чем в Швейцарии (в середине XVIII в.). В 1820 г. Конфедерация вышла на 10-е место по доходу на душу населения среди европейских стран, Японии и США³. В отдельных городах и кантонах уже формировалась промышленность — текстильная и часовая.

Вторая важная для истории Швейцарии дата — это 1830 г. Она стала переходным моментом от Реставрации (1815—1830), когда существовало равновесие старых патриархальных традиций с новыми тенденциями, к так называемой Регенерации (1830—1847), в рамках которой были заложены основы современной Швейцарии.

Экономическая разобщенность кантонов мешала успешному развитию капитализма в Швейцарии, в то время отстававшей от соседних стран. Во многих кантонах сохранялось патриархальное сельское хозяйство с элементами феодального землевладения. В этот период в стране одновременно существовали феодальный уклад в сельском хозяйстве в горных кантонах и капиталистический с развивающейся промышленностью и торговлей в городах, где уже формировались основы банковского сектора за счет доходов от торговли.

В середине XIX в. движение за создание единого государства привело к гражданской войне между либеральными протестантскими кантонами и консервативными католическими. После победы протестантских кантонов в 1848 г. была принята новая Конституция, и страна из слабого союза превратилась в федеративное государство, где отменялись торговые ограничения и передвижение людей, вводилось всеобщее избирательное право, но только для мужчин. С этого момента развитие капитализма начинается куда более быстрыми темпами.

Формирование капиталистических отношений привело к созданию «системы Эшера», для которой были характерны слияние бизнеса и политики и создание олигархических кланов. А. Эшер, «классический» «олигарх», стал инициатором строительства железных дорог частными компаниями и создал банк, который сейчас известен под названием Credit Suisse. Он также разработал общие правила концессии для частных компаний, привлеченных для строительства железных дорог. Особенностью «системы Эшера» можно считать слияние политики и экономики, когда политическое влияние является условием для личного экономического благосостояния и обогащения.

Демократическая оппозиция критиковала эту систему и требовала предоставить народу право законодательной инициативы и вынесения на референдумы законов, принятых парламентами, включая проекты бюджетов и налогов. Она выступала за разделение властей, создание независимых банков в кантонах, защиту прав трудящихся и введение прогрессивной налоговой шкалы. Эти требования противоречили «системе Эшера» и интересам олигархов и привели к ее демонтажу. В 1898 г. были национализированы железные дороги и создана государственная компания «Федеральные железные дороги Швейцарии». Обострение отношений между либералами-реформаторами и консервативными демократами закончилось проведением либеральных конституционных реформ.

С 1870 г. по 1913 г. наблюдался быстрый рост швейцарской экономики и торговли по сравнению с другими странами, где индустриализация началась раньше. Так, в 1870—1913 гг.

² Weder B., Weder R. Switzerland's Rise to a Wealthy Nation. Competition and Contestability as Key Success Factors // Research Paper. 2009. № 25. P. 5.

³ The World Economy / ed. A. Maddison. Paris, 2003; Vol. 1. P. 263; Vol. 2. P. 438.

рост торговли в Швейцарии составил 418%, в то время как в Великобритании и Франции — только 222%, Италии — 158%, Норвегии — 283%, но меньше, чем в Германии (465%)⁴. Импорт оборудования из Великобритании позволил Швейцарии активно развивать текстильную промышленность. В эту эпоху, еще до появления механизированного централизованного фабричного производства, в Швейцарии процветал надомный капитализм в текстильной промышленности. Эта продукция наряду с часами и шоколадом стала и остается одним из основных нишевых товаров страны.

В 1913 г. Швейцария по уровню дохода на душу населения вышла на третье место после США и Великобритании⁵. Швейцарские компании стали использовать стратегию специализации и экспортной ориентации, выбранную из-за узости внутреннего рынка. Индустриализация во второй половине XIX в. привела к созданию крупных банков, в том числе кантональных, и страховых компаний. Накопление капитала за счет посреднических операций и квалифицированный человеческий капитал, включая мигрантов из соседних стран, содействовали индустриализации. В этот период невозможно было рассматривать швейцарскую экономику, взаимосвязанную с соседними странами, как однородную структуру, но «экономическое развитие оставалось несбалансированным»⁶. Это было связано со специализацией на производстве одного спектра нишевых товаров.

В конце XIX в. из-за экономической депрессии в Швейцарии была одобрена политика «национального выравнивания» для защиты некоторых отраслей от глобальной конкуренции. Стали выдаваться сельскохозяйственные субсидии, возникли протекционистские барьеры в импорте, появились контролируемые государством кантональные банки и первые картели. Торговые барьеры и сельскохозяйственные субсидии означали постепенное превращение Швейцарии из либеральной страны в протекционистскую.

В 1913 г. Швейцария располагала «явными сравнительными преимуществами» в обрабатывающей промышленности в Европе. Она имела сильные позиции в секторах, созданных в период первой индустриальной революции (текстильная, часовая промышленность), и в отраслях, получивших развитие в конце XIX в. (химическая, электротехническая промышленность и машиностроение)⁷. В 1870-е годы в промышленности было занято 40% экономически активного населения⁸.

Швейцария выигрывала от развития гидроэнергетики, финансового сектора и банковской системы, делала упор на производство «нишевой» качественной продукции с высокой добавленной стоимостью. В этот период начался процесс диверсификации экономики и переход Конфедерации от протекционизма к либеральной экономической политике, что стимулировало рост торговли, доля которой в ВВП превысила 60%⁹.

Период структурных изменений в экономике пришелся на 1913–1950 гг. Он коснулся текстильной промышленности, игравшей важную роль в индустриализации страны. Однако после 1918 г. металлургия и машиностроение превратились в ведущие отрасли экономики. Их успех был связан с использованием и адаптацией иностранных технологий к швейцарским особенностям, таким как преобладание гидроэнергетики.

Уменьшение значения текстильной отрасли стало значительным событием в экономике Швейцарии того периода. Развитие химической промышленности привело к появлению

⁴ Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени / под ред. С. Бродберри, К.О. Рурка. Т. 2. М., 2014. С. 19.

⁵ The World Economy. Vol. 1. P. 186.

⁶ Кембриджская экономическая история Европы... Т. 2. С. 148.

⁷ David T., Mach A. Institutions and Economic Growth: The Successful Experience of Switzerland (1870–1950). February 2006 // URL: https://www.researchgate.net/publication/23547694_Institutions_and_Economic_Growth_The_Successful_Experience_of_Switzerland_1870-1950 (дата обращения: 10.02.2022).

⁸ Müller M. Specialisation and multinationalisation: Switzerland's changing competitive advantage since the late 19th century // Revue française d'histoire économique. 2015. № 1. P. 62.

⁹ Ibidem.

фармацевтической отрасли, а машиностроения — к электротехнической, т.е. традиционные отрасли стали трансформироваться в более перспективные и конкурентоспособные. Часовая промышленность по-прежнему сохранила свое значение в экономике и внешней торговле, но осталась представленной мелкими и средними узкоспециализированными предприятиями.

Реализация инфраструктурных проектов, особенно в области электрификации и транспорта, способствовала привлечению долгосрочных инвестиций из немецких и местных банков. Важную роль в экономическом развитии играли государственные структуры: с 1890 г. муниципалитеты и кантоны контролировали производство и распределение электроэнергии и газа. Такие экономические ассоциации, как Торгово-промышленная федерация, Ассоциация малого бизнеса, Федерация профсоюзов, Союз фермеров, также участвовали в принятии решений в области экономики. Для индустриализации Швейцария привлекала иностранную рабочую силу. До Первой мировой войны каждый седьмой житель страны был иностранцем¹⁰.

Нейтралитет в Первую мировую войну и гибкий федерализм Конфедерации, где немецкий, французский и итальянский языки являлись официальными, позволили ей в условиях войны сохранить единство и экономику, получать прибыль от поставок всем воюющим странам. В этот период наблюдался рост в сфере услуг и особенно в финансовом секторе, что привело к превращению страны в финансовый и банковский центр мирового значения.

В 1920 г. средний душевой доход был в 5 раз меньше, чем в 2008–2009 гг., а население — в 2 раза меньше. Две трети активного населения занимались сельским хозяйством, на которое приходилось 26% производства, а четверть — в промышленности и ремеслах. Их доля в экономике составляла 44%¹¹. В 1920 г. Швейцария вступила в Лигу Наций.

Экономическая политика Швейцарии носила двойственный характер, с одной стороны, она защищала слабые отрасли (сельское хозяйство, строительство, локальные рынки), а с другой — конкурентоспособные отрасли ориентировались на внешние рынки (текстильная, часовая, химическая промышленность; машиностроение, банки и страховые компании). Ряд протекционистских мер был принят во время мировых войн и экономического кризиса 1929–1930 гг. Селективный протекционизм долгое время был характерен для швейцарской экономики. Однако процессы интернационализации экономики страны отразились на ее специализации в пользу новых, быстро растущих отраслей и их экспортной ориентации. Доля текстильной промышленности снизилась в экспорте страны с 46% в 1900 г. до 13,7% в 1952 г., а доля машиностроения в экспорте выросла с 6,2% до 20,8%, химической продукции — с 4,5% в 1913 г. до 14,8% в 1952 г.¹²

С конца XIX в. характерной чертой экономики Швейцарии стала специализация на производстве нишевой продукции с высокой добавленной стоимостью благодаря квалифицированному человеческому капиталу и системе профессионально-технической подготовки, созданной в 1880-е годы при поддержке государства и связанных с ним структур, таких как Ассоциация малого бизнеса. «Децентрализованный характер швейцарской политической системы с его федералистской структурой в дальнейшем оказал положительное влияние вплоть до того, что предпочтение было отдано государственно-частному партнерству на кантональном уровне»¹³.

В предвоенное десятилетие в экономике Швейцарии наблюдался застой, сократился экспорт. Депрессия затронула практически все отрасли — сельское хозяйство, промышленность и кредитно-финансовый сектор. Помощь национальной экономике расширила роль и полномочия Федерального Совета в системе политических институтов, появились

¹⁰ Райнхардт Ф. История Швейцарии. М., 2013. С. 112.

¹¹ Straumann T. Op. cit. P. 4.

¹² Müller M. Op. cit. P. 63.

¹³ David T., Mach A. Op. cit. P. 14.

идеи улучшения политического устройства страны с мощной исполнительной властью. Стала выраженной приверженность государству, «основанному не на “крови и почве”, а на надэтническом образе мыслей граждан»¹⁴.

Перед Второй мировой войной активизировалась внешнеэкономическая деятельность Швейцарии. Предприниматели пытались «компенсировать потерю американских, английских, французских рынков сбыта сотрудничеством с нацистской Германией и фашистской Италией, на которые приходилось почти 29% швейцарского экспорта»¹⁵. В 1938 г. правительство объявило о политике «интегрального нейтралитета», означавшего отказ от участия в экономических и финансовых санкциях против Германии.

Попытки США и Великобритании убедить Швейцарию прекратить контакты с Германией закончились неудачей. Страна продолжала балансировать между двумя воюющими блоками. Еще в августе 1940 г. она подписала соглашение о предоставлении Германии кредитов на оплату швейцарского экспорта промышленной продукции, в том числе военного назначения, взамен на поставки немецкого угля, от которого на 80% зависела швейцарская экономика. В 1945 г. сумма клиринговых кредитов достигла 1121 млн шв. франков для Германии и 340 млн для Италии¹⁶. Это означало нарушение нейтралитета и финансирование нацистской Германии, которой было позволено открывать золотые счета в банках, — это было украденное золото Нидерландов и Бельгии. Нейтралитет оказался выгодным для торговли во время войны, а доходы от нее привели к накоплению капиталов.

После Бреттон-Вудской конференции (1944), на которую не были приглашены нейтральные государства, курс Швейцарии стал более сбалансированным. В качестве «компенсации» за трансфер золотых запасов из Германии страна обязалась выплатить «в счет восстановления Европы 250 млн шв. франков»¹⁷. Были ликвидированы счета немецких граждан в швейцарских банках.

В 1945 г. страна оказалась изолированной на международной арене из-за связей с Третьим рейхом и фашистской Италией. Для выхода из изоляции и для разблокировки замороженных еще в 1941 г. США швейцарских банковских счетов Швейцария вступила в переговоры, чтобы добиться исключения ее из международного «черного списка» стран, сотрудничавших с гитлеровской Германией, на основании которого швейцарские фирмы подвергались бойкоту на мировом рынке. После этого Швейцария возобновила внешнеэкономические отношения с Францией, США, ЮАР и др. странами. Франция стала главным торговым партнером в 1945 г., ей был предоставлен кредит в 250 млн франков для содействия французского экспорта в Швейцарию¹⁸.

Из-за высокой востребованности экспортной продукции швейцарские предприятия столкнулись с нехваткой рабочей силы, и в июне 1948 г. с Италией было подписано соглашение об иммиграции итальянских рабочих в Швейцарию. В то же время правительство придерживалось политики сокращения иностранного населения в соответствии с Федеральным законом о проживании и расселении иностранцев от 26 марта 1931 г. В 1920 г. доля иностранцев в населении страны составляла 10,5%, а к концу 1945 г. снизилась до 5%¹⁹.

После Второй мировой войны в Швейцарии стали расти объем внешней торговли и капиталовложения. Среднегодовой рост экспорта составлял более 10% в 1949—1958 гг.²⁰

¹⁴ Райнхардт Ф. Указ. соч. С. 116.

¹⁵ Петров И.А. Экономика Швейцарии и Вторая мировая война // URL: https://www.swissinfo.ch/rus/вопросы-истории_экономика-швейцарии-и-вторая-мировая-война/43114842 (дата обращения: 25.02.2022).

¹⁶ Perrenoud M. L'économie suisse et la neutralité à géométrie variable // Matériaux pour l'histoire de notre temps. Importance des relations économiques extérieures au début du XX siècle. 2009. № 1. P. 81.

¹⁷ Петров И.А. Указ. соч.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Perrenoud M. Op. cit. P. 84.

²⁰ L'Economie Suisse. 1946—1986. Chiffres, faits, analyses. Zurich, 1987. P. 14.

Начались десятилетия экономических успехов, переход к структурным изменениям на фоне периодических кризисных явлений, связанных с мировой конъюнктурой.

В 1940–1950-х годах страна активно включается в систему международных связей и вступает в международные экономические организации: Генеральное соглашение по торговле и тарифам в 1959 г. (с 1995 г. – Всемирная торговая организация), в 1948 г. в Организацию европейского экономического сотрудничества, в 1960 г. в Европейскую ассоциацию свободной торговли, в 1972 г. заключила первое соглашение о свободной торговле с ЕЭС²¹. В дальнейшем Швейцария подписала два пакета соглашений с ЕС, получила доступ к европейскому рынку без вступления в организацию²².

В 1950-е годы ежегодный рост ВВП в Швейцарии составлял в среднем 5%²³. Высокий рост ВВП наблюдался и в 1960-е годы (4–4,3% в год). Важным показателем роста производства являлось увеличение энергопотребления и сырья, занятости, что было связано с новыми тенденциями в сельском хозяйстве, промышленности и сфере услуг. Укреплению экономических и финансовых позиций способствовала политика нейтралитета. Суэцкий кризис привел к росту международной роли страны на финансовых рынках: в 1956 г. Египет и ряд ближневосточных стран перевели свои капиталы из банков Англии и Франции в Национальный банк Швейцарии.

Политическая стабильность, твердая валюта, льготное налогообложение сыграли важную роль в создании финансовой системы и конфиденциальности швейцарских банков. «Экономические кризисы приводили к исчезновению мелких, средних и ряда крупных банков и ко все большей концентрации и централизации банковского капитала»²⁴. Швейцария также нашла свою нишу в экспорте услуг: оказание консультаций по управлению, страхованию банковских услуг и др. После двух успешных послевоенных десятилетий и энергетического кризиса страна приступила к структурным изменениям и к ориентации на сектор услуг.

Таким образом, после 1945 г. в Конфедерации наступили десятилетия экономического процветания, в том числе благодаря нейтралитету. Избыток капитала в Швейцарии и трудности, с которыми столкнулись страны, затронутые войной, привели к поиску новых направлений для экспорта товаров и капиталов. Стране удалось занять часть рынков в ЮАР, несмотря на международные санкции против последней из-за политики апартеида. Производственные мощности страны не были затронуты войной, что способствовало росту внешнеторговых связей. «Нейтралитет и банковская тайна стали основой национальной идентичности»²⁵.

Холодная война позволила преодолеть Швейцарии изоляцию и урегулировать наиболее сложные вопросы в отношениях с европейскими странами. «С конца 40-х до конца 80-х годов, в период развития различных фаз холодной войны, Швейцария неоднократно показывала, что “активный нейтралитет” — это не пустая формула, а реальный вклад в дело сохранения мира в достаточно сложных международных условиях»²⁶.

В основе экономических успехов 1870–1950-х годов лежали такие факторы, как политическая стабильность, отсутствие войн на территории страны, роль референдумов при решении важных вопросов, консолидация политических институтов. Референдумы оказались ключевым институтом до создания нынешней швейцарской политической

²¹ Switzerland... P. 18–19.

²² Трофимова О.Е. Отношения Швейцарии и ЕС: интеграция без вступления // Международная жизнь. 2018. № 11. С. 138–157.

²³ Bruttoenergieverbrauch: Anteil der Primärenergieträger und Entwicklung – 1910–2014. Bundesamt für Statistik. Neuchâtel. 2018.

²⁴ Бацунова С. Швейцария как мировой финансовый центр // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 11. С. 92.

²⁵ Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / под ред. В.Я. Швейцера. М., 2009. С. 146.

²⁶ Perrenoud M. Op. cit. P. 84.

системы, базирующейся на консенсусе, способствовали политической стабильности и предсказуемости, положительно сказывавшейся на экономическом развитии страны.

В этот период было два вида институтов власти — слабая центральная власть и экономические организации, обеспечивающие институционализацию государственно-частного партнерства. Эти «допарламентские» институты, различные политические и экономические силы участвовали в процессе принятия решений в первой половине XX в., в разработке законов до передачи их в парламент. Этот консенсус образовался как результат конфликтов, забастовок, роста рабочего движения, его доминирующей частью были правые политические партии и крупные экономические ассоциации. Ключевые отрасли находились в основном у частного капитала, а роль госсектора была относительно слабой.

После двух послевоенных десятилетий Швейцария приступила к структурным изменениям в экономике, ориентированной на сектор услуг. В 1949–1974 гг. темпы роста ВВП составляли в среднем 4,3% в год. В 1970–1979 гг. в Швейцарии наблюдались низкие темпы роста ВВП по сравнению с другими европейскими странами — менее 2%²⁷. Это было связано с медленной адаптацией страны к изменениям в мировой экономике из-за отсутствия полноценных реформ, кроме либерализации рынка капиталов и гибкого обменного курса франка.

В 1975 г. экспорт снизился на 10% в реальном выражении из-за падения спроса на швейцарские товары в результате рецессии, а ВВП упал на 7%²⁸. Средние темпы роста ВВП на душу населения составляли в 1973–1980 гг. 0,45%, в странах Западной Европы — 2,14%, в Финляндии, Норвегии, Швеции — 2,28%. Для 1980-х годов был характерен устойчивый экономический рост Швейцарии при практически полной занятости. Рост ВВП на душу населения в 1980–1990-х годах составлял в стране 1,36%, в Западной Европе — 1,84%²⁹. До конца 1980-х годов для швейцарской экономики было характерно сочетание развитого и сильно защищенного внутреннего рынка и экспортной ориентации промышленных отраслей и сферы услуг.

Крупные компании продолжали использовать стратегии роста периода протекционизма — диверсификация продукции вместе с географической диверсификацией деятельности. Поглощение компаний шло за счет других национальных компаний, в редких случаях в этом участвовали иностранные фирмы. Основной стратегией швейцарских компаний было расширение деятельности внутри страны, поэтому доля торговли в ВВП была невысокая — 36,4% для экспорта и 34,7% для импорта к началу 1990-х годов³⁰.

В 1990-е годы Швейцария открыла свой внутренний рынок для импорта и прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Швейцарские транснациональные компании (ТНК) расширили свою деятельность за рубежом. Так, с 1985 по 2000 г. доля крупных фармацевтических компаний в общей занятости снизилась с 24% до 15%, а машиностроительных компаний — с 32% до 11%³¹.

Диверсификация выпускаемой продукции крупных ТНК стала сдерживать производство. В отличие от диверсификации продукции, географическая диверсификация деятельности доказала, что использование этой стратегии было не так рискованно во время экономических неурядиц в 1970-е годы. Степень глобализации Швейцарии различалась по отраслям промышленности: химико-фармацевтические компании были глобально ориентированы, а машиностроительные ТНК — в основном на Европу. «Анализ масштабов капитализации ведущей группы швейцарских корпораций достаточно отчетливо

²⁷ L'économie Suisse. 1946–1986. Chiffres, faits, analyses. Zurich, 1987. P. 14, 21.

²⁸ Ibid. P. 21.

²⁹ Müller M. Op. cit. P. 61 (данные по Бельгии, Дании, Франции, Германии, Великобритании, Нидерландам, Австрии).

³⁰ Historical Statistics of Switzerland Online (HSSO) // URL: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/fr/home/statistiques/catalogues-banques-donnees.assetdetail.4682796.html> (дата обращения: 25.02.2022).

³¹ Müller M. Op. cit. P. 68.

свидетельствует о характере хозяйственной «нишевой специализации» этой страны в мировой экономике»³².

Глобализация коснулась и сферы услуг. В 1990-х годах выросла доля страховых и банковских учреждений в экспорте услуг и ПИИ. Изменился общий подход к прямым инвестициям Швейцарии за границей и к притоку ПИИ в страну: отток инвестиций швейцарских компаний стал восприниматься как процесс деиндустриализации и исход национальных компаний на фоне невысокого притока ПИИ в страну. Существовал определенный дисбаланс между оттоком и притоком капитала. Новой тенденцией стал рост поглощений и слияний компаний для выхода на рынки других стран.

1990-е годы были менее успешными и характеризовались длительной рецессией. В 1990–1996 гг. рост ВВП колебался от 1,4% до 0,8% в год, а в среднем составлял 0,4%³³. Уровень безработицы достиг 5,7%, что было рекордом за все послевоенное время. Особенно пострадал рынок недвижимости, а банки остались сидеть на «токсичных кредитах» на сумму более 40 млрд шв. франков³⁴. Рецессия обуславливалась активизацией научно-технической революции, стагнацией позиций в денежно-фискальной сфере, падением потребления и негибкой структурой экономики Швейцарии.

Традиционно конкурентоспособность Швейцарии была связана с возможностями экспортировать товары и услуги и инвестировать в другие страны. Ей удалось сохранить это преимущество в XX в. благодаря федеральной системе, которая привела к появлению разнообразных видов деятельности в кантонах. «Именно экономический потенциал выступал в качестве важной центростремительной силы, скрепляющей Швейцарию в качестве «политической нации»»³⁵.

* * *

Особенности исторического развития Швейцарии оказали влияние на успешное становление ее экономики. Использование опыта трансформации различных укладов и отраслей позволило стране создать высокоразвитое хозяйство, стать мировым финансовым центром. Она опиралась на уже существовавшую структуру экономики, ее нишевую специализацию, высокое качество производимой продукции, квалифицированный человеческий капитал. В основе успехов швейцарской экономики лежали исторические условия и особенности развития страны. При этом у нее не было научных центров, которые дали бы толчок появлению университетов и открытий. Важными достижениями страны стало ее умение взять все практически из ничего, выгодно использовать недостатки, ориентация на свою собственную идентичность.

Эти процессы происходили на фоне формирования гетерогенного поликонфессионального государства, но тем не менее и единого национального социума, а также особого швейцарского федерализма со структурой «снизу вверх», а не «сверху вниз», как во многих других федеральных государствах. Важной составляющей экономического успеха стало отношение к человеку как главному элементу политической и экономической жизни, который фактически руководит страной с помощью прямой демократии

³² Юданов Ю.И. Особенности швейцарской предпринимательской модели // Современная Европа. 2003. № 1. С. 65.

³³ Lambelet J.-Ch., Mihailov A. A Note on Switzerland's Economy: Did the Swiss Economy Really Stagnate in the 1990s, and Is Switzerland All That Rich? April 1999. Reading, 1999. P. 6 // URL: <https://www.audentia-gestion.fr/economie/PDF/SwissEconomy.pdf> (дата обращения: 14.03.2022).

³⁴ Экономические циклы Швейцарии: краткая история Швейцарии. URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/business/экономические-циклы-швейцарии-краткая-история/4584500> (дата обращения: 15.02.2022).

³⁵ О'Салливан Д. Швейцарский федерализм и промышленные инновации // URL: https://www.swissinfo.ch/rus/экономика-и-жизнь_швейцарский-федерализм-и-инновации/43689140 (дата обращения: 15.02.2022).

в виде референдумов. Ведь демократия «является неотъемлемым элементом швейцарской идентичности, наряду с федерализмом, кантональной автономией и политикой нейтралитета»³⁶.

Успехи швейцарской экономики были связаны с внешней ориентацией процесса индустриализации. В XX в. страна достигла высокого уровня конкурентоспособности в промышленности и сфере услуг. Еще до и во время Второй мировой войны сложилась импортозависимость Швейцарии, с одной стороны, и экспортная специализация ее высокотехнологического сегмента — с другой, на фоне защищенного внутреннего рынка. Прямые инвестиции швейцарских фирм за рубежом сыграли свою роль в определении особой позиции швейцарской экономики в международном разделении труда. Конфедерации удалось остаться привлекательной для швейцарских и иностранных ТНК, новым моментом стало ослабление традиционной связи между конкурентоспособностью компаний и конкурентоспособностью страны как места их базирования.

Библиография

Бацунова С. Швейцария как мировой финансовый центр // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 11. С. 89–94.

Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / под ред. В.Я. Швейцера. М., 2009.

Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени / под ред. С. Бродберри, К.О. Рурка. Т. 2. М., 2014.

О'Салливан Д. Швейцарский федерализм и промышленные инновации // URL: https://www.swissinfo.ch/rus/экономика-и-жизнь_швейцарский-федерализм-и-инновации/43689140 (дата обращения: 15.02.2022).

Петров И.А. Очерки истории Швейцарии. Екатеринбург, 2006.

Петров И.А. Экономика Швейцарии и Вторая мировая война // URL: https://www.swissinfo.ch/rus/вопросы-истории_экономика-швейцарии-и-вторая-мировая-война/43114842 (дата обращения: 25.02.2022).

Райнхардт Ф. История Швейцарии. М., 2013.

Трофимова О.Е. Отношения Швейцарии и ЕС: интеграция без вступления // Международная жизнь. 2018. № 11. С. 138–155.

Экономические циклы Швейцарии: краткая история Швейцарии // URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/business/экономические-циклы-швейцарии-краткая-история/4584500> (дата обращения: 15.02.2022).

Юданов Ю.И. Особенности швейцарской предпринимательской модели // Современная Европа. 2003. № 1. С. 60–69.

David T., Mach A. Institutions and Economic Growth: The Successful Experience of Switzerland (1870–1950). February 2006 // URL: https://www.researchgate.net/publication/23547694_Institutions_and_Economic_Growth_The_Successful_Experience_of_Switzerland_1870-1950 (дата обращения: 01.02.2022).

Lambelet J.-Ch., Mihailov A. Note on Switzerland's Economy: Did the Swiss Economy Really Stagnate in the 1990s, and Is Switzerland All That Rich? April 1999. Reading, 1999.

L'économie Suisse. 1946–1986. Chiffres, faits, analyses. Zurich, 1987.

Müller M. Specialisation and multinationalisation: Switzerland's changing competitive advantage since the late 19th century // Revue française d'histoire économique. 2015. № 1. P. 58–71.

Perrenoud M. L'économie suisse et la neutralité à géométrie variable // Matériaux pour l'histoire de notre temps. Importance des relations économiques extérieures au début du XX siècle. 2009. № 1. P. 77–86.

Straumann T. Pourquoi la Suisse est-elle riche? L'histoire économique nous répond // Revue de politique économique. 2010. № 1/2. P. 4–8.

The World Economy / ed. A. Maddison. Vol. 1–2. Paris, 2003.

Weder B., Weder R. Switzerland's Rise to a Wealthy Nation. Competition and Contestability as Key Success Factors // Research Paper. 2009. № 25. P. 1–24.

³⁶ Полтора столетия прямой демократии в Швейцарии // URL: https://www.swissinfo.ch/rus/politics/интерактив_полтора-столетия-прямой-демократии-в-швейцарии/41480372 (дата обращения: 15.02.2022).

References

- Baczunova S.* Shveitsariya kak mirovoj finansovy'i centr [Switzerland as world financial center] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodny'e otnoshenij* [World Economy and international relations]. 2008. № 11. S. 89–94. (In Russ.)
- Ekonomicheskie tsikly Shveitsarii: kratkaya istoriya Shveitsarii* [Economic cycles of Switzerland: short history of Switzerland] // URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/business/экономические-циклы-швейцарии-краткая-история/4584500> (access date: 15.02.2022). (In Russ.)
- Gosudarstva Al'piiskogo regiona i strany' Benilyuks v menyayushheysya Evrope* [The countries of Benelux and Alpin region in changing Europe] / pod. red. V.Ya. Shvejsera. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Kembridzhskaya e'konomicheskaya istoriya Evropy' novogo i novejshego vremeni. T. 2. 1870 – nashi dni* [The Cambridge history of modern Europe. Vol. 2. 1870 to the present] / pod red. S. Brodberri, K.O. Rurka. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Petrov I.A.* *Ekonomika Shveitsarii i Vtoraya mirovaya vojna* [The Swiss economy and World War II] // URL: https://www.swissinfo.ch/rus/вопросы-истории_экономика-швейцарии-и-вторая-мировая-война/43114842 (access date: 25.02.2022). (In Russ.)
- Reinhardt F.* *Istoriya Shveitsarii* [History of Switzerland]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Trofimova O.E.* *Otnosheniya Shveitsarii i ES: integraciya bez vstupleniya* [Switzerland-EU relations: integration without accession] // *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International life]. 2018. № 11. S. 138–155. (In Russ.)
- Yudanov Yu.I.* *Osobennosti shveitsarskoj predprinimatel'skoj modeli* [Features of the Swiss business model] // *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe]. 2003. № 1. S. 60–69. (In Russ.)
- O'Sullivan D.* *Shveitsarskij federalizm i promy'shlenny'e innovacii* [Swiss federalism and industrial innovation] // URL: https://www.swissinfo.ch/rus/e'konomika-i-zhizn'_shveitsarskij-federalizm-i-innovacii/43689140 (access date: 15.02.2022).
- David T., Mach A.* *Institutions and Economic Growth: The Successful Experience of Switzerland (1870–1950)*. February 2006 // URL: https://www.researchgate.net/publication/23547694_Institutions_and_Economic_Growth_The_Successful_Experience_of_Switzerland_1870-1950 (access date: 01.02.2022).
- Lambelet J.-Ch., Mihailov A.* *Note on Switzerland's Economy: Did the Swiss Economy Really Stagnate in the 1990s, and Is Switzerland All That Rich?* Reading, 1999.
- L'économie Suisse. 1946–1986. Chiffres, faits, analyses.* Zurich, 1987.
- Müller M.* *Specialisation and multinationalisation: Switzerland's changing competitive advantage since the late 19th century* // *Revue française d'histoire économique*. 2015. № 1. P. 58–71.
- Perrenoud M.* *L'économie suisse et la neutralité à géométrie variable* // *Matériaux pour l'histoire de notre temps. Importance des relations économiques extérieures au début du XX siècle*. 2009. № 1. P. 77–86.
- Straumann T.* *Pourquoi la Suisse est-elle riche? L'histoire économique nous répond* // *Revue de politique économique*. 2010. № 1/2. P. 4–8.
- The World Economy* / ed. A. Maddison. Vol. 1–2. Paris, 2003.
- Weder B., Weder R.* *Switzerland's Rise to a Wealthy Nation. Competition and Contestability as Key Success Factors* // *Research Paper*. 2009. № 25. P. 1–24.

DOI: 10.31857/S013038640021349-1

© 2023 г. **В.Н. ЗАЙЦЕВ**

**МОЛОДЕЖЬ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ ИРАНА
ЭПОХИ МОДЕРНИЗАЦИИ (XX–XXI века)**

Зайцев Владислав Никитич — кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: zalex93@mail.ru

Researcher ID: HCI-7436-2022

Аннотация. В статье на основе материалов на русском, английском, французском и персидском языках впервые в современной отечественной иранистике рассматриваются место и роль молодежи в социально-политической жизни Ирана минувшего и первых двух десятилетий нынешнего столетия. Для этого периода истории страны характерна последовательная модернизация всех основ государства и общества, в ходе которой автор выделяет три этапа: борьба за восстановление суверенитета и выбор путей обновления страны (1905 — начало 1960-х годов); вторая стадия модернизации через «революцию сверху» (начало 60-х — 1979 г.); системный кризис, социальный взрыв, смена государственного строя, продолжение модернизации в условиях внешнего давления (1979 — начало 20-х годов XXI в.). Противоречия и конфликты, порождаемые этим долгим и неравномерным процессом, стимулируют массовое вовлечение в политическую борьбу молодого поколения иранцев, где оно, как правило, выбирает наиболее радикальные способы гражданской самореализации. Молодежь играла заметную, подчас решающую роль в важнейших событиях новейшей истории страны: в общенародном движении за национализацию нефтяной промышленности Ирана (1949—1953); в осуществлении некоторых реформ 1960—1970-х годов; в революционных выступлениях, покончивших с монархией; на фронтах ирано-иракской войны. В значительной мере потенциал политической активности молодежи определяется ее большой и неуклонно растущей долей в составе населения страны и относительно высоким уровнем образования и профессиональной подготовки значительной ее части. Грамотная и деятельная молодежь поныне остается в Иране как основным генератором оппозиционных настроений в обществе, так и важнейшим ресурсом динамичного развития страны.

Ключевые слова: Иран, молодежь, модернизация, оппозиция, протестные движения, революция.

V.N. Zaytsev

**Young People in Iranian Socio-Political Landscape of the Modernization Era:
20th–21st Centuries**

Vladislav Zaytsev, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: zalex93@mail.ru

Researcher ID: HCI-7436-2022

Abstract. The article, based on materials from various sources and studies in Russian, English, French, and Persian, considers for the first time in modern Iranian studies in Russia the place and role of youth

in the socio-political life of Iran in 20th–21st centuries. This period of the country's history was marked by a consecutive modernization of all the foundations of the state and society, in which the author identifies three stages: the struggle for the restoration of sovereignty and choosing ways to renew the country (1905–early 60s); modernization via “revolution from above” (early 60s — 1979); systemic crisis, social explosion, change of the State system; continuation of modernization under external pressure (1979 — early 20s of the XXI century). Contradictions and conflicts generated by this long and uneven process stimulate mass involvement of the younger generation of Iranians in political struggle, where they generally choose the most radical ways of civic self-realization. They played a prominent, sometimes crucial part in major events of Iran's modern history, such as the movement for nationalization of the Iranian petroleum Industry (1949–1953); engagement in several reforms of 1960s–70s; revolutionary actions that brought to an end the Iranian monarchy; the Iran–Iraqi War. The young people's potential for political activism to a considerable extent is due to their large and steadily growing share of population and relatively high level of education and professional competence of many among them. The literate and active young people still remain both the main generator of opposition sentiments and a basic resource of Iran's dynamic development.

Keywords: Iran, youth, modernisation, opposition, protest movements, revolution.

Увы, это лихорадка молодежи поддерживает нормальную температуру у всех остальных. Когда молодежь остывает, все остальные стучат зубами.

Жорж Бернанос. Большие кладбища под луной

Иран относится к числу стран, где молодежь составляет более половины населения. Границы, определяющие понятие «молодежь», подвижны, различаются в разных регионах Земли и зависят от местных традиций, демографических процессов и ряда социокультурных факторов. В настоящем обзоре для Ирана возрастным критерием этой части населения условно приняты 16–30 лет, что примерно соответствует современным понятиям, утвердившимся в большинстве индустриально развитых стран. Если в 2012 г. число граждан моложе 35 лет составляло около 50% всех жителей Исламской республики, то в 2021 г. оно уже превысило 60%. Соответственно снижается средний возраст населения. В 2021 г. он составил 31,7 года¹. Для сравнения: в Японии он достигает 48,6 года, в России — 40,3 года, в соседнем с Ираном Афганистане — 19,5 года, в Нигере — 14,8². Таким образом, Иран, как, впрочем, и десятки стран Азии, Африки и Латинской Америки, — это государство с относительно молодым и неуклонно молодеющим населением, что предопределяет существенную роль молодежи в жизни общества. В Иране эта роль особенно заметна ввиду широкой вовлеченности молодежи, прежде всего образованной, в общественные процессы, включая актуальную политику. В периоды социальных кризисов и политической турбулентности эта роль подчас становится решающей. В XX в. и в первые два десятилетия текущего столетия подъем социальной активности иранской молодежи происходил, как правило, в моменты исторической бифуркации, когда общество находилось перед необходимостью выбора дальнейшего пути развития. Поскольку молодежь в силу особенностей возрастной психологии, в частности мощных импульсов самоутверждения, восприимчивее к воздействию непривычных для взрослого населения идей и представлений о мире, она нередко становилась в Иране не только наиболее благоприятной средой для распространения и укоренения радикальных взглядов и устремлений, но и самым бескомпромиссным из непосредственных участников борьбы за их реализацию. Широко известным примером этого служит захват 4 ноября 1979 г. посольства США в Тегеране членами организации «Мусульманские студенты — последователи курса имама»³. Эта

¹ Статистика. Иран // URL: <https://countrysmeters.info/ru/Iran> (дата обращения: 27.05.2022).

² Средний возраст населения стран мира // URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/median-age> (дата обращения: 10.03.2022).

³ *Зайцев В.Н.* Исламская революция в Иране 1979 // Большая российская энциклопедия. Т. 11. М., 2008. С. 755; Захват посольства США в Тегеране 4 ноября 1979 года. Справка // URL: <https://ria.ru/20091104/191810271.html> (дата обращения: 17.05.2022).

акция спровоцировала острый кризис в отношениях США и Ирана, дипломатические отношения между которыми до сих пор не восстановлены.

В начале XX в., когда существование Ирана как независимого государства стояло под угрозой, необходимость избавления от нее стали осознавать разные по своей социальной природе и политической ориентации силы. Почти все они были вовлечены в Конституционное движение 1905–1911 гг. Среди его активных участников (речь идет не только о противниках монархии Каджаров, но и о деятелях умеренно либерального толка, в том числе близких ко двору высокопоставленных чиновниках, как например Ахмад Кавам, который был личным секретарем Мозафароддин-шаха и одним из авторов первой части Основного закона страны) было много молодых людей, которые позднее получили известность как общественные деятели, идеологи и руководители различных политических партий и движений. Одни из них занимали видные государственные посты (Мосаддек, Кавам, с 1921 по 1952 г. пять раз занимавший пост премьер-министра, Теймурташ, Сеид Зияоддин), другие стали известными революционерами (Кучек-хан, Хиабани), третьи — популярными поэтами (Малекошшоара Бахар, Ареф Казвини, Лахути).

С приходом к власти бывшего генерала персидской казачьей дивизии Резы-хана Савадкухи, занявшего в 1925 г. иранский трон под именем Резы-шаха Пехлеви⁴, главным содержанием внутренней политики государства стала модернизация всех сфер жизни страны⁵. Военная и административная реформы, внедрение светских начал в систему народного образования, учреждение университетов и государственных музеев, реформы в культуре и быту, секуляризация судебной системы — все это открывало перед молодежью, прежде всего городской, новые жизненные перспективы. В то же время учащимся многочисленных медресе и старометодных школ, наставниками которых были духовные лица, в массе своей оппозиционно настроенные по отношению к реформам шаха, которые посягали на их традиционные привилегии и влияние в обществе, прививались консервативные убеждения. В результате происходило размежевание политически активной части молодежи на два противоположных по своим убеждениям крыла. Идеологи одного из них либо поддерживали реформы, либо требовали более радикальных перемен, расширения и гарантий гражданских прав, ограничения произвола властей, обеспечения интересов трудящихся. Консервативное крыло, со своей стороны, выступало против большинства нововведений, особенно тех, что посягали на привилегии духовенства, земельных собственников, а также на духовные основы традиционного исламского общества, в особенности те, что определяли положение женщин, например избирательные права, право на образование, на свободный выбор одежды и т.п. Наиболее последовательные сторонники того и другого направления сходились в неприятии авторитарных методов правления Резы-шаха и чрезмерной готовности режима к экономическому взаимодействию со странами Запада, использованию западного культурного опыта, что, по их мнению, вело к подрыву суверенитета страны.

После замены Резы-шаха его сыном Мохаммадом Резой Пехлеви в сентябре 1941 г. в условиях оккупации Ирана вооруженными контингентами Великобритании, СССР и США картина общественно-политической жизни страны стала более разнообразной вследствие ослабления военно-полицейского контроля над населением, практиковавшегося властями при авторитарном правлении Резы-шаха, и формирования различных партий и движений, в той или иной мере поддерживавшихся какой-либо из держав-союзников. Так, при содействии руководства СССР в октябре 1941 г. была создана Народная

⁴ Zirinsky M.P. Imperial Power and Dictatorship: Britain and the Rise of Reza Shah, 1921–1926 // International Journal of Middle East Studies 1992. Vol. 24. № 4. P. 639–663; Abrahamian E. The iron fist of Reza Shah // History of Modern Iran. New York, 2008. P. 63–69.

⁵ Иванов М.С. Помещичье-буржуазный режим Реза-шаха // История Ирана. М., 1977. С. 331–345.

партия Ирана, ставшая наследницей разгромленной властями в конце 1930-х годов Иранской компартии⁶.

Союзные державы, утверждая свое влияние в Иране через лояльных им деятелей, способствовали обострению политической борьбы до такой степени, что к 1945 г. территория страны стала одним из первых фронтов начавшейся вскоре холодной войны.

Несмотря на вынужденное согласие Москвы прекратить поддержку региональным автономистским движениям в Иранском Азербайджане и Восточном Курдистане, геополитическое соперничество Запада и СССР в Иране продолжалось и к концу 1940-х годов стало внешним фоном развернувшегося массового движения за национализацию нефтяной промышленности (1949–1953), которое приобрело отчетливый освободительный антиимпериалистический характер. В эти годы происходило спонтанное формирование таких важных институтов гражданского общества, как политические партии, выступавшие выразителями интересов разных социальных групп, профсоюзы, массовые общественные организации: Иранское общество сторонников мира, Демократический союз студентов, Национальный конгресс иранских женщин и др. Одна из них, первоначально называвшаяся Национальным обществом борьбы против Англо-иранской нефтяной компании, была вскоре переименована в Национальное общество борьбы против империалистических концессий в Иране, а затем в Национальное общество борьбы против империализма, что отражало динамику и в размахе, и целях движения. Тогда же во главе с лидером общенационального движения доктором М. Мосаддеком было создано объединение различных политических партий и группировок Национальный фронт (НФ)⁷. Его запретили после военного переворота 1953 г., но он продолжал оппозиционную режиму шаха Мохаммада Резы деятельность на нелегальном положении. Четверть века спустя, в начале января 1979 г. встревоженный размахом массовых антиправительственных выступлений шах вынужден был обратиться за содействием к одному из лидеров НФ Шапуру Бахтияру, который согласился стать премьер-министром. Полномочия последнего главы правительства дореспубликанской эры оказались призрачными, поскольку уже спустя месяц они практически перешли к другому бывшему соратнику Мосаддека Мехди Базаргану, которого Хомейни назначил премьер-министром временного революционного правительства Исламской республики⁸.

Большинство политически активных членов этих партий и общественных организаций и участников массовых антизападных выступлений 1949–1953 гг. составляла молодежь, преимущественно студенческая. При этом патриотические и оппозиционные правящему режиму настроения разделяли сторонники как умеренно либеральных, социал-демократических, марксистских, леворадикальных, так и консервативных, поддерживаемых духовенством доктрин и установок. Не случайно одним из главных идеологов антизападного движения и временным союзником Мосаддека был сторонник исламского пути развития Ирана аятолла Аболькасем Кашани.

Среди тех, кто поддерживал шаха, в решающий момент наибольшую готовность к открытому политическому действию проявили молодые люди, в частности члены клубов традиционного атлетизма зурхане (перс. — «дом силы»), которые непосредственно участвовали в организованных и оплаченных ЦРУ США прошахских выступлениях, служивших прикрытием ареста и отстранения от власти Мосаддека. Много лет спустя ЦРУ признало свое участие в организации этого путча и даже гордилось им как образцом удачного выполнения секретной операции⁹.

В продолжение последующей четверти столетия (1953–1978), когда в Иране была предпринята и частично осуществлена обширная комплексная программа реформ, получившая известность как «Белая революция», роль молодежи в иранском обществе

⁶ Zabih S. The Communist Movement in Iran. Berkeley, 1966.

⁷ Современный Иран. М., 1957. С. 382–387, 401–402.

⁸ Chapour B. Ma Fidélité. Paris, 1985.

⁹ Yergin D. The prize: The epic quest for oil, money, and power. New York, 1991; Risen J. The CIA in Iran // The New York Times, 18.VI.2000.

существенно возросла. Это произошло в силу нескольких причин, главными из которых представляются следующие. Демографические процессы в стране привели к взрывному росту населения. Если с 1936 по 1956 г. население Ирана увеличилось с 15 млн¹⁰ до 18,9 млн человек¹¹, то к 1978 г. оно приблизилось к 36 млн¹², т.е. за два с небольшим десятилетия почти удвоилось. Как правило, быстрый рост населения ведет к увеличению в его составе младших возрастных групп. Рост удельного веса молодежи в той или иной мере неминуемо сказывается на ее положении в обществе. Творцам реформ «Белой революции», инициированных шахом, приходилось считаться с этим объективным фактором, и многие из нововведений были направлены на удовлетворение насущных запросов молодежи, главным из которых была растущая в условиях планировавшегося ускорения модернизации потребность в доступном образовании. Поэтому одним из шести законопроектов о реформах, одобренных на референдуме 26 января 1963 г., был законопроект о создании Корпуса просвещения для борьбы с неграмотностью в деревне. Закон предусматривал призыв в Корпус просвещения выпускников средних школ и других учебных заведений. Их обязывали отбыть большую часть (14 месяцев) полуторалетного срока воинской повинности в распоряжении министерства просвещения, которое посылало их в деревни, где не было обычных начальных школ для обучения детей и взрослых грамоте. По истечении обязательного срока службы в деревне желающие могли остаться там работать сельскими учителями и получать заработную плату наравне с выпускниками педагогических училищ. С 1968 г. в Корпус просвещения стали призывать и девушек. Реализация этой программы, наминавшей советскую программу ликвидации неграмотности, привела в относительно короткое время к заметному росту числа грамотных, хотя число неграмотных ввиду быстрого роста населения долгое время продолжало увеличиваться. С момента создания Корпуса просвещения до осени 1972 г. его служащие обучили грамоте в сельской местности около 1 млн детей и 550 тыс. взрослых. За успехи в ликвидации неграмотности ЮНЕСКО в 1972 г. присудила Корпусу просвещения международную премию им. Н.К. Крупской¹³. Одновременно расширялась сеть среднего профессионального и высшего обучения, создавались новые университеты, росло число студентов.

Образованная молодежь получала больший доступ к информации, расширялся ее кругозор, обострялся интерес к общественным проблемам, ослабевала приверженность к традиционным понятиям и нормам жизни. Этому во многом способствовала эмансипация женщин, начатая законом о предоставлении женщинам избирательного права и об уравнении их в правах с мужчинами, вступившим в действие после январского референдума 1963 г. Этот закон вызвал особенное недовольство духовенства. Наиболее авторитетный оппонент политики реформ аятолла Рухолла Хомейни и его сторонники в своих проповедях в мечетях утверждали, что уравнение женщин в правах с мужчинами противоречит исламу и предписаниям Корана. С 5 по 9 июня 1963 г. в крупнейших городах Ирана участники траурных процессий поминовения мученической кончины имама Хусейна, в основном учащиеся медресе, открыто выступили против политики шаха и начали громить государственные учреждения и магазины. Беспорядки были подавлены войсками, открывшими стрельбу по их участникам. Общее число жертв этих событий, по разным данным, колеблется от 100 до нескольких тысяч человек. Хомейни, а также Шариатмандари, Телегани и другие авторитетные богословы были арестованы, но через два месяца освобождены. Хомейни продолжил борьбу против режима и в ноябре 1964 г. был выслан в Турцию, откуда переехал в иракский город Ан-Наджаф, где с прежней убежденностью

¹⁰ Малая советская энциклопедия. Т. 8. М., 1939. С. 160.

¹¹ Keyhan. 13, 15.XII.1956.

¹² Пирамида численности населения мира с 1950 до 2100 г. // URL: <https://www.populationpyramid.net/ru/> (дата обращения: 11.03.2022).

¹³ Ettelaat. 6. IX.1972.

и страстью выступал против шаха, обвиняя его в вероотступничестве, готовности исполнять волю США и Израиля и пренебрежении интересами трудового народа¹⁴.

Тем временем иранская молодежь, первоначально встретившая реформы с пониманием и даже энтузиазмом, который подогревался широким международным интересом к ним, особенно в странах Запада, где и эксперты, и СМИ оценивали их как необыкновенно успешный опыт модернизации традиционного азиатского общества, к середине 1970-х годов стала в них разочаровываться. Выходцы из низов и средних слоев, т.е. подавляющее большинство молодежи, обманулись в главных своих ожиданиях. Все большее их число, получая базовое общее, профессиональное или высшее образование и формально становясь на этой стартовой позиции вровень со своими сверстниками из привилегированных слоев, с горечью убеждались, что они не могут рассчитывать на честную социальную конкуренцию с ними, поскольку традиции сословного общества были далеко не изжиты и продолжали соблюдаться, особенно в сельской местности, несмотря на то, что еще в 1935 г. указом Резы-шаха были упразднены все феодальные титулы, звания и ранги. По-прежнему все sinecure, все самые «доходные места» в административной и торгово-финансовой сферах доставались молодым людям из богатых и знатных семей.

Это противоречие между конституционными нормами, гарантировавшими всем иранцам равные права перед законом, и практическими возможностями их реализации, особенно болезненно воспринимавшееся молодежью, было первопричиной фундаментальной проблемы нового этапа модернизации — углублявшейся пропасти социального неравенства. Даже земельная реформа, задуманная как средство преодоления бедности на селе, привела в итоге к еще более глубокой пауперизации неимущего крестьянства и его массовому исходу в города. На их окраинах формировались густонаселенные бедные кварталы, жители которых были наиболее подвержены антиреформаторским и антизападным настроениям, подогреваемым консервативным духовенством.

Средние городские слои, в основном торговцы и ремесленники (так называемый «базар»), не выдерживали конкуренции с крупными экспортно-импортными — компрадорскими по своей природе компаниями и объединениями, часто разорялись, что также способствовало усилению оппозиционных настроений в обществе.

Наконец, все подданные шаха от городской и сельской бедноты до интеллигенции, крупных землевладельцев, предпринимателей, государственных служащих, духовенства всех уровней испытывали на себе давление государственного репрессивного аппарата, в особенности тайной полиции, получившей печальную известность по персидскому акрониму САВАК (Служба информации и государственной безопасности), которая в 1970-е годы настолько разрослась и обрела такие полномочия, что воспринималась населением как главное орудие и символ деспотического режима шаха-реформатора.

Его официальную идеологию можно условно определить как иранский великодержавный национализм. Иранисты для обозначения этой специфической идеологии и соответствующей политики иногда используют термин «пехлевизм»¹⁵. Она насаждалась в стране через систему образования, всеми СМИ (исключая немногие оппозиционные, которые выходили нелегально) и определяла культурную политику режима. Культ личности монарха-реформатора достиг небывалых в новейшей истории Ирана сплосшь и рядом почти гротескных форм. Для основной массы неграмотного и полуграмотного населения, обремененного множеством житейских забот и тягот, характерные для идеологов «Белой

¹⁴ Zonis M. The political elite of Iran. Princeton, 1971; Иванов М.С. Иран в 60–70-х годах XX века. М., 1977; Khomeiny R. Principes politiques, philosophiques, sociaux et religieux. Paris, 1979.

¹⁵ Мозамед-Реза Шах Пехлеви. Белая революция. Париж, 1967; Mohammad Reza Pahlavi. Be su-je tamaddon-e bozorg. Tehran, 1976; Mohammad Reza Pahlavi. Answer to History. New York, 1980; Воробьев В.Н. Мифотворческая функция государственных идеологических доктрин в Иране 60–80-х гг. XX в. // Массовая литература в странах Азии и Африки. М., 1985. С. 151–200; Dreyfuss R. Devil's Game: How the United States Helped Unleash Fundamentalist Islam. New York, 2006; Pahlavi F. 1001 Days: Memoirs of an Empress. [S.l.], 2021.

революции» ссылки на славное, но далекое, к тому же в основном доисламское прошлое Ирана были слишком отвлеченными, чтобы обеспечить их лояльность власти и доверие к целям ее политики. Пышность двора и роскошная жизнь близких к нему нуворишей начинали раздражать население. Приверженцам традиций, освященных исламом, сочетание архаических и по существу светских символов обновления страны с новшествами по чужеземным образцам, внедрявшимися сверху сугубо директивными методами с использованием репрессивных мер, представлялось чем-то греховным и даже вероотступническим. Такой была позиция самых последовательных противников режима среди авторитетных шиитских идеологов, в первую очередь аятоллы Р. Хомейни.

Грамотная молодежь в своей массе (если не считать подрастающее поколение так называемых «правящих элит»), несмотря на монополию государственной пропаганды (а зачастую наперекор ей) и те реформы, которые, казалось бы, отвечали ее запросам, предпочла других идейных вождей и наставников. Если учащиеся медресе, как правило, становились последователями своих непосредственных учителей и их авторитетных единомышленников, то студенты университетов и других светских учебных заведений выбирали себе духовных руководителей из числа идеологов, предлагавших различные альтернативные официальной доктрине и проекты будущего.

Самым популярным у молодежи политическим мыслителем периода вызревания в стране революционной ситуации был известный как в Иране, так и на Западе социолог и революционер Али Шариати (1933–1977), скончавшийся в 44-летнем возрасте за полтора года до решающих событий революции 1978–1979 гг. Сын исламского богослова, Шариати с молодых лет совмещал учебу и научные штудии с активной политической борьбой против режима шаха, за что неоднократно подвергался аресту и тюремному заключению (вплоть до 18-месячного заточения в одиночной камере). Незаурядный ученый-теоретик, получивший признание в парижских интеллектуальных кругах, он, опираясь на широкую эрудицию в гуманитарных дисциплинах, разрабатывал концепцию революционного преобразования иранского общества на основе синтеза идей исламского реформизма и символики шиизма с некоторыми положениями западных политических доктрин, включая марксистские идеи классовой борьбы и построения бесклассового общества. Лекции Шариати в тегеранском культурно-религиозном центре Хосейние-Эршад были чрезвычайно популярны среди студентов, через которых основы его доктрины (в целом их можно охарактеризовать как религиозно-социалистические) распространялись в среде образованной молодежи, готовя почву для антимонархической и антизападной революции. Не случайно некоторые исследователи считают Шариати ее идейным предтечей¹⁶.

Аятолла Хомейни, исламский правовед, которому в итоге удалось получить возможность не только участвовать в мобилизации масс на борьбу с монархией Пехлеви, но и возглавить созданную по его замыслу Исламскую республику, к концу своего изгнания приобрел известность и влияние, превосходящие те, какими он пользовался до высылки из страны. Его лекции и послания в жанре политического памфлета, обличавшие режим шаха как вероотступнический и обслуживающий интересы Запада (который, в свою очередь, характеризовался им как сила угнетения, средоточие пороков и разврата), отправлялись из иракского Ан-Наджафа, а с октября 1978 г. из пригорода Парижа Нюфль-ле-Шато в Иран, где его сторонники распространяли их переписанными на магнитофонные ленты в основном среди учащейся молодежи. Хомейни настаивал на необходимости свержения «прогнившего деспотического режима», и эта его позиция сыграла решающую роль в признании его лидером антимонархического и антишахского движения, в его триумфальном возвращении 1 февраля 1979 г. на родину и в создании там Совета исламской

¹⁶ *Малушков В.Г., Храмова К.А.* Поиски путей реформации в исламе: опыт Ирана. М., 1991.

революции, к которому перешла вся полнота власти в стране после победы тегеранского восстания 9–12 февраля 1979 г.¹⁷

Успех революции 1978–1979 гг. был обеспечен массовым и деятельным участием в протестных выступлениях молодежи, в том числе (и зачастую преимущественно) женщин; это относится в особенности к многолюдным траурным собраниям в память жертв столкновений манифестантов с силами порядка. На пике революции молодежь была едина в стремлении сокрушить агонизировавший режим, но при этом разделена разными политическими убеждениями, включая противоборствующие, что может служить примером, подтверждающим правоту высказывания Жана Кокто: «Молодежь раньше узнает то, чего она не хочет, а потом то, чего хочет». Размежевание иранской молодежи на партии, движения, группировки приняло самый драматический оборот вскоре после достижения общей цели революционеров. Одни из них решительно выбрали сторону уже признанного лидера революции и заслужившего почетный титул имама Хомейни. Тот, еще находясь в эмиграции, видел в молодежи главную силу, которая сможет сокрушить ненавистный ему режим. Получив после его свержения беспрецедентные по полноте властные полномочия, он, словно руководствуясь известным тезисом В.И. Ленина о том, что «всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться», своевременно принял меры к обеспечению надежной защиты революции, которую он объявил исламской, с опорой преимущественно на своих молодых приверженцев. При этом, не полагаясь только на лояльность последних, он озаботился рекрутированием из их среды преданных бойцов для многочисленной, хорошо вооруженной и дисциплинированной гвардии нового режима. Эта гвардия, получившая название Корпуса стражей исламской революции (КСИР), была учреждена приказом Хомейни 22 апреля 1979 г. для содействия армии в защите суверенитета, территориальной целостности и исламского республиканского строя. Со временем КСИР стал главной военно-политической силой Исламской республики Иран (ИРИ) и наиболее боеспособным формированием вооруженных сил государства с тремя родами войск и добровольческими отрядами Басидж в своем составе (Мобилизация сил сопротивления, или Организация мобилизации обездоленных). Добровольцы-басиджи, хотя и плохо обученные и вооруженные, храбро сражались на фронтах ирано-иракской войны 1980–1988 гг. и ценой больших потерь приобрели боевой опыт. Каждый член Басидж был обязан пробыть на фронте от двух до шести месяцев, а потом сменялся другим ополченцем. За все годы войны на фронте побывало более 5 млн добровольцев в возрасте от 12 до 65 лет. Из 2 млн ополченцев, одновременно мобилизованных на войну, 500 тыс. были студентами.

В мирное время дальнейшее существование Басидж поначалу стояло под вопросом, но он был сохранен как основной резерв военной мобилизации, а в дальнейшем превратился в мощную, широко разветвленную политическую структуру, обеспечивающую постоянное пополнение в основном из среды молодежи армии активных сторонников правящего режима (в первую очередь духовного лидера страны А. Хаменеи) и проводников его идеологии. Помимо этого, он используется как один из инструментов внешней политики государства (участие отрядов Басидж в гражданской войне в Сирии на стороне правительственных сил). Это дает основание уподобить его советскому комсомолу или отрядам хунвейбинов Мао Цзэдуна. Многим из молодых иранцев (в том числе женщинам, доля которых, по последним данным, достигла 37% от общего числа активных членов) вступление в Басидж служит стартом карьеры или средством повышения социального статуса¹⁸.

¹⁷ Крутихин М.И. Тегеранское восстание 9–12 февраля 1979 г. // Иран: история и современность. М., 1983. С. 152–170.

¹⁸ Сажин В.И. Силы сопротивления «Басидж» в Иране // Институт Ближнего Востока 18 июля 2003. URL: <http://www.iimes.ru/?p=2962> (дата обращения: 01.06.2022); Thaler D.E. et al. Mullahs, Guards, and Bonyads: RAND National Defense Research Institute, RAND Corporation: 2010 // URL: <https://www.rand.org/pubs/monographs/MG878.html> (дата обращения: 01.06.2022); Golkar S. Captive Society. The Basij Militia and Social Control in Iran. Washington, 2015.

Среди активных участников революционных выступлений далеко не все были сторонниками Хомейни. Так, ведущую роль в политической мобилизации трудовых коллективов крупнейших в стране предприятий, включая нефтедобывающие, сыграли активисты вышедших из подполья левых профсоюзов и крупнейшей марксистской Народной партии Ирана (НПИ). После падения монархии эта партия некоторое время вела легальную политическую работу и поддерживала новую власть, прежде всего ее линию на защиту государственного суверенитета Ирана. Но в 1982 г. власти ИРИ, решая задачу нейтрализации политических конкурентов, предприняли чистку государственных учреждений от членов НПИ, которых стали подвергать арестам. В феврале 1983 г. были арестованы лидеры НПИ, а сама партия вновь, как и в 1949 г., запрещена. Тогда ее обвинили в подготовке покушения на шаха, теперь же в том, что ее деятельность направляется и финансируется из-за рубежа (т.е. правительством СССР). После этого в течение года по телевидению регулярно транслировали выступления находившихся в заключении лидеров НПИ, которые заявляли о своей верности исламу и отрекались от марксизма-ленинизма. Несмотря на то что НПИ, в отличие от леворадикальных организаций федаев и моджахедов, не принимала участия в вооруженной борьбе против исламских властей, в 1988 г. многие ее члены были арестованы и казнены. В настоящее время партия действует в подполье, а ее руководство находится в эмиграции¹⁹.

Среди политических объединений революционной поры, в которых боевой костяк составляла молодежь, особенную роль сыграли две леворадикальные группировки: моджахедов и федаев. Первая из них, Организация моджахедов иранского народа (ОМИН), была создана в 1965 г. студентами Тегеранского государственного университета, которые поставили своей целью борьбу против шахского режима, империализма и вмешательства духовенства в политику государства. Основатели организации были последователями Али Шариати. Вскоре у движения появились сочувствующие в среде мелкой буржуазии. Оно отличалось от других молодежных группировок тем, что его лидеры изначально делали ставку на вооруженную борьбу с режимом, и большинство ее членов нелегально занималось боевой подготовкой и соблюдало практически военную дисциплину. У них была даже своя служба разведки, которая собирала сведения о деятельности САВАК и других правительственных ведомств. В начале 70-х годов ОМИН провела ряд силовых акций против некоторых должностных лиц, включая начальника полиции Тегерана и американского военного советника шаха. В 1972 г. во время визита в Иран президента США Р. Никсона ОМИН организовала серию взрывов, после чего многие из ее лидеров были арестованы и казнены. Тем не менее в последующие годы организация возродилась и восстановила свои силы. В конце 70-х годов руководство ОМИН для расширения своей социальной базы стало подчеркивать свою заботу о нуждах трудящихся и обездоленных. Позиции ОМИН заметно усилились в начале 1979 г., когда она, выйдя из подполья, участвовала в вооруженном сопротивлении шахским силам порядка и поддержала новую власть во главе с Хомейни. Но после организованного духовенством смещения с поста президента (первого в истории страны) А. Банисадра, который покровительствовал ОМИН, она перешла в открытую оппозицию исламскому режиму, прибегнув к насильственным методам борьбы с ним вплоть до террористических актов. В 1981 г. была взорвана штаб-квартира правящей Исламско-республиканской партии в Тегеране, в результате чего погибло 72 человека, включая главу партии Хосейна Бехешти. В августе того же года произошел взрыв в канцелярии премьер-министра, где погибли 8 высших должностных лиц, в том числе президент ИРИ Мохаммад Али Раджаи и премьер-министр Мохаммад Бахонар. В том же 1981 г. ОМИН совершила ряд терактов в Тегеране и в других крупных городах. Только за 7–10 августа она провела 60 взрывов. Были также совершены убийства представителей духовенства и политиков. Иногда доходило

¹⁹ Bani Sadr A. My turn to speak: Iran, the revolution & secret deals with the U.S. Washington, 1991; Erwand A. A History of Modern Iran. New York, 2008. P. 112.

до прямых вооруженных столкновений отрядов ОМИН с армией и полицией. В сущности, это были эпизоды разгоравшейся гражданской войны, тем более опасной для властей и для всей страны, что начался уже второй год войны с соседним Ираком. В ответ на акции ОМИН правительство приступило к методичному уничтожению ее боевых отрядов. Многие из рядовых членов организации погибли в столкновениях с армейскими частями или были репрессированы. Лидеру ОМИН Масуду Раджави удалось эмигрировать в Париж, где он вместе с бывшим президентом Банисадром объявил о создании Национального совета сопротивления Ирана с целью замены Исламской республики Демократической исламской республикой. В 1986 г. президент Франции Ф. Миттеран по согласованию с властями ИРИ выслал Раджави и его боевиков из страны. Они получили убежище в Ираке у Саддама Хусейна, который пытался их использовать в войне против Исламской республики. Вскоре после вторжения в Ирак войск США и их союзников в 2003 г. Раджави исчез, и о его судьбе нет достоверных известий. С тех пор ОМИН, которую ныне возглавляет жена (или вдова?) бывшего лидера Марьям Раджави, действует в эмиграции, продолжает вести из-за пределов страны политическую борьбу против властей ИРИ, периодически заявляя о своей солидарности с оппозиционными выступлениями иранской молодежи²⁰.

Леворадикальная революционная группировка Организация партизан-федаев иранского народа возникла в апреле 1971 г. путем объединения двух оппозиционных групп (члены одной из них ранее были связаны с Народной партией Ирана, другой — с Национальным фронтом Ирана). Ее руководителям, провозглашавшим идею вооруженной антиимпериалистической борьбы, были близки революционные концепции таких западных идеологов, как Жан-Поль Сартр и Режис Дебре. Как и моджахеды, федаи принимали участие в вооруженных выступлениях против монархии, были среди тех, кто обеспечил победу революционеров в февральском восстании 1979 г., но решительно отвергали доктрину исламского правления, выступая за создание светского демократического государства. Это поставило их в прямую оппозицию властям Исламской республики, которые подвергли их репрессиям и вынудили эмигрировать²¹.

Таким образом, все основные политические силы, которые не разделяли целей руководства Исламской республики, в 1980-е годы были разгромлены и удалены с иранской внутривнутриполитической сцены, чему в значительной мере способствовали такие факторы, как война с Ираком и разного рода санкции против Ирана, которые неоднократно вводились Соединенными Штатами после захвата в Тегеране американского посольства, а позднее и международные санкции в связи с иранской ядерной программой. Давление извне, как военное, так и экономическое, за все годы существования ИРИ, создавая в стране ощутимые хозяйственные трудности, все же не привело к росту массового недовольства режимом и его ослаблению, как на это рассчитывали США и их союзники, а напротив, в известной мере стимулировало консолидацию общества на патриотических и антигегемонистских началах. Санкционный режим при всех его неблагоприятных последствиях не обратил вспять процесс модернизации Ирана и даже не особенно его затормозил. Так, например, когда в результате мирового финансового кризиса 2008 г. сокращение спроса на нефть и другие сырьевые товары начало оказывать негативное воздействие на иранскую экономику, правительство Ахмадинежада разработало программу развития тех отраслей промышленности, которые могли давать экспортную продукцию и компенсировать падение доходов от нефти. В результате этих мер рост промышленного производства позволил увеличить экспорт. За 2010/11 гг. он возрос на 12,9 %, и составил

²⁰ *Cohen R. The Rise and Fall of the Mojahedin Khalq, 1987–1997: Their Survival After the Islamic Revolution and Resistance to the Islamic Republic of Iran. Portland, 2009.*

²¹ *Peyman V. Guerrilla Odyssey: Modernization, Democracy, and the Fadai Period of National Liberation in Iran, 1971–1979. Syracuse, 2010.*

в денежном выражении 16,6 млрд долл., а доля промышленной продукции во всем ненефтяном экспорте Ирана достигла 77,6 %²².

Одним из необходимых условий успешного продолжения модернизации страны остается дальнейшее развитие системы образования, которое призвано обеспечить квалифицированными кадрами растущую экономику, вооруженные силы, государственный аппарат и науку страны. Вскоре после создания Исламской республики Хомейни и его окружение приняли комплекс мер в сфере образования, задуманный как исламская культурная революция. Основной его целью было воспитание детей, подростков и молодежи в исламских, преимущественно шиитских, традициях. В новых учебных программах было усилено преподавание исламских дисциплин, изучение Корана и основ мусульманской морали. Учащимся внушали неприятие западной культуры, в особенности современной массовой, как враждебной исламу и в корне порочной. Женщинам предписывался строгий набор верхней одежды с обязательным ношением платков (русари), закрывающих голову и часть лица, и накидок (хиджаб), драпирующих голову и тело. Им запретили пользоваться яркой косметикой. На улицах городов появились патрули полиции нравов, контролирующие соблюдение этих правил. В общественном транспорте были введены раздельные мужские и женские пространства. На пляжах не допускается одновременное присутствие мужчин и женщин. Иранские женщины смирились с этими ограничениями (которые многими из них воспринимаются как наследие национальной культуры), подобно тому как при Резе-шахе согласились (впрочем, не все, случались и протесты) на их упразднение. Но некоторые идеологи и активистки борьбы за женское равноправие выступают за их смягчение.

Иранской молодежи, несмотря на присущие ей антизападные настроения, не свойственна ксенофобия, она благожелательно относится к иноверцам и людям другой культуры, особенно когда те проявляют интерес и уважение к их стране. Многие иранцы, включая молодежь, хорошо знакомы с классической персидской поэзией и любят при случае цитировать в разговоре строки из Хафеза, Саади, Фирдоуси, Омара Хайяма. Такая среда благоприятствует сохранению национальной культуры, до сих пор свободной от эксцессов глобального постмодерна.

К настоящему времени экономический и оборонный потенциал Ирана обеспечивает ему статус региональной державы, а его богатейшая культура вызывает живой интерес и уважение во всем мире.

Современное развитие страны в значительной мере обеспечивается ее непрерывно растущим человеческим капиталом. Население Исламской республики, за 40 лет с 1980 по 2020 г., выросло с 39,3 млн²³ до 86 млн²⁴, т.е. более чем вдвое. Такой рост населения и увеличение в нем доли молодежи опережает рост числа рабочих мест и ведет к увеличению безработицы, которая по данным на конец 2021 г. составляет 8,9%, а среди молодежи 23,6%²⁵. Воздействие на психику этой насущной для молодых социальной проблемы двояко. С одной стороны, поиск работы стимулирует предприимчивость, с другой – в тех случаях, когда он сопровождается неудачами, внушает пессимизм и нередко подталкивает к эмиграции.

Молодые люди, не мобилизованные в армию, в КСИР, не состоящие в Басидж и не занятые на службе в государственных учреждениях, т.е. школьники, студенты, рабочие и служащие частных предприятий, по своим взглядам и социальному поведению отличаются от сверстников, обязанных соблюдать служебную дисциплину. Им присущи

²² Ежов Г.П. Экономика Ирана и санкции США // Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы докладов научной конференции. М., 2012. С. 155–157.

²³ Население стран мира // URL: <https://svspb.net/danmark/naselenie.php?l=iran> (дата обращения: 11.03.2022).

²⁴ Население Ирана // URL: <https://countrysmeters.info/ru/Iran> (дата обращения: 11.03.2022).

²⁵ Безработица в Иране // URL: <https://take-profit.org/statistics/unemployment-rate/iran> (дата обращения: 04.06.2022).

меньшие единомыслие и конформизм. Как и в предреволюционные годы, оппозиционные настроения бытуют преимущественно в студенческой среде. Студенты выступают организаторами большинства публичных акций протеста. Чаще всего поводом для таких манифестаций служит недовольство результатами президентских или парламентских выборов, ограничениями в доступе к информации из неофициальных источников, в основном из интернет-ресурсов, а также строгостью некоторых установленных властями для женщин правил выбора и способов ношения одежды. Обычно власти объявляют эти акции беспорядками и пресекают их с помощью полицейских мер и временного блокирования интернет-платформ, выполняющих роль координаторов протестных акций. Такая внесистемная молодежная оппозиция до сих пор не переросла стадию уличных выступлений и не выдвинула из своей среды авторитетных вожаков, не говоря уже об идеологах и стратегах. В большинстве случаев недовольные делают ставку на кого-либо из видных участников легального политического процесса, с которым связывают свои чаяния. Так, например, на президентских выборах 1997 и 2001 гг. поддержка молодежи обеспечила победу кандидату, выступавшему за расширение политических свобод и прав граждан, — бывшему министру культуры и главе Национальной библиотеки философу М. Хатами, оба раза получившему подавляющее большинство голосов (69,6% и 77,1% соответственно).

Летом 2009 г. прошли молодежные акции протеста в связи с итогами очередных президентских выборов, на которых был избран на второй срок М. Ахмадинежад (62,7% голосов при рекордной за всю историю явке избирателей — 85%). Несмотря на то, что результаты выборов были заверены Хомейни, протестующие, сторонники оппозиционного кандидата, бывшего главы правительства в годы ирано-иракской войны М.Х. Мусави (получил 33,8%), обвиняли власти в фальсификациях и требовали повторных выборов. Их шествия под зелеными знаменами (геральдический цвет Мусави, считающегося потомком пророка Мухаммеда) сопровождалось столкновениями с полицией (погибло более 10 манифестантов) и вошли в новейшую историю страны под названием «зеленая революция» как один из серьезных внутриполитических вызовов властям Исламской республики за годы ее существования²⁶.

Основными причинами недовольства иранской молодежи политикой властей в наши дни остаются нарушения свобод и прав граждан, в том числе свободы получения и распространения информации; углубляющееся имущественное и социальное неравенство, которое болезненно воспринимается населением как попрание исламских идеалов социальной справедливости; экономические трудности, усугубившиеся в результате антииранских санкций.

В самых массовых антиправительственных выступлениях за все время существования Исламской республики, которые происходили в Тегеране и ряде других городов и провинций страны в сентябре—ноябре 2022 г. и сопровождалось столкновениями манифестантов с полицией и отрядами КСИР, что привело к многочисленным жертвам с обеих сторон, большинство протестующих составили молодые люди. К ним примкнули и граждане старших возрастов, выражавшие недовольство ростом цен и безработицы, ограничениями индивидуальных свобод, коррупцией в государственном аппарате. Волнения, поводом к началу которых явилась смерть молодой женщины из провинции Курдистан Махсы Амини после ее задержания тегеранской полицией из-за нарушения исламского дресс-кода, стали импульсом к усилению в стране движения за права женщин и ограничение полномочий сил порядка. С самого начала эти выступления получили массовую и умело направляемую поддержку от находящихся в эмиграции иранских противников Исламской республики, западных СМИ и государственных деятелей и координировались иностранными спецслужбами через различные платформы в интернете. Руководство

²⁶ Филин Н.А. Политологическое исследование межэлитного конфликта в Иране (использование метода event-анализа) // Иран при Ахмадинежаде. М., 2013. С. 27—39.

ИРИ рассматривает эти беспорядки как один из рычагов усилившегося давления США и других западных стран на Иран с целью принудить его к отказу от самостоятельной внешней политики. В ответ на этот нажим в Иране проходят массовые демонстрации под антиамериканскими лозунгами.

Некоторая часть оппозиционно настроенной молодежи выступает с критикой внешнеполитического курса Исламской республики, например, ее вовлеченности в сирийский конфликт. Но те же оппозиционеры вполне солидарны с властью в своем отношении к антииранским акциям внешних сил, в особенности террористическим, которые расценивают как подлые преступления. В траурных церемониях по случаю похорон одного из командующих КСИР генерала К. Солеймани, убитого 2 января 2020 г. по приказу президента США Д. Трампа (что спровоцировало выход Ирана из ядерной сделки 2015 г.), прошедших с 5 по 7 января в Тегеране, Мешхеде, Куме — родном городе погибшего Кермане и других городах, приняли участие несколько миллионов человек, в большинстве своем молодежь²⁷.

Скорбные церемонии стали впечатляющим выражением готовности иранцев противостоять внешнему давлению на их страну. Многие из тех участников поминальных митингов, что были опрошены западными корреспондентами, заявляли, что иранцы едины в решимости отомстить врагу за это злодеяние, невзирая на то, что у них есть претензии и к своему правительству.

В формировании мировосприятия иранских детей, подростков и молодых людей в последнее время все более заметную роль играют социальные сети и другие ресурсы интернета. Это сказывается прежде всего на эволюции молодежной субкультуры, в которой (от музыкальных, зрелищных и других вкусовых предпочтений до форм проведения досуга) заметна тяга к светским и преимущественно западным образцам. Одним из следствий этой тенденции можно считать распространение в молодежной среде психологии потребительского гедонизма, парадоксальным образом сочетающегося с чувством социальной незащищенности, потерянности и наряду с ними скепсиса, равнодушия, доходящих до некоего подобия эскапизма — ухода от окружающей действительности в сугубо личные заботы и увлечения.

При всех проявлениях неуверенности и колебаний нового поколения иранской молодежи в выборе жизненных ориентиров его гражданская активность и несомненная генетическая связь с важными элементами социокультурного кода, подтверждающая причастность молодых иранцев к одной из древнейших цивилизаций, дают основание видеть в них важнейший ресурс развития страны.

Библиография

Воробьев В.Н. Мифотворческая функция государственных идеологических доктрин в Иране 60–80-х гг. XX в. // *Массовая литература в странах Азии и Африки*. М., 1985. С. 151–200.

Ежов Г.П. Экономика Ирана и санкции США // *Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы докладов научной конференции*. М., 2012. С. 155–157.

Зайцев В.Н. Исламская революция 1979 г. в Иране // *Большая российская энциклопедия*. Т. 11. М., 2008. С. 755.

Иванов М.С. Иран в 60–70-х годах XX века. М., 1977.

Иванов М.С. Помещичье-буржуазный режим Реза-шаха // *История Ирана*. М., 1977. С. 331–345.

Крутихин М.И. Тегеранское восстание 9–12 февраля 1979 г. // *Иран: история и современность*. М., 1983. С. 152–170.

Малая советская энциклопедия. Т. 8. М., 1939.

Малушков В.Г., Хромова К.А. Поиски путей реформации в исламе: опыт Ирана. М., 1991.

Могамед-Реза Шах Пехлеви. Белая революция. Париж, 1967.

Сажин В.И. Силы сопротивления «Басидж» в Иране // *Институт Ближнего Востока*, 18 июля 2003. URL: <http://www.iimes.ru/?p-2962> (дата обращения: 01.06.2022).

²⁷ В прощании с Сулеймани в Иране приняли участие 25 млн человек // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7516511> (дата обращения: 05.06.2022).

- Филин Н.А. Политологическое исследование межэлитного конфликта в Иране (использование метода event-анализа) // Иран при Ахмадинежаде. М., 2013. С. 27–39.
- Abrahamian E. The Iron Fist of Reza Shah // History of Modern Iran. New York, 2008. P. 63–69.
- Bani Sadr A. My Turn to Speak: Iran, the revolution & secret deals with the U.S. Washington, 1991.
- Bayne E.A. Persian Kingship in Transition. New York, 1968.
- Chapour B. Ma Fidélité. Paris, 1985.
- Cohen R. The Rise and Fall of the Mojahedin Khalq, 1987–1997: Their Survival After the Islamic Revolution and Resistance to the Islamic Republic of Iran. Portland, 2009.
- Dreyfuss R. Devil's Game: How the United States Helped Unleash Fundamentalist Islam. New York, 2006.
- Erwand A. A History of Modern Iran. New York, 2008.
- Golkar S. Captive Society, The Basij Militia and Social Control in Iran. Washington, 2015.
- Khomeiny R. Principes politiques, philosophiques, sociaux et religieux. Paris, 1979.
- Mohammad Reza Pahlavi. Be su-je tamaddon-e bozorg [Toward the great Civilization]. Tehran, 1976.
- Mohammad Reza Pahlavi. Answer to History. New York, 1980.
- Pahlavi F. 1001 Days: Memoirs of an Empress. [S.l.], 2021.
- Peyman V. Guerrilla Odyssey: Modernization, Democracy, and the Fadai Period of National Liberation in Iran, 1971–1979. Syracuse, 2010.
- Thaler D.E., Nader A., Chubin S., Green J.D., Lynch Ch., Wehrey F. Mullahs, Guards, and Bonyads // RAND National Defense Research Institute, RAND Corporation: 2010.
- Vahabzadeh P. Guerrilla Odyssey: Modernization, Democracy, and the Fadai Period of National Liberation in Iran, 1971–1979. Syracuse, 2010.
- Yergin D. The prize: The epic quest for oil, money, and power. New York, 1991.
- Zabih S. Communist Movement in Iran. Berkeley, 1966.
- Zirinsky M.P. Imperial Power and Dictatorship: Britain and the Rise of Reza Shah, 1921–1926 // International Journal of Middle East Studies. 1992. Vol. 24. № 4. P. 639–663.
- Zonis M. The political elite of Iran. Princeton, 1971.

References

- Ezhov G.P. Ekonomika Irana i sanktsii SShA [Iranian economics under US sanctions] // Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie. Abstracts of Scientific Conferences [Lomonossov Conference. Asian Studies]. Moskva, 2012. S. 155–157. (In Russ.)
- Filin N.A. Politologicheskoe issledovanie mezhehitnogo konflikta v Irane [Politological Study of the inter-elite conflict in Iran] (ispol'zovanie metoda event-analiza) // Iran pri Ahmadinezhade. Moskva, 2013. S. 27–39. (In Russ.)
- Ivanov M.S. Iran v 60–70-kh godakh XX veka [Iran in 1960–70s]. Moskva, 1977. (In Russ.)
- Ivanov M.S. Pomeshchich'e-burzhuaznyi rezhim Reza-shakha. [Landowner-bourgeois regime of Reza Shah] // Istoriya Irana [History of Iran]. Moskva, 1977. S. 331–345.
- Krutikhin M.I. Tegeranskoe vosstanie 9–12 fevralya 1979 g. [Tehran uprising of 9–12.02.1979] // Iran: istoriya i sovremennost' [Iran: History and Modernity]. Moskva, 1983. S. 152–170. (In Russ.)
- Malushkov V.G., Hromova K. A. Poiski putej reformacii v islame: opyt Irana [Choosing ways to reforms in Islam: Iran experience]. Moskva, 1991. (In Russ.)
- Mogamed-Reza Shah Pahlavi. Belaya revoliutsiya [White Revolution]. Parizh, 1967. (In Russ.)
- Malaya sovetskaya entsiklopediya [The Small Soviet Encyclopedia]. T. 8. Moskva, 1939. (In Russ.)
- Sazhin V. I. Sily soprotivleniya "Basidzh" v Irane [Basij a resistance force in Iran] // Institut Blizhnego Vostoka, 2003. URL: <http://www.iimes.ru/?p=2962> (access date: 01.06.2022). (In Russ.)
- Sovremenniy Iran. Spravochnik [Modern Iran. A Reference book]. Moskva, 1957. (In Russ.)
- Vorob'yov V.N. Mifotvorcheskaya funktsiya gosudarstvennykh ideologicheskikh doktrin v Irane 60–80-h gg. XX v. [Mythmaking function of the State ideology doctrines in Iran. 1960–80s] // Massovaya literatura v stranakh Azii i Afriki [Mass Literature in the Asian and African Countries]. Moskva, 1985. S. 151–200. (In Russ.)
- Zaitsev V.N. Islamskaya revolyutsiya v Irane 1979 [The 1979 Islamic revolution in Iran] // Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. Moskva, 2008. T. 11. S. 755. (In Russ.)
- Abrahamian E. The iron fist of Reza Shah // History of Modern Iran. New York, 2008. P. 63–69.
- Bani Sadr A. My turn to speak: Iran, the revolution & secret deals with the U.S. Washington, 1991.
- Bayne E.A. Persian Kingship in Transition. New York, 1968.
- Chapour B. Ma Fidélité. Paris, 1985.
- Cohen R. The Rise and Fall of the Mojahedin Khalq, 1987–1997: Their Survival After the Islamic Revolution and Resistance to the Islamic Republic of Iran. Portland, 2009.
- Erwand A. A History of Modern Iran. New York, 2008.
- Dreyfuss R. Devil's Game: How the United States Helped Unleash Fundamentalist Islam. New York, 2006.
- Golkar S. Captive Society, The Basij Militia and Social Control in Iran. Washington, 2015.

- Khomeiny R.* Principes politiques, philosophiques, sociaux et religieux. Paris, 1979.
- Mohammad Reza Pahlavi.* Be su-je tamaddon-e bozorg [Toward the great Civilisation]). Tehran, 1976.
- Mohammad Reza Pahlavi.* Answer to History. New York, 1980.
- Pahlavi F.* 1001 Days: Memoirs of an Empress. [S.l.], 2021.
- Peyman V.* Guerrilla Odyssey: Modernization, Democracy, and the Fadai Period of National Liberation in Iran, 1971–1979. Syracuse, 2010.
- Thaler D.E., Nader A., Chubin S., Green J.D., Lynch Ch., Wehrey F.* Mullahs, Guards, and Bonyads // RAND National Defense Research Institute, RAND Corporation: 2010.
- Vahabzadeh P.* Guerrilla Odyssey: Modernization, Democracy, and the Fadai Period of National Liberation in Iran, 1971–1979. Syracuse, 2010.
- Yergin D.* The prize: The epic quest for oil, money, and power. New York, 1991.
- Zabih S.* Communist Movement in Iran. Berkeley, 1966.
- Zirinsky M.P.* Imperial Power and Dictatorship: Britain and the Rise of Reza Shah, 1921–1926 // International Journal of Middle East Studies. 1992. Vol. 24. № 4. P. 639–663.
- Zonis M.* The political elite of Iran. Princeton, 1971.

© 2023 г. Е.С. МЕЛКУМЯН

ЭВОЛЮЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КУВЕЙТЕ (1961–2020)

Мелкумян Елена Суреновна — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

E-mail: g.kosach@mail.ru

Scopus Author ID: 57226020986; ORCID: 0000-0001-8901-2259

Аннотация. Статья посвящена анализу развития гражданского общества одной из нефтедобывающих монархий региона Залива — Кувейта, который отличался высокой степенью гражданской активности. Цель статьи — проследить этапы развития гражданского общества в контексте динамики внутриполитической и международной обстановки. Показана роль нескольких ключевых политических событий из истории страны в направлении гражданского активизма ее жителей. Первый этап относится к периоду обретения страной политической независимости. Тогда на становление гражданского общества повлиял Кувейтский кризис, вызванный претензиями Ирака на Кувейт, которые привели к росту гражданского самосознания. Следующим этапом стал период, последовавший за иракской агрессией в августе 1990 г., создав еще один фактор мобилизации гражданского общества страны на сопротивление оккупантам и защиту своей идентичности. Его дальнейшая трансформация происходит в период массовых протестов 2011 г., которые продемонстрировали, что гражданская активность в Кувейте достигла пикового уровня, особенно среди молодежных группировок, но вскоре пошла на спад под влиянием охватившей регион турбулентности и связанных с ней угроз для общества в целом. Возникшие в тот период неправительственные организации были недолговечными. Большинство из них создавалось на основе интересов небольших групп, которые решали задачи, не имевшие значимости для широких слоев кувейтского общества.

Ключевые слова: Кувейт, гражданское общество, Кувейтский кризис, иракская агрессия, «арабская весна», неправительственные организации, общественное движение.

E.S. Melkumyan

Evolution of Civil Society in Kuwait (1961–2020)

Elena Melkumyan, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: g.kosach@mail.ru

Scopus Author ID: 57226020986; ORCID: 0000-0001-8901-2259

Abstract. The article is devoted to the analysis of the development of civil society in Kuwait, one of the oil-producing monarchies of the Gulf region, which was distinguished by a high degree of civic activity. The purpose of the article is to trace the stages of the development of civil society in the context of domestic and international situation dynamics. The role of several key political events from the history of the country in the direction of civil activism of its inhabitants is shown. The first stage refers to the period when the country gained political independence. At that time, the formation of civil society was influenced by the Kuwaiti crisis, when Iraq put forward claims to Kuwait as part of its state, which led to the growth of civil consciousness. The next stage was the period following the Iraqi aggression against the country in August 1990, creating another factor of civil society mobilization aimed at resisting the occupiers and protecting its national identity.

Its further transformation takes place during the mass protests of 2011, to the present state. At that time, civil activity in Kuwait reached a peak level, especially among youth groups, but soon began to decline under the influence of turbulence that became reality of the region and related threats to society as a whole. Mass protests demonstrated that civil activity in Kuwait reached a peak level, especially among youth groups, but soon began to decline under the influence of turbulence that engulfed the region and related threats to society as a whole. The non-governmental organizations that emerged at that time were fragmentary. Most of them were created on the basis of the interests of small groups that solved tasks that had no significance for the broad strata of Kuwaiti society.

Keywords: Kuwait, civil society, Kuwaiti crisis, Iraqi aggression, Arab spring.

Прежде проблематика кувейтского гражданского общества не привлекала особого внимания отечественных историков и политологов. Не было опубликовано и значимых комплексных работ, посвященных этой теме, за рубежом. В 2019 г. исследовательский центр немецкого фонда Конрада Аденауэра (Konrad Adenauer Stiftung, KAS) провел социологическое исследование и подготовил подробный отчет о состоянии гражданского общества в Кувейте¹. Эти материалы были использованы автором в статье для демонстрации нынешнего уровня развития общественной деятельности в Кувейте. Хотя они не дают полной картины состояния гражданского общества, однако позволяют охарактеризовать те изменения, которые в нем произошли за последнее десятилетие.

Кувейт — небольшое нефтедобывающее государство, входящее в группу нефтяных монархий Персидского залива. По сравнению с другими странами этой группы, он отличался высокой степенью развития гражданского общества и уровнем его политизации. Это было связано с тем, что еще в период британского протектората, соглашение о котором было подписано между правителем Кувейта шейхом Мубараком Ас-Сабахом и британским правительством в 1899-е годы, Кувейт испытывал на себе влияние других более продвинутых арабских стран, таких как Египет, Сирия и Ирак. Их представители стали привлекаться британской администрацией для работы в органах управления, а также в качестве преподавателей в начальных школах, первая из которых была основана в 1919 г.

Кувейтское общество уже в 1920–1930-е годы отличалось передовыми для своего времени идеями просвещения. Благотворительные фонды, которые создавались на средства местных предпринимателей, занимавшихся добычей жемчуга и торговлей, отправляли кувейтскую молодежь для получения образования в ведущие арабские страны. Кроме того, ими же финансировалось создание школ и медицинских пунктов, организовывалась доставка газет из Египта, была создана первая публичная библиотека².

С началом промышленной добычи нефти и ее экспорта Кувейтом после Второй мировой войны социальные изменения набрали быстрый темп, шло создание новых предприятий, активно развивался процесс урбанизации, а также переход кочевников к оседлости, что сужало сегмент граждан, приверженных традиционным представлениям и образу жизни.

В начале 1940-х годов население Кувейта насчитывало около 80 тыс. человек. Оно стремительно росло главным образом за счет притока иностранной рабочей силы и за десять лет удвоилось, составив в 1952 г. 160 тыс.³

Появление новых учебных заведений, в основном государственных, привело к увеличению числа учащихся. Если в 1946–1947 гг. общее количество школьников составляло 3962 (из них 935 девочек), то в 1960–1961 гг. оно достигло 45 157 человек (из них 17

¹ Kuwait Civil Society. Needs assessment Research Study // Konrad Adenauer Stiftung (KAS). URL: <https://www.kas.de/documents/286298/286347/en.v+Kuwait+Civil+Society-Study+Detailed+Report.pdf/d6d2fba2-a36b-6d1e-b6cd> (дата обращения: 06.05.2020).

² Мелкумян Е.С. Новейшая история Кувейта. М., 2011. С. 38–39.

³ Мелкумян Е.С. Кувейт в 60–80-е годы: социально-политические процессы и внешняя политика. М., 1989. С. 22.

459 девочек)⁴. Хотя высшее образование кувейтцы получали за границей, в стране существовали технический колледж и другие профессиональные образовательные учреждения. Таков был первый этап изменения социального состава страны, который повлиял на расширение модернизированных слоев. Рост числа образованных людей менял характер общественной жизни. Традиционные социальные связи уступали место современным формам социальной коммуникации, что в дальнейшем способствовало формированию гражданского общества.

Процесс формирования гражданского общества ускорился после обретения Кувейтом независимости в 1961 г. Одновременно шла модификация основ политической системы и наблюдалось быстрое социально-экономическое развитие.

Кувейтский кризис разразился непосредственно после денонсирования в июле 1961 г. договора о британском протекторате. Министерство иностранных дел Ирака опубликовало брошюру под названием «Правда о Кувейте», в которой были изложены иракские претензии на Кувейт как неотъемлемую часть Ирака. Благодаря вмешательству со стороны Лиги арабских государств военное вторжение со стороны Ирака удалось предотвратить. Однако иракская угроза сохранялась, став долговременным фактором, оказывавшим влияние на развитие страны, в том числе на процессы становления гражданского общества.

Власть осознавала, что в подобных условиях общество нуждается в консолидации, поэтому кувейтская конституция, принятая в 1962 г., носила либеральный характер, что нашло отражение в широких полномочиях парламента, а также гарантии гражданам страны права на создание ассоциаций и союзов на национальной основе и ради достижения мирных целей⁵.

В 1962 г. был принят специальный закон, регламентирующий создание общественных объединений — «Закон об организациях и клубах общественной пользы» № 24. Он открыл дорогу созданию неправительственных общественных организаций (НПО). Эти объединения не должны были вмешиваться в политику, разжигать религиозную рознь, общинные и племенные разногласия. Министерство социальных дел и труда давало разрешение на создание организации или клуба, только если его деятельность соответствовала закону. Информация о новых объединениях публиковалась в официальной газете⁶.

Задача общественных объединений, согласно закону, состояла в «пропаганде новых идей, гармонично сочетающихся с традиционными устоями общества»⁷. Правительство выделяло НПО дотации. По данным кувейтского исследователя, в 1987 г. финансовая помощь со стороны правительства составила 4289 тыс. долл. и была распределена между 53 НПО⁸.

На основании закона 1962 г. создавались различного рода социальные, культурные или профессиональные организации, такие как ассоциации врачей, журналистов, учителей, юристов, инженеров, экономистов. Именно они оказали наибольшее влияние на кувейтское общество, поскольку занимались не только защитой своих профессиональных интересов, но и распространением информации о современных зарубежных обществах, активно участвующих в общественно-политической жизни западных стран. Публичные лекции, обсуждения, публикации статей в средствах массовой информации — примерный перечень той активности неправительственных общественных организаций, которая способствовала изменению общественного климата и распространению ценностей, призванных прививать жителям Кувейта черты гражданской ответственности. В числе проблем, широко обсуждаемых кувейтской общественностью, можно назвать характерное

⁴ The Economic Development of Kuwait. The International Bank of Reconstruction and Development. Baltimore, 1965. P. 44.

⁵ The Constitution of the State of Kuwait. Kuwait, 1962. Article 43.

⁶ Канун фи шаан аль-андия ва джамийят ан-нафт аль-амм (Закон об организациях и клубах общественной пользы) // Маджумаат аль-каванин ва ат-ташриат ли даулат Аль-Кувейт. (Сборник законов и указов Государства Кувейт). Кувейт, 1962. Ст. 1. С. 263. (На араб. яз.)

⁷ Там же.

⁸ *Shamlan Y. Al-Essa*. The Political Consequences of the Crisis for Kuwait // *The Gulf Crisis: Background and Consequences* / ed. I. Ibrahim. Washington, 1992. P. 172.

для значительной части кувейтских граждан стремление к роскоши, паразитизм, отказ от определенных видов деятельности, которые считались непрестижными. Как отмечал советский историк А.М. Васильев, «некоторые не могут устоять перед соблазнами современного мира и проходят через период сверхзатрат и мотовства»⁹. Подобные настроения встречали осуждение активистов общественных организаций и представителей гражданского общества, ориентированных на достижение прогрессивных изменений в стране.

В этот период происходили изменения в демографическом, национальном и социальном составе населения. С 1965 по 1980 г. его общая численность выросла в 2,8 раза за счет как «демографического взрыва» (роста рождаемости и снижения смертности), так и увеличения числа иностранцев, составивших в 1980 г. 58,5% населения и 62,3% трудоспособной части¹⁰. Произошли изменения и в образовательном уровне: снизилось число неграмотных (в 1970-х годах — 35,8% от общей численности взрослого населения; в 1980 г. — 25,3%; в 1985 г. — 14,9%) и возросло количество людей с дипломами о высшем образовании (4%, 6% и 12,8% соответственно)¹¹.

Постепенно среди иммигрантов уменьшилось число представителей арабских стран за счет притока неквалифицированной рабочей силы из стран Азии. Правительство сдерживало приток арабов, опасаясь их идейного влияния. В 1960-е годы в Кувейте были очень популярны идеи арабского национализма, весьма распространенные во всем арабском мире благодаря лидеру этого движения Гамалю Абдель Насеру. Их пропагандировали многие кувейтские НПО. Но постепенно идеи арабского единства отошли на задний план, уступив место представлениям об особой кувейтской идентичности.

Консолидация кувейтского общества происходила постепенно. Определенную роль в этом процессе играли различные общественные объединения. В своей деятельности они использовали и традиционные формы социальной коммуникации, наиболее распространенной из которых стали диванийи¹². Общественные деятели с целью повысить свой престиж открывали свои диванийи, где регулярно проходили неформальные обсуждения насущных общественных проблем и куда приглашались влиятельные и авторитетные люди.

В 60-е годы XX в. были также заложены основы женского движения в Кувейте. В 1963 г. возникло Общество возрождения арабской женщины, которое стремилось к тому, чтобы женщины более активно участвовали в общественной и производственной жизни, способствовало открытию яслей, детских садов и занималось просветительской деятельностью.

В том же году возникла женская организация, боровшаяся за полное женское равноправие, — Социально-культурное женское общество. Оно объединяло в своих рядах женщин, получивших хорошее образование на родине или за рубежом, — журналистов, преподавателей, адвокатов. Издававшийся ассоциацией журнал «Моя семья» публиковал материалы, в которых разяснялись вопросы, связанные с положением женщин в семье, их участием в воспитании детей, общественно значимые проблемы.

Общественные организации различного толка способствовали модернизации социального облика страны и распространению таких идей, как уважение прав человека, забота о подрастающем поколении, женское равноправие. НПО играли важную роль в проведении избирательных кампаний, а поддержка со стороны подобных объединений помогала кандидатам набирать необходимое для избрания в парламент страны число голосов. Эти организации становились альтернативой традиционных каналов поддержки, подобных принадлежности к единой конфессиональной общине, племени или клану.

⁹ Васильев А.М. Факелы Персидского залива. М., 1978. С. 57.

¹⁰ Мелкумян Е.С. Кувейт в 60–80-е годы. С. 26–27.

¹¹ Kuwait Annual Statistical Abstract. 1986. Kuwait, 1986. P. 125.

¹² Кувейтская энциклопедия следующим образом разясняет этот термин: диванийя — помещение в доме, предназначенное для мужчин, где они собираются, чтобы обсуждать насущные вопросы, а также общественное мероприятие, которое символизирует особое положение семьи хозяина диванийи. См.: The Shorten Kuwaiti Encyclopedias. Vol. 2. Kuwait, 1971. P. 609.

1960–1970-е годы были периодом активной деятельности НПО. В 1980-е наступил определенный спад их активности, что было связано с нестабильной региональной ситуацией, вызванной ирано-иракской войной 1980–1988 гг. и угрозами национальной безопасности как из-за военных действий в регионе, так и из-за антиправительственной деятельности радикальных экстремистских группировок.

Период иракской оккупации (август 1990 – февраль 1991 г.) стал своеобразной проверкой зрелости кувейтского гражданского общества.

Сразу за вторжением иракских войск на территорию Кувейта 2 августа 1990 г. правитель страны эмир Джабер Аль-Ахмед Ас-Сабах и члены правительства покинули Кувейт, обосновавшись в Саудовской Аравии, где было создано правительство в изгнании. Кувейтские граждане проявили патриотизм и готовность всеми силами добиваться освобождения своей родины. Среди кувейтцев не было зафиксировано ни одного случая проявления коллаборационизма. Их единство и сплоченность были, несомненно, подтверждением их подлинно гражданской позиции. Возникло движение сопротивления оккупантам. Создавались народные комитеты, местом сбора которых из-за необходимости соблюдения конспирации стали мечети. Первым стал медицинский комитет, члены ассоциации врачей бесплатно оказывали медицинские услуги раненым и больным¹³.

Ежедневно после вечерней молитвы в мечетях собиралась молодежь, которая привлекала добровольцев во вновь создаваемые комитеты. Появился комитет по продовольствию. Он раздавал продукты питания через кооперативы, существовавшие в каждом квартале. Ежегодно избирались члены управляющего комитета, которые брали на себя задачу по распределению продовольствия среди нуждающихся. Комитет по очистке улиц отвечал за уборку мусора и его уничтожение. Комитет по сбору информации подпольно выпускал газету, в которой публиковались данные о действиях оккупационных властей. Кувейтских жителей призывали продолжать сопротивление оккупантам¹⁴.

После освобождения страны Исследовательский кувейтский центр изучил документацию оккупационных властей и воссоздал историю сопротивления¹⁵. Одной из форм неподчинения иракским властям стал отказ кувейтцев служить в государственных учреждениях, перешедших под иракское управление. Кроме того, граждане уклонялись от обмена кувейтских удостоверений личности на иракские паспорта. Они не отправляли своих детей в иракские школы, не подчинялись распоряжениям иракских властей. Такими были формы пассивного протеста.

Но оказывалось и вооруженное сопротивление оккупационным властям: возникли несколько военных формирований, каждое со своим командованием, действовавшие в различных районах страны. Они нападали на контрольно-пропускные пункты, на полицейские участки и полицейские машины. Были зафиксированы отдельные случаи нападения на иракские воинские подразделения, сопровождаемые убийствами иракских военнослужащих и захватом оружия¹⁶. Активное участие в движении сопротивления и в деятельности народных комитетов принимали кувейтские женщины.

Единство общества и его готовность противодействовать оккупантам стали показателями гражданского самосознания. Именно благодаря консолидации общества в предшествовавший период оно смогло самоорганизоваться и бороться с оккупантами.

С 13 по 15 октября 1990 г. еще во время оккупации в Джидде состоялся Конгресс кувейтского народа. В его работе участвовали представители различных политических сил и общественных организаций. В заключительном коммюнике Конгресса говорилось: «Кувейтское общество поддерживает ту систему власти, которая была избрана кувейтским

¹³ Shamlan Y. Al-Essa. Op. cit. P. 175.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Движение сопротивления народа Кувейта: по иракским документам. М., 2000.

¹⁶ Там же. С. 41–43.

народом с момента возникновения кувейтской государственности и с которой были согласны все последующие поколения»¹⁷.

Кувейтское общество и НПО продемонстрировали в этот трагический период истории страны свою сплоченность и поддержку власти, способствовавшей формированию единой национально-государственной идентичности.

Гражданское общество Кувейта в 2000-е годы становилось все более политизированным. Молодежные группировки, женские организации, другие НГО поддерживали требования парламентской оппозиции. В 2006 г. отстаивалось введение нового избирательного закона, который бы уменьшил число избирательных участков с 25 до пяти, для того чтобы выборы стали более честными, так как их легче было бы контролировать. В поддержку этой инициативы молодежные организации устраивали шествия, во время которых скандировали «Набги хамса» (мы хотим пять)¹⁸.

Молодые активисты, которые отстаивали в тот период требования парламентской оппозиции, проявили себя и «арабской весной».

Этот период иначе называют Арабским пробуждением, именно этот термин использовали авторы монографии: «Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия, что дальше?». В.В. Наумкин отмечал: «Все те причины, которые привели к событиям Арабского пробуждения, существовали в регионе и до него». В 2011 г., когда происходили мятежи, восстания и массовые протесты, «сыграл свою роль накопительный аккумуляционный эффект»¹⁹. Кувейт не стал исключением. Недовольство общества копилось достаточно давно. Оно не было вызвано социально-экономическими причинами. Граждане Кувейта требовали проведения коренных политических реформ и выступали против коррупции представителей высшего эшелона власти. Эти вопросы поднимались парламентской оппозицией с 2006 г., когда эмиром стал Сабах Аль-Ахмед Ас-Сабах, стремившийся сохранить определенный баланс между законодательной (парламентом) и исполнительной властью (правительством), но это ему удавалось ценой постоянных политических кризисов, когда он своим указом вынужден был распускать правительство и назначать новые выборы. Достаточно показательным является тот факт, что премьер-министр Насер Мухаммед Ас-Сабах, назначенный в феврале 2006 г., до начала 2009 г. успел возглавить пять составов правительства²⁰.

Протестные движения «арабской весны» происходили последовательно в разных странах, начавшись в Тунисе в декабре 2010 г. В феврале 2011 г. они охватили Египет, а затем затронули и другие арабские государства, в том числе Кувейт. Можно согласиться с метким замечанием Труевцева, что волнения в Тунисе вызвали эффект домино²¹.

Активное участие молодежи стало объединяющей чертой арабских протестов. Французская исследовательница проблем Залива Ф. Дези-Хени писала: «Мобилизация молодежи представляла собой развитие новых форм активизма в Кувейте»²². В феврале 2011 г. молодежь организовала в социальных сетях кампанию с требованием отставки премьер-министра Насера Аль-Мухаммеда Ас-Сабаха. Лозунг «аш-шааб юрид искат Насер» (народ хочет отставки Насера)²³ стал распространяться через интернет и получил поддержку других общественных страт. Призыв к проведению первой демонстрации 8 марта 2011 г. рассылался через интернет молодежной организацией Кафи («Довольно»),

¹⁷ His Highness Jaber Al-Ahmed Al-Sabah. *The Journey of a Homeland*. Kuwait, 2008. P. 144.

¹⁸ *Dazi-Heni F.* The Arab Spring imposed on Kuwait “exceptionalism” // *Arabian Humanities*. 2015. № 4. P. 18.

¹⁹ *Наумкин В.В.* Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения // *Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* М., 2012. С. 5.

²⁰ *Мелкумян Е.С.* История Арабских стран. Государства Залива в XX — начале XXI века. М., 2018. С. 205.

²¹ *Труевцев К.М.* Глобализация и Арабский мир. До и после волн турбулентности. М., 2020. С. 217.

²² *Dazi-Heni F.* Op. cit. P. 20.

²³ *Ibidem*.

сформированной под влиянием восстаний в арабских странах. Аналогичная организация с названием Кифая (на египетском диалекте также означает «довольно») существовала в Египте и принимала активное участие в протестах.

Многочисленные группы кувейтской молодежи консолидировались в социальных сетях, критиковали правительство за неэффективность, требовали изменить закон об общественных объединениях, убрать запрет на осуществление ими политической деятельности, дать возможность развивать гражданское общество, предоставить полную свободу выражать свое мнение. Кроме того, молодежь призывала бороться с коррупцией среди представителей власти.

Эти группы возникали стихийно, не получали организационного оформления и быстро исчезали.

Когда начались акции протеста, требование борьбы с коррупцией стало всеобщим. Кувейтское общество было возмущено распространяемой в социальных сетях информацией о продажности чиновников, взятках депутатов, о хищениях со стороны высших представителей власти. Злоупотребления властей широко обсуждались во время митингов и шествий.

Первая демонстрация перед зданием парламента прошла 8 марта 2011 г. В ней принимали участие члены молодежных группировок, общественных объединений и парламентской оппозиции. Среди демонстрантов было много женщин.

Молодежь, собравшаяся у здания парламента, раздавала депутатам парламента, направлявшимся на заседание, арбузы. Этой акцией они хотели подчеркнуть свое недовольство их деятельностью (арбуз — аль-батых — на кувейтском диалекте означает «никчемный, никуда не годный»). Не исключено, что таким образом молодые люди привлекали внимание и к слухам о подкупе депутатов со стороны предпринимателей.

Демонстрации и митинги носили массовый и регулярный характер. В мае 2011 г. прошла целая серия протестов с требованием отставки правительства. По-прежнему одним из наиболее распространенных лозунгов была борьба с коррупцией. В сентябре было проведено шествие по центральным улицам Эль-Кувейта с транспарантами «Долой взяточников и взяточдателей»²⁴.

Митинг у здания парламента 21 октября 2011 г. оказался особенно многочисленным. Выступивший перед собравшимися депутат от оппозиции Мусалим Аль-Барак обвинил премьер-министра страны Насера Аль-Мухаммеда Ас-Сабаха — племянника эмира Сабаха Аль-Ахмеда — в хищении государственных средств, приведя подробный перечень переводов за зарубежные контракты на его личный счет²⁵. Митингующие потребовали немедленной отставки главы кабинета. Отказ эмира накалил обстановку до предела. 16 ноября тысячи протестующих вновь собрались у здания парламента и взяли его штурмом, в результате столкновения между охраной парламента и митингующими были пострадавшие. Многие демонстранты были задержаны полицией и предстали перед судом. Несмотря на принятые жесткие меры, акции протеста не прекращались. Они проходили под лозунгом отставки премьер-министра. 28 ноября эмир страны Сабах Аль-Ахмед Ас-Сабах удовлетворил это требование, премьер-министр Насера Аль-Мухаммед Ас-Сабах был отстранен от должности, что привело к прекращению массовых акций.

В последующие несколько лет протестная активность возобновлялась в тех случаях, когда происходили события, затрагивавшие значительную часть населения, или же парламентской оппозиции удавалось добиться общественной реакции на действия власти, вызывавшие всеобщее возмущение.

²⁴ Аль-Кувейт: тазаххура ли искат «ар-раши ва мурташи» (Кувейт: демонстрация с целью искоренения «взяточников и взяточдателей») // Аль-Хайят. 22.IX.2011. URL: <http://international.daralhayat.com/internationalarticle/310121> (дата обращения: 10.04.2012). (На араб. яз.)

²⁵ Аль-Му'арада аль-кувейтийя туттахим раис аль-вузара' 9Redtqncrfz (Оппозиция обвиняет премьер-министра) // Аль-Хайят. 21.X.2011. URL: <http://international.daralhayat.com/internationalarticle/520867> (дата обращения: 10.04.2021). (На араб. яз.)

* * *

После массовых протестов 2011 г. активность гражданского общества пошла на спад, в том числе из-за усиления репрессивных мер со стороны власти. В 2012 г. правительство приняло поправки к закону о средствах массовой информации, направленные на более жесткий их контроль. Прежде всего власть беспокоила молодежь, которая в социальных сетях публиковала посты, содержащие критические высказывания в отношении власти. Всем нарушителям грозил тюремный срок или большой штраф. В 2013 г. в соответствии с этим законом были возбуждены дела против 29 человек, им инкриминировали неуважение к эмиру, конституции или существующему режиму. В предшествовавшем 2012 г. таких дел было только девять²⁶.

29 октября 2021 г. был взят под арест Мусаллим Аль-Барак — оппозиционный деятель, обвинения которого в адрес Насера Аль-Мухаммеда Ас-Сабаха сыграли немалую роль в отставке премьер-министра.

Мусаллим Аль-Барак на проходившем перед зданием парламента митинге против принятия нового закона о выборах, воспринятом кувейтским обществом как ограничение конституционных прав, обратился к эмиру со словами: «Мы тебе не позволим» (ле насмах леке). Их посчитали оскорблением главы государства. 15 апреля 2013 г. суд приговорил оппозиционера к двухгодичному тюремному заключению²⁷.

Изменившаяся внутривластная ситуация оказала воздействие на кувейтское общество. Оно стало более индифферентным. Многие НГО прекратили свое существование. Появлялись новые организации, но в небольших количествах, и их деятельность была не слишком активной.

Кроме того, после 2014 г. с падением цен на нефть Кувейт стал испытывать все большие экономические трудности. На нефтяной сектор приходилось 40–50% ВВП, 90% всего экспорта и 80–90% государственных доходов²⁸. Экономический рост замедлился и увеличился дефицит бюджета. Правительство не могло справиться с экономическими проблемами. ВВП продолжал снижаться.

Пандемия Covid-19 также оказала негативное влияние на гражданское общество страны. Вынужденная изоляция, невозможность поддерживать социальные контакты, возросшие социально-экономические проблемы — все это, несомненно, сказалось на функционировавших в Кувейте НГО.

Отчет о состоянии гражданского общества в Кувейте, подготовленный экспертами KAS, был призван дать представление об общественных объединениях, которые функционировали в Кувейте после 2010 г. Он был составлен на основе проведенных интервью с членами 38 НПО²⁹. Разумеется, этот отчет не мог дать всеобъемлющую картину состояния гражданского общества во втором десятилетии нынешнего века, но его данные, пусть и не полные, позволяют составить представление о новых тенденциях развития и особенностях, характерных именно для изучаемого периода.

Одной из особенностей периода было превалирование НПО, созданных после 2010 г. (66% от общего числа). Их численность постоянно менялась. Многие организации по различным причинам, в том числе финансового или организационного характера, прекращали свою деятельность. Характерной чертой было также нежелание большинства организаций получать регистрацию³⁰, соответственно, они не получали финансовой поддержки от государства. Кроме того, не наблюдалось разработанной государственной

²⁶ Dazi-Heni F. Op. cit. P. 70.

²⁷ Musallam Al-Barrak Kuwait's democracy is being undermined — that's why its people are protesting // The Guardian. 25.XI.2012. URL: <https://www.theguardian.com/profile/musallam-al-barrak> (дата обращения: 10.04.2021).

²⁸ Бабенкова С.Ю. Экономика Кувейта: возможности, потенциал, восстановление (ожидание vs реальность) // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2022. Т. 21. № 1. С. 11.

²⁹ Kuwait Civil Society. P. 5.

³⁰ Ibid. P. 9, 13.

стратегии развития гражданского общества, и государство не прилагало усилий для поддержки НПО, испытывавших те или иные проблемы.

Членами НПО были, как правило, молодые люди до 30 лет. Причем большинство составляли женщины, получившие хорошее образование и принадлежащие к обеспеченным социальным слоям³¹. Активное участие женщин объяснялось тем, что женское движение зародилось в Кувейте еще в 1960-е годы и власть поощряла развитие процесса женской эмансипации как по социально-экономическим причинам, связанным с необходимостью увеличить численность местной рабочей силы, так и из-за стремления повысить престиж страны на международной арене — забота о женском равноправии рассматривалась как один из важнейших показателей уровня развития общества.

Среди функционировавших общественных объединений преобладали культурные и творческие ассоциации: организации по изучению культуры или искусства, а также музыкальные, театральные или живописные кружки. Большое распространение получили различного рода женские объединения: женские клубы, курсы и организации, деятельность которых была связана с оказанием помощи женщинам в решении семейных проблем. Новым явлением для Кувейта стало создание большого числа НПО, занимавшихся вопросами экологии, гуманитарной помощи, защитой прав человека и защитой животных³².

Деятельность новых организаций, возникших в последние годы, была ориентирована на решение конкретных проблем и изменившийся под влиянием процессов глобализации образ жизни кувейтцев. Традиционные формы проведения досуга в кругу семьи сменялись на более активное поддержание социальных связей с теми, кто разделял интересы. В первую очередь это касалось представителей молодого и среднего возраста, составлявших в Кувейте (как, впрочем, и в других арабских странах) подавляющее большинство. Кроме того, молодое поколение страны активно усваивало западные ценности, что также отражалось на характере деятельности НГО Кувейта в современный период.

Гражданское общество Кувейта прошло в своем развитии несколько этапов, начав формироваться с момента обретения страной политической независимости в 1961 г. Период становления был отмечен появлением многочисленных неправительственных организаций. Несмотря на их различные направления, их деятельность привела к модернизации общества, оно становилось менее традиционным, более ориентированным на решение общенациональных задач и адаптированным к требованиям современности.

Кувейтское общество, как и кувейтская власть, стремилось к сохранению внутривнутриполитической стабильности. Оно опасалось утратить единство и сплоченность. Иракская угроза, довлевшая над страной с первых лет независимости, и трагические дни иракской оккупации 1990–1991 гг. наложили отпечаток на развитие гражданского общества, которое продемонстрировало свою сплоченность и отказ от сотрудничества с оккупационными властями. Многие кувейтские граждане приняли активное участие в движении сопротивления.

Гражданское общество Кувейта поддерживало правящую власть — гаранта обеспечения национальной безопасности и материального благополучия граждан. Даже в период «арабской весны», когда кувейтские граждане активно участвовали в протестах, требования не были направлены на свержение существующего режима.

Спад активности гражданского общества в последние годы связывают как с усилившимся контролем со стороны власти и принятием ею репрессивных мер против любых проявлений оппозиционных настроений, так и с обострившейся региональной ситуацией и экономическими трудностями в стране.

Произошла определенная трансформация гражданского общества Кувейта, проявившаяся в концентрации его внимания на насущных жизненных проблемах. Новые НПО

³¹ Ibid. P. 7.

³² Ibid. P. 20.

создавались на основе общих интересов его членов, а не были нацелены на решение общественных проблем.

Библиография / References

- Бабенкова С.Ю.* Экономика Кувейта: возможности, потенциал, восстановление (ожидание vs реальность) // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2022. Т. 21. № 1. С. 9–26.
- Васильев А.М.* Факелы Персидского залива. М., 1978.
- Движение сопротивления народа Кувейта: по иракским документам. М., 2000.
- Мелкумян Е.С.* История Арабских стран. Государства Залива в XX – начале XXI века. М., 2018.
- Мелкумян Е.С.* Новейшая история Кувейта. М., 2011.
- Мелкумян Е.С.* Кувейт в 60–80-е годы: социально-политические процессы и внешняя политика. М., 1989.
- Наумкин В.В.* Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? М., 2012. С. 3–20.
- Труевцев К.М.* Глобализация и Арабский мир. До и после волн турбулентности. М., 2020.
- Babenkova S.U.* Economika Kuwaita: vozmojnosti, potenchial, vosstanovlenie (ojidanie vs. realnost) [Kuwait Economy: Opportunity, Potencial, Recovery (Expectation vs. Reality)] // Uchenie zapiski Rossiiskoi akademii predprinimatel'stva [Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship]. 2022. T. 21. № 1. S. 9–26. (In Russ.)
- Dvijenie soprotivleniya naroda Kuwaita: po irakskim dokumentam [The movement of resistance of Kuwait people: according to Iraqi documents]. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Melkumyan E.S.* Istoriya arabskikh stran. Gosudarstva Zaliva v XX – nachale XXI veka [The History of the Arab countries. The States of the Gulf in 20th – the beginning of 21st century]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Melkumyan E.S.* Kuweit v 60–80-e godi. Sotsialino-politicheskie protsessi i vneshnaya politika [Kuwait in 60–80-th. Socio-Political Processes and the Foreign Policy]. Moskva, 1989. (In Russ.)
- Melkumyan E.S.* Noveishaya istoriya Kuweita [The Contemporary History of Kuwait]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Naumkin V.V.* Vmesto predisloviya. Krugovorot Arabskogo Probujdeniya [Instead of a Preface: The Circle of the Arab Awakening] // Blijniy Vostok, Arabskoe probujdeniye i Rossiya: chto dalshe? [The Middle East, the Arab Awakening and Russia: What's Next?]. Moskva, 2012. (In Russ.)
- Truevtsev K.M.* Globalizatsiya i arabskiy mir. Do i posle voln turbulentnosti [Globalization of the Arab World. Before and after waves of turbulence]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Vasiliev A.M.* Fakeli Persidskogo zaliva [Torches of the Persian Gulf]. Moskva, 1978. (In Russ.)
- Dazi-Heni F.* The Arab Spring imposed on Kuwait “exceptionalism” // Arabian Humanities. 2015. № 4. P. 1–80.
- His Highness Jaber Al-Ahmed Al-Sabah. The Journey of a Homeland. Kuwait, 2008.
- Kuwait Annual Statistical Abstract. 1986. Kuwait, 1986.
- Kuwait Civil Society. Needs assessment Research Study // Konrad Adenauer Stiftung (KAS). URL: <https://www.kas.de/documents/286298/286347/en.v+Kuwait+Civil+Society-Study+Detailed+Report.pdf/d6d2fba2-a36b-6d1e-b6cd> (access date: 06.05.2020).
- Shamlan Y. Al-Essa.* The Political Consequences of the Crisis for Kuwait // The Gulf Crisis: Background and Consequences / ed. I. Ibrahim. Washington, 1992. P. 169–185.
- The Constitution of the State of Kuwait. Kuwait, 1962.
- The Economic Development of Kuwait. The International Bank of Reconstruction and Development. Baltimore, 1965.
- The Shorten Kuwaiti Encyclopedias. Vol. 2. Kuwait, 1971.

© 2023 г. С.Н. СЕРЕБРОВ

ИМПЛИЦИТНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И РЕФОРМАТОРСТВО В ЙЕМЕНЕ: УРОКИ XX века

Серебров Сергей Николаевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

E-mail: sserebrov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4188-5039

Аннотация. Факт сходства трансграничных форм гражданского активизма арабских стран в ходе событий «арабской весны» принято связывать с их социокультурной общностью, задающей маркеры их идентичности. Проявлением этого взаимодействия, по мнению автора, выступает феномен имплицитного гражданского общества (ГО), опирающийся на скрытые пружины исламской культуры, но функционирующий в абсолютно ином ключе. Попытка его описания в статье на примере Йемена включает три аспекта: в качестве активного участника переломных событий современной социальной истории Йемена; центра выработки гражданских стратегий, кардинально отличавших ее от религиозных и политических группировок; в роли механизма адаптации коренной культурной идентичности социума к переменам. Статья охватывает период от зарождения этого феномена на ранней фазе модернизации погруженного в глубокую социальную архаику и колониальную зависимость от Британской империи общества в первой трети XX в. до его кульминации в ходе кризисных событий республиканского Йемена начала XXI в. В статье использованы материалы научных исследований из разных историко-культурных регионов Йемена. Феномен иллюстрируют примеры деятельности клуба «Нади аль-Ислах аль-араби аль-ислами» в Адене и движения иршадистов в Хадрамауте на рубеже 1930-х годов: представители новой светской интеллигенции впервые совершили перенос реформаторского нарратива из религиозной плоскости в сферу публичного дискурса. Разработанный ими инструментарий: просветительская работа через клубы, налаживание диалога между враждебными группами, внимание к культурным традициям, сохраняет актуальность. Современное многообразие феномена имплицитного ГО Йемена показано на примерах клуба «Шабаб аль-мумин» возникшего в провинции Саада на севере Йемена в середине 1990-х, а также спонтанных городских молодежных комитетов, направивших общенациональное восстание 2011 г. в мирное русло. Цель статьи состоит в характеристике феномена имплицитного ГО арабских стран на примере Йемена с использованием описательно-фактологического метода. Практическая ценность предложенного подхода состоит, в частности, в уяснении причин повышенной проницаемости границ между гражданскими и политическими формами активизма в этой группе стран.

Ключевые слова: Йемен, гражданское общество, конфессиональные конфликты, ислам, «арабская весна».

S.N. Serebrov

Implicit Civil Society and Reform in Yemen: Lessons from the Twentieth Century

Sergey Serebrov, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: sserebrov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4188-5039

Abstract. The fact that cross-border forms of civic activism in Arab countries during the “Arab Spring” are similar is commonly attributed to their socio-cultural commonalities, which provide markers of their identities. The manifestation of this interaction, in the author’s view, is the phenomenon of an implicit civil society that draws on the hidden springs of Islamic culture, but that functions in a completely different way. The author’s attempt to describe it in this article using the example of Yemen includes three aspects: as an active participant in the watershed events of contemporary Yemeni social history; as a centre of civic strategies that fundamentally differentiate it from religious and political groupings; and as a mechanism for adapting the indigenous cultural identity of a society to new ideological environment. The article spans the period from its emergence at an early stage of modernisation in a deeply archaic society united under British colonial rule in the first third of the twentieth century, to its culmination in the early twenty-first century. The article is based on publications examining relevant cases from different historical and cultural regions of Yemen. Early examples include the “Nadi al-Islah al-Arabi al-Islami” Club in Aden and the Irshadist Movement in Hadramaut extremely active at the turn of 1930s when the national intelligentsia started to reach prominence and managed to convert reformist narrative from the religious frames to the public discourse. They have elaborated the number of tools inherent also to the modern implicit civil society performances like educational work through clubs, preference to dialog between rivals, high attention to maintaining the continuity of cultural traditions, etc. The recent diversity of this phenomenon is illustrated by the experience of the “Shabab al-Mumin” Club, founded in the mid-1990s in the Saada Governorate of northern Yemen, as well as the spontaneous urban youth committees that emerged during the 2011 uprising, which channelled a huge wave of social activism into peaceful activity. The aim of the article is to explore the phenomenon of implicit civil society using a descriptive method. The practical significance of the proposed approach lies in a better understanding of the reasons for the heightened permeability of the boundaries between civic and political activism so characteristic of such societies.

Keywords: Yemen, civil society, confessional conflicts, Islam, “Arab Spring”.

События «арабской весны» 2011 г. вызвали заметный рост внимания исследователей к теме гражданского общества (ГО) стран Ближнего Востока. Причины и механизмы этого трансграничного внезапного бурного социального катаклизма, с небольшим интервалом охватившего Тунис, Египет, Йемен, Ливию, Сирию и другие арабские страны, остаются не вполне понятыми. Массовый переход значительной части населения от пассивности к специфическим, содержащим в себе отчетливый культурный код формам гражданского активизма происходил будто по готовому алгоритму, придавшему протестам небывалый размах. Границы между гражданским обществом и обществом как таковым, которые в классических случаях отличаются так же, как искусственно создаваемые ассоциации свободных индивидов отличаются от естественных групп, здесь оказываются более подвижными ввиду использования ими готовых элементов социокультурного кода данного восточного общества, запускающих механизм ускоренного вовлечения в эти ассоциации больших групп обычно пассивного населения. Эта специфика не получила должной и своевременной оценки отчасти из-за доминирования в последние годы в востоковедении либерального взгляда на арабское ГО по принципу сходства с опытом Запада. Особая роль культурных кодов, встроенных в идентичность больших социальных групп этих стран, проявленная в событиях 2011 г., показала необходимость выработки нового подхода к изучению ГО Востока как важного эндогенного феномена, имеющего собственные закономерности. Молниеносная институализация спонтанных коллективов, собиравшихся в городах для участия в протестных акциях, позволяла им функционировать как слаженный организм, хотя собиравшиеся из разных частей страны молодые люди ранее не были знакомы. Автономность костяка манифестантов от присутствовавших бок о бок с ними ангажированных групп, нацеленных на политические выгоды, существенно тормозила расслоение протестных движений, долго удерживая ситуацию в мирном формате. Поведение молодежи указывало на ее убежденность в легитимности своих действий на том основании, что ее цели соответствовали представлениям большинства населения об общем благе. В этом ключе и звучало требование перемен,

под которым имелась в виду смена власти или ее существенная корректировка. В некоторых странах имплицитному ГО¹, проявившему себя с неожиданной мощью, удалось предотвратить перетекание кризиса в вооруженную борьбу за власть; в других — его влияние ослабевало под давлением перехода к силовым методам борьбы из-за деятельности экстремистских групп или репрессивных акций властей, но во всех примерах «арабской весны» ведущая роль на начальном этапе принадлежала этому социальному феномену.

Эффект имплицитного ГО был хорошо знаком республиканским властям Йеменской Арабской Республики (ЙАР), которые после окончания гражданской войны (1962—1970) с роялистами, представлявшими сторону свергнутого армейскими офицерами зейдитского имама Мухаммада Бадра, приняли решение о проведении в стране плавной негласной религиозной реформы. Она была направлена на суннизацию зейдитской общины, т.е. внедрение умеренной салафитской идеологии, основанной на суннизме, способствующей преодолению оставшихся различий между шафиизмом и зейдизмом — двумя традиционными доминантными исламскими мазхабами Йемена, которым следовало почти все население как ЙАР, так и южного Йемена, ставшего в 1967 г. Народно-Демократической Республикой Йемен (НДРЙ). Принципы нового политического режима были несовместимы с отдельными положениями зейдитской доктрины. Одно из них, например, предписывало верующим обязательное участие в восстании против узурпатора (неправедного правителя) по призыву имама — духовного предводителя общины (да'и). Конечно, угроза вооруженного восстания не имеет ничего общего с функциями имплицитного ГО, но наличие механизма его запуска через культурные коды у них, по сути, одинакова (мобилизация на восстание или на участие в мирном массовом гражданском движении отличалось лишь тем, что в восстании главной силой выступали племена, а в гражданском движении — городское население, в котором доля выходцев из племен весьма существенна в наше время). В одном из своих исследований зейдитской общины Йемена Габриэль ван Брюк отмечала, что, хотя зейдитские улемы демонстрировали лояльность режиму и заверяли его в приостановке действия спорного правила — участия общины в восстании против неправедного правителя, в условиях демократического порядка выборов главы государства салафитская реформа развивалась в зейдитских регионах страны высокими темпами при поддержке государства, продолжавшего видеть в зейдизме источник рисков².

Изменение культурных кодов и идентичностей требует длительного целенаправленного участия со стороны эндогенных или экзогенных акторов и посылить только государствам. Это обстоятельство объясняет распространенность негласного патронажа над деятельностью формально автономных и самостоятельных религиозных, благотворительных и образовательных учреждений в арабских странах со стороны государств. Расщепление культурной идентичности под влиянием модернизации и других причин ведет к снижению потенциала имплицитного ГО оказывать влияние на общественные процессы, но в случае появления фундаментальных рисков высокого уровня всему социуму этот институт обладает способностью сплачиваться в первоначальном целостном виде, что и наблюдалось в событиях 2011 г.

Российский ученый П.В. Шлыков справедливо отмечает функциональную специфику ГО стран Востока в сращивании социальной и политической повесток (не характерного для классических западных образцов ГО, отмежеванных от политического контекста), а также его институциональную самобытность, которая «вбирает в себя целую

¹ Термин «имплицитный», т.е. «скрытый, неявный, подразумеваемый, присутствующий неявно», выбран автором, чтобы подчеркнуть особую роль готового социокультурного элемента, влияющего на формирование специфики ГО Востока с точки зрения его социальной психологии, форм организации и постановки задач.

² *Bruck G. vom. Being a Zaydi in the absence of an Imam: doctrinal revisions, religious instruction and the (re-)invention of ritual // Le Yemen contemporain / eds L. Leveau, F. Mermier, U. Steinbach. Paris, 1999. P. 169—192.*

плеяду эндогенных традиционных институтов, берущих начало в религиозной и групповой идентичности, появившихся очень давно в сочетании с заимствованными модернистскими образцами³. Автор отмечает композиционную структуру ГО Востока и гибридный характер гражданских обществ стран Востока. Об имплицитных ГО можно сказать, что их гибридность состоит не в имитации западного опыта, чтобы доказать свою современность, а в гибридной природе самого общества и социокультурной основы, формирующей его. Во всех проявлениях они содержат сплав консервативного и модернизаторского начал, взаимодействие которых придает этому феномену состояние перманентной эволюции, тем не менее несущей узнаваемый культурный стержень.

В Йемене начальные признаки имплицитного ГО появились в первой трети XX в., когда кризис традиционной системы, назревавший внутри йеменского общества под влиянием глобальных изменений, обрел идеологическую составляющую, внесенную исламским реформаторством, бросившим вызов обеим традиционным школам ислама Йемена — шафиизму и зейдизму. Основоположников исламского реформаторства — Джамалутдина аль-Афгани, Мухаммада Абдо и следовавшего по их стопам сейида Рашида ар-Рида — с 1920 г. принято относить к салафизму, пуританской школе ислама, ставящей под сомнение легитимность мазхабов, появившихся в исламе после окончания правления четырех праведных халифов (661 г.)⁴.

Однако современные салафиты, по мнению А. Кныша, придерживаются весьма селективного и эклектичного подхода к исламской традиции, редко обращаясь к первоисточникам, в том числе к реформаторским программам этих деятелей⁵. В современном Йемене, например, в рядах салафитов действуют джихадистские, умеренные, квинетистские группировки, а также примыкающие к ним «Братья-мусульмане» (аль-ихван аль-муслимун), запрещенные во многих странах, также и в России⁶. Эти объединения часто фигурируют в списках участников конфликтов, в том числе сталкиваясь и друг с другом. Корень «салаф», означающий «предшественник», закрепился за упомянутыми основоположниками реформаторства рубежа XX в. за их призыв к очистке ислама от наслоений веков и возвращению к истокам вероучения, т.е. — к «предшественникам». К следованию примеру правоверных предшественников и праведных имамов из дома пророка Мухаммада (далее — Пророка)⁷ не менее настойчиво призывают и духовные лидеры традиционных йеменских школ ислама, которые в полемике с салафитами находят веские аргументы, чтобы оспорить их правоту. Но не подражание первым мусульманам было отличительной чертой протагонистов исламского реформаторства начала XX в., а призыв к избавлению от отсталости, невежества, суеверий и нищеты. Их воззвание к реформам было востребовано уммой, услышано и в Йемене. Однако в преломлении идеологии религиозных наставников этого крыла призыв был трансформирован в тотальное противопоставление смысла реформы всему культурному наследию, накопленному традиционными школами ислама, имевшими тысячелетние традиции в Йемене, а также исламским элитам (особенно — хашимитам), входящим в высшую страту общества. Выбранный религиозным флангом исламского реформаторства в Йемене агрессивный и бескомпромиссный настрой на уничтожение еретического, с точки зрения его

³ Shlykov P. Non-Western Model of Civil Society in the Middle Eastern Context: Promises and Discontents // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/civil-society-middle-eastern> (дата обращения: 10.11.2022).

⁴ Некоторые салафитские течения проявляют особую нетерпимость к шиизму и суфизму, неизменно встречая ответную критику с их стороны.

⁵ Knysh A. The Tariqa on a Landcruiser: the resurgence of sufism in Yemen // Middle East Journal. 2001. Vol. 55. № 3. P. 413.

⁶ Родионов М.А., Серебров С.Н. Перспективы йеменского кризиса и его конфессиональные аспекты в Хадрамауте // Религия и общество на Востоке. 2021. Вып. 5. С. 150. URL: https://religion.ivran.ru/f/rov-5_2021.pdf (дата обращения: 10.11.2022).

⁷ Потомков пророка Мухаммада через дочь Фатиму и двоюродного брата имама Али ибн Абу Талиба.

лидеров, толкования ислама и на запрет связанных с многовековым опытом базовых традиционных религиозных практик вызвал раскол общины.

В примерах функционирования имплицитного ГО в Адене и в Хадрамауте в 1920-е годы уже проявились все качества, которые наблюдались и в событиях «арабской весны». В накаленной ситуации ему удалось найти способ обеспечения приоритета социальных реформ над схваткой религиозных школ ислама, которая вела к беспорядкам и насилию. Сторонами конфликта оказались не два центра, представленных радикальными религиозными флангами консерваторов и реформаторов, а три. Третий представлял мощный организованный социальный конгломерат, сплотившийся вокруг лидеров имплицитного ГО, который убедил и направил большинство участников конфликта с обеих сторон на достижение практических результатов, ожидаемых от социальных проектов в области образования и здравоохранения, одновременно способствуя достижению приемлемого уровня толерантности между ними на будущее и сохраняя целостность своей культурной идентичности.

Судебная система британской колонии Аден в начале XX в. не предусматривала применение норм шариата в официальной судебной практике поселения: «все тяжбы, включая личный статус и наследственное право мусульман, подлежали слушанию в обычных судах колонии»⁸. Для мусульман, составлявших абсолютное большинство населения города, привычным способом рассмотрения споров по такого рода тяжбам оставались традиционные судьи и арбитры в лице улемов из религиозной аристократии города, включавшей две высшие страты традиционного общества Йемена — сада и машаих. Большинство их представителей были суфийскими шейхами.

По данным переписи 1931 г., население Адена составляло примерно 47 тыс. человек, из которых 64% составляли арабы, 15,6% — мусульмане-индусы, 8,8% — евреи и 8,4% — сомалийцы⁹. Суфийские практики оказались в центре нападков со стороны религиозных реформаторов. «Вызывавший восторги западных исследователей богатством литературного наследия, духовным и интеллектуальным влиянием суфизм с конца XIX в. попал под огонь критики со стороны исламских реформаторов и модернистов. Они обвинили глав суфийских орденов в культивации “пустых суеверий” и в манипулировании безграмотной толпой в угоду эгоистичным политическим и материальным интересам. Некоторые реформистски ориентированные критики суфизма первой половины XX в. дошли до обвинения суфизма в создании основных преград для социального и экономического прогресса своих обществ...»¹⁰.

Американский востоковед Скотт С. Риз, автор исследования истории религиозного конфликта вокруг клуба «Нади аль-Ислах аль-араби аль-ислами» (Арабский клуб исламской реформы, сокр. — Нади аль-Ислах) в Адене, на котором основаны выводы этой части статьи, ссылаясь на работы Оливера Шарбротта, Дэвида Комминса и Ицхака Вайсмана, показал, что антисуфийский вектор в их риторике стал доминировать не сразу, а был связан с влиянием сейида Р. Ар-Рида¹¹, сблизившегося с ваххабитами. Эта же мысль находит подтверждение и в выводах А. Кныша: «Сегодня наиболее бескомпромиссная и громогласная критика суфизма исходит от представителей так называемого салафизма... Известные как “ваххабиты”, эти пуритански настроенные мусульмане обвинили суфизм во всевозможных еретических “новациях” исламской доктрины и обрядовой практики. Особенно яростным нападкам они подвергают слепое подчинение

⁸ *Liebensy H.J.* Administration and legal development in Arabia // *Middle East Journal*. 1955. № 9. P. 385.

⁹ *Reese S.S.* Salafi Transformations: Aden and the changing voices of religious reform in the interwar Indian ocean // *International Journal of Middle East Studies*. 2012. Vol. 44. Iss. 1. P. 71–92. URL: <https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/BF8842EFB0F> (дата обращения: 10.11.2022).

¹⁰ *Knysh A.* The cult of saints and Islamic reformism in early twentieth century Hadramawt // *New Arabian Studies*. 1997. Vol. 4. P. 141.

¹¹ *Reese S.S.* Op. cit. P. 73.

мюридов своим шейхам, народные поверья в чудеса, творимые суфийскими святыми, и благодать, исходящую от их гробниц. Многие салафиты также порицают громкое поминание Бога (зикр) суфиями под музыку или танцы, возведение величественных сооружений над гробницами почитаемых суфийских деятелей и мистическую идею о способности избранных мусульман достигать чувственного или когнитивного единения с Богом»¹².

Острые критики реформаторов пришлось на культ святых и зийары¹³, собиравших порой жителей из всех уголков страны. Обряд был одинаково почитаем в Адене и в Хадрамауте, занимая первое место по значимости в духовной жизни общины. Зийара сопровождалась пышным религиозным обрядом с чтением сур Корана, молитв, прославляющих Пророка, его сподвижников (ансаров) и последующих исламских имамов из рода дома Пророка, включая подробное перечисление благочестивых подвигов самого святого в присутствии его потомков. В программу зийар входили также народные фестивали и ярмарочная торговля, сопровождаемая балаганами и увеселительными аттракционами, придававшими им атмосферу праздника. На территории проведения зийар вводился сакральный запрет на любые проявления враждебности и агрессии со стороны участников. Его нарушение считалось не только святотатством, но и актом, навлекающим на виновного гнев самого святого, сохраняющего, по убеждению верующих, свои прижизненные сверхъестественные способности, дарованные ему Всевышним, и после смерти. Сакральные комплексы в центре проведения зийар отличались особым изяществом исламской архитектуры и торжественностью, вызывающими подобающие чувства у участников. В некоторых случаях территория комплексов объявлялась местом безопасности (хотой), где действовал круглый год сакральный запрет на ссоры и применение оружия.

В Адене главная зийара для всего города проходит у гробницы сейида Абу Бакра аль-Эйдаруса (умер в 1506 г.), почитаемого духовным покровителем и защитником города. Жители спасались у стен мечети от бомбардировок английских кораблей, захвативших Аден в 1839 г.¹⁴

Согласно С. Ризу, волна нетерпимости к зийарам культивировалась наставником школы, открытой при клубе «Нади аль-Ислах», учрежденного в 1928 г. при финансовой поддержке гуджаратских купцов Адена. Опытный религиозный проповедник шейх Ахмад бин Мухаммад аль-Аббади, получивший религиозное образование у Мухаммада Таки ад-дина аль-Афгани в Афганистане, а затем в Бомбее, был убежденным противником суфизма, «готовым на все ради своих религиозных убеждений»¹⁵. Учредителем клуба стал светский представитель городской интеллигенции — Мухаммад А. Лукман, горячий патриот, мечтавший повысить культурный облик города, который в результате быстрого развития морского порта и судоходства становился крупным торговым и туристическим центром мирового значения. Лукман принимал участие в борьбе за запрет сомнительного с точки зрения исламского благочестия женского обряда «Зар», который проходил в Адене с участием мигранток из Африки, чей низкий статус и неблагоприятные занятия вызывали возмущение верующих и городской интеллигенции. В ходе ритуала, напоминавшего раблезианскую мистерию, женщины высокого статуса как бы менялись на время ролями с женщинами низкого социального статуса, одаривая их богатыми подношениями со всеми атрибутами почитания, напоминавшего атмосферу зийар. Лукман не считал прямые атаки на верования и религиозных шейхов-суфиев с позиции теологии продуктивным способом достижения результата в улучшении нравов, повышении образования и уровня жизни в городе. Он занимался просветительской работой, создав

¹² Knysh A. The cult of saints and islamic reformismin early twentieth century Hadramawt. P. 141.

¹³ Паломничество к могилам святых.

¹⁴ Reese S.S. Op. cit. P. 74.

¹⁵ Ibidem.

в стенах клуба читальный зал, выписывал арабские газеты, устраивал диспуты и лекции на актуальные темы. Целью светского фланга реформаторского движения было смягчение быстрого роста имущественного неравенства среди жителей города и развитие образования.

Вместе с другим светским интеллигентом Ахмадом М. аль-Аснаджем лидеры светского фланга рассматривали исламское реформаторство, прежде всего, как путь к социальному прогрессу для всей общины. С. Риз отмечает их терпимость к зийарам и их веру в способность аутентичной культурной традиции Йемена адаптироваться к современным требованиям, освобождая ритуал от наиболее архаичных и отживших элементов, вызывавших нетерпимость у салафитов¹⁶.

Благодаря их целенаправленной просветительской деятельности клуб «Нади аль-Ислах» стал центром распространения совместимой с местными религиозными обычаями версии реформаторства, которая позволяла ослабить озабоченность суфиев и общины утратой своего культурного наследия и подключиться к конструктивной части программы. Риз дает подробную характеристику действий светского фланга реформаторов: «В 1940 г. Лукман основал газету “Фатат аль-джазира”, достигшую пика влияния в 1950-е годы. Через нее он продвигал социальные проекты. В 1934 г. аль-Аснадж опубликовал сборник рассказов под названием “Насиб Адена мин аль-харакат аль-фикрийа альхадиса” (Роль Адена в современных идейных движениях), а в 1939 г. Лукман выпустил новеллу “Саид” про семью Саида ибн Салмана, проживавшую в колониальном Адене, которая стала первым литературным произведением, написанным аденским автором»¹⁷.

Определяя позицию имплицитного ГО Адена, Лукман и аль-Аснадж учитывали бесперспективность лобовой атаки на вековые традиции жителей города, равно как и не желали дискредитации чрезвычайно богатой йеменской исламской культурной традиции (йеменского ислама), имевшей широкое международное признание в исламском мире и высокий авторитет среди теологов и исламских юристов (факихов).

К середине 1930-х годов салафито-суфийский раскол в Адене, переживший фазу острого противостояния флангов в борьбе за престижные городские мечети и угроз физической расправы в адрес шейхов, перешел к затуханию. Улемы из суфийского фланга, отвергнув такфиристские обвинения в свой адрес со стороны реформаторов, проявили лояльность к программам социального развития, поддержанным также колониальной администрацией. Лидеры религиозного фланга реформаторов перестали называть всю религиозную среду в городе лжеисламом и недопустимым новшеством. Суфийский фланг убедил английские власти в том, что, кроме духовной стороны, зийары дают населению города большие сборы в благотворительные фонды, серьезно облегчая бремя затрат британской администрации на эти нужды.

Деятельность имплицитного ГО Адена не прекращалась и после перехода жителей южного Йемена к национально-освободительной борьбе за освобождение страны от колониального господства Британии в начале 1960-х годов. Просветительская деятельность его интеллектуального ядра внесла большой вклад в подготовку общества к объединению более 20 отдельных княжеств в единое государство после изгнания колонизаторов в 1967 г., в результате которого впоследствии появилась НДРЙ.

Аналогичный конфликт в Хадрамауте имел совершенно независимую от Адена природу и начался с отдаленных рубежей: в зарубежной диаспоре в Голландской Индии в 1904 г., где влиятельное хадрабийское землячество основало Благотворительную лигу (джамабийят хейрийа), чтобы учить своих детей арабскому языку и воспитывать в духе исконных традиций. Девушка этой общины из сейидского рода (шарифа) Хадрамаута вступила в брак с мужчиной несейидской крови, что считалось нарушением одного из

¹⁶ Ibid. P. 92.

¹⁷ Ibid. P. 83.

специфических обычаев сада, дороживших своей генеалогической связью с домом Пророка¹⁸. Фетва хадрабийского улема в составе этой общины квалифицировала данный поступок шарифы как нарушение принципа брачных соответствий (кафа'а), закрепленного в шариате. На это возразил мекканский алим шейх Ахмад Суркати, приглашенный руководством Лиги для преподавания в школе исламских наук. Он назвал брак между мусульманами дозволенным и не нарушающим принцип кафа'а. К шумной полемике подключился в 1905 г. Р. Ар-Рида, который в своей фетве поддержал Суркати и объявил фетву сейида нелегитимной и посягающей на искажение принципа равенства всех мусульман, признанного в исламе¹⁹. Увольнение шейха Суркати из школы в 1914 г. вызвало возмущение сторонников шейха, они учредили общество «Реформы и наставления» (джамаыйат аль-ислах ва аль-иршад), которое тот возглавил. В ответ оскорбленные члены землячества из страты сада создали Алидскую лигу (рабитат аль-алавийя), обрушившую на иршадистов из конкурирующего общества обвинения в попытках подрыва престижа самого Пророка, родоначальника ветви сада. Иршадисты перестали сотрудничать с сада и исключали их из всех своих образовательных проектов, которые реализовались в хадрабийских землячествах Батавии, Сингапура, Сурабайи и других странах и городах Юго-Восточной Азии. Иршадизм быстро распространился сначала в диаспоре, а в 1920-х годах начал проникать на родину, в Хадрамаут, вызвав пробуждение реформаторства, которое опиралось уже на весь опыт зарубежных землячеств, имевших к тому времени прецеденты кровавых столкновений.

Хадрабийские сада, именуемые здесь по имени своего локального эпонима алидами (алавийин) или Ба Алави (отец алида), возводили свои родословные к сейиду Ахмаду бин Исы аль-Мухаджиру, праправнуку Али бин Абу Талиба и дочери Пророка Фатимы через их сына имама Хусейна, пришедшего в Хадрамаут из Басры предположительно в 952 г.²⁰ В Хадрамауте они фактически контролировали положение в обоих султанатах на его территории — аль-Куайти и аль-Касири. Пытаясь сдержать напор иршадизма, они договорились с султанами преследовать их активистов, но иршадизм пустил глубокие корни и пришлось менять тактику защиты от обвинений в незаконном с точки зрения ислама присвоении себе монополии на религиозное образование и престижные функции в обществе (в роли религиозных учителей, наставников, судей и арбитров). Лидеры иршадистов пытались перетянуть на свою сторону машаих, которые, занимая аналогичную с сада социальную нишу, представляли автохтонное население южной Аравии — кахтанидов, а хашимиты — северную ветвь арабов, аднанидов. Однако появление на сцене имплицитного ГО предотвратило перерастание конфликта в сценарий кровной вражды, реализованный в землячествах. К участию в сглаживании острых противоречий при одновременном движении к социально значимому результату в виде развития образования и здравоохранения, снижения традиционных социальных барьеров, связанных с традиционной стратификацией, подключились влиятельные группы обоих флангов — алидского и иршадистского, быстро уладив начавшиеся трения между сада и машаих. Многие сада заявили о солидарности с требованиями машаих и были готовы отказаться от вызывавших недовольство среди иршадистов статусных привилегий (например, обычая гипергамии, запрещавшего брак шарифы — сейидки с мужчиной из любой другой страты, считавшейся низшей; правила целования руки всем представителям страты сада в ходе религиозных обрядов присутствующими членами общины из других страт; запрета на религиозное образование и занятия для выходцев из всех страт, кроме сада и

¹⁸ Этот обычай ограничивал право женщин (на мужчин не распространялся) в выборе супруга только кругом сейидов. См.: Родионов М.А. Этнография Западного Хадрамаута: общее и локальное в этнической культуре. М., 1994. С. 61.

¹⁹ Knysh A. The cult of saints and Islamic reformism in early twentieth century Hadramawt. P. 149.

²⁰ Serjeant R.B. The Saiyids of Hadramawt: (An inaugural lecture delivered on 5 June 1956). London, 1957. P. 29 // URL: <https://digital.soas.ac.uk/content/AA/00/00/07/65/00001/AA00000765.pdf> (дата обращения: 16.12.2020).

машаих и др.). Они и сами активно включились в реализацию проектов, направленных на развитие образования и здравоохранения среди местного населения. Одновременно многие йеменские племена (габаиль) и роды из страты машаих, занимавшей в традиционной социальной иерархии ступень чуть ниже после сада, встали на сторону Алидской лиги на защиту традиций и укорененной практики ислама от реформаторов-иршадистов, которых считали бунтарями и даже последователями большевиков. Как и в Адене, основной удар критики со стороны адептов иршадизма приходился на зийары, игравшие в Хадрамауте центральную уникальную роль в общественно-политической и экономической жизни региона. Паломничество к могиле коранического пророка Худа в вади Масила на востоке Хадрамаута, например, почиталось кахтанидами малым хаджем и привлекало тысячи верующих как Йемена, так и других стран.

Переход алидо-иршадистского конфликта на территории Хадрамаута из взрывоопасного в рутинное состояние был достигнут благодаря подключению имплицитного ГО Хадрамаута к запуску актуальных социальных реформ, получивших поддержку также и со стороны правителей (султанов), — элемента, отсутствовавшего в зарубежных землячествах, где их конфронтация нередко перетекала в кровавые столкновения. Один из сторонников реформ, местный литератор Али Ахмад Бакасир, написал поэтическую драму «Хумам ау фи асымат аль-Ахгаф», опубликованную в 1920-х годах. Жизнь юноши из Тарима, вотчины родов Ба Алави, была представлена как череда унижений и разочарований из-за сложившегося архаичного деления хадрамаутского социума на страты, обрекающего низы на унижения и прозябание. Эмоциональный эффект этого произведения дополнялся призывом автора решить проблему без перевода вражды на личный уровень, за которым неизбежно последовала бы конфронтация лояльных влиятельным семьям сада и машаих вооруженных племен. Бакасир также обратил внимание, что аналогичные суеверия и религиозные практики распространены даже еще в большей степени в Египте и других исламских странах, где сада отсутствуют или не пользуются таким влиянием, как в Хадрамауте²¹.

Благодаря деятельности имплицитного ГО, объединившего умеренные фланги враждебных лагерей, был найден приемлемый консенсус, защищавший культурную идентичность Хадрамаута и одновременно стимулировавший перемены в сфере образования и снижения степени социального неравенства.

Интервью, проведенные автором с очевидцами тех событий в ходе полевых сезонов Советско-йеменской комплексной научной экспедиции в Хадрамауте в 1980-е годы, свидетельствовали об ускоренном развитии школьной сети в султанатах Хадрамаута после Второй мировой войны. Менялось на негативное также и отношение общины к традиционным барьерам между стратами, которые по своему уровню походили на кастовые. Их резкая критика со стороны идеологов исламского эгалитаризма была воспринята не только участниками движения иршадистов, что вылилось в существенное упрощение некоторых атрибутов даже религиозного ритуала, вплетенного в массовые народные зийары. Обычай помпезного выезда сидящих верхом на белых конях предводителей сейидских и машаихских родов — мансабов, облаченных в эффектные белые одеяния, и правило обязательного целования руки всем членам семей присутствовавших на церемонии родов духовной аристократии остальными участниками утрачивали универсальность и становились редкостью.

Во второй половине XX в. приверженцы иршадизма продолжили активную, хотя и скрытную деятельность в Хадрамауте, перенеся ее в стены контролируемых ими учебных заведений. Однако им на смену в 1960-е годы уже пришли светские идеологии, основанные на насеризме и идеалах освобождения страны от британского колониализма. Активисты освободительного движения в Хадрамауте, участвовавшие в борьбе Национального фронта освобождения юга Аравии (среди них было немало выходцев из страты

²¹ *Knysh A. The cult of saints and islamic reformism in early twentieth century Hadramawt. P. 150.*

сада), первыми, еще до эвакуации британской администрации из Адена в ноябре 1967 г., свергли местных султанов и провозгласили республику. Благодаря их действиям были нарушены планы британской администрации Адена отделить Хадрамаут от остальной части южного Йемена, и он вошел в состав НДРЙ.

В 1990-е годы после объединения Йемена и гражданской войны между Севером и Югом в 1994 г., закончившейся поражением южан, в высшем эшелоне власти республики началась борьба за перераспределение сфер влияния между партией «Ислах» (основанной в Сане в 1990 г.) и правящей партией «Всеобщий народный конгресс» (ВНК), которой руководил президент А.А. Салех. «Ислах» не довольствовался традиционным контролем над парламентом и сферой образования Йемена, добиваясь расширения своего влияния в государстве. Источником могущества партии «Ислах» выступало племенное крыло во главе с шейхом Абдаллахом аль-Ахмаром, поддержавшее религиозное крыло во главе с харизматичным лидером, ярким сторонником идеологии «Братьев-мусульман» шейхом А.М. аз-Зиндани, курировавшим большую сеть салафитских колледжей — маахид ыльмийа, в финансировании которой принимала участие Саудовская Аравия. Г. вом Брюк указывает на три составляющие исламского крыла «Ислаха»: египетских «Братьев-мусульман» (аль-ихван аль-муслимун), суданских «Братьев» во главе с Хасаном ат-Тураби и ваххабизм. Она дает нелестную характеристику имиджа партии внутри Йемена в конце 1990-х годов: «Йеменцы стремились преодолеть разделявшие шафиитов и зейдитов противоречия, например, вступая в смешанные браки, мечтая о плюралистическом обществе, в котором религия не будет навязываться гражданам государством. Они давали прозвище исламистам: “ихванисты”, “салафиты” или “традиционалисты” (за их призыв копировать нормы поведения, бытовавшие при Мухаммаде и халифах), а также “бородачи” (ахль аль-зукун). Позже их сравнивали с афганскими талибами»²². Автор имеет в виду разочарование ходом религиозной реформы, которая началась в 1970 г. и задумывалась как мягкая суннизация зейдитской общины на основе йеменской версии салафизма, не имевшей ничего общего с перечисленными источниками «Ислаха». Недовольство порождалось, прежде всего, методикой обучения в маахид ыльмийа, где детям внушали отвращение к обеим традиционным религиозным школам и порицались их практики и духовные учителя. Обе ведущие традиционные религиозные общины Йемена сталкивались с обвинениями в свой адрес со стороны преподавателей этих колледжей, порой ставивших под сомнение даже легитимность браков своих родителей»²³.

Первыми отреагировали зейдитские улемы, учредив в 1990 г. партию «аль-Хакк», сразу заявившую о своей враждебности ваххабизму. Вслед за ней появился клуб зейдитской молодежи «Шабаб аль-мумин» (Верующая молодежь), во главе которого в конце 1990-х годов встал сейид Хусейн Б. аль-Хуси. Клуб пропагандировал историю и культурное наследие Йемена, получил государственный грант от президента А.А. Салеха. Параллельно президент в начале 2000-х годов добился от Саудовской Аравии согласия перевести финансирование религиозного образования (сети маахид ыльмийа), ранее осуществлявшееся через партию «Ислах», на официальный государственный уровень.

После этого лидеры хуситов предложили уравнивать все исламские конфессии в правах на получение государственного финансирования их проектов в области образования. Деятельность клуба «Шабаб аль-мумин» заключалась в чтении лекций об истории страны, организации экскурсий по историческим местам Йемена и проведение молодежных летних лагерей в живописных районах Нижнего Йемена (Таиз-Ибб), в чем любила принимать участие также и шафиитская молодежь. Никаких прямых угроз в адрес власти или военных приготовлений, которые могли бы насторожить власти, зафиксировано не

²² Bruck G. vom. Disputing Descent-Based Authority in the Idiom of Religion: The Case of the Republic of Yemen // Die Welt des Islams. 1998. Vol. 38. № 2. P. 155.

²³ Ibid. P. 178.

было. Деятельность клуба вызывала неприязнь у лидеров религиозного крыла «Ислаха». Причины объявленной президентом А.А. Салехом войсковой операции против хуситов летом 2004 г. остаются не вполне ясными, но последствия войны, длившейся шесть лет — с 2004 по февраль 2010 г. — и так и не выявившей победителя, известны. Кроме гуманитарной катастрофы в зейдитских провинциях Йемена²⁴, власти получили в итоге мощное общественно-политическое движение, принявшее в 2013 г. название «Ансарулла» (ансар аллаха — приверженцы Аллаха).

Одной из причин неудачи войсковой операции против хуситов являлась утеря властями каналов коммуникаций с лидерами имплицитного ГО Саады. Оно проявляло полную лояльность власти, опасаясь, что деятельность сейида Хусейна могла вызвать недовольство президента, но, не получив никаких сигналов, неожиданно столкнулось с его внезапным решением о начале войсковой операции на территории, которую согласно традиции и негласным правилам считало своей. Принятое без обычных в таких случаях консультаций с представителями региональных элит решение не получило одобрения ГО, а привлечение к ведению операции исламских радикалов с ведома командующего фронтом, генерала Али Мохсина, о чем знал весь Йемен, повлекло заметный сдвиг общественного мнения, особенно в охваченных военной операцией провинциях, на сторону хуситов.

Есть все основания относить и само хуситское движение к разновидностям имплицитного ГО, поскольку оно придерживалось конституционных норм в организации своей культурологической деятельности, способствовало пропаганде культуры и истории страны, не давало повода власти подозревать себя в вынашивании планов по реставрации зейдитского имамата в стране. К деятельности клуба привлекались йеменцы, независимо от их религиозной принадлежности. Никакой специфической зейдитской религиозной повестки хуситы не предлагали, пропагандируя лишь тезис о применении государством равноудаленной политики по отношению к представленным в стране исламским конфессиям. Даже критикуя политику США и Израиля, которую лидеры «Ансарулла» считали враждебной арабам и исламу, они не бросали обвинений в адрес своего правительства, присоединившегося с 2001 г. к возглавляемой США глобальной контртеррористической кампании и перешедшего вскоре к стратегическому партнерству с США. Пример клуба «Шабаб аль-мумин», внезапно попавшего в немилость властей, вплоть до объявления войны с участием армии его лидерам и участникам возникшего вокруг него движения, доказывает необходимость разграничения понятий идентичности (вообще) и религиозной принадлежности (в частности). Известная американская исследовательница хусизма Стэси Ядав в 2014 г. писала: «Тот факт, что хуситы являются зейдитами, не означает, что их движение направлено исключительно или в основном на реанимацию зейдитского политического порядка вроде зейдитского имамата, который правил северным Йеменом сотни лет (хотя критики могут утверждать и обратное)»²⁵.

Феномен имплицитного ГО сыграл ведущую роль также и в событиях мирного восстания 2011 г., которое продолжалось 11 месяцев в форме перманентных массовых гражданских акций молодежи на площадях всех крупных городов республики. Запрет на ношение оружия участниками акций, касавшийся даже племен (для которых автомат и кинжал считаются атрибутами костюма), наложенный молодежными оргкомитетами этих акций, впервые в истории Йемена позволил женской части общества принять самое активное участие в этих событиях. Во многих городах протестные акции больше походили на традиционные праздничные фестивали, устраиваемые во время зийар. Народные оркестры, парад костюмов посланцев отдаленных окраин и племен Йемена, пришедших в города для выражения своей солидарности, поэтические состязания определяли их

²⁴ Серебров С.Н. Йемен на пороге гуманитарной катастрофы (к событиям в горах Саады) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2008. № 5. С. 66–79.

²⁵ Yadav S.Ph. The limits of the 'sectarian' framing in Yemen // Washington Post. 25.IX.2014.

атмосферу. Запрет на оружие касался даже случаев явных провокаций в виде стрельбы по безоружным манифестантам, организуемый политическими претендентами на захват власти. Молодежные комитеты и политика властей не дали экстремистам возможности переломить мирный ход протеста. Вступление в силу уникального международного мирного транзитного плана под эгидой ООН, подписанного всеми йеменскими сторонами в ноябре 2011 г., стало настоящим триумфом имплицитного ГО Йемена. В его рамках при широкой поддержке ГО Йемена в 2013 г. был проведен Национальный диалог, принявший пакет обязательных для включения в новую редакцию конституции решений, направлявших государство и общество на укрепление суверенитета, развитие демократии и гражданских свобод. Этот представительный форум не смог найти полноценных решений для всех внутренних коллизий, накопившихся с момента объединения ЙАР и НДРЙ в 1990 г., оставив открытой, в частности, так называемую «проблему Юга», под которой подразумевалось требование массового гражданского движения Юга (аль-Хирак) о признании права народа бывшей НДРЙ на самоопределение. Но сам факт его проведения служил проявлением растущего влияния института имплицитного ГО в условиях планового демонтажа и эрозии государственных институтов власти.

К сожалению, внезапный срыв мирного транзитного плана ООН в Йемене и начало затяжной войны в марте 2015 г. с участием Арабской коалиции во главе с Саудовской Аравией кардинально изменили ситуацию в Йемене, отбросив его минимум на 20 лет назад. Однако есть все основания полагать, что при любых будущих сценариях выхода из состояния войны именно имплицитное ГО Йемена будет выступать стержнем переговорного процесса и инструментом преодоления дихотомий и антагонизмов между ведущими политическими группировками, сложившимися там за восемь лет войны.

Библиография / References

Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / под ред. В.Г. Барановского, В.В. Наумкина. М., 2018.

Родионов М.А. Этнография Западного Хадрамаута: общее и локальное в этнической культуре. М., 1994.

Родионов М.А., Серебров С.Н. Перспективы йеменского кризиса и его конфессиональные аспекты в Хадрамауте // Религия и общество на Востоке. 2021. Вып. 5. С. 120–191. URL://https://religion.iran.ru/f/rov-5_2021.pdf (дата обращения: 10.11.2022).

Серебров С.Н. Йемен на пороге гуманитарной катастрофы (к событиям в горах Саады) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2008. № 5. С. 66–79.

Blizhnij Vostok v menjajushhemsja global'nom kontekste [Near The East in a changing global context] / eds V.G. Baranovskij, V.V. Naumkin. Moskva, 2018. (In Russ.)

Rodionov M.A. Yetnografija Zapadnogo Hadramauta: obshhee i lokal'noe v jetnicheskoy kul'ture [Ethnography of the Western Hadramaut: general and local in ethnic culture]. Moskva, 1994. (In Russ.)

Rodionov M.A., Serebrov S.N. Perspektivy jemenskogo krizisa i ego konfessional'nye aspekty v Hadramaute [Prospects of the Yemeni crisis and its confessional aspects in Hadramaut] // Religija i obshhestvo na Vostoke [Religion and society in the East]. 2021. Vyp. 5. S. 120–191. URL://http://religion.iran.ru/f/rov-5_2021.pdf (access date: 10.11.2022). (In Russ.)

Serebrov S.N. Yemen na poroge gumanitarnoj katastrofy (k sobytijam v gorah Saady) [Yemen on the threshold of a humanitarian catastrophe (to the events in the Saada Mountains)] // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' [Orientis: Afro-Asian Societies: History and Modernity]. 2008. № 5. S. 66–79. (In Russ.)

Bruck G. vom. Being a Zaydi in the absence of an Imam: doctrinal revisions, religious instruction and the (re-)invention of ritual // Le Yemen contemporain / eds L. Leveau, F. Mermier, U. Steinbach. Paris, 1999. P. 169–192.

Bruck G. vom. Disputing Descent-Based Authority in the Idiom of Religion: The Case of the Republic of Yemen // Die Welt des Islams. 1998. Vol. 38. № 2. P. 148–191.

Knysh A. The cult of saints and Islamic reformism in early twentieth century Hadramawt // New Arabian Studies. 1997. Vol. 4. P. 139–159.

Knysh A. The Tariqa on a Landcruiser: the resurgence of sufism in Yemen // Middle East Journal. 2001. Vol. 55. № 3. P. 399–414.

Liebensy H.J. Administration and legal development in Arabia // Middle East Journal. 1955. № 9. P. 385–396.

Reese S.S. Salafi Tranformations: Aden and the changing voices of religious reform in the interwar Indian ocean // International Journal of Middle East Studies. 2012. Vol. 44. Iss. 1. P. 71–92. URL: <https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/BF8842EFB0F> (access date: 10.11.2022).

Serjeant R.B. The Saiyids of Hadramawt: (An inaugural lecture delivered on 5 June 1956). London, 1957. P. 29. URL: <https://digital.soas.ac.uk/content/AA/00/00/07/65/00001/AA00000765.pdf> (access date: 16.12.2020).

Shlykov P. Non-Western Model of Civil Society in the Middle Eastern Context: Promises and Discontents // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/civil-society-middle-eastern> (access date: 10.11.2022).

Yadav S.Ph. The limits of the ‘sectarian’ framing in Yemen // Washington Post. 25.IX.2014.

© 2023 г. П.В. ШЛЫКОВ

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ТУРЦИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ПОДЧИНЕНИЕ, СДЕРЖИВАНИЕ (2000–2010-е годы)

Шлыков Павел Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; участник научного коллектива проекта «Многофакторный анализ “азиатского поворота” в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)» МГИМО МИД РФ (Москва, Россия).

E-mail: shlykov@mail.ru

Scopus Author ID: 57194032891; ORCID: 0000-0002-0331-430X; Researcher ID: N-3826-2014

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

Аннотация. В статье рассматривается специфика развития гражданского общества в Турции, анализируются модели и механизмы его взаимодействия с государством в условиях укрепления власти Реджепа Эрдогана и Партии справедливости и развития в 2000–2010-е годы. Актуальность исследования обусловлена тем, что в Турции после достаточно продолжительных попыток евроинтеграции наблюдается поиск нового баланса во взаимодействии между государством и гражданским обществом, характеризующийся ростом авторитарных тенденций, исламизации и десекуляризации при сохранении высоких количественных показателей гражданского активизма. Научная новизна исследования заключается в том, что статья восполняет существующий в академической литературе пробел, связанный с тем, что в уже опубликованных туркологических исследованиях при общей констатации активного процесса исламизации и десекуляризации Турции пока что не было представлено комплексного анализа социально-политической трансформации страны за последние два десятилетия с точки зрения взаимодействия государства и институтов гражданского общества. Представленное исследование нацелено на проведение такого анализа. Источниковая база включает обширный пласт материалов по деятельности турецких неправительственных организаций (уставные документы, пресс-коммунике, публикации СМИ), официальные документы и нормативные акты, регулирующие публичную сферу. Основные выводы статьи заключаются в том, что при статистически значимом количественном росте неправительственных организаций (НПО) в Турции в обозначенный хронологический период большинство из них так и не стали агентами дальнейшей европеизации и политической модернизации Турции. Напротив, в ситуации значительной финансовой и организационной поддержки со стороны государства в отношении НПО сохраняющаяся структурная разрозненность турецкого гражданского общества привела к усилению именно тех его элементов, которые были готовы взаимодействовать с политическим режимом, а механизмы внешнего воздействия на НПО (в первую очередь со стороны европейских фондов), наоборот, оказались ограниченными или даже провальными.

Ключевые слова: Турция, ЕС, гражданское общество, кемализм, европеизация, исламизация, политическая модернизация, неправительственные организации, вакфы.

P.V. Shlykov**State and Civil Society in Turkey: Interaction, Submission, Containment (the 2000s and 2010s)**

Pavel Shlykov, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University ; non-resident scholar in the research project "Multifactor analysis of the "Turn to the East" in Russian Foreign Policy (achievements, problems, and prospects)" MGIMO University. (Moscow, Russia). E-mail: shlykov@mail.ru

Scopus Author ID: 57194032891; ORCID: 0000-0002-0331-430X; Researcher ID: N-3826-2014 The research was supported by RSF (project № 19-18-00142).

Abstract. The paper explores the development of civil society in Turkey, analyzes the models and mechanisms of its interaction with the state in the context of power consolidation Recep Erdoğan and his Justice and Development Party undertook in the 2000s and 2010s. After long-lasting and eventually unsuccessful attempts of European integration Turkey embarked upon a search for a new balance in the interaction between the state and civil society, characterized by an increase in authoritarian tendencies, Islamization and de-secularization, which still, nevertheless, coexist with a high level of civic activism. The paper seeks to fill a gap in the academic literature on social and political transformations of modern Turkey which primarily focuses on expanding process of Islamization and de-secularization while the issue of specific interaction between the state and civil society institutions in Turkey generally remains beyond the radar of the scholars. The source base of the research includes a wide range of primary materials on the activities of Turkish non-governmental organizations (statutes, press releases, media publications), official government documents and regulations on civil society activities. The paper argues that despite quantitatively significant growth of non-governmental organizations (NGOs) in Turkey during the 2000s and 2010s most of them have failed to become agents of further Europeanization and political modernization of Turkey. On the contrary, massive financial and institutional support from the government for Turkish NGOs has enhanced the structural fragmentation of Turkish civil society and created large number of influential loyal civil society institutions which were willing to engage with the political regime while the mechanisms of external maintenance of liberal civil society institutions (primarily through the grant programs of European funds) have shown limited efficiency or even failed.

Keywords: Turkey, EU, civil society, Kemalism, Europeanization, Islamization, political modernization, non-governmental organizations, waqfs.

С точки зрения развития гражданского общества Турция является парадоксальным примером. С середины 2000-х годов в стране наблюдаются очевидные тенденции «авторитарного отката» (фактическая монополизация государством медиасферы, преследование политических оппонентов, предвзятость судов), что ожидаемо сделало политический и правовой климат крайне неблагоприятным для развития гражданского общества. При этом базовые статистические показатели гражданской активности (число общественных организаций и многообразие их деятельности) сохранили позитивную динамику. В этом смысле Турция, как и многие другие страны Ближнего Востока¹, демонстрирует изъяны применения на практике концепции гражданского общества как матрицы работающей демократии. При всей своей привлекательности эта концепция сужает понимание как самого феномена гражданского общества, так и особенностей его функционирования в странах с гибридными режимами, где можно наблюдать использование гражданского общества и его институтов не в целях развития демократии, а в качестве инструмента, с помощью которого правящие элиты реализуют новые формы доминирования.

¹ См.: Shlykov P. Non-western model of civil society in the Middle Eastern context: Promises and discontents // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162.

Поэтому для анализа гражданского общества в незападном политическом контексте требуется функциональное или гибридное его определение, синтезирующее концептуальные наработки либерального и критического подходов, постулирующее многообразие институциональных форм и акторов гражданского общества и характеризующее его как сферу одновременно гражданского активизма и интеракции между государством/властью и организованными общественными процессами, в рамках которых соотношение сил определяется потенциалом правящего режима и возможностями противостоящих ему социальных групп². Функциональный подход к данной проблеме имеет ряд эвристических преимуществ. Во-первых, он позволяет выявить корреляцию между характером политического режима в стране и спецификой гражданской активности, а также степенью оппозиции гражданского общества государству, варьирующейся в странах с гибридными режимами от конфронтации до патрон-клиентских отношений. Во-вторых, он основывается на разнородности гражданского общества, отдельные сегменты которого могут использоваться авторитарными режимами как инструмент собственного упрочения. Наконец, функциональный подход позволяет максимально гибко подходить к определению основных субъектов гражданского общества и уйти от статистического детерминизма в его оценках.

В контексте новейшей истории Турции функциональный подход позволяет выявить как нормативно-правовые, политические, институциональные, так и дискурсивные факторы, которые не только сдерживали развитие гражданского общества, но и трансформировали его, «обезвреживая» и подчиняя сферу гражданской активности интересам правящего режима. Кроме того, такой подход дает возможность зафиксировать дивергенции и показать различные траектории адаптации гражданского общества, выражающиеся в форме диверсификации инструментария гражданской активности, фрагментации гражданского общества или его фактического захвата со стороны государства.

Исторически гражданское общество в Турции отличалось организационной слабостью, невысокой активностью и институциональной зависимостью от государства, которое посредством многочисленных бюрократических процедур и надзорных ведомств старалось жестко контролировать и модерировать гражданскую активность³. Установленный на заре республиканской эры порядок предполагал режим максимального благоприятствования для общественных организаций, продвигающих ценности кемализма или напрямую аффилированных с госорганами, в то время как независимые или критически настроенные к кемалистскому проекту «Новой Турции» общественные объединения подвергались открытым гонениям и лишались источников финансирования⁴. Выстроенный кемалистами фильтр жестко «выбраковывал» ассоциации и общественные движения, которые не вписывались в ценностную матрицу кемалистской идеологии, его жертвой становились даже столь знаковые структуры, как Союз турецких женщин, созданный в 1924 г. при участии супруги Кемаля Ататюрка Латифе и закрытый в 1935 г. из-за не в меру активной, по мнению властей, политической позиции⁵. Специфический взгляд на институты гражданского общества как своеобразный инструмент для

² Buttigieg J.A. The Contemporary Discourse on Civil Society: A Gramscian Critique // *Boundary 2*. 2005. Vol. 32. № 1. P. 33–52.

³ Kubicek P. The European Union and Grassroots Democratization in Turkey // *Turkish Studies*. 2005. Vol. 6. № 3. P. 361–377.

⁴ Aknur M. Democratic Consolidation in Turkey: State, Political Parties, Civil Society, Civil-Military Relations, Socio-Economic Development, EU, Rise of Political Islam and Separatist Kurdish Nationalism. Boca Raton, 2012; Kubicek P. The Earthquake, the European Union and Political Reform in Turkey // *Mediterranean Politics*. 2002. Vol. 7. № 1. P. 1–18.

⁵ Diner Ç., Toktaş Ş. Waves of Feminism in Turkey: Kemalist, Islamist and Kurdish Women's Movements in an Era of Globalization // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2010. Vol. 12. № 1. P. 41–57; Esim S., Cinoğlu D. Women's Organizations in 1990s Turkey: Predicaments and Prospects // *Middle Eastern Studies*. 1999. Vol. 35. № 1. P. 178–188.

реализации государственной политики и национальных интересов глубоко укоренился в политической культуре Турции.

Переход к многопартийной системе в 1946 г., казалось, ослабил практику тотального подавления гражданского общества, зафиксировал принципы соблюдения базовых прав и расширил границы возможной активности, однако уже к середине 1950-х годов, когда политическая напряженность в стране из-за ухудшающегося экономического положения пошла стремительно вверх, все свободы в одночасье были ликвидированы.

Аналогично власти действовали и в 1960-е, и в 1970-е годы, когда весьма значительно выросли общественное недовольство и активность молодежных движений. Традиционный репертуар репрессивных мер включал запреты на любую политическую деятельность и уголовное преследование видных общественных фигур. При этом, как ни парадоксально, власти всегда демонстрировали заинтересованность в развитии гражданского общества. Особенно рельефно это проявилось после переворота 1980 г., когда военная элита решила использовать «правильные» общественные организации для борьбы с левыми и преодоления социального расслоения, стремительно углублявшегося на фоне либеральных реформ. Именно через институты гражданского общества государство внедряло идеологию тюрко-исламского синтеза, нацеленного на консолидацию турецкого общества вокруг религии⁶. Такая модель отношений государства с гражданским обществом — с одной стороны, сдерживания и подавления его независимых субъектов, с другой — финансовой и организационной поддержки структур, прямо или косвенно сотрудничавших с властями, — успешно действовала на протяжении 1990-х годов.

Приход к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) Реджепа Эрдогана, представляющего новое поколение турецких политиков либерально-консервативных взглядов, первоначально сулил серьезные перемены в модели политического развития страны, равно как и в сфере гражданского общества. Во-первых, ПСР воспринималась как прямая противоположность кемалистскому политическому истеблишменту, доминирование которого в среде бюрократии, армии и в судебной системе стало систематически нивелироваться. Во-вторых, приоритетной задачей правительство ПСР объявило продолжение широкомасштабных реформ в соответствии с Копенгагенскими критериями ЕС в вопросах демократии, соблюдения базовых прав и свобод человека и верховенства закона. Революционные изменения национального законодательства в рамках «пакетных реформ» 2002—2004 гг. стали «наиболее амбициозной программой либерализации за всю республиканскую историю Турции»⁷. Первые годы правления ПСР были с воодушевлением встречены учеными, международным сообществом и турецкими гражданами. Однако по мере наращивания электорального доминирования ПСР на выборах 2004, 2007 и 2011 гг. первоначальный оптимизм сменился серьезной обеспокоенностью дальнейшими перспективами политического развития Турции, поскольку потрясения рубежа 2000—2010-х годов (громкие процессы против представителей военной элиты и видных кемалистов, жестокое подавление общенациональных протестов летом 2013 г., введение цензуры, преследование инакомыслящих) ясно показали, что на смену внедрению норм западной демократии и общеевропейского права пришла ускоренная делиберализация.

В многочисленных публикациях турецких, западных и российских исследователей⁸ анализ общественно-политических трансформаций, проходящих в Турции с 2000-х

⁶ Öktem K. Turkey since 1989: Angry Nation. Nova Scotia, 2011; Kalaycıoğlu E. Turkish Dynamics: Bridge Across Troubled Lands. New York, 2005.

⁷ Kubicek P. Political Conditionality and European Union's Cultivation of Democracy in Turkey // Democratization. 2011. Vol. 18. № 4. P. 910—931.

⁸ См.: Звягельская И.Д., Малышева Д.Б., Наумкин В.В., Ульянов Н.Ю. и др. Современная Турция: тренды развития и значение для России. М., 2019; Кононов В.И., Стегний П.В., Васильев А.Д., Вертяев К.В., Мейер М.С. и др. Турция: новая роль в современном мире. М., 2012; Киреев Н.Г. Исламо-турецкий синтез в государственной идеологии Турции // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке.

годов, в основном сводится к констатации ширящегося процесса исламизации/десекуляризации страны, который отражается и в росте числа мечетей, и распространении школьного религиозного образования, и в законодательном сужении прав женщин⁹. При этом сфера гражданского общества, за исключением гонений на журналистов, остается достаточно мало изученной. Данное исследование нацелено на то, чтобы представить более комплексную картину процессов развития гражданского общества в Турции и тем самым восполнить указанный аналитический пробел.

ПАРАДОКСЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО И КАЧЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТУРЦИИ

Статистические показатели не всегда способны адекватно отразить реальный уровень развития и характер гражданского общества. На рубеже 1980–1990-х годов в Турции начался рост числа общественных организаций: накануне переворота 1980 г. их насчитывалось чуть более 38 тыс., две трети из которых военные закрыли, а к концу 1990-х годов в стране действовало более 72 тыс. НПО¹⁰. Однако статистика не отражала истинного положения дел: степень влияния этих многочисленных ассоциаций, добровольных сообществ, профсоюзов и т.д. оказалась достаточно мала, а их вклад в развитие публичной сферы незначителен¹¹. Здесь рельефно проявляется фундаментальное отличие нелиберальной модели гражданского общества. Если на Западе для гражданского общества характерна система взаимных формализованных отношений и обязательств, то здесь на первый план выходят неформальные связи и различные формы «реципрокных отношений»¹². Гражданское общество на Ближнем Востоке в целом и в Турции в частности, очевидно, требует гораздо большей степени учета неколичественных показателей, поскольку во многих странах региона оно характеризуется наличием десятков тысяч хорошо заметных в СМИ общественных организаций и многообразных социальных движений, но весьма скромным потенциалом влияния на решения и политику своего правительства¹³.

В 2000-е годы тенденция количественного роста НПО в Турции продолжилась, и к концу 2010-х годов совокупное число действующих общественных организаций превысило 150 тыс.¹⁴ При этом обозначилась и другая тенденция — за 2000–2010-е годы почти 200 тыс. НПО по разным причинам прекратили свое существование¹⁵. Природа амбивалентности численного роста институтов гражданского общества кроется в том, что с середины 2000-х годов в стране наблюдались очевидные тенденции «авторитарного отката», выразившегося в фактической монополизации государством медиасферы, преследовании политических оппонентов, предвзятости судов, что ожидаемо сделало политический и правовой климат крайне неблагоприятным для развития гражданского

2015. № 9. С. 229–240; Ульянов Н.Ю., Иванова И.И., Куреев Н.Г. и др. Возможные сценарии развития Турции до 2050 года // Восточная аналитика. 2013. № 4. С. 25–28.

⁹ Подробнее о научной дискуссии по десекуляризации Турции и ее альтернативных трактовках см.: Shlykov P. The secularization and desecularization nexus in the Turkish context: What is behind? // Politics and Religion Journal. 2019. Vol. 13. № 2. P. 199–236.

¹⁰ Yaşama Dair Vakıf. Verilerle Sivil Toplum Kuruluşları. İstanbul, 2018. S. 48.

¹¹ Beller-Hann I., Hann C. Turkish Region: State, Market and Social Identities on the East Black Sea Coast. Oxford, 2001. P. 92–93.

¹² White J.B. Civic Culture and Islam in Urban Turkey // eds C. Hann, E. Dunn. Civil society: challenging western models. London, 1996. P. 143–144.

¹³ Барановский В.Г., Наумкин В.В. и др. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. М., 2018. С. 212.

¹⁴ TÜSEV. Türkiye’de Sivil Toplum: Bir Dönüm Noktası. İstanbul, 2011; TÜSEV. Monitoring Matrix on Enabling Environment for Civil Society 2019 Turkey Report. İstanbul, 2019 // URL: <https://www.tusev.org.tr/usrfiles/images/MM2019Ingilizce14072020.pdf> (дата обращения: 23.08.2022).

¹⁵ TÜSEV. Monitoring Matrix on Enabling Environment for Civil Society 2019 Turkey Report. İstanbul, 2019.

общества. В то же время базовые статистические показатели гражданской активности (число общественных организаций и многообразие их деятельности) не сократились.

Основные организации гражданского общества (Sivil Toplum Kuruluşları) в стране — ассоциации-дернеки и фонды-вакфы. За годы правления ПСР количество действующих в стране ассоциаций увеличилось вдвое (до 122 тыс. в 2022 г.), а совокупная численность фондов-вакфов возросла на 15% (до 5,4 тыс.)¹⁶. Как и следовало ожидать, сектор ассоциаций расширялся и в первой половине 2000-х годов, когда Анкара активно вела переговоры с Брюсселем о вступлении страны в ЕС, а власти проводили административно-законодательные реформы в соответствии с Копенгагенскими критериями. Однако и после сворачивания переговорного процесса с ЕС в 2005 г. этот процесс не остановился. Продолжился он в 2010-х годах, несмотря на ограничение свобод и «сворачивание демократизации»¹⁷.

Помимо численного роста разнообразных общественных организаций, не прекратившегося даже на фоне репрессий второй половины 2010-х годов, проявилась и другая тенденция — расширение видов их деятельности, организационная и функциональная диверсификация, рождение новых форм гражданской активности, особенно ярко проявившихся после общенациональных протестов «защитников парка Гези» в 2013 г.

Казалось бы, зафиксированный официальной статистикой количественный и качественный рост сферы гражданского общества в Турции 2000–2010-х годов должен был отражать расширение возможностей для гражданского участия или как минимум показывать формирование плюралистической общественно-политической среды. Однако Турция в 2010-е годы давала прямо противоположную картину: многочисленные примеры нарушения свободы слова и массовых собраний, явный отход от принципов правового государства. Последние отчеты международного индекса развития гражданского общества (State of Civil Society report — CIVICUS) характеризовали Турцию как страну, где ситуация с гражданским обществом катастрофическая, ставя ее в один ряд с Венесуэлой и Афганистаном¹⁸. Известные правозащитные организации, Amnesty International, Human Rights Watch, фиксировали «безжалостное и неумолимое» подавление гражданского общества, пресечение деятельности общественных организаций и «крайне репрессивную политику» турецких властей¹⁹.

¹⁶ Официальная статистика управления по взаимодействию с гражданским обществом Министерства внутренних дел Турции. См.: Т.С. İçişleri Bakanlığı Sivil Toplumla İlişkiler Genel Müdürlüğü // URL: <https://www.siviltoplum.gov.tr/> (дата обращения: 30.05.2022).

¹⁷ Seckinelgin H. Social policy and conflict: the Gezi Park–Taksim demonstrations and uses of social policy for reimagining Turkey // Third World Quarterly. 2016. Vol. 37. № 2. P. 264–280; Şen A.F., Şen Y.F. Online environmental activism in Turkey: The case study of “The Right to Water” // Global Bioethics. 2016. Vol. 27. № 1. P. 1–21; Bee C., Chrona S. Youth activists and occupygezi: patterns of social change in public policy and in civic and political activism in Turkey // Turkish Studies. 2017. Vol. 18. № 1. P. 157–181.

¹⁸ CIVICUS. State of civil society report 2021, 2020, 2019, 2018, 2017 // URL: <https://www.civicus.org> (дата обращения: 11.07.2022).

¹⁹ Amnesty International. Turkey: Weathering the Storm: Defending Human Rights in Turkey’s Climate of Fear. 26.04.2018 // URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/EUR4482002018ENGLISH.PDF> (дата обращения: 12.11.2019); Amnesty International. Turkey’s State of Emergency Ended but the Crackdown on Human Rights Continues. 01.02.2019 // URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/EUR4497472019ENGLISH.PDF> (дата обращения: 16.02.2022); Amnesty International. Purged Beyond Return? No Remedy for Turkey’s Dismissed Public Sector Workers. 25. 10.2018 // URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/EUR4492102018ENGLISH.PDF> (дата обращения: 31.03.2022); Human Rights Watch. Silencing Turkey’s Media. The Government’s Deepening Assault on Critical Journalism. 15.12.2016 («аль-Адль ва-ль-ихсан») // URL: <https://www.hrw.org/report/2016/12/15/silencing-turkeys-media/governments-deepening-assault-critical-journalism> (дата обращения: 19.04.2022); Human Rights Watch. World Report 2021 // URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/media_2021/01/2021_hrw_world_report.pdf (дата обращения: 14.01.2022); Human Rights Watch. World Report 2020 // URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/world_report_download/hrw_world_report_2020_0.pdf (дата

Парадокс развития гражданского общества в Турции — отражение принципиальной задачи, вставшей перед режимом Реджепа Эрдогана во второй половине 2000-х годов и заключавшейся в поиске путей структурирования сферы стремительно развивающегося гражданского общества и гражданской активности таким образом, чтобы сделать гражданское общество союзником или подчинить его своим интересам. С подобной проблемой столкнулись многие гибридные политические режимы, совмещающие элементы демократических законов и процедур с авторитарными формами правления²⁰.

Дилемма выстраивания отношений власти с гражданским обществом в условиях конкурентного авторитаризма состоит в необходимости поиска баланса между подавлением и использованием. С одной стороны, гражданское общество таит в себе очевидную опасность, так как в условиях манипуляций с выборами гражданский активизм превращается в единственно возможную форму политической борьбы. С другой — власти необходим диалог с гражданским обществом для эффективного транслирования «официального дискурса» и поддержания своей легитимности на общественном уровне. В условиях конкурентного авторитаризма власть хотя и идет на масштабные нарушения демократических процедур, тем не менее озабочена уровнем общественной поддержки, реализуя известный принцип «гегемонии через согласие», сформулированный М. Хардтом²¹. Поэтому, в отличие от хрестоматийных авторитарных стран, в условиях гибридных режимов власть стремится не к полному подавлению гражданского общества, а использованию его в своих интересах, что ведет к причудливому сочетанию кнута и пряника — подавления и спонсирования гражданского общества. В Турции это нашло выражение в процессе диверсификации гражданской активности и дивергенции гражданского общества. Рестриктивная политика властей подтолкнула оппозиционно настроенные силы к выработке альтернативных форм гражданской активности и протеста. При этом место подвергнутых репрессиям общественных организаций стали стремительно замещать провластные ассоциации-дернеки, что наиболее рельефно проявилось в структурах, занимающихся вопросами семьи, женщин, молодежи и образования — в строгом соответствии с набором ключевых консервативно-националистических ценностей правящей ПСР.

В Турции 2010-х годов власти выработали стратегию взаимоотношений с гражданским обществом, которая выражалась, с одной стороны, в точечных репрессиях против нелояльных активистов и организаций, с другой — в построении альтернативного, максимально лояльного режиму гражданского общества. Для реализации первой части стратегии использовались как правовые механизмы (следуя известной формуле «другим — все, врагам — закон»), так и прямое силовое воздействие в виде шантажа и акций устрашения против главных с точки зрения власти возмутителей спокойствия.

Наладить механизмы сдерживания в правовом поле оказалось несложно. Еще в середине 2000-х годов правительство ПСР, следуя рекомендациям ЕС, инициировало пересмотр законодательства, регулирующего деятельность организаций гражданского общества. Результатом стало принятие новых, более прогрессивных и либеральных по духу законов об ассоциациях-дернеках в 2004 г. и фондах-вакфах в 2008 г. Новые законы отменяли многие прежние запретительные нормы, существенно облегчая работу общественных организаций и их взаимодействие с международными структурами. Все это позитивно сказалось на росте политической активности гражданского общества в

обращения: 20.08.2022); Human Rights Watch. World Report 2019 // URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/world_report_download/hrw_world_report_2019.pdf (дата обращения: 13.05.2022).

²⁰ С середины 2010-х годов политический режим в Турции все чаще характеризуют как «конкурентный авторитаризм», используя введенную С. Левицким дефиницию по отношению к странам, где формально действующие демократические институты используются как средства достижения и осуществления власти, но при этом власти нарушают демократические принципы и законы в таких масштабах, что режим перестает соответствовать минимальным критериям демократии. См.: *Levitsky S., Way L.A. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War. New York, 2010.*

²¹ *Hardt M. The Withering of Civil Society // Social Text. 1995. № 45. P. 31.*

Турции²². Однако в то же время новые законы вводили процедуры государственного контроля за деятельностью НПО — все, начиная от регистрации и проведения коллективных мероприятий до привлечения внешних финансовых ресурсов, превратилось в объект пристального внимания контролирующих органов²³. При этом сами нормы, регулирующие государственный аудит НПО в Турции, стали крайне запутанными и бюрократизированными. По сути, ограничения на свободу ассоциаций были не упразднены, а приняли иные формы. Обременительные бюрократические процедуры регистрации и отчетности, длительность которых «не вписывалась в принятые международные нормы», сдерживали создание новых НПО и ограничивали возможности существующих в привлечении финансирования и взаимодействии с иностранными партнерами²⁴. Более того, гражданский кодекс ставил вне закона НПО, «не отвечающие нормам морали и этики» и оспаривающие «турецкие семейные ценности» или действующие «вопреки национальным интересам» и «угрожающие национальному единству».

В 2010-е годы с ростом числа недовольных политикой правящей ПСР в Турции существующее законодательство дало широкие возможности по подавлению гражданской активности и запрету деятельности нелояльных власти НПО. После общенациональных протестов лета 2013 г. частота использования репрессивных правовых норм в отношении оппозиционных общественных организаций — регулярные внеплановые проверки, штрафы за реальные и мнимые нарушения финансовой отчетности, рейды правоохранительных органов — стала частью повседневной реальности. Путч 2016 г. ознаменовал начало еще более интенсивного давления на независимые сегменты гражданского общества. Помимо ставших привычными методов использования формальных и неформальных ограничений на деятельность НПО, правительство перешло к использованию методов прямых репрессий. Как фиксировали редкие оппозиционные СМИ и отчеты международных правозащитных организаций, получили распространение тотальные запреты на публичные мероприятия критически настроенных к власти активистов или превентивные аресты организаторов массовых мероприятий²⁵. За время действия в стране режима чрезвычайного положения (2016–2018) власти конфисковали имущество нескольких тысяч НПО, многие из которых были ликвидированы даже без формального решения суда. По подсчетам турецких правозащитников, такая участь постигла более 1600 НПО²⁶. Жертвами репрессий стали не только организации, но и известные правозащитники, ученые с активной гражданской позицией²⁷. Распространение получили случаи уголовного преследования за критические посты в социальных сетях²⁸.

²² *Diez T., Agnantonopoulos A., Kaliber A.* Turkey, Europeanization and Civil Society: Introduction // *South European Society and Politics*. 2005. Vol. 10. № 1. P. 1–15.

²³ International Center for Not-for-Profit Law. Civic Freedom Monitor. Turkey. 2020 // URL: <https://www.icnl.org/resources/civic-freedom-monitor/turkey> (дата обращения: 22.07.2021).

²⁴ TÜSEV. Monitoring Matrix on Enabling Environment for Civil Society 2019 Turkey Report. İstanbul, 2019; CIVICUS. Unending restrictions on civic freedoms. 02.05.2018 // URL: <https://monitor.civicus.org/updates/2018/05/02/unending-restrictions-civic-freedoms/> (дата обращения: 16.07.2020); TÜSEV. The Civil Society Environment in Turkey 2017 Report. P. 10–20 // URL: https://www.tusev.org.tr/usrfiles/files/Monitoring_Matrix_The_Civil_Society_Environment_in_Turkey_2017_Report.pdf (дата обращения: 11.08.2019).

²⁵ CIVICUS. Unending restrictions on civic freedoms. 02.05.2018.

²⁶ İnsan Hakları Ortak Platformu. 21 Temmuz 2016 – 20 Mart 2018 Olağanüstü Hal Uygulamaları Raporu // URL: http://www.ihd.org.tr/wp-content/uploads/2018/04/Ola%C4%9Fan%C3%BCst%C3%BC-Hal_17042018.pdf (дата обращения: 31.07.2020); İnsan Hakları Ortak Platformu. Olağanüstü Hal Tedbir ve Düzenlemeleri. 31 Ağustos 2017 // URL: <http://www.ihd.org.tr/wp-content/uploads/2017/09/Olaganus-tu-Hal-Tedbir-ve-Duze-nlemeleri-31-A%C4%9Fustos-2017.pdf> (дата обращения: 11.10.2018).

²⁷ *Baser B., Akgönül S., Öztürk A.E.* “Academics for Peace” in Turkey: a case of criminalising dissent and critical thought via counterterrorism policy // *Critical Studies on Terrorism*. 2017. Vol. 10. № 2. P. 274–296.

²⁸ Turkey: Crackdown on Social Media Posts. Detention, Prosecutions Over Criticisms of Turkish Army Actions in Syria // Human Rights Watch. 27.III.2018.

МЕХАНИЗМЫ «ВОСПИТАНИЯ» И ПОДЧИНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТУРЦИИ

Вместе с тем политика турецких властей по отношению к гражданскому обществу в 2010-е годы не сводилась только к сдерживанию и репрессиям. Осенью 2013 г. по горячим следам массовых протестов «защитников парка Гези» правительство анонсировало создание общенационального проекта по развитию гражданского общества под патронажем Министерства внутренних дел и с официальной миссией «налаживания организационной и финансовой поддержки сильного гражданского сектора». В рамках этого проекта стали проводиться регулярные международные ярмарки НПО, подбором участников для которых занимались профильные подразделения МВД, чтобы отделить радикалов от «подлинно волонтерских и благотворительных организаций»²⁹. «Гражданская инициатива» правительства ПСР, по сути, стала ответом на самую масштабную в истории страны акцию гражданского неповиновения. Подавив массовые протесты, лейтмотивом которых являлись требования расширения демократии и отказа от принятия авторитарных законов, власти принялись за выработку нового способа взаимодействия с гражданским обществом. Требовалось перехватить инициативу или создать механизмы эффективного поглощения опасной для режима гражданской активности. Для тех, с кем взаимовыгодный диалог не складывался, в арсенале оставались точечные репрессии, инструментарий которых в 2010-е годы власти освоили виртуозно.

В отличие от прямого подавления, стратегия подчинения требовала более тонкой работы и создания эффективной системы взаимодействия правительства с гражданским обществом. Работа была организована по двум направлениям: с одной стороны, создание прямо или косвенно зависимых от власти общественных организаций, с другой — поглощение или рейдерский захват существующих НПО, ассоциаций-дернеков, фондов-вакфов и т.д. В первом случае речь шла о создании НПО, в попечительские советы которых вводились люди из ближнего круга президента Эрдогана или члены его семьи. Во втором — о насильственной смене руководства общественных организаций либо привлечении его ключевых функционеров во властные структуры. В результате в Турции быстро стал формироваться внушительный по своим масштабам сектор НПО, который обладал определенной автономией и свободой действий (в подборе активистов, выборе сферы деятельности), но при этом полностью зависел от власти в вопросах финансирования и транслируемого публичного дискурса³⁰. Фактически эта новая формация турецких НПО выступала в качестве инструмента реализации политики правительства, синхронизируя свою деятельность и публичную активность с курсом правящей партии. Основу подобных НПО составили молодежные и женские организации, считающиеся главными реципиентами консервативной идеологии. По своей структуре это были вертикально интегрированные организации, во главе которых стояли либо члены ПСР, либо тесно связанные с партией люди, а вся деятельность на местах — от привлечения активистов до формирования программы действий — строго согласовывалась с руководством³¹.

Помимо информационно-пропагандистской роли, провластные НПО приняли на себя целый ряд структурных и системообразующих функций, направленных на переформатирование отношений власти и гражданского общества. Это выразилось в создании исполнских НПО, по масштабу деятельности, количеству активных членов и модели внутренней организации больше похожих на общества-корпорации.

Провластные НПО, обладая значительными организационными и финансовыми ресурсами, взялись за переформатирование общественной среды и острых социальных

²⁹ 'Çapulcu' gelmesin vay vay // Cumhuriyet, 19.XI.2013.

³⁰ Yabancı B. Populism as the problem child of democracy: the AKP's enduring appeal and the use of meso-level actors // Southeast European and Black Sea Studies. 2016. Vol. 16. № 4. P. 591–617.

³¹ Yabancı B. Turkey's tamed civil society: Containment and appropriation under a competitive authoritarian regime // Journal of Civil Society. 2019. Vol. 15. № 4. P. 285–306.

вопросов в унисон с консервативной программой ПСР. Яркий пример — деятельность основанного в 2014 г. фонда-вакфа турецкой молодежи (*Türkiye Gençlik Vakfı — TÜGVA*). Буквально за полтора года своего существования вакф создал обширную сеть отделений и представительств практически в каждом крупном городе и более чем 250 провинциальных центрах. Вакф включал два десятка профильных подразделений, курирующих наиболее значимые молодежные направления (спорт, образование, СМИ, семейные отношения, женские вопросы), для максимального охвата аудитории, от учащихся средних школ до студентов вузов и молодых специалистов. Помимо Вакфа турецкой молодежи, ставшего самой крупной молодежной организацией в Турции, в стране действуют еще несколько аналогичных консервативных НПО — Вакф служения турецкой молодежи и образованию (*Türkiye Gençlik ve Eğitime Hizmet Vakfı — TÜRGEV*), Вакф Энсар (*Ensar Vakfı*), Вакф распространения знания (*İlim Yauma Vakfı*), обладающих сетью издательских центров, студенческих общежитий, образовательных проектов для молодого поколения в городах каждого ила (провинции) Турции.

Еще одна сфера приоритетной активности провластных НПО — правозащитная деятельность и женские организации. В силу того, что за два года действия режима чрезвычайного положения после путча 2016 г. в Турции свернули свою деятельность многие оппозиционно настроенные и просто независимые феминистские организации, у провластных женских НПО появилась прекрасная возможность заполнить возникший вакуум и расширить масштабы своей деятельности. Власти в свою очередь продемонстрировали готовность поддерживать лояльные женские организации в их стремлении открывать представительства и отделения в разных уголках Турции. Среди других подобных структур преуспела Ассоциация-дернек «Женщины и демократия» (*Kadın ve Demokrasi Derneği — KADEM*). Созданная в 2013 г. со штаб-квартирой в Стамбуле, она стремительно превратилась в одну из самых крупных (без малого 50 отделений по всей стране) и самую широко представленную в медиапространстве феминистскую организацию. В 2010-е годы деятельность KADEM освещали ведущие турецкие СМИ, а представители ассоциации регулярно встречались с крупными чиновниками и вовлекались в выработку общественно значимых проектов и инициатив. Парадоксальным образом заметные в 1990-е и начале 2000-х годов женские организации консервативного толка, в свое время активно боровшиеся за отмену одиозного запрета на ношение мусульманского платка в общественных учреждениях, в 2010-е годы фактически отказались от самостоятельной позиции и приняли роль проводника, пропагандируемого ПСР дискурса на роль женщины как хранительницы семейного очага.

Практика подобного «государственного корпоративизма»³² в отношении гражданского общества означала, что для деятельности независимых от власти общественных организаций создавались всевозможные препятствия в виде требований прохождения долгих и обременительных бюрократических процедур, ограничений на привлечения внешнего финансирования. В конечном итоге это заставляло сужать масштабы деятельности и фокусироваться на ограниченном круге вопросов локального характера, связанных с жизнью конкретного городского округа или районного центра. На фоне маргинализации независимых акторов гражданского общества провластные НПО демонстрировали впечатляющие успехи — их организационная и материально-финансовая база стремительно росла, поддержка правительства и местных властей давала возможность расширять сети сторонников на местах, привлекать новых волонтеров и расширять свое присутствие в разных уголках страны. Они не сталкивались с проблемой забюрократизированности регистрационных и отчетных процедур, а большинство из них даже смогли получить особый правовой статус, позволяющий не платить налоги и не

³² *Heurlin C. Governing Civil Society: The Political Logic of NGO—State Relations Under Dictatorship // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2010. Vol. 21. № 2. P. 220—239.*

отчитываться за частные пожертвования³³. Взамен близкие к власти НПО должны были продвигать и популяризировать выдвинутые ПСР социальные проекты, как, например, идею воспитания «благочестивого» поколения, с которой Эрдоган выступил в 2012 г. В риторике большинства созданных при поддержке правительства молодежных организаций четко просматриваются программные лозунги ПСР о «защите славной истории великих предков», «сильной нации» и «воспитании молодого поколения в духе пиетета к национальным ценностям и исламской морали» — всего, что прочно ассоциируется с идеей построения «Новой Турции». Правящей ПСР лояльные молодежные организации представляются инкубатором «благочестивого поколения», индоктринированного идеями эрдогановской «Новой Турции» и готового принять эстафету в ее реализации.

Провластные молодежные организации также выступают лабораторией по созданию новых форм работы с молодежью, нетрадиционных подходов воздействия на мировоззрение и образ мышления, общественно-политическую позицию и электоральные предпочтения. Для этого используются молодежные лагеря, в которых физическая активность сочетается с идеологической индоктринацией, факультативные программы и мастер-классы, бесплатные летние школы по самому широкому спектру востребованных дисциплин и тематик — от журналистики и общественной дипломатии до языковых курсов и информационных технологий, организуются волонтерские стажировки в международные гуманитарные организации. В деятельности молодежных организаций активное участие принимают профильные ведомства, помощь и содействие идет по линии Министерства образования и Министерства молодежной политики и спорта. При школах создаются «молодежные клубы», проводятся внеклассные занятия и разнообразные культурные программы религиозной направленности — лекции по Корану и Сунне («для постижения истинного ислама из правильных источников»), совместные утренние молитвы и трапезы в месяц Рамадан и даже учебные дискуссии на английском языке по исламской тематике.

Все эти разнообразные программы и мероприятия, организованные с использованием современных педагогических методик, направлены на кропотливую работу по формированию правильных идеологических предпочтений и развитие «турецко-мусульманского самосознания» у молодежи. Нередко такая индоктринация включает в себя элементы антизападной риторики, характерной для публицистических текстов, выходящих на страницах печатных органов таких структур, как Вақф турецкой молодежи, Вақф служения турецкой молодежи и образованию, Вақф Энсар или Вақф распространения знания, — утверждения о еврейском заговоре, притеснении ислама и мусульман Западом, не желающим видеть мусульманские страны влиятельными субъектами нового мирового порядка, или обвинения западных политиков в поддержке террористических организаций³⁴. Социализация молодежи в рамках провластных НПО преследует и еще одну очевидную цель — купировать протестный потенциал молодежи и направить ее активность в конструктивное русло на «созидание идеала “Новой Турции”». В среднесрочной перспективе это также предполагает работу над электоральным поведением и партийно-политическими предпочтениями молодежи. На специальных семинарах, организованных TÜGVA и TÜRGEV в преддверии конституционного референдума 2017 г., парламентских и президентских выборов 2018 г., известные медийные фигуры разъясняли преимуще-

³³ Trends in Turkish Civil Society. Center for American Progress, Istanbul Policy Center, and Istituto Affari Internazionali, 2017 // URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/turkishcivilsociety.pdf> (дата обращения: 18.11.2020).

³⁴ TÜGVA Bülten // URL: <http://tugva.org/kurumsal-yayinlarimiz/> (дата обращения: 20.04.2021); Fikirname Dergisi // URL: <https://fikirnamedergi.com> (дата обращения: 13.05.2021); Ensar Bülten. 2017 Temmuz-Aralık. S. 58–59 // URL: <https://data.ensar.org/yonetim/resimler/dokuman/pdf/50.pdf> (дата обращения: 10.05.18); İlim Yayma Vakfı Bülten // URL: <https://www.iyv.org.tr/tr/yayinlarimiz.html> (дата обращения: 22.07.2021); Vefa. Dergi — Bülten // URL: <https://www.iyv.org.tr/tr/vefa-dergisi.html> (дата обращения: 16.04.2021).

ства суперпрезидентской политической системы и объясняли критику Анкары «нежеланием Запада видеть сильную Турцию», подчеркивая фантомность «либеральных свобод», которые используются исключительно для поддержки боевиков РПК».

Финансовые ресурсы провластных молодежных организаций позволяют им брать на себя реализацию социально-благотворительных программ по всей Турции, компенсируя негативные последствия урезания социальных расходов правительства в 2010-х годах и экспансии частных школ и университетов на фоне ощутимого сокращения числа государственных образовательных учреждений³⁵. Речь идет о спонсорской помощи сотням студенческих общежитий, субсидировании стипендиальных программ в частных школах и университетах по всей Турции. Для многих, кто оказался вовлеченным в круг социальных программ молодежных НПО, это означало не просто «возможность получить качественное образование, но и обрести новый дом», где велись «разъяснительные беседы на самые острополитические темы»³⁶. Приближенные к власти женские организации в целом реализуют схожую модель деятельности. Тесные отношения с государственными органами, доступ к финансовым ресурсам и вовлеченность в работу над общественно значимыми законопроектами дают серьезные лоббистские преимущества. Для одних это возможность вести успешную общественную или предпринимательскую деятельность, для других — доступ к прямой финансовой помощи³⁷.

В своей деятельности провластные НПО четко разделяют турецкое общество на «своих» и «чужих», углубляя существующие социальные расколы. Особенно рельефно это проявляется в избирательной правозащитной активности и искаженных трактовках базовых прав и свобод. Так, провластные женские организации демонстративно воздерживаются от публичной критики правительства даже по резонансным эпизодам насилия и ущемления прав женщин. Они открыто выступают с осуждением феминистской активности как «явления, чуждого Турции в культурном отношении», вторя риторике ПСР о приоритетности семейных, а не общественных ролей для женщины³⁸. Даже в декларируемых целях наиболее крупной женской организации Турции — Ассоциации-дернека «Женщины и демократия» (Kadın ve Demokrasi Derneği — KADEM) — «повышение роли женщины в обществе и семье для воспитания высокоморального нового поколения турок» просматривается известный тезис Эрдогана о «неравенстве мужчины и женщины от природы»³⁹ и соответствующий взгляд на женские права, опирающийся на принципы «гендерной справедливости», в корне противоречащий «гендерному равенству». Поэтому подобные организации остаются в стороне от множавшихся последние годы случаев нападения на женщин в общественных местах из-за «неподобающей одежды» (коротких юбок или шорт), убийств чести, расправ над трансгендерами и других подобных преступлений.

Возможности провластных НПО по формированию благоприятного общественного мнения широко используются правительством, когда встает вопрос о принятии непопулярных законов или проведении неоднозначных реформ. Учитывая подконтрольность СМИ⁴⁰, вместо общественной дискуссии по спорным законопроектам в центральной

³⁵ Shlykov P. The Secularization and Desecularization Nexus in the Turkish Context... P. 199–236.

³⁶ Yabancı B. Turkey's tamed civil society: Containment and appropriation under a competitive authoritarian regime // Journal of Civil Society. 2019. Vol. 15. № 4. P. 285–306.

³⁷ Пример — Ассоциация-дернек «Женщины и демократия» (Kadın ve Demokrasi Derneği — KADEM).

³⁸ Yabancı B. Populism as the problem child of democracy: the AKP's enduring appeal and the use of meso-level actors // Southeast European and Black Sea Studies. 2016. Vol. 16. № 4. P. 591–617.

³⁹ Çelikyay A.E. Kadın Hareketi ve KADEM // KADEM. 07.VI.2015. URL: <https://kadem.org.tr/ay-sel-elbir-celikyay-kadin-hareketi-ve-kadem-i-yazdi/> (дата обращения: 13.11.2018).

⁴⁰ По разным подсчетам, около 95% всех медиа в стране к середине 2010-х годов оказалось в руках либо государства, либо бизнесменов из близкого круга президента Эрдогана (Basın Konseyi 2021 Yılı 'Basın Özgürlüğü' Raporu // Basın Konseyi Açıklamaları, 02.I.2022. URL: <https://www.basin-konseyi.org.tr/basin-konseyi-2021-yili-basin-ozgurlugu-raporu/> (дата обращения: 11.01.22)).

прессе разворачивается кампания по разъяснению их положительных сторон, которая сопровождается голосами поддержки со стороны лояльных власти общественных фигур. Еще одна широко распространенная форма помощи правительству со стороны провластных НПО — участие не только в общественном обсуждении, но и разработке новых законопроектов, когда общественная экспертиза подменяется манипулированием общественным мнением. Так, в 2018 г. феминистские организации были взбудоражены инициативой правительства ввести временные ограничения на выплаты алиментов, мотивируя это необходимостью снизить рост бракоразводных процессов, а также, как заявил Эрдоган, «избавить мужчин от рабства бессрочных алиментов»⁴¹. Эксперты и независимые правозащитные организации, в частности Федерация турецких женских ассоциаций (Türkiye Kadın Dernekleri Federasyonu), обращали внимание на негативные последствия поправок в Гражданский кодекс, способных привести лишь к эскалации домашнего насилия. Однако еще до начала полноценной экспертной дискуссии в социальных сетях с подачи общественной организации «Платформа семьи и людей, расторгнувших брак» (Boşanmış İnsanlar ve Aile Platformu — BİA Platformu) началась резонансная кампания против «несправедливости бессрочных алиментов» с открытыми письмами к правительству и президенту. Очень быстро во главе кампании оказалась провластная KADEM, которая во всевозможных СМИ стала продвигать тезис о «серьезном общественном запросе на соответствующие изменения в законодательство»⁴². В результате инициатива общественной дискуссии по теме алиментов была полностью перехвачена провластными НПО, и правительственный проект поправок в Гражданский кодекс был принят, в то время как мнение независимых правозащитных и женских организаций оказалось проигнорировано⁴³.

Результатом деятельности провластных НПО стало создание многоуровневой и разветвленной сети патрон-клиентских отношений, которая пронизывает весь сектор лояльного власти гражданского общества. Из расследования коррупционного скандала декабря 2013 г. вскрылись факты участия таких организаций в масштабных коррупционных схемах. Так, TÜRGEV, в чей попечительский совет входил сын Эрдогана Билал, за период с 2008 по 2012 г. получил более 100 млн долл. пожертвований от турецких и иностранных компаний, которые взамен стали обладателями инсайдерской информации и других преференций по правительственным тендерам⁴⁴.

Провластные НПО получают и прямую финансовую поддержку правительства, большинство реализуемых ими проектов финансируется профильными министерствами и муниципалитетами напрямую или через агентства развития (Kalkınma Ajansı)⁴⁵.

⁴¹ Mağdurlara müjde! 100 günlük icraat programında ‘çocuk haczi’ ve ‘süresiz nafaka’ da var // Yeni Akit, 03.VIII.2018; Erdoğan ‘süresiz nafaka’ ve ‘çocuk icrası’ zulmüyle ilgili müjdeyi verdi! // Yeni Akit. 5.X.2019.

⁴² Bakanlık devreye girdi; ‘süresiz nafaka’ kimler için kalkıyor? “Boşanma, otur evinde” diyorlar” // T24. 16.IV.2018. URL: <https://t24.com.tr/haber/bakanlik-devreye-girdi-suresiz-nafaka-kimler-icin-kalkiyor,606505> (дата обращения: 19.03.2022); Sema Maraşlı: KADEM üzerine dikildiği ayakların altında kalacak // Yeni Akit. 21.VI.2019.

⁴³ Sönmez B. Nafakada yeni politika: Boşanmayın barışın! // Gazete Duvar, 12.X.2018. В 2012 г. турецкие женские общественные организации смогли провалить принятие закона № 6284 «О защите семьи и предотвращении насилия против женщин». Это стало громкой победой феминистского движения, однако с 2013 г. их участие в общественно-политической жизни и реальном процессе выработки новых законов, касающихся семьи и женщин, свелось к минимуму.

⁴⁴ Charity NGO counting Turkish PM’s son as board member received \$99,999,990 in donations: Deputy PM // Hürriyet Daily News. 10.IV.2014.

⁴⁵ В середине 2000-х годов в рамках переговорного процесса с ЕС и реализации требований Копенгагенских критериев в Турции были созданы агентства развития (на 2020 г. их насчитывалось 26), призванные поддерживать инфраструктурные проекты, направленные на сглаживание различий в социально-экономическом развитии и диспропорций в уровне жизни между разными регионами страны. До 2018 г. деятельность этих структур координировало одноименное Министерство развития, затем они были подчинены Министерству промышленности.

Из сообщений СМИ можно судить о серьезных финансово-экономических вливаниях в провластные НПО, исчисляющихся сотнями миллионов долларов⁴⁶. Только от стамбульского муниципалитета в 2015–2017 гг. девять таких организаций получило более 200 млн долл.⁴⁷ Помимо субсидий и грантов, провластные НПО на льготных условиях получают в свое пользование объекты городской недвижимости под офисы, культурно-образовательные учреждения или общежития. Нередко это обставляется в форме дара от правительства, муниципалитета или лично президента как ответ на «просьбу общественности»⁴⁸.

Широкие финансово-экономические и организационные возможности, которыми обладают провластные НПО, способствуют формированию в среде гражданского общества разветвленной системы патрон-клиентских отношений. У волонтеров, особенно это касается молодежных организаций, формируется набор практических ожиданий в виде завязывания полезных связей, перспектив хорошего трудоустройства и т.д. Оказавшись в орбите деятельности провластных НПО, они получают возможность встречаться и взаимодействовать с функционерами правящей партии, известными медийными фигурами, крупными бизнесменами, видными политиками, не говоря уже о «социальном пакете» для выходцев из небогатых семей: льготных местах в общежитиях, стипендии на учебу в университете, участии в образовательных программах.

В результате многочисленные НПО не столько формируют инфраструктуру для реализации гражданских свобод и участия общества в политической жизни страны, сколько служат дополнительным инструментом контроля государства над обществом. В свою очередь государство получает возможность, с одной стороны, использовать неправительственные организации как дополнительный канал контроля общественной активности, с другой — пресекать появление «несистемных» общественных структур, деятельность которых потенциально может угрожать действующей власти или подрывать интересы близких к власти элитных групп.

Одна из отличительных черт гражданского общества в странах Ближнего и Среднего Востока, красной линией проходящая через большинство страноведческих исследований⁴⁹ этого феномена, — органическая связь между институтами гражданского общества и государством, точнее, представителями власти и национальной элиты. Турция не является исключением. Самый хрестоматийный пример такой связи — доминирование действующих и отставных чиновников среди функционеров неправительственных организаций. Они выступают в роли учредителей, входят в состав попечительских и управляющих советов, занимают ключевые посты в руководящих и исполнительных органах значительной части крупных и влиятельных НПО в регионе. Получается, что наиболее влиятельные институты гражданского общества служат укреплению действующего режима власти, а не выдвигают альтернативы существующему социальному, политическому и экономическому порядку.

⁴⁶ *Şahin İ.* İBB hangi vakıf ve derneğe ne kadar yardım yaptı? // *Sözcü*, 23.IX.2019; İBB'den hükümete yakın vakıflara 'yurt kıyağı' // *Yeniçağ*, 05.II.2019.

⁴⁷ İBB, hükümete yakın vakıflara yardım ediyor, kamunun cebinden 800 milyon lira çıkıyor // T24. 19.IX.2017. URL: <https://t24.com.tr/haber/ibb-hukumete-yakin-vakiflara-yarim-ediyor-kamunun-cebin-den-800-milyon-lira-cikiyor,444039> (дата обращения: 13.02.2021).

⁴⁸ Erdoğan'ın hocasına bedelsiz tahsis // *Cumhuriyet*. 16.XII.2016; AKP'li belediyeden Bilal Erdoğan'ın vakfına 10 yıllık peşkeş // *Cumhuriyet*, 14.XII.2016.

⁴⁹ *Norton A.R.* Civil Society in the Middle East. Leiden, 1994; *Wiktorowicz Q.* Civil Society as Social Control: State Power in Jordan // *Comparative Politics*. 2000. Vol. 33. № 1. P. 43–61; *Abdelrahman M.M.* Civil Society Exposed: The Politics of NGOs in Egypt. London, 2004; *Cavatorta F., Durac V.* Civil Society and Democratization in the Arab World: The Dynamics of Activism. Oxford, 2011; *Altan-Olcay Ö., İçduygu A.* Mapping Civil Society in the Middle East: The Cases of Egypt, Lebanon and Turkey // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2012. Vol. 39. № 2. P. 157–179; *Alvarez-Ossorio I.* Civil Society and Political Change in Contemporary Egypt // *The Arab Spring, Civil Society, and Innovative Activism*. New York, 2017. P. 57–80.

Профсоюзы и профессиональные объединения — еще один важный субъект сферы гражданского общества — находятся в прямой экономической зависимости от правительства, что лишает их возможности вступать в конфронтацию с властью в отстаивании своих групповых интересов, а их оппозиционность, по сути, становится в большей степени имитационной.

Очевидно, что в условиях многопланового контроля над институтами гражданского общества, особенно НПО, в шутку именуемых «государственными неправительственными организациями», едва ли можно ожидать, что гражданская активность, зажатая в такие рамки и направляемая «сверху», может способствовать повышению социальной и политической ответственности власти. Скорее наоборот, подобные НПО служат наращиванию влияния правящих элит, которые с их помощью навязывают обществу соответствующий политический и экономический дискурс. Получается замкнутый круг: у простых граждан отсутствуют механизмы воздействия на власть, которая имеет возможность манипулировать институтами гражданского общества.

В таких условиях общенациональные НПО становятся инструментами распространения государственной идеологии и навязывания обществу выгодных власти моделей социально-политического развития. Причем политики нередко публично говорят о НПО как «активных партнерах» власти⁵⁰. И подобный взгляд на НПО как удобный инструмент для решения политических задач — распространения идеологии и управления общественным консенсусом — характерен не только для представителей власти и национальных элит, но и для оппозиционных сил, использующих институты гражданского общества исключительно как инструмент мобилизации общественной поддержки, международных организаций и внерегиональных игроков.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОЦЕССЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ: ВЗАИМНОЕ БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЕ?

Вместе с тем сфера гражданского общества традиционно вызывает повышенный интерес западных политиков, рассматривающих его как инструмент демократизации ближневосточных стран, представляющих особый геополитический интерес для США и ЕС. Главным выражением растущего интереса к гражданскому обществу в 1990–2000-е годы стала масштабная поддержка местных неправительственных организаций, объяснявшаяся простой логикой: даже при слабом развитии сферы гражданского общества его институционализированная составляющая — т.е. НПО, ассоциации и др. — неизбежно должна была работать на цели преодоления «дефицита демократии»⁵¹. В результате были созданы разнообразные механизмы внешней финансовой поддержки организаций гражданского общества. Параллельно политика поддержки гражданского общества получила и научно-теоретическое обоснование: в 1990-е и 2000-е годы появилась масса книг и статей научного и публицистического характера о роли гражданского общества в политике как катализатора процессов демократизации и либерализации. Все это способствовало ошутимому росту числа НПО, что, как мы видим, отчетливо проявилось в Турции, и расширению диапазона их уставной деятельности. Большинство экспертов приветствовало это и характеризовало как «новую эпоху» в истории ближневосточных стран, ожидая от роста гражданской активности позитивного влияния на социальную ответственность и правосознание власти⁵².

Донорская политика в отношении НПО напрямую увязывалась с конкретными требованиями к финансируемому НПО — каким критериям они должны соответствовать

⁵⁰ Hawthorne A. Middle Eastern Democracy: Is Civil Society the Answer // Carnegie Papers: Middle East Series. 2004. Vol. 44. P. 12.

⁵¹ Kamrava M. The Middle East's Democracy Deficit in Comparative Perspective // Perspectives on Global Development and Technology. 2007. Vol. 6. P. 189–213.

⁵² Kubba L. The Awakening of Civil Society // Journal of Democracy. 2000. Vol. 11. № 3. P. 85–86.

и в чем должны заключаться их приоритетные задачи⁵³. От реципиентов поддержки европейских фондов в Турции ждали приверженности либеральным ценностям и активного участия в либерализации страны для ее вступления в ЕС. Однако мониторинг высказываний представителей турецких НПО, сотрудничавших со структурами ЕС, показал парадоксальную ситуацию. Примерно половина НПО, участвовавших в грантовых проектах ЕС в 2000-е годы, не являлись последовательными сторонниками «европейского пути» Турции, и лишь 4% предусматривали в рамках своих проектов «распространение позитивного знания о ЕС» и «продвижение общеевропейских ценностей»⁵⁴.

Практикуемые ЕС методы реализации потенциала «мягкой силы» в турецком контексте столкнулись с концептуальными и функциональными ограничениями. Невысокий организационный потенциал турецких НПО, значительная часть которых (более 44%) функционировала как паракоммерческие структуры⁵⁵, слабый интерес общества к НПО, малая доля участия в деятельности социально и политически активных НПО (не более 10% населения, из которых лишь 6,7% на добровольных началах)⁵⁶ — все это говорило об отсутствии необходимой инфраструктуры для реализации политики по поддержке гражданского общества в Турции.

В итоге донорская политика в отношении институтов гражданского общества на Ближнем Востоке оказалась уравниванием со многими переменными, в котором апробированные на других странах слагаемые успеха в сумме дают неожиданный результат. Эффект от долгосрочных инвестиций в местные НПО, направленных на коррекцию вектора социально-политического развития в сторону западных норм и ценностей, на практике оказался очень противоречивым. Отчетливо видно на примере таких стран, как Турция, отсутствие прямой корреляции между получением донорской помощи конкретными общественными организациями и их сопричастностью либеральным ценностям — это не только феномен прагматичных НПО, охотно берущих средства от европейских фондов и при этом не склонных полностью поддерживать «европейский выбор», но и показатель ограниченности «мягкой силы» ведущих стран Запада и международных организаций. И эта ограниченность — следствие не только идеализации гражданского общества, но и восприятия его как единого субъекта без учета высокой степени поляризации и сложного переплетения линий разломов внутри него.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ И ФРАГМЕНТАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Манипулирование гражданским обществом как со стороны правящих политических режимов, так и со стороны внешних доноров превращает его в арену противостояния соперничающих политических сил: исламистов и сторонников светских порядков⁵⁷ или между конкурирующими исламскими течениями⁵⁸. Причем эффект внешнего манипулирования гражданским обществом нередко приводит к непредсказуемым последствиям. Так, разделенность гражданского общества по линии отношения к исламу и кемализму, формирование концентрических кругов из разных социальных групп определяют не только концептуальный облик гражданского общества в Турции, но и отношение турецких НПО к политике ЕС. Поэтому и среди грантополучателей по степени под-

⁵³ Yom S. Civil Society and Democratization in the Arab World // Middle East Review of International Affairs. 2005. Vol. 9. № 4. P. 14–33; Altan-Olcay Ö., İçduygu A. Op. cit.

⁵⁴ Zihnioğlu Ö. European Union Civil Society Policy and Turkey: A Bridge Too Far? New York, 2013. P. 50–71.

⁵⁵ TÜSEV. Sivil Toplum İzleme Raporu. 2013–2014. İstanbul, 2015 // URL: https://www.tusev.org.tr/urfiles/files/Izleme_Raporu_2013_2014.pdf (дата обращения: 30.09.2016).

⁵⁶ TÜSEV. Türkiye’de Sivil Toplum: Bir Dönüm Noktası. İstanbul, 2011; TÜSEV. Monitoring Matrix on Enabling Environment for Civil Society 2019 Turkey Report. İstanbul, 2019.

⁵⁷ Cavatorta F., Durac V. Op. cit.

⁵⁸ Altan-Olcay Ö., İçduygu A. Op. cit.

держки процесса евроинтеграции лидируют консервативные силы, которые в сближении Турции с ЕС видят возможность расправиться со своими оппонентами и при этом, как ни парадоксально, сами не стремятся выстраивать тесное партнерство с европейскими структурами ввиду расхождений в ценностных ориентациях.

Поляризация общественных и политических отношений, ставшая одной из отличительных черт современной истории Турции, напрямую отражается на характере связей и взаимоотношений внутри гражданского общества. Естественное объединение неправительственных организаций, преследующих схожие цели, но придерживающихся трудно сводимых политических платформ, становится малопродуктивным либо исключается в принципе — поскольку у этих НПО не получается найти общий язык для осуществления совместной деятельности.

Степень дезинтеграции турецкого гражданского общества, сравнимая с фрагментацией политического спектра, хорошо ощущается на примере ситуации вокруг торговых палат и предпринимательских союзов, которые в принципе должны действовать, руководствуясь логикой экономической рациональности в большей степени, чем политическими пристрастиями. Между тем эти институты успешно служат интересам политических партий — от радикально-правых до ультралевых. Таким образом, экономическая сфера в стране оказывается разделенной по линии культуры и идеологии, что не дает возможности турецким промышленникам и предпринимателям выступать единым фронтом в противостоянии государству и правительству как объединенная влиятельная группа давления, что можно было бы считать гражданским обществом.

Политическая раздробленность гражданского общества⁵⁹ проявляется даже среди организаций по защите прав человека. Хотя, казалось бы, права человека — универсальная категория, преодолевающая идеологические границы. Однако и здесь, как и в случае с торговыми палатами, наблюдается поляризация по политическим предпочтениям. Как показывает практика, при тесном взаимодействии между теми или иными организациями по защите прав человека различия в политических предпочтениях и взглядах проявляются со всей очевидностью и становятся труднопреодолимой преградой на пути выработки совместных проектов, действий и т.д.⁶⁰

Фрагментация гражданского общества и отсутствие взаимного доверия среди общественных организаций, стоящих на разных политических платформах, делает крайне сложным консолидацию потенциала в рамках гражданского общества, не позволяя ему выступить генератором социально-политического развития «снизу». Эти же факторы не дают возможность внешним силам получить желаемый результат от материальных и нематериальных инвестиций в развитие сферы гражданского общества и делают механизмы «мягкой силы» неэффективными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное исследование позволяет сделать несколько аналитически значимых выводов относительно механизмов взаимодействия государства и гражданского общества в Турции и актуальных тенденций его трансформации. Опыт развития турецкого гражданского активизма на протяжении большей части XX в. сформировал в этой стране достаточно устойчивые модели отношений гражданского общества и государства, многие из которых продолжили воспроизводиться и в условиях эрдогановской Турции. С одной стороны, исторический анализ свидетельствует о том, что Турция никогда не была страной, испытывавшей дефицит самых разнообразных форм гражданской самоорганизации. С другой стороны, за прошедший с кемалистской революции период турецкое

⁵⁹ Подробнее см.: Шлыков П. В. Гражданское общество в Турции: иллюзии и реальность // Восток (Oriens). 2009. № 1. С. 109–122.

⁶⁰ Plagemann G. Human Rights Organizations: Defending the Particular or the Universal // Civil Society in the Grip of Nationalism. Istanbul, 2000. P. 471.

государство накопило богатейший опыт управления неправительственными организациями и движениями и переформатирования их деятельности в выгодном для правящей политической элиты ключе. Именно поэтому ставка руководства ЕС на поддержку НПО как инструментов форсированной демократизации Турции в период переговорного процесса о вступлении страны в ЕС, по сути, не дала ожидаемого результата.

При ощутимом количественном росте НПО большинство из них так и не стали агентами дальнейшей европеизации и политической модернизации Турции. Наоборот, в условиях поиска нового социально-политического баланса, укрепления власти ПСР и лично Реджепа Эрдогана, ограничения и впоследствии устранения из поля политического управления такого института, традиционно выступавшего за сохранение светского характера власти и турецкого государства, как армия, гражданское общество оказалось в активе именно правящего режима. В ситуации значительной финансовой и организационной поддержки со стороны государства в отношении НПО сохраняющаяся фрагментарность турецкого гражданского общества привела к усилению именно тех его элементов, которые были готовы взаимодействовать с политическим режимом и содействовать его укреплению, а механизмы внешнего воздействия на НПО, наоборот, оказались ограниченными или даже провальными.

Библиография / References

- Барановский В.Г., Наумкин В.В. и др. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. М., 2018.
- Baranovskii V.G., Naumkin V.V. et al. Blizhnij Vostok v menjajushhemsja global'nom kontekste [The Middle East in a changing global context]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Abdelrahman M.M. Civil Society Exposed: The Politics of NGOs in Egypt. London, 2004.
- Aknur M. Democratic Consolidation in Turkey: State, Political Parties, Civil Society, Civil-Military Relations, Socio-Economic Development, EU, Rise of Political Islam and Separatist Kurdish Nationalism. Boca Raton, 2012.
- Altan-Olcay Ö., İçduygu A. Mapping Civil Society in the Middle East: The Cases of Egypt, Lebanon and Turkey // British Journal of Middle Eastern Studies. 2012. Vol. 39. № 2. P. 157–179.
- Alvarez-Ossorio I. Civil Society and Political Change in Contemporary Egypt // The Arab Spring, Civil Society, and Innovative Activism. New York, 2017. P. 57–80.
- Baser B., Akgönül S., Öztürk A.E. “Academics for Peace” in Turkey: a case of criminalising dissent and critical thought via counterterrorism policy // Critical Studies on Terrorism. 2017. Vol. 10. № 2. P. 274–296.
- Bee C., Chrona S. Youth activists and occupygezi: patterns of social change in public policy and in civic and political activism in Turkey // Turkish Studies. 2017. Vol. 18. № 1. P. 157–181.
- Beller-Hann I., Hann C. Turkish Region: State, Market and Social Identities on the East Black Sea Coast. Oxford, 2001.
- Buttigieg J.A. The Contemporary Discourse on Civil Society: A Gramscian Critique // Boundary 2. 2005. Vol. 32. № 1. P. 33–52.
- Cavatorta F., Durac V. Civil Society and Democratization in the Arab World: The dynamics of Activism. Oxford, 2011.
- Diez T., Agnantopoulos A., Kaliber A. Turkey, Europeanization and Civil Society: Introduction // South European Society and Politics. 2005. Vol. 10. № 1. P. 1–15.
- Diner Ç., Toktaş Ş. Waves of Feminism in Turkey: Kemalist, Islamist and Kurdish Women's Movements in an Era of Globalization // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2010. Vol. 12. № 1. P. 41–57.
- Esim S., Cinoğlu D. Women's Organizations in 1990s Turkey: Predicaments and Prospects // Middle Eastern Studies. 1999. Vol. 35. № 1. P. 178–188.
- Hardt M. The Withering of Civil Society // Social Text. 1995. № 45. P. 27–44.
- Hawthorne A. Middle Eastern Democracy: Is Civil Society the Answer // Carnegie Papers: Middle East Series. 2004. Vol. 44. P. 3–24.
- Heurlin C. Governing Civil Society: The Political Logic of NGO–State Relations Under Dictatorship // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2010. Vol. 21. № 2. P. 220–239.
- Kalaycıoğlu E. Turkish Dynamics: Bridge Across Troubled Lands. New York, 2005.
- Kamrava M. The Middle East's Democracy Deficit in Comparative Perspective // Perspectives on Global Development and Technology. 2007. Vol. 6. P. 189–213.
- Kubba L. The Awakening of Civil Society // Journal of Democracy. 2000. Vol. 11. № 3. P. 85–86.

- Kubicek P.* Political Conditionality and European Union's Cultivation of Democracy in Turkey // Democratization. 2011. Vol. 18. № 4. P. 910–931.
- Kubicek P.* The Earthquake, the European Union and Political Reform in Turkey // Mediterranean Politics. 2002. Vol. 7. № 1. P. 1–18.
- Kubicek P.* The European Union and Grassroots Democratization in Turkey // Turkish Studies. 2005. Vol. 6. № 3. P. 361–377.
- Levitsky S., Way L.A.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War. New York, 2010.
- Norton A.R.* Civil Society in the Middle East. Leiden, 1994.
- Öktem K.* Turkey since 1989: Angry Nation. Nova Scotia, 2011.
- Plagemann G.* Human Rights Organizations: Defending the Particular or the Universal // Civil Society in the Grip of Nationalism. Istanbul, 2000. P. 433–471.
- Seckinelgin H.* Social policy and conflict: the Gezi Park–Taksim demonstrations and uses of social policy for reimagining Turkey // Third World Quarterly. 2016. Vol. 37. № 2. P. 264–280.
- Şen A.F., Şen Y.F.* Online environmental activism in Turkey: The case study of “The Right to Water” // Global Bioethics. 2016. Vol. 27. № 1. P. 1–21.
- Shlykov P.* Non-western model of civil society in the Middle Eastern context: Promises and discontents // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162.
- Shlykov P.* The Secularization and Desecularization Nexus in the Turkish Context: What is behind? // Politics and Religion Journal. 2019. Vol. 13. № 2. P. 199–236.
- White J.B.* Civic Culture and Islam in Urban Turkey // eds C. Hann, E. Dunn. Civil society: challenging western models. London, 1996. P. 143–144.
- Wiktorowicz Q.* Civil Society as Social Control: State Power in Jordan // Comparative Politics. 2000. Vol. 33. № 1. P. 43–61.
- Yabancı B.* Populism as the problem child of democracy: the AKP's enduring appeal and the use of meso-level actors // Southeast European and Black Sea Studies. 2016. Vol. 16. № 4. P. 591–617.
- Yabancı B.* Turkey's tamed civil society: Containment and appropriation under a competitive authoritarian regime // Journal of Civil Society. 2019. Vol. 15. № 4. P. 285–306.
- Yom S.* Civil Society and Democratization in the Arab World // Middle East Review of International Affairs. 2005. Vol. 9. № 4. P. 14–33.
- Zihnioğlu Ö.* European Union Civil Society Policy and Turkey: A Bridge Too Far? New York, 2013. P. 50–71.

© 2023 г. **В.В. ОРЛОВ**

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОТЕСТ И ИСЛАМСКАЯ ПАРТИЙНОСТЬ В МАРОККО: ОПЫТ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Орлов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: orlov@iaas.msu.ru

Scopus Author ID: 57217045829; Researcher ID: K-1041-2012; ORCID: 0000-0002-2649-5422

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы зарождения и развития «Движения 20 февраля» в Марокко в ходе событий «арабской весны», глубоко повлиявших на общественное развитие региона Ближнего Востока и Северной Африки. Цель исследования состоит в оценке сотрудничества/соперничества сил либерального гражданского протеста и исламистских партий и ассоциаций, а также реакции марокканской монархии на создание неподконтрольного ей центра политической мобилизации молодежи. Противостояние «Движения» администрации короля Мухаммада VI и стремление протестующих внедрить либеральные ценности в политическую жизнь страны привели эту гражданскую инициативу к глубокому кризису. В статье выявлен широкий набор политических, юридических и пропагандистских средств, примененных монархией для дискредитации любых форм молодежного протеста, кроме явно санкционированных властями. Поспешное введение в действие новой конституции королевства и парламентские выборы, прошедшие в ноябре 2011 г., позволили умеренной исламистской Партии справедливости и развития войти в правительство и занять существенное место в политической жизни Марокко. Эта «альтернативная оппозиция» при действенной, хотя и неявной, поддержке трона последовательно вытеснила малоопытных гражданских активистов на обочину политического процесса. В итоге «Движение 20 февраля» утратило популярность и не обрело необходимой ясности идеологических ориентиров. Во второй половине 2012 — начале 2013 г. оно распалось на отдельные конфликтующие группы и так и не смогло реализоваться в виде сплоченной политической структуры. Автор показывает, как силовые методы и пропагандистские кампании королевской администрации вкупе с искусной партийной политикой двора радикализовали умонастроения молодых либералов, что позволило очернить их репутацию и нейтрализовать их влияние. Благодаря этим мерам в марокканском обществе восстановились позиции мягкого авторитарного режима.

Ключевые слова: Марокко, молодежь, молодежное движение, оппозиционные движения, конституционные реформы, исламские партии, Северная Африка, «арабская весна», «Движение 20 февраля».

V.V. Orlov

Civil Protest and Islamic Partisanship in Morocco: Experience of the “Arab Spring”

Vladimir Orlov, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: orlov@iaas.msu.ru

Scopus Author ID: 57217045829; Researcher ID: K-1041-2012; ORCID: 0000-0002-2649-5422

Abstract. The author examines the milestones in the emergence and development of the “February 20” movement (F20M) in Morocco during the Arab Spring, which had a profound impact on the social development of the Middle East and North Africa. The level of F20M’s cooperation/rivalry with Islamic parties/associations and reactions of Moroccan state to creation of a center of political mobilization of youth beyond its control is also evaluated. The analysis demonstrates the large set of political, legal and propaganda tools used by Moroccan Alawite monarchy to present the F20M as increasingly incompatible with all the set of traditional Moroccan values. The opposition of F20M to the King’s administration and its ambition to promote liberal democratic ideas in Moroccan society led this association to existential crisis. F20M’s message became inconsistent and less relevant when the King Muhammad VI systematically responded to social demands. Hasty implementation of the new Moroccan Constitution and parliamentary elections, which took place in November 2011, gave chance to the Justice and Development Party not only to enter the government, but to take a significant place in political life of the country. This skilful and moderate ‘Islamic policy’ framed F20M’s image as extreme and composed of fringe radical/revolutionary groups. So, this civic initiative was led to decline in the second half of 2012 – early 2013. A secondary finding of this paper is that policy repressions combined with smearing campaigns turned the young reformists to radical opposition to the throne and helped to reproduce the soft authoritarian regime.

Keywords: Morocco, youth, youth movement, opposition movements, constitutional reforms, Islamic parties, North Africa, Arab Spring, “February 20” Movement.

Исторический облик массовых протестных движений в Марокко всегда был пестрым и противоречивым. Среди протестующих встречались и архаично мыслившие племенные вожди, и рафинированные интеллектуалы с европейским образованием. Протестные акции марокканцев принимали к тому же весьма разнообразные формы — от партизанской войны рифских племен в 1921–1926 гг., в ходе которой возникла самопровозглашенная «Республика Риф», до «хлебных бунтов» 1981 г. в Касабланке и других городах королевства, глубоко изменивших политику правительств короля Хасана II (1961–1999). Свое влияние на характер отношений внутри марокканского социума и государства внесли события «арабской весны» 2011–2012 гг. Они оказались неразрывно связаны, с одной стороны, с быстрым становлением и упадком бунтарского «Движения 20 февраля», а с другой — с расцветом деятельности легальных исламских партий как проправительственного, так и антиправительственного спектра.

«Движение 20 февраля», как и другие объединения арабской «недовольной молодежи» 2011–2012 гг., первоначально оформилось в виртуальном мире. Активисты и сторонники движения объединялись и искали общие цели посредством общения в социальных сетях. Под влиянием крушения режимов Зин аль-Абидина бен Али в Тунисе и Хосни Мубарака в Египте молодые марокканцы начали обсуждать перспективы демократических преобразований в своей стране. В конце января 2011 г. в Интернете возникло несколько марокканских форумов такого рода, крупнейшим из которых стал «Свобода и демократия сейчас».

Хотя численность пользователей дискуссионных групп первоначально составляла не более 3–5 тыс. человек, они быстро перешли от обсуждений в Интернете к акциям на улицах марокканских городов. Их лозунги включали смену конституционного законодательства, сокращение политических прерогатив короля, освобождение «узников совести», участие молодежи в парламентских выборах¹. Протестные демонстрации были запланированы на 27 февраля. Однако затем их перенесли на предыдущую неделю, поскольку эта дата связана в сознании марокканцев с провозглашением Сахарской Арабской Демократической Республики Фронтом ПОЛИСАРИО в 1976 г. Совмещение гражданского протеста с «праздником западносахарских сепаратистов» вызвало бы негативные коннотации у консервативно настроенных кругов и властей и легко могло быть

¹ Tourabi A., Zaki L. Maroc: une révolution royale? // Mouvements. Des idées et des luttes. 2011. № 2 (66). P. 99–100.

использовано для дискредитации протестующих в глазах лояльного власти большинства. В итоге дата «20 февраля» стала маркером движения и неотъемлемой частью его политического образа.

Протестные собрания прошли 20 февраля 2011 г. в большинстве городов и провинций королевства. Как свидетельствовали данные оппозиционного веб-сайта Mamfakinch, в самом Марокко в гражданских выступлениях участвовали не менее 123 тыс. человек². Эта цифра, полученная со слов участников собраний, может быть увеличена на 10–15% с учетом городов Европы, где в этот день также пришли на протестные акции тысячи марокканцев, проживавших в ЕС³. Собравшиеся критиковали социально-экономическую политику правительства, требовали повысить заработную плату на государственных предприятиях, расширить фонд временных рабочих мест для студентов, выплачивать увеличенные пенсии, перестроить систему поддержки безработных. Выдвигались также требования ограничения власти короля, созыва конституционной ассамблеи и принятия нового основного закона, отставки консервативного правительства партии «Истикляль», прекращения преследований граждан за убеждения. Неприятие непрозрачной системы власти, коррупции и nepотизма королевской администрации также выражалось в персональных нападках участников акции на видных деятелей махзена.

Этот термин (махзен — араб. букв. «хранилище [налогов]») в течение веков обозначал неформальное объединение провинциальных политических элит Дальнего Магриба с правящей с 1630-х годов султанской (с 1957 г. — королевской) семьей Алауитов. Понятие «махзен» в качестве символа институтов власти в Магрибе отмечается еще с IX в.⁴ В ту эпоху оно ассоциировалось с верхушкой привилегированных «военных племен», служивших государям Северной Африки за вознаграждение или освобождение от налогов. В XVI–XX вв. слово «махзен» стало обозначать всю совокупность «личного состава» военно-политической администрации магрибинских эмиров и султанов и, таким образом, послужило общим наименованием для средних и высших звеньев государственной машины. В народном употреблении термин также стал синонимом попрания исконных прав и свобод горных или пустынных племен со стороны султанской администрации⁵. В современном же прочтении махзен трактуется арабскими и европейскими политологами как «светский авторитаризм, располагающий руководящим государственным аппаратом»⁶.

В социальном плане марокканское протестное движение 2011–2012 гг. оказалось неоднородным. Тем не менее ясно, что его основная часть состояла из молодых, образованных и сравнительно малоимущих горожан, что позволило наблюдателям представлять «Движение 20 февраля» как выражение устремлений нового поколения марокканцев⁷. Действительно, как показали изыскания М.Э. Бадимон, в ходе «арабской весны» гражданский протест марокканской молодежи базировался на тех же социально-экономических и политических установках, что и массовые выступления против безработицы, сотрясавшие Марокко в первые годы правления Мухаммада VI⁸.

² Данные сайта с распределением показателей по провинциям и городам Марокко: URL: <http://24.mamfakinch.com/pages/bilan-statistique-feb20#> (дата обращения: 06.03.2013).

³ *Dahbi Kh.* Meso-level Interactions, Macro-level Repercussions. The Curious Case of the 20th February Movement in Morocco // *Annals of Japan Association for Middle East Studies*. 2013. Vol. 29. № 2. P. 9.

⁴ *Матвеев В.В.* Средневековая Северная Африка (развитие феодальных отношений в VII–IX вв.). М., 1993. С. 227.

⁵ *Ahmad A.S., Hart D.M.* Introduction // *Islam in the Tribal Societies: from the Atlas to the Indus* / eds A.S. Ahmad, D.M. Hart. London, 1984. P. 3–4.

⁶ *Korany B.* Monarchical Islam with a Democratic Veneer: Morocco // *Political Liberalization and Democratization in the Arab World*. Vol. 2. Comparative Experiences / eds B. Korany, R. Brynen, P. Noble. Boulder (Col.); London, 1998. P. 173.

⁷ *Desrués Th.* Moroccan Youth and the Forming of a New Generation: Social Change, Collective Action and Political Activism // *Mediterranean Politics*. 2012. Vol. 17. P. 39.

⁸ См.: *Badimon M.E.* Does Unemployment Spark Collective Contentious Action? Evidence from a Moroccan Social Movement // *Journal of Contemporary African Studies*. 2013. Vol. 31. P. 194–212.

Для оценки эффективности протестной мобилизации в Марокко наиболее существенны формы реагирования марокканского государства на мирное молодежное движение. Вопреки обычной для юстиции королевства жесткости в отношении несанкционированных протестов, на этот раз правоохранительные органы не вмешивались в ход собраний и занимались общим контролем общественного порядка. Через две недели, 9 марта 2011 г., Мухаммад VI обратился к нации и предложил обновить положения конституции 1996 г. Его конкретные рекомендации включали наделение премьер-министра частью королевских prerogatives, общую децентрализацию управления страной, передачу финансирования и планирования социальных проектов на уровень провинций и префектур, более широкий контроль общества за судебным ведомством. Также король предлагал марокканцам признать в новой конституции берберский говор *тамазигт* официальным языком Марокко⁹.

Ответ королевского двора на протесты состоял в том, что заявленные планы конституционной реформы совпали с требованиями «Движения 20 февраля», но ни малейших ссылок на влияние гражданского общества Мухаммад VI не допускал ни 9 марта, ни позже. Совет О. фон Бисмарка «взять идеи оппозиции и воплотить их своими руками» махзен реализовал с большим размахом. Утверждения монарха о том, что свой план преобразований он готовил несколько лет, раскололи протестную среду. Одних участников митингов не удовлетворили заявленные администрацией механизмы обновления конституции¹⁰, другие объявили обманом либеральные аспекты в заявлении монарха. В большинстве своем сторонники движения сошлись на том, что следует продолжить практику еженедельных выступлений против проекта конституции, призывая к эскалации напряженности уличных шествий — в духе акций «арабской весны» в Тунисе и Египте¹¹. Эти лозунги вызвали разломы в соцсетях и на улицах, подрывая саму возможность создания общенационального молодежного протестного движения.

Параллельно власти сделали ставку на пресечение уличных акций. Первоначальные опасения перед «египетско-тунисским» вариантом событий не оправдались, и уже в марте—апреле 2011 г. «Движение 20 февраля» из-за полицейских мер пошло на спад. Апрельские сидячие забастовки в Касабланке против предложенного королем референдума по конституции прекратились после массовых арестов и приговоров его участникам к тюремному заключению. 15 мая 2011 г. протестующие попытались начать стихийную «прогулку» из Рабата в пригород Темара — к печально известному марокканским диссидентам зданию штаб-квартиры Службы королевской контрразведки. Полиция разогнала собравшихся еще до начала «прогулки», причем столь энергично, что, как сообщали европейские СМИ, ранения получили не менее 50 протестующих¹².

Махзенское руководство не пренебрегало и другими проверенными способами борьбы с гражданскими активистами: дезинформацией, дискредитацией «Движения 20 февраля», демонстрацией «народной лояльности» инициативам Мухаммада VI. Еще накануне 20 февраля государственные СМИ распространили ложную информацию о переносе манифестаций на другой день. Сразу после «весенних» событий в социальных сетях

⁹ Belkeziz A. Morocco and Democratic Transition: a Reading of the Constitutional Amendments, Their Context and Results // Contemporary Arab Affairs. 2012. Vol. 5. Iss. 1. P. 34–36; Mathieu B. L'émergence du pouvoir judiciaire dans la Constitution marocaine de 2011 // Pouvoirs. 2013. № 2 (145). P. 47; Houdret A., Harnisch A. Decentralisation in Morocco: a Solution to the 'Arab Spring'? // The Journal of North African Studies. 2019. Vol. 24. P. 942–943.

¹⁰ Maghraoui D. Constitutional Reforms in Morocco: Between Consensus and Subaltern Politics // The Journal of North African Studies. 2011. Vol. 16. P. 691.

¹¹ Badran S.Z. Demobilising the “February 20 Movement” in Morocco: Regime Strategies during the Arab Spring // The Journal of North African Studies. 2020. Vol. 25. P. 628.

¹² Au Maroc, une manifestation violemment dispersée à Rabat. RFI — Maroc // Radio France International. 15.05.2011. URL: <http://www.rfi.fr/afrique/20110515-le-maroc-reprime-durement-une-manifestation-blesses.html> (дата обращения: 28.03.2013).

размножились личные страницы и группы противников «Движения», выражавших верно-подданные настроения и поддержку конституционной реформы¹³. Королевские спецслужбы применяли к демонстрантам и тактику «неформального насилия»: уже в апреле акции «Движения 20 февраля» встречали на своем пути группы малообразованных и враждебно настроенных жителей пригородных селений и городков. «Идеологические противники» безнаказанно оскорбляли гражданских активистов, забрасывали их комьями грязи, устраивали скандалы и драки, провоцировали полицейские облавы и задержания¹⁴.

В то же время одной из причин противостояния властей и протестующих стала оценка нового основного закона Марокко. С середины апреля 2011 г. в городах и селениях организовывались официальные культурно-просветительские и музыкальные события. Как оформление сцен (портреты короля, национальные флаги), так и содержание речей и развлекательных программ были направлены на разъяснение положений будущей Конституции. Любая критика конституционной реформы Мухаммада VI заведомо трактовалась на этих собраниях как «пренебрежение волей народа», «сомнение в политических навыках его величества» и подвергалась дискредитации. Стилистика митингов носила подчеркнуто объединительный, надпартийный характер¹⁵.

Не были забыты и исламские институты. Согласно распоряжению министра хабусов и по делам ислама служителей мечетей призывали порицать в ходе пятничных проповедей протестные настроения и внушать аудитории положительное отношение к конституционным преобразованиям. При этом в унифицированных текстах образцовых проповедей указывалось, что марокканцы-мусульмане должны воспринимать поддержку Мухаммада VI как свое гражданское и религиозное обязательство¹⁶. Поддержку основному закону свидетельствовали и шейхи суфийских братств (в том числе аль-Бушишйя).

Вступив в идеологическое противостояние с махзеном, «Движение 20 февраля» не приняло результаты референдума по новой конституции, который состоялся 1 июля 2011 г. На нем (при явке 73,4% зарегистрированных избирателей) 98,5% голосовавших одобрили новый основной закон Марокко, введенный в действие 29 июля¹⁷. Хотя направления преобразований совпали с требованиями «Движения», их критика относилась к «недемократическому характеру» процесса обсуждения и к сохранению всевластия короля. Во второй половине июля 2011 г. в городах Марокко вновь состоялись марши протеста, достигшие кульминации 31 июля — в день восшествия Мухаммада VI на престол и в дату ежегодной традиционной клятвы верности королю (*бай'а*). Задевая личность и статус монарха, протестующие высмеивали патетику церемониала. Пародируя привычные слова клятвы, они произносили нараспев фразу: «Да благословит Аллах наш народ» и, подобно футбольным арбитрам, держали в поднятых руках желтые карточки — со своеобразным намеком властям Марокко на последнее предупреждение перед удалением их с поля.

Подлинное соотношение сил гражданской оппозиции и трона выявили парламентские выборы, прошедшие в ноябре 2011 г. Главным оппонентом продворцовых партий на этих состязаниях выступила отнюдь не «рассерженная молодежь», а исламистская Партия справедливости и развития (ПСР), которая с 1998 г. активно участвует в политической жизни страны. В своей предвыборной кампании лидеры ПСР охотно поддерживали

¹³ *Dahbi Kh.* Op. cit. P. 11.

¹⁴ *Badran S.Z.* Op. cit. P. 633–634.

¹⁵ *Maghraoui D.* On the Relevance or Irrelevance of Political Parties in Morocco // *The Journal of North African Studies.* 2020. Vol. 25. P. 948.

¹⁶ *Al-Maghrib yalji'u ila khutaba' al-masajid li-l-taswit "na'am" ala-l-dustur al-jadid* (Марокко прибегает к проповедникам мечетей для того, чтобы обеспечить ответ «да» новой конституции) // *Al-Arabiyya.* 24.06.2011. URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2011/06/24/154673.html> (дата обращения: 18.06.2014).

¹⁷ *Bendourou O.* La nouvelle Constitution marocaine du 29 juillet 2011 // *Revue Française de Droit Constitutionnel.* 2012. № 3 (91). P. 512.

лозунги «Движения 20 февраля», направленные против полицейского произвола и узаконенной коррупции. Кроме того, ПСР еще на парламентских выборах 2002 г. подавала себя избирателям как компетентную и не запятнанную участием в правительстве оппозиционную силу¹⁸; на последующих парламентских выборах 2007 и 2011 гг. эта тактика также оправдала себя. Однако в расчете на электоральный успех исламисты не разделяли критику конституции со стороны «Движения 20 февраля». Поэтому союзником молодых и малоопытных активистов стала полулегальная фундаменталистская ассоциация «Справедливость и благодеяние» («Аль-Адль ва-ль-ихсан»), более 30 лет выступавшая против «узурпации власти» алауитской монархией. В альянсе с немногочисленными леворадикальными политическими группами «Движение» и «Аль-Адль» попытались устроить бойкот выборов, который, однако, оказался полностью неудачным.

Среди уважаемых политических сил Марокко призывы «Движения 20 февраля» не получили поддержки. Все они предпочли встать на сторону короля и создали коалицию из восьми партий, получившую неофициальное название «G-8». Руководство коалицией осуществляли приближенные ко двору либералы из Национального объединения независимых (НОН) и лидеры претендующей на защиту традиционных ценностей Партии подлинности и модернизма (ППМ). Эта партия была создана деятелем махзена Фуадом Али аль-Химмой, который в 2000 г. был назначен министром-делегатом короля при МВД¹⁹. В 2008 г. он создал свою лоялистскую партию, ратовавшую за «близость к избирателю» и активную гражданскую позицию марокканцев. На следующий год аль-Химма привел ППМ к успеху на муниципальных выборах (21,15% голосов)²⁰. Теперь ключевой задачей ППМ и G-8 в целом стало недопущение в парламент исламистов, упрочение структуры правящего класса Марокко и дезавуирование демократического потенциала движущих сил «арабской весны».

На выборах 2011 г. G-8 в качестве политического противовеса не оправдала надежд королевской власти. ПСР опрокинула все планы и набрала рекордные 107 мандатов (27% голосов), гарантировав себе парламентское большинство. С учетом роста популярности партии (42 мандата в 2002 г. и 46 мандатов в 2007 г.) исламисты по праву заняли место ведущей политической силы в стране. Их успех обозначил примирение обществ Северной Африки с самими собой и неудачу прозападных устремлений их элит²¹. После триумфального успеха на выборах в нижнюю палату парламента ПСР вступила в «клуб» исторических общенациональных партий Марокко, наряду с «Истикляль» и Социалистическим союзом народных сил. Эта партия еще в 2000-х годах превратилась в важное действующее лицо политической игры махзена и партийной системы²². Но в ходе «арабской весны» умеренные исламисты смогли выразить интересы средних слоев марокканского общества, и весной 2012 г. лидер и идеолог ПСР Абд аль-Илях бен Киран возглавил новое коалиционное правительство.

Обращаясь к событиям «арабской весны» в Марокко сегодня, можно сделать вывод: введение новой конституции, более равномерно распределяющей между королем и правительством властные полномочия, и внеочередные парламентские выборы сыграли роль своего рода «пламегасителя» недовольства. Политические круги королевства не

¹⁸ Iraki A. Du renouvellement des élites urbaines au Maroc. Élités urbaines, territoire et système politique local // *Annuaire de l'Afrique du Nord* 2003. 2005. Vol. XLI. P. 92–93.

¹⁹ Catusse M., Variel F. “Ni tout à fait le même, ni tout à fait un autre”. Métamorphoses et continuité du régime marocain // *Maghreb—Machrek*. 2003. № 175. P. 80–81.

²⁰ Eibl F. The Party of Authenticity and Modernity (PAM): Trajectory of a Political “Deus Ex Machina” // *The Journal of North African Studies*. 2012. Vol. 17. P. 47.

²¹ Marzouki I. La culture de la différence: pour une redéfinition des réformes démocratiques au Maghreb // *L'Année du Maghreb* 2004. Paris, 2006. P. 415.

²² См.: Орлов В. В. Умеренные исламские партии на арабской политической сцене: пробы сил и оценки 2000-х годов // *Исламский фактор в истории и современности* / под ред. В. Я. Белокре-ницкого, И. В. Зайцева, Н. Ю. Ульяченко. М., 2011. С. 409–421.

были готовы инкорпорировать стихийное и слабо оформленное «Движение 20 февраля», а электоральный успех исламистской и самостоятельной ПСР окончательно предопределил его политическую судьбу. Образ «народной оппозиции» на период избирательного цикла 2011–2016 гг. оказался в руках ПСР. Поэтому уже в декабре 2011 г. еженедельные протестные собрания «Движения» привлекали не более 1–2 тыс. активистов. Результаты выборов разрушили и внешние связи «Движения»: ассоциация «Аль-Адль ва-ль-ихсан», разочарованная нестабильностью и либеральными устремлениями своего союзника, прекратила сотрудничество с ним. Без дисциплины и мобилизационных возможностей «Аль-Адль» аморфная структура «Движения» к лету 2012 г. фактически распалась, что резко снизило привлекательность его протестных усилий.

Ослабление общественной поддержки и жесткие полицейские меры вынудили активистов, оставшихся верными «весенним» идеалам, уйти с улиц в интернет-пространство. Здесь отчаяние оказало протестующим дурную услугу. Вместо поиска союзников и продолжения критики коррупции, nepотизма и вседозволенности махзена они обратились к личной критике короля. Этот шаг только усугубил их маргинализацию, так как по закону личность марокканского правителя священна и пользуется неприкосновенностью. В 2012 г. публичные сомнения активистов «Движения» в необходимости монархии неизменно заканчивались арестами и судебными приговорами. Даже карикатура на Мухаммада VI, размещенная в социальной сети, привела к аресту ее автора — школьника Валида Бахумана, который в итоге оказался под следствием²³.

На фоне этих событий уже в первую годовщину движения произошло его окончательное скатывание к политическому сектанству. 20 февраля 2012 г. сидячие забастовки с требованиями «дать народу подлинную конституцию» ни в одном городе королевства не собрали больше 200–300 активистов. Спецслужбы и полиция намеренно не препятствовали небольшим группам протестующих развернуть на улицах свои лозунги, а государственные СМИ подробно и в назидательном тоне осветили непопулярность призывов «Движения» и его очевидную политико-пропагандистскую неудачу. В начале 2013 г. «Движение 20 февраля» стало достоянием истории.

Примечательно, что «Движение 20 февраля» зародилось и развивалось в более благоприятных условиях, чем аналогичные акции в Египте или Тунисе²⁴. Ему удалось мобилизовать крупные организационные и человеческие ресурсы. Но после двух лет споров и разногласий «Движение» ослабело, утратило привлекательность и фактически сошло на нет, так и не достигнув успеха в своих начинаниях. Эти обстоятельства нуждаются в объяснении.

Представляется, что гражданский протест марокканцев в 2011–2012 гг. был подорван главным образом изнутри. Репрессии сыграли второстепенную роль в усмирении протестов. А вот роль марокканского государства в закулисных процессах раскола сил протестующих представляется ключевой. В целом тактика ослабления противника типична для марокканской политической культуры. В этой стране султанский двор редко имел военное преимущество над оппонентами. Поэтому династии Саадилов (1511–1659) и Алауитов (с 1630 г.) традиционно укрепляли собственные силы, стравливая своих противников. Махзен стремился к расколу среди оппонентов, чтобы одолевать их по отдельности. Во многом этим объясняется и старательно поддерживаемая в независимом Марокко многопартийность. В случае с противостоящей властью онлайн-средой старинная тактика показала себя еще более действенной, чем в реальном мире. Во многом благодаря усилиям государственной пропаганды виртуальное единение протестующей молодежи так и не смогло превратиться в устойчивую политическую структуру.

С первых дней «арабской весны» в Марокко на протестующих обрушилось множество обвинений. С одной стороны, официальные и даже коммерческие СМИ задавались

²³ *Dahbi Kh.* Op. cit. P. 18–19.

²⁴ *Dalmasso E.* Surfing the Democratic Tsunami in Morocco: Apolitical Society and the Reconfiguration of a Sustainable Authoritarian Regime // *Mediterranean Politics*. 2012. Vol. 17. Iss. 2. P. 218.

вопросом, по чьим указаниям либерально настроенная молодежь стремится ослабить единство и сплоченность марокканского народа вокруг монархии. Как правило, «заказчиками» объявлялись алжирские спецслужбы или западносахарские сепаратисты. С другой стороны, протестующим приписывали морально-нравственную ущербность. Так, критика «Движением 20 февраля» Мухаммада VI подавалась в пятничных проповедях как нечто вроде предательства исламского вероучения или намеренного оскорбления Аллаха и его Пророка — прародителя правящего государя²⁵. Апогеем этого пропагандистского подхода стала распространенная в социальных сетях трактовка «Движения» как тайного сообщества атеистов или христианских миссионеров, завербованных Ватиканом или израильским руководством с целью нанести «ущерб делу ислама в Марокко». Кроме того, с подачи спецслужб активисты «Движения» изображались как незрелые и распутные юнцы, одобряющие гомосексуальность и оправдывающие употребление наркотиков. Все перечисленные нападки не оставались без ответа («Движение» вело скоординированную и масштабную контрпропаганду посредством катарского спутникового канала «Аль-Джазира»), но все же усложняли попытки найти общий язык между активистами и легальными политическими силами королевства.

Наряду с успешной кампанией по дискредитации «арабской весны», марокканский двор смог искусно противопоставить «Движению 20 февраля» две слабо сочетающиеся политические группы — левых и исламистов. Каждая из этих политических сил могла стать партнером протестующих. Неформальные ассоциации общественно активной молодежи везде на Ближнем Востоке и в Северной Африке находились в промежуточном положении между модернизированными и традиционалистскими структурами гражданского общества²⁶. Однако ни тех ни других сторонникам протестов в итоге отобилизовать должным образом не удалось. К тому же виртуальная и децентрализованная структура «Движения» не способствовала прочности союзнических отношений. А это вело к ценностному расслоению в «Движении» и ослаблению его связности.

Среди причин неудачи гражданского протеста 2011–2012 гг. нужно отметить грамотно выстроенную (сработавшую, по мнению М.А. Сапроновой, «на опережение ситуации»²⁷) тактику реагирования властей на требования «Движения 20 февраля». Уступки марокканского государства «рассерженной молодежи» с самого начала событий были очень ограниченными, однако (как это произошло с референдумом по конституции) демонстрировались населению как очень значительные. В то же время авторство демократических планов и преобразований на протяжении «арабской весны» неизменно оставалось за Мухаммадом VI и его окружением. Все попытки структур гражданского общества внести свой интеллектуальный вклад в законодательные процессы блокировались и игнорировались. Поскольку протесты, так же как в Тунисе и Египте, начались стихийно, а их участники объявляли себя борцами против «тиранических режимов», присвоение их лозунгов королем лишило движение собственного лица. Единственная возможность сохранить его состояла в радикализации лозунгов и критики государства за выхолащивание идей «весенней» демократии. К этому лидеров «Движения 20 февраля» подталкивали и дозированные полицейские репрессии — недостаточно широкие, чтобы вызвать всеобщее недовольство, но вполне способные спровоцировать нетерпеливую молодежь на эскалацию уличных акций.

Последнее обстоятельство наглядно подтверждается результатами бесплодного бойкота «Движением 20 февраля» референдума по новой конституции осенью 2011 г. Этот решительный шаг не привлек, а отпугнул от движения тысячи его недавних приверженцев с

²⁵ Cimini G., Tomé-Alonso B. Rethinking Islamist Politics in North Africa: a Multi-level Analysis of Domestic, Regional and International Dynamics // Contemporary Politics. 2021. Vol. 27. Iss. 2. P. 125–140.

²⁶ Shlykov P. Non-Western Model of Civil Society in the Middle Eastern Context: Promises and Discontents // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 2. P. 146.

²⁷ Сапронова М.А. Политический процесс в арабских странах / под ред. Л.М. Ефимовой. М., 2017. С. 286.

их вполне умеренными требованиями, чаще всего касавшимися уровня жизни, качества образования, здравоохранения и т.д. Во всяком случае, выходя на митинги, они не желали с порога отвергать конституционные инициативы короля, оскорбить его лично или потребовать «непременной смены режима», как в Тунисе и Египте.

Ослабление гражданских протестных настроений в Марокко в значительной степени оказалось обусловлено и неоднозначными судьбами «революций» 2011–2012 гг. в других арабских странах. Первые успехи «жасминовой революции» в Тунисе и восстания на площади Тахрир в Египте подогрели оппозиционные настроения марокканской улицы. Однако явная неудача «арабской весны» на Бахрейне и последовавший крах государственности в Сирии и Ливии позволили махзену дискредитировать «Движение 20 февраля», вывести стихийные протестные акции из легального поля и вернуться от «традиционалистских» к «дирижистским», по определению российских исследователей, методам взаимодействия с исламскими институтами²⁸.

Отечественные эксперты нередко относят Марокко к редким на Ближнем Востоке и в Северной Африке стабильным государствам, которым удалось успешно нейтрализовать разрушительные результаты «арабской весны» и проявить завидную устойчивость к современным угрозам²⁹. Между тем еще на заре XXI в. политологи и историки ассоциировали неспособность арабских государств ответить должным образом на внутренние вызовы с двумя факторами: либо срастанием/слиянием режима с государственным аппаратом, либо наличием в обществе межконфессиональных и этнических трений³⁰. Успешное противодействие королевской администрации Марокко движениям гражданского протеста можно объяснить именно опосредованным, многосоставным, принимающим различные внешние формы характером патронажа правящих кругов над правительством и парламентом. К тому же и сам парламент страны выражает традиционно многопартийный характер марокканской политической системы. Наконец, гибкость и отсутствие претензий на всевластие, проявленные в конституции 2011 г., позволили Мухаммаду VI нейтрализовать влияние легальной исламистской ПСР и вовлечь ее в управление страной — на крайне невыгодных для нее условиях скромного объема реальной власти и полной ответственности перед королевским дворцом, обществом и правящим классом. Несомненно, сегодня в Марокко присутствует множество нерешенных и насущных проблем — безработица, коррупция, незаконная миграция, напряженность в Западной Сахаре. Однако опыт «арабской весны» позволил марокканскому двору на протяжении 2010-х годов последовательно укрепить легитимность королевской власти и парировать исходящие как от леволиберальных, так и исламистских сил угрозы ее идеологическим основам.

Библиография

Матвеев В.В. Средневековая Северная Африка (развитие феодальных отношений в VII–IX вв.). М., 1993.

Наушкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего. М., 2016.

Наушкин В.В., Зарипов И.А., Кузнецов В.А., Орлов В.В. Государство и мусульманская умма: институты управления и взаимодействия в России и арабском мире. Историческая ретроспектива // Восток (Oriens). 2021. № 1. С. 54–69.

²⁸ Наушкин В.В., Зарипов И.А., Кузнецов В.А., Орлов В.В. Государство и мусульманская умма: институты управления и взаимодействия в России и арабском мире. Историческая ретроспектива // Восток (Oriens). 2021. № 1. С. 59–60.

²⁹ Наушкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего. М., 2016. С. 7–8.

³⁰ Owen R. State, Power and Politics in the Making of the Modern Middle East. London; New York, 2000. P. 3.

Орлов В.В. Умеренные исламские партии на арабской политической сцене: пробы сил и оценки 2000-х годов // Исламский фактор в истории и современности / под ред. В.Я. Белокреницкого, И.В. Зайцева, Н.Ю. Ульянов. М., 2011. С. 409–421.

Сапронова М.А. Политический процесс в арабских странах / под ред. Л.М. Ефимовой. М., 2017.

Ahmad A.S., Hart D.M. Introduction // Islam in the Tribal Societies: from the Atlas to the Indus / eds A.S. Ahmad, D.M. Hart. London, 1984. P. 1–20.

Badimon M.E. Does Unemployment Spark Collective Contentious Action? Evidence from a Moroccan Social Movement // Journal of Contemporary African Studies. 2013. Vol. 31. P. 194–212.

Badran S.Z. Demobilising the “February 20 Movement” in Morocco: Regime Strategies during the Arab Spring // The Journal of North African Studies. 2020. Vol. 25. P. 616–640.

Belkeziz A. Morocco and Democratic Transition: a Reading of the Constitutional Amendments, Their Context and Results // Contemporary Arab Affairs. 2012. Vol. 5. Iss. 1. P. 27–53.

Bendourou O. La nouvelle Constitution marocaine du 29 juillet 2011 // Revue Française de Droit Constitutionnel. 2012. № 3 (91). P. 511–535.

Catusse M., Variel F. “Ni tout à fait le même, ni tout à fait un autre”. Métamorphoses et continuité du régime marocain // Maghreb–Machrek. 2003. № 175. P. 73–91.

Cimini G., Tomé-Alonso B. Rethinking Islamist Politics in North Africa: a Multi-level Analysis of Domestic, Regional and International Dynamics // Contemporary Politics. 2021. Vol. 27. Iss. 2. P. 125–140.

Dahbi Kh. Meso-level Interactions, Macro-level Repercussions. The Curious Case of the “20th February Movement” in Morocco // Annals of Japan Association for Middle East Studies. 2013. Vol. 29. № 2. P. 3–24.

Dalmasso E. Surfing the Democratic Tsunami in Morocco: Apolitical Society and the Reconfiguration of a Sustainable Authoritarian Regime // Mediterranean Politics. 2012. Vol. 17. Iss. 2. P. 217–232.

Desrués Th. Moroccan Youth and the Forming of a New Generation: Social Change, Collective Action and Political Activism // Mediterranean Politics. 2012. Vol. 17. P. 23–40.

Eibl F. The Party of Authenticity and Modernity (PAM): Trajectory of a Political “Deus Ex Machina” // The Journal of North African Studies. 2012. Vol. 17. P. 45–66.

Houdret A., Harnisch A. Decentralisation in Morocco: a Solution to the ‘Arab Spring’? // The Journal of North African Studies. 2019. Vol. 24. P. 935–960.

Iraki A. Du renouvellement des élites urbaines au Maroc. Élitisme urbain, territoire et système politique local // Annuaire de l’Afrique du Nord 2003. 2005. Vol. XLI. P. 81–95.

Korany B. Monarchical Islam with a Democratic Veneer: Morocco // Political Liberalization and Democratization in the Arab World. Vol. 2. Comparative Experiences / eds B. Korany, R. Brynen, P. Noble. Boulder (Col.); London, 1998. P. 157–184.

Maghraoui D. Constitutional Reforms in Morocco: Between Consensus and Subaltern Politics // The Journal of North African Studies. 2011. Vol. 16. P. 679–699.

Maghraoui D. On the Relevance or Irrelevance of Political Parties in Morocco // The Journal of North African Studies. 2020. Vol. 25. P. 939–959.

Marzouki I. La culture de la différence: pour une redéfinition des réformes démocratiques au Maghreb // L’Année du Maghreb 2004. Paris, 2006. P. 415–425.

Mathieu B. L’émergence du pouvoir judiciaire dans la Constitution marocaine de 2011 // Pouvoirs. 2013. № 2 (145). P. 47–58.

Owen R. State, Power and Politics in the Making of the Modern Middle East. London; New York, 2000.

Shlykov P. Non-Western Model of Civil Society in the Middle Eastern Context: Promises and Discontents // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162.

Tourabi A., Zaki L. Maroc: une révolution royale? // Mouvements. Des idées et des luttes. 2011. № 2 (66). P. 98–103.

References

Matveev V.V. Srednevekovaia Severnaia Afrika (razvitie feodal’nykh otnoshenii v VII–IX vv.) [Medieval North Africa (Development of Feudal Interrelations in 7th–9th cc.)]. Moskva, 1993. (In Russ.)

Naumkin V.V., Kuznetsov V.A., Sukhov N.V., Zviagel’skaia I.D. Blizhniy Vostok v epokhu ispytaniy: travmy proshlogo i vyzovy budushchego [The Middle East in Times of Trial: Injuries of the Past and Challenges of the Future]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Naumkin V.V., Zaripov I.A., Kuznetsov V.A., Orlov V.V. Gosudarstvo i musul’manskaia umma: instituty upravleniia i vzaimodeistviia v Rossii i arabskom mire. Istoricheskaiia retrospektiva [The State and The Muslim Ummah: Mechanisms of Administration and Interaction in Russia and the Arab World. Historical Retrospection] // Vostok [Orient] (Oriens). 2021. № 1. S. 54–69. (In Russ.)

Orlov V.V. Umerennyye islamskie partii na arabskoi politicheskoi stsene: proby sil i otsenki 2000-h godov [The Moderate Islamic Parties on Arab Political Stage: Test of Force and Assessments of 2000s] // Islamskii

- faktor v istorii i sovremennosti [Islamic Factor in History and Modernity] / pod red. V.Ia. Belokhrenitskogo, I.V. Zaytseva, N.Iu. Ul'chenko. Moskva, 2011. S. 409–421. (In Russ.)
- Sapronova M.A.* Politicheskii protsess v arabskikh stranakh [Political Process in the Arab Countries] / pod red. L.M. Yefimovoi. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Ahmad A.S., Hart D.M.* Introduction // *Islam in the Tribal Societies: from the Atlas to the Indus* / eds A.S. Ahmad, D.M. Hart. London, 1984. P. 1–20.
- Badimon M.E.* Does Unemployment Spark Collective Contentious Action? Evidence from a Moroccan Social Movement // *Journal of Contemporary African Studies*. 2013. Vol. 31. P. 194–212.
- Badran S.Z.* Demobilising the “February 20 Movement” in Morocco: Regime Strategies during the Arab Spring // *The Journal of North African Studies*. 2020. Vol. 25. P. 616–640.
- Belkeziz A.* Morocco and Democratic Transition: a Reading of the Constitutional Amendments, Their Context and Results // *Contemporary Arab Affairs*. 2012. Vol. 5. Iss. 1. P. 27–53.
- Bendourou O.* La nouvelle Constitution marocaine du 29 juillet 2011 // *Revue Française de Droit Constitutionnel*. 2012. № 3 (91). P. 511–535.
- Causse M., Variel F.* “Ni tout à fait le même, ni tout à fait un autre”. Métamorphoses et continuité du régime marocain // *Maghreb–Machrek*. 2003. № 175. P. 73–91.
- Cimini G., Tomé-Alonso B.* Rethinking Islamist Politics in North Africa: a Multi-level Analysis of Domestic, Regional and International Dynamics // *Contemporary Politics*. 2021. Vol. 27. Iss. 2. P. 125–140.
- Dahbi Kh.* Meso-level Interactions, Macro-level Repercussions. The Curious Case of the “20th February Movement” in Morocco // *Annals of Japan Association for Middle East Studies*. 2013. Vol. 29. № 2. P. 3–24.
- Dalmaso E.* Surfing the Democratic Tsunami in Morocco: Apolitical Society and the Reconfiguration of a Sustainable Authoritarian Regime // *Mediterranean Politics*. 2012. Vol. 17. Iss. 2. P. 217–232.
- Desrues Th.* Moroccan Youth and the Forming of a New Generation: Social Change, Collective Action and Political Activism // *Mediterranean Politics*. 2012. Vol. 17. P. 23–40.
- Eibl F.* The Party of Authenticity and Modernity (PAM): Trajectory of a Political “Deus Ex Machina” // *The Journal of North African Studies*. 2012. Vol. 17. P. 45–66.
- Houdret A., Harnisch A.* Decentralisation in Morocco: a Solution to the ‘Arab Spring’? // *The Journal of North African Studies*. 2019. Vol. 24. P. 935–960.
- Iraki A.* Du renouvellement des élites urbaines au Maroc. Élitisme urbain, territoire et système politique local // *Annuaire de l’Afrique du Nord* 2003. 2005. Vol. XLI. P. 81–95.
- Korany B.* Monarchical Islam with a Democratic Veneer: Morocco // *Political Liberalization and Democratization in the Arab World*. Vol. 2. Comparative Experiences / eds B. Korany, R. Brynne, P. Noble. Boulder (Col.); London, 1998. P. 157–184.
- Maghraoui D.* Constitutional Reforms in Morocco: Between Consensus and Subaltern Politics // *The Journal of North African Studies*. 2011. Vol. 16. P. 679–699.
- Maghraoui D.* On the Relevance or Irrelevance of Political Parties in Morocco // *The Journal of North African Studies*. 2020. Vol. 25. P. 939–959.
- Marzouki I.* La culture de la différence: pour une redéfinition des réformes démocratiques au Maghreb // *L’Année du Maghreb* 2004. Paris, 2006. P. 415–425.
- Mathieu B.* L’émergence du pouvoir judiciaire dans la Constitution marocaine de 2011 // *Pouvoirs*. 2013. № 2 (145). P. 47–58.
- Owen R.* State, Power and Politics in the Making of the Modern Middle East. London; New York, 2000.
- Shlykov P.* Non-Western Model of Civil Society in the Middle Eastern Context: Promises and Discontents // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162.
- Tourabi A., Zaki L.* Maroc: une révolution royale? // *Mouvements. Des idées et des luttes*. 2011. № 2 (66). P. 98–103.

© 2023 г. М.А. САПРОНОВА

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В АРАБСКИХ СТРАНАХ (2011–2021): СПЕЦИФИКА, ИТОГИ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И РОЛЬ МОЛОДЕЖИ

Сапронова Марина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия).

E-mail: m.sapronova@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-4241-2156

Аннотация. Внутриполитическая борьба в арабских странах после 2011 г. продолжает развиваться в контексте соперничества и взаимовлияния двух идеологий — исламизма (фундаментализма) и национализма (либерализма), однако уже в условиях их кризиса, когда партии, опирающиеся на ту или иную концептуальную основу, не могут предложить избирателям программ проведения социально-политической модернизации и выхода из экономического кризиса. Идеологически разные партии используют в предвыборной борьбе идентичные лозунги, эксплуатируя реформаторскую стратегию и риторику, стремясь расширить свою социальную базу в отсутствии общественного консенсуса.

Новые конституции и избирательные законы, принятые после 2011 г., перевели эту борьбу в юридическую плоскость, создав условия для политической конкуренции. Выборы стали носить многопартийный характер и позволили исламским партиям участвовать в политическом процессе наряду со светскими. Именно эти партии и стали основными соперниками в электоральном процессе последнего десятилетия, который продемонстрировал, что реализация конституционного замысла на практике идет неоднозначно, а общество (несмотря на установление новой системы правоотношений) продолжает оставаться расколотым и не может отдать приоритет ни одной идеологии и силам, ее представляющим. «Внешний фактор» способствовал укреплению позиций исламских партий в первом электоральном цикле после «арабской весны», однако в дальнейшем они отдали первенство светским партиям. Молодежь, активно проявив себя в волнениях 2011 г., интерес к политической жизни потеряла, о чем свидетельствует падение явки избирателей во втором и третьем электоральных циклах.

Динамика и итоги электорального процесса в 2011–2021 гг. позволяют говорить о специфическом типе конституционных кризисов в традиционном обществе, столкнувшемся с необходимостью модернизации.

Электоральный процесс исследуется на основе анализа новых избирательных законов и итогов парламентских выборов в арабских странах в исследуемый период, что в совокупности с научными работами позволяет глубже понять логику их современного политического развития.

Ключевые слова: арабские страны, конституции, электоральный процесс, конституционный кризис, избирательные законы, электорат, «арабская весна», общественные движения.

М.А. Sapronova**Electoral Process in Arab Countries (2011–2021): Specifics, Results, Political Activity and the Role of Youth**

Marina Sapronova, the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation” (Moscow, Russia).

E-mail: m.sapronova@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-4241-2156

Abstract. After 2011, the intra-political struggle in the Arab countries continues to evolve amidst the competition between and mutual influence of Islamism (fundamentalism) and nationalism (liberalism), yet in the midst of a crisis of both, when parties based on one of these two ideologies are no longer able to offer their voters concrete programmes of socio-political modernisation and overcoming the economic crisis. In terms of ideology, different parties use identical slogans in their election campaigns, exploiting the reformist strategy and arguments, seeking to expand their social base in the absence of public consensus.

New constitutions and electoral laws adopted after 2011 have transferred this struggle into a legal frame, creating conditions for political competition. The elections really became a multi-party event and allowed Islamic parties to participate in the political process along with secular parties. Exactly these parties became the main rivals in the electoral process of the last decade, which demonstrated that the implementation of the constitutional plan in practice is an ambiguous task, and society (despite the establishment of a new system of legal arrangements) continues to be split and cannot give preference to any ideology and the forces representing such ideologies.

The “external factor” contributed to the strengthening of Islamic parties in the first electoral cycle after the “Arab Spring”, however, later the preference was given to secular parties. Young people, having actively shown themselves in the unrest of 2011, lost interest in political life, which is evidenced by the fall in voter turnout in the second and third electoral cycles.

Dynamics and results of the electoral process in 2011–2021 demonstrate a specific type of constitutional crises in a traditional society facing the need for modernization.

The electoral process is studied on the basis of the analysis of new electoral laws and the results of parliamentary elections in the Arab countries during the study period, which, together with research works, gives a better understanding of their modern political development.

Keywords: Arab countries, constitutions, electoral process, constitutional crisis, electoral laws, electorate, “Arab Spring”, social movements.

Становление гражданского общества в странах Востока – проблема крайне сложная, рассматривать ее следует с разных точек зрения и по разным критериям. Одна из интерпретаций гражданского общества и правового государства опирается на определение гражданства, вытекающее из классической либеральной модели, что предполагает реализацию прав и соответствующих им обязанностей граждан перед государством, выступающим в качестве гаранта этих прав. Сторонники этого постулата и в демократии видят прежде всего гарантии прав личности и ее не зависимость от общества существования. Исходя из этого, можно определить такие критерии «гражданского общества», как правовое измерение (равенство перед законом), политическое (избирательное право) и социально-экономические права. При этом выборы можно рассматривать как составную часть политического измерения, так как именно они являются барометром политической жизни. Результаты выборов дают оценку степени влияния разных политических сил, показывают настроения избирателей, их активность и заинтересованность (либо отсутствие таковых), определяют наиболее привлекательные программы и установки, дальнейшие тенденции политической жизни, легитимизируют власть. Тем самым реализуется одно

из важнейших прав гражданина, которое может привести к существенной корреляции внутривнутриполитического курса.

Именно выборы (парламентские и президентские), проходившие в первое десятилетие после событий «арабской весны» (2011–2021), продемонстрировали не только волю народа, но и избирательную специфику, равно как и специфику электората, проистекающую из исторических особенностей развития арабского общества.

Избирательное право стран этого региона (до 2011) было призвано обеспечить верховенство главы государства и доминирующей партии в системе органов государственной власти, а институты народного представительства были предназначены для осуществления контролируемой сверху процедуры принятия законов. Перед каждым новыми парламентскими выборами в избирательные законы вносились изменения — правящие партии не были уверены в их результатах. Выборы 2005 г. в Египте были признаны самыми фальсифицированными в истории арабского мира. Вазель Гоним характеризует эти выборы «шутовскими», подчеркивая, что «режим показал свое истинное лицо», «были закрыты сотни избирательных участков, а когда избиратели запротестовали, их жестко проучили»².

Новые избирательные законы и новые конституции, принятые в арабских странах после 2011 г., создали юридическую базу политическому процессу, гарантировали демократизацию государственных институтов: они подробно регламентировали роль политических партий и оппозиции; расширяли доступ СМИ к информации; обеспечивали гарантии личных прав и вводили новые социально-экономические права граждан (на здоровую окружающую среду, чистую воду, право на информацию, в том числе в интернет-пространстве, на создание профессиональных союзов для защиты прав разных групп трудящихся, право на равный доступ к государственной службе и др.); перераспределяли обязанности властей — от исполнительной в пользу законодательной. Значительным шагом стало признание коллективных прав отдельных социальных и профессиональных групп, подкрепленное обязательством государства по постепенной их реализации; внесены изменения в права женщин, молодежи, лиц с ограниченными возможностями и др.

В новых конституциях была заложена тенденция «регулирования взаимосвязей человека, коллектива, общества и государства»³, они создали основу для проведения демократических состязательных выборов. Это важно, так как в современном гражданском обществе именно правовая система регулирует действия социальных акторов. В рамках этой системы формируются программы партий, корректируются предвыборные лозунги, разрабатываются способы воздействия на массовое сознание электората и т.д.

Принятые на основе данных конституций избирательные законы предоставили инструменты для гарантии максимальной открытости избирательных кампаний, что минимизировало возможность искажения результатов голосования, обеспечили права избирателей на всех этапах голосования. Так, Закон о выборах в Алжире (2012)⁴ предоставлял контроль

¹ Так, например, в Египте власти использовали трехэтапное голосование (сильно растянутое во времени) для получения эффективного контроля за ходом выборов и оперативного вмешательства в них в случае необходимости. В Алжире Избирательный закон (1997) вводил пропорциональную систему подсчета голосов, выгодную только крупным партиям. В Тунисе после издания Закона о политических партиях (1988) был принят так называемый Национальный пакт, его должны были подписать и действовать в соответствии с его уставом те политические партии, которые хотели легально вести свою деятельность. Институциональную структуру — Высший совет Национального пакта — возглавлял президент, выступавший на президентских выборах как «единственный кандидат» всех национальных сил. В Ираке и Сирии избирательный процесс контролировался министерством внутренних дел и т.д. См.: Сапронова М.А. Конституционное право арабских стран // Конституционное право зарубежных стран. Учебник / под ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. 4-е изд. М., 2016. С. 779–861.

² Гоним В. Революция 2:0. Документальный роман / пер. с англ. Т. Даниловой. СПб., 2012. С. 53–54.

³ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. М., 2019. С. 186.

⁴ Code Electoral de la RADP. Loi organique n. 2012-01 // URL: [http://www.droit-afrique.com/upload/doc/algerie/Algerie-Code-2012-electoral.pdf/](http://www.droit-afrique.com/upload/doc/algerie/Algerie-Code-2012-electoral.pdf) (дата обращения: 22.04.2022).

за голосованием местным органам власти и представителям политических партий, обязывал использовать только прозрачные урны и разрешал присутствие иностранных наблюдателей на участках. Избирательный закон Туниса⁵ возлагал контроль за выборами на Высшую независимую избирательную комиссию (ранее это делало Министерство внутренних дел), состоящую из девяти независимых и компетентных членов, избираемых на один шестилетний срок. Для соблюдения гендерного равенства в списках кандидатов фамилии мужчин и женщин должны чередоваться. Заботясь о представительстве молодежи, закон предписывает предусматривать не менее четырех мест для людей не старше 35 лет в списках кандидатов избирательных округов. Избирательный закон Сирии (2014)⁶ обеспечивал право кандидатов контролировать избирательный процесс и предусматривал наказание для любого, кто фальсифицирует их волеизъявление, передавал контроль за ходом голосования Высшему избирательному комитету, состоящему из судей, а Верховный конституционный суд получил право контролировать порядок выдвижения кандидатов, давать отводы кандидатам и объявлять результаты президентских выборов. Благодаря новому Закону о выборах в Ираке⁷ в парламент могли избраться политики, не связанные с традиционными партиями, так как голосование за партийные списки отменялось. А разукрупнение избирательных округов (83 вместо 18) дало возможность иракцам проголосовать за тех, кто реально влияет на их жизнь.

Таким образом, новая законодательная база электорального процесса вполне позволяла избирателям сделать свой свободный выбор и проголосовать за партию или кандидата, рассматриваемого как выразителя его интересов.

Однако право, являясь по своей сути консервативным институтом, не обязательно «соответствует коллективным представлениям народа на каждом конкретном этапе исторического развития»⁸. Конституционный процесс вынужден постоянно искать баланс между обществом и государством, равенством и свободой, социальными гарантиями и правами индивида. Эти противоречия наиболее ярко проявляются в период социальных изменений, когда право отстает от жизни или, наоборот, как в арабских странах, стремится обогнать ее. Ликвидация однопартийных режимов в результате протестных волнений привела к резкому ослаблению центральной власти именно тогда, когда потребность в государственном регулировании социальных процессов возросла, а гетерогенное арабское общество оказалось расколото еще и идеологически.

К началу XXI в. у арабских стран в соответствии с теорией демографического перехода обозначилось наличие «молодежного бугра», что убедительно доказано в работах А.В. Коротаева и других исследователей⁹. Численность возрастной группы 20–24 лет за последние 15 лет выросла почти вдвое, создав серьезное давление на рынок труда, и именно

⁵ Loi organique n. 2014-16 du 26 mai 2014, relative aux elections et referendums tell que modifiee et complete par la loi organique n. 2019-76 du 30 aout 2019 // URL: <https://legislation-securite.tn/fr/law/44286> (дата обращения: 22.04.2022).

⁶ Law № 5 of 2014 on General Elections // URL: https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang-en&p_isn-98926&p_country-SYR&p_count-376 (дата обращения: 28.04.2022).

⁷ Iraq's New Election Law Draws Much Criticism and Few Cheers // URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/24/world/middleeast/iraq-election-law.html> (дата обращения: 28.04.2022).

⁸ Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М., 2002. С. 54.

⁹ См.: Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Структурно-демографические факторы «арабской весны» // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы / отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М., 2012. С. 28–39; Коротаев А.В., Ходунов А.С., Бурова А.Н., Малков С.Ю., Халтурина Д.А., Зинькина Ю.В. Социально-демографический анализ Арабской весны // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. Т. 3. М., 2012. С. 28–76; Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута. XXI век. М., 2012; Малков С.Ю., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Кузьмина Е.В. О методике текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 137–163.

в этой возрастной группе безработных больше всего (более 30%). Именно молодежь — самая многочисленная группа населения в арабских странах — рассматривала авторитарную власть как главный тормоз общественного прогресса и причину обостряющихся социальных проблем.

С начала 1990-х годов, когда довольно активно внедрялись демократические институты, начал формироваться и слой населения, восприимчивый к данным идеям. В молодежной среде существенно возросли социальные амбиции, которые поддерживались информационной открытостью общества, возрос уровень политической культуры. «Арабская весна» активизировала эту прослойку, цензуры на интернет и ограничения выезда за рубеж не было, молодежь получала активную поддержку извне¹⁰. Западными странами проводились многочисленные конференции по развитию и внедрению информационных технологий.

Ярким представителем этой молодежи может служить В. Гоним — менеджер по маркетингу компании Google на Ближнем Востоке, живущий в ОАЭ, ставший «лицом» протестных движений в Египте. В книге «Революция 2:0» он подробно рассказывает, как начинал свою деятельность в Египте после поездки в США, как он сделал карьеру в Египте и, будучи уже крупным администратором, перебрался в Дубай, где и создал свою правозащитную страницу на Facebook¹¹ «Мы все — Халед Саид», с которой и начинались протестные выступления. 24-летняя Ж. Ибрагим — арабская революционерка «поколения хай-тек» — также жила в США с 14 до 22 лет, мало интересовалась тем, что происходило в стране, но по возвращении познакомилась с египетскими оппозиционерами и включилась в протестное движение¹².

В январе 2011 г. мощные мирные выступления в арабском мире показали, что молодежь — это серьезная сила. 2011 г. был провозглашен ООН Международным годом молодежи, и казалось, что арабский мир станет примером установления демократии снизу благодаря изменениям, вызванным мирным народным движением. Тунисский исследователь Тауфик аль-Мадини называл свержение режима Бен Али «народной молодежной революцией», а не «бунтом голодных», так как в Тунисе не было проявлений крайней бедности и нищеты, а по мнению студентки Эмны Фитури, восстание тунисской молодежи сравнимо с вопросом «жизни и смерти для практически задыхавшейся молодежи»¹³.

Многие ожидали, что включенность молодых людей в политические процессы будет нарастать, однако этого не случилось. Молодежь, выступившая под общедемократическими лозунгами, сыграла роль авангарда, но далеко не единого идеологически, во многом действовавшего под влиянием эмоций. Более того, у них не было четких целей, конкретной программы, их поведение зачастую основывалось на эмоциональном восприятии, а не на рациональном осмыслении происходящего, революционная волна распространялась в культурно ограниченном пространстве арабоязычного виртуального мира. Отсутствовали узнаваемые лидеры, а протестное движение ставило перед собой одну цель — свободу от диктатуры и бюрократии (отсюда основной лозунг — «Ирхаль» — «Уходи»). В СМИ и других информационных ресурсах мелькало много имен, однако по прошествии 10 лет уже никто не связывает их с «арабской весной», а сама молодежь потеряла интерес к политике.

После того, как волна протестов пошла на спад, для дальнейшего взаимодействия было необходимо создание общей платформы, выстраивание диалога разрозненных в культурном и идеологическом плане групп и закрепления их на политической арене. Если спонтанная мобилизация позволяла обойти эти различия, то для дальнейшего развития механизмов гражданского общества и достижения целей нужны были дополнительные усилия со стороны молодежи и определенные условия для реализации этих усилий.

¹⁰ Известно, что Д. Сорос создал институт «Открытое общество на Ближнем Востоке и в Северной Африке», финансировавший самые разные группы оппозиции в арабском мире. В Тунисе он спонсировал радиостанцию «Слово», ставшую «рупором революционной молодежи».

¹¹ Входит в Meta, признанную экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

¹² *Haw Youth drive change* // The UNESCO. Courier. July-September 2011. P. 11. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000193773_rus (дата обращения: 28.04.2022).

¹³ Ibidem.

Однако для активного участия молодежи в политической жизни возникли значительные многоуровневые препятствия: отсутствие практических навыков и реальной мотивации участия в формальных (а не виртуальных) процессах, дефицит финансовых средств, недостаток опыта, отсутствие знаний о работе в государственных структурах и т.д., что, в свою очередь, было следствием «социального отчуждения» молодежи. В традиционных политических организациях внутренние механизмы, правила и процедуры не позволяли молодежи расти. Не способствовали этому и высокий возраст предоставления электоральных прав, пассивность женщин в политике, система личных связей, механизмы подбора и продвижения партийных кадров и др. Кроме того, кредит доверия к политическим и государственным институтам быстро себя исчерпал.

Молодежь стала терять интерес к политической жизни (радикализовалась или уехала в Европу в поисках лучших условий), чем и объясняется неуклонное снижение явки избирателей в электоральном процессе 2011–2021 гг. Так, в Ираке на парламентских выборах в 2021 г. (в которых впервые участвовали избиратели, не заставшие эпоху С. Хусейна) явка составила 41%. По мнению журналистов, именно молодежь бойкотировала выборы, а все юридические новшества избирательного закона, носившие демократический характер и позволявшие голосовать за любого понравившегося кандидата, не привлекли избирателей¹⁴. В Египте явка снизилась с 46,42% в 2012 г. до 14% в первом туре парламентских выборов в 2020 г. и до 10,2% – во втором. Примечательно, что явку не смог поднять даже установленный в этой стране штраф в 500 егип. фт. за неисполнение гражданского долга. В 2012 г. в Ливии в выборах во Всеобщий народный конгресс (ВНК) участвовало почти 62% избирателей, а уже в 2014 г. Палату представителей избирали только 18%. В Алжире явка постоянно сокращалась: с 43,14% в 2012 г. до 35,37% в 2017 г. и до 22,99% в 2021 г.¹⁵ (это были самые низкие показатели за всю историю выборов в законодательный орган в Алжире).

При этом на парламентских выборах в Марокко 2021 г. явка, по официальным данным, резко возросла до 50,35%, что стало рекордным показателем с 2002 г. Однако этому есть объяснение: в этот год парламентские выборы и муниципальные (с региональными), проводимые каждые шесть лет, проходили одновременно. Явка на парламентских выборах оказалась выше, чем обычно, поскольку участие электората в муниципальных выборах традиционно активнее. В результате исламская Партия справедливости и развития (ПСР), лидировавшая в 2011 и 2016 гг., потерпела серьезное поражение, уступив светскому блоку. Опросы общественного мнения запрещены в Марокко в период выборов, однако проведенное в феврале 2021 г. Марокканским институтом анализа политики исследование показало, что около 64% избирателей вообще не планировали идти на выборы, так как не верят, что парламент обладает реальной властью¹⁶.

Следует отметить, что последняя четверть XX в., когда в арабских странах при активной поддержке стран «Большой восьмерки» начались политические реформы и выборы проводились на всех уровнях, везде наблюдалась стабильно высокая явка – не менее 70–80%¹⁷.

Парламентские выборы продемонстрировали, что идеологическую базу государственного-правового и политического развития по-прежнему определяет внутренняя борьба двух

¹⁴ Iraq. Freedom in the World 2021 // URL: <https://freedomhouse.org/country/iraq/freedom-world/2021> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁵ При этом в 2012 г. даже из формальных 43%, пришедших на выборы, более 8% оставили свои бюллетени пустыми, поэтому эксперты оценивали индекс фактического участия алжирского электората на уровне ниже 35%. Для сравнения: в 1997 г. в Алжире в выборах в Национальное народное собрание приняли участие более 65% избирателей. См.: Algeria. Al-Majlis Al-Chaabi Al-Watan (National People's Assembly) // URL: http://archive.ipu.org/parline-e/reports/arc/2003_07.htm (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁶ Выборы в Марокко: на какие изменения надеется израильский союзник? // URL: <https://detaly.co.il/vybory-v-marokko-na-kakie-izmeneniya-nadeetsya-novyj-izraelskij-soyuznik/> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁷ Anoushiravan Ehteshami. Is the Middle East Democratizing? // British Journal of Middle Eastern Studies. 1999. № 26. P. 204–210.

основных проектов — фундаменталистского (исламистского) и демократического (либерального)¹⁸. Именно это противостояние прослеживается в электоральном процессе постреволюционных арабских стран в 2011–2021 гг., который (несмотря на наличие огромного количества новообразованных партий самых разных типов и направлений)¹⁹ вылился, в конечном счете, в борьбу исламских и светских партий. Характеризуя политический процесс в Египте после 2011 г., Н.Ю. Сурков отмечает, что в этой стране сложилась «конфликтная партийная система, для которой была характерна острая конкуренция между светскими партиями либерального толка и исламистскими партиями»²⁰.

Исследованию деятельности исламских политических партий и движений посвящено довольно много современных работ²¹. Авторы сходятся во мнении, что исламизм набирал популярность по мере ослабления национальных доктрин в арабских странах (насеризм, дустуровский социализм, баасизм). А.В. Крылов подчеркивает, что усилению радикального ислама в немалой степени способствовал кризис «светских идеологий», «побудивший широкие мусульманские массы обратиться к более близким им по духу и менталитету сугубо религиозным ценностям»²². А в последние десятилетия XX в., когда начались реформы, еще больше возросла конфликтность канонов доминирующей в обществе религии с меняющейся системой координат общественного развития. М.Ф. Видясова отмечала, что среди острейших социально-политических вызовов, переходящих из XX в. в новое тысячелетие, центральное место занимает «кризис идентичности», получивший развитие в арабских странах. В последние годы разные научные направления особое значение придают именно кризису самовосприятия/идентичности различных социальных групп, что обуславливает многое в общественном сознании и современном политическом процессе²³.

Ислам и национализм взаимодействовали между собой как в официальной, так и в неофициальной сфере жизни арабского общества в новейшей истории. В официальной сфере происходило сближение между национализмом и исламом, в неофициальной — нередко отмечалось размежевание. Все аспекты такого взаимодействия были обусловлены противоположностью исходных позиций в вопросе о государственно-правовом регулировании (суверенитете, правах человека, его взаимодействии с обществом и государством и др.). При этом концептуальные расхождения вовсе не мешали на практике их объединению в различных формах (в зависимости от конкретной социально-политической и социально-культурной ситуации в отдельных странах). Руководители и идеологи целого ряда мусульманских стран, формулируя концепции «самобытного развития», исходили из некоего «среднего варианта» уже существующих за пределами мусульманского мира моделей²⁴, активно эксплуатируя «реформаторскую стратегию» в исламе, которая была направлена на совмещение его догматов с принципами гражданского общества и правового государства.

Конфликт идеи правового государства, основанного на французском и английском праве, с принципами исламского государства, закрепленными конституциями, свидетельствовал о неустойчивости ситуации. «Ключ к пониманию конфликта, — отмечает

¹⁸ Обозначаем их так условно, не вдаваясь в многочисленные варианты данных определений.

¹⁹ В Египте после 2011 г. образовалось 50 партий; в Ливии в 2012 г. в выборах в Учредительное собрание участвовали 142 партии; в Тунисе к концу 2011 г. насчитывалось 95 легальных партий, при этом еще 145 получили отказ в регистрации.

²⁰ *Surkov N. Yu. The Place of Religious Parties in the Political Systems of Arab Countries // Islamovedenie. 2020. Vol. 11. № 1. P. 30.*

²¹ Этой проблемой занимались М.Ф. Видясова, Б.В. Долгов, А.А. Игнатенко, А.А. Куделин, В.В. Орлов, М.З. Ражбадинов, А.В. Сарабьев, К.З. Хамзин и др.

²² *Крылов А.В. Роль религиозного фактора в «арабской весне» // Вестник МГИМО-Университет. 2013. № 4 (31). С. 46.*

²³ См.: Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И.Д. Звягельской. М., 2020.

²⁴ Тунисские идеологи видели в «дустуровском социализме» нечто среднее между «марксистским и либеральным шведским социализмом».

А.Н. Медушевский, — в столкновении традиционного мусульманского права с задачами модернизации и рационализации, которая оборачивается европеизацией права и заимствованием западных конституционных норм»²⁵.

На международном уровне основные участники идеологического соперничества в случае недостатка политической легитимности зачастую использовали религиозный инструмент друг против друга, обвиняя, например, в религиозном экспансионизме либо атеизме.

В настоящее время исламисты активно используют «двойной язык» в пропаганде своей деятельности. Так, лозунги тунисского движения «Ан-Нахда» основывались на альянсе религии и политики, декларируя «послушание Аллаху, сохранение арабо-мусульманской идентичности и борьбу с коррупцией»²⁶. М.Ф. Видясова умеренный исламизм называла «двуликим Янусом», имея в виду этот двойной язык, скрывающий их подлинные цели, ссылаясь на высказывания тунисских интеллектуалов, называвших исламистов «многоголовой гидрой» и видевших в них угрозу «республиканским и светским ценностям тунисского общества»²⁷.

Однако к концу XX в. популярность исламских идей стала падать, так как религия, выступая в качестве политической и мобилизационной идеологии, сама со временем неизбежно приобретает различные оттенки светских идеологий (консерватизма, социализма, либерализма). Эти модификации исламской доктрины связаны прежде всего с поиском социальной базы, который оказывается более успешным в случае дополнения традиционных религиозных ценностей определенной социальной программой. «Являются ли “Братья-мусульмане”²⁸ действительно приверженцами демократии, или они лишь используют демократические институты для того, чтобы прийти к власти, а затем будут вести себя совсем иначе?» — задается вопросом В.В. Наумкин²⁹. Одни исследователи полагают, что их апелляция к демократическим институтам носит исключительно тактический характер, о чем свидетельствует почти полное совпадение лозунгов исламских и светских оппозиционных партий³⁰; другие считают, что умеренные исламские группы действительно могут осуществлять властные полномочия без отказа от демократических институтов и основополагающих ценностей. В программе Исламского фронта спасения в Алжире — крупнейшей политической силы 1990-х годов — предусматривалось проведение свободных выборов, введение многопартийности, усиление частного сектора и частного предпринимательства, создание современной военной промышленности³¹. А ставший председателем этой партии А. Мадани получил не только мусульманское образование в Алжире, но и светское философское в Англии, был крупнейшим знатоком как Корана, так и Гегеля, Декарта, Маркса, Вебера, автором многих книг и философских публикаций. Программа марокканской исламской ПСР в целом не носила исламского характера. Целью партии объявлялось увеличение ВВП, проведение приватизации и снижение государственного вмешательства в экономику, понижение максимального уровня налогообложения. Среди приоритетных направлений деятельности партия выделяла сферы занятости, здравоохранения, образования, выступала за доступное жилье, улучшение условий жизни³². Тунисские аналитики отмечали усилия Р. Ганнуши по

²⁵ Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005. С. 355.

²⁶ Maktouf L. Sauver la Tunisie. Paris, 2013. P. 116.

²⁷ Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И. Двуликий Янус умеренного исламизма. М., 2013. С. 13–14.

²⁸ Запрещена в РФ.

²⁹ Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика (статьи, очерки и доклады разных лет). М.; Нижний Новгород, 2008. С. 605.

³⁰ На выборах 2005 г. в Египте «Братья-мусульмане» выдвигали требования отмены закона о чрезвычайном положении, принятия нового закона о политических партиях, перераспределение полномочий в пользу парламента и т.д. Более того, во время предвыборной кампании они утверждали, что в случае своей победы не будут требовать обязательного ношения женщинами хиджаба.

³¹ Front Islamique du Salut (FIS). Elections communales du 12 juin 1990. Alger, 1990.

³² Подцероб А.Б. Марокко под властью исламистов // URL: <http://www.iimes.ru/02.02.2012> (дата обращения: 15.02.2022).

«тунисификации» исламской партии «Ан-Нахда», которая все больше учитывала специфические особенности Туниса в своей деятельности³³. Умеренная исламская партия Иордании — Мусульманская центристская партия — ратует за дальнейшую демократизацию на основе исламских принципов, развитие общественного диалога, защиту прав, в том числе равноправия женщин. Сирийские «Братья-мусульмане» еще в середине 2000-х годов скорректировали свою политическую программу и ориентировались на создание «демократического исламского государства» (о чем говорилось в их своеобразной программе «Политический проект будущей Сирии»).

Таким образом, приход к власти исламистов не означает создание исламского государства, а их победа на выборах приводит к размыванию самой идеи исламизма, демонстрирует зыбкость исламской политической конструкции. По мнению Ф. Бюрга, ислам становится альтернативным «политическим языком» в диалоге народа с политической элитой и представляет собой «язык политического протеста, на нем выражаются демократические требования созревающего гражданского общества»³⁴. Вопрос стоит шире — о будущем политического ислама. Дебаты европейских и американских ученых с конца XX в. сформировали две полярные точки зрения по этому вопросу. При этом большинство исследователей склонны полагать, что политический исламизм обречен на неудачу и уже потерпел поражение, согласно второй — это направление в идеологии и практике мирового мусульманства является вечным, а в начале XXI в. еще больше набирает силу. Сторонниками первого подхода являются О. Руа³⁵ и Ж. Кепель³⁶, Дж. Эспозито, Б. Льюис и другие, они правы в том, что исламисты не смогли повсеместно реализовать свои претензии на национальном уровне (прийти к власти и создать «исламское государство»). В то же время исламизм трансформировался в некое новое направление, которое О. Руа определяет как «неофундаментализм», а Б. Льюис считает активность исламистов бесцельной и аморфной³⁷. Вечное стремление к модернизации будет столь же вечно поддерживать исламистов в их стремлении предложить свою исламскую альтернативу. «Мы против всех западных форм общества, но мы не знаем, какое альтернативное общество мы можем предложить», — говорит в интервью шейх Хамид аль-Наяфар³⁸.

Эти концептуальные искания и противоречия ярко проявились в самом начале электорального цикла в Египте: отправленный в дальнейшем в отставку исламский президент М. Мурси на президентских выборах 2012 г. победил своего оппонента А. Шафика с минимальным перевесом, одержав победу с результатом чуть более 51% голосов (его оппонент, соответственно, набрал чуть менее 50%). Общество оказалось разделенным на две равные части. Было очевидно, что каждая из них по-разному понимает перспективы

³³ Achouri M. Les personnalités qui vont faire l'année 2015 // URL: <http://www.businessnews.com.tn> (дата обращения: 20.02.2022).

³⁴ Burgat F. Face to Face with Political Islam. London; New York, 2003. P. 46.

³⁵ О. Руа считает, что «исламизм не является более геостратегическим фактором: он не объединяет мусульманский мир, не может изменить соотношение сил на Ближнем Востоке. От Касабланки до Ташкента исламистские движения протекали в рамках существующих, уже сложившихся государств, от которых они воспринимали стиль использования власти, стратегические установки и национализм». См.: Roy O. L'échec de l'islampolitique. Paris, 1992. P. 237.

³⁶ Ж. Кепель подчеркивает, что «в последнее десятилетие XX в., несмотря на многообещающее начало, надежды сторонников воинствующего ислама не были реализованы». См.: Kepel G. Jihad, expansion et decline de l'islamisme. Paris, 2000. P. 208.

³⁷ По его мнению, «борьба ведется против двух врагов — секуляризма и модернизации. Война против секуляризма осознанна и очевидна... Война против модернизации... бессознательна и неочевидна», так как она направлена против самого процесса перемен, которые имели место в исламском мире и в результате которых постоянно «трансформировались политические, экономические, социальные и даже культурные структуры мусульманских государств». См.: Lewis B. From Babel to Dragomans. Oxford, 2004. P. 239.

³⁸ Shaikh Hamid al-Nayfar. Interview with F. Burgat // Political Islam. Essays from Middle East Report / eds J. Beinini, J. Stork. London; New York, 1997. P. 372.

дальнейшего развития Египта, формы организации системы органов государственной власти и будущее политическое строительство. Это подтвердила и дальнейшая борьба, и их размежевание, когда встал вопрос о разработке Временной конституции страны. И если «Братья-мусульмане» призывали одобрить выносимый на референдум документ, то все потенциальные кандидаты в президенты светской оппозиции — М. аль-Барадеи, Амр Муса, Х. Сабахи — проголосовали против поправок в конституцию. Аналогичная ситуация сложилась и в Тунисе. Политическая поляризация, усилившаяся после выборов в Учредительное собрание в 2012 г., противопоставила двух лидеров: исламского движения «Ан-Нахда» шейха Р. Ганнуши и бывшего премьер-министра Беджи Каид ас-Себси, основателя светской партии «Призыв Туниса», ставшей менее чем за год наиболее важным элементом политического процесса. Однако у крупнейшего и старейшего в арабском мире исламского движения «Братья-мусульмане» из-за отсутствия четкой идеологической базы не оказалось надежных союзников. Отколовшиеся партии и группы (более 10) примкнули к преимущественно светским партиям, а целая группа небольших партий «салафитского» толка сначала поддержала «Братьев-мусульман», а затем выступила против них³⁹. «Эксплуатация религии в политике, — пишет А.В. Малащенко, — ведет к ее десакарлизации. Беспреданное обоснование правоты собственной политической позиции именем Всевышнего, особенно если эта позиция шатка, приводит к девальвации собственно религиозной интерпретации»⁴⁰.

Пытались сплотиться в предвыборный период и светские партии. Так, перед опасностью скатывания страны к «теократическому режиму» в Тунисе в 2012 г. был предложен план слияния Демократической партии, партии «Тунисские перспективы», Республиканской партии и др. Президент страны Бежи Каид ас-Себси пытался собрать всю светскую оппозицию в составе партии «Призыв Туниса». По словам тунисского обозревателя М. Шарфи, светская оппозиция стремится «создать баланс двух основных сил: исламистов, которые хотят навязать стране шариат, и либералов, которые отстаивают принципы демократического, современного, светского государства»⁴¹.

Исламские партии, не имея внутреннего прочного единства, дробятся и зачастую вступают в блоки со светскими партиями. Так, после выборов 2012 г. в Алжире в блоке исламских партий «Зеленый Алжир» началась борьба за лидерство. Из наиболее крупной из них, «Движение общества за мир», вышли часть низовых организаций и два видных члена ее руководства Амр Гуль (министр транспорта) и Абдель Маджид Менафра (бывший министр промышленности). Амр Гуль создал свою партию — «Надежда Алжира» — и вошел в президентскую коалицию. Менафра также сформировал свою партию. Легально действовавшие политические исламские партии, не прошедшие в парламент, представляли собой конгломерат из более чем двух десятков немногочисленных партий и группировок, зачастую враждовавших между собой и не имевших общей программы. При этом попытки лидеров объединить политические силы умеренных исламистов и выдвинуть единого кандидата на президентские выборы не увенчались успехом.

При этом некоторые обозреватели, освещавшие события «арабской весны», отмечали, что молодежь, требовавшая «демократии», установления государственного строя, «базирующегося на публичной ответственности», представляет собой «постидеологическое» поколение, что эти требования совсем необязательно подразумевали светское государство.

Не стоит забывать, что идет процесс внедрения цифровых технологий во все сферы не только производственной, но и общественной жизни. В традиционном арабском

³⁹ Царегородцева И. Исламисты в политике Египта и Туниса после «арабской весны» // *Islamology*. 2017. Т. 7. № 1. С. 135.

⁴⁰ Малащенко А.В. Концептуальный анализ исламского радикализма // *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира* / отв. ред. А.Д. Саватеев. М., 2015. С. 99.

⁴¹ Tunisia's Secular Opposition Unites against Islamists // URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2012/03/23/202572.html> (дата обращения: 20.02.2022).

обществе он идет, конечно, медленнее и с определенной спецификой, но и здесь этот процесс формирует новые ценности и ориентирует человека на другие потребности, влияет на систему образования и, в целом, уменьшает роль идеологического фактора в процессе воспитания и самореализации. Результатом глубокой фрагментации арабского общества стало появление на политической арене огромного числа мелких политических партий с самыми разными целями и устремлениями (так, на выборах в Ираке в 2018 г. было зарегистрировано 205 партий, несколько десятков партий ведут борьбу за парламентские места в Алжире, Египте, Тунисе).

Ситуация, сложившаяся в арабских странах после «арабской весны», позволяет говорить о специфическом типе конституционных кризисов в традиционном обществе, столкнувшемся с необходимостью модернизации. Этот тип кризисов отличается тем, что сознательно или бессознательно общество использует ряд устойчивых компонентов традиционной культуры в попытках противопоставления исламской религиозной традиции и западного типа конституционализма в политической практике (электоральном процессе). Трудность данного процесса заключается в невозможности общественного консенсуса, что заставляет обращаться (возвращаться) к различным формам авторитаризма (светского или исламского), принимать ислам в качестве интегральной части современной политической системы, но одновременно нейтрализовывать его путем синтеза с другими идеологиями. Следует отметить, что в новых конституциях ислам не получил своего дополнительного закрепления.

Между тем существует много сопутствующих факторов, оказывающих влияние на арабское общество и его политический выбор в пользу исламских или светских партий, в частности внешнее давление и борьба за лидерство региональных держав, продвигающих свои идеологические установки. С приходом «Братьев-мусульман» к власти в Египте выросла значимость этой страны как центра исламизма. Все региональные отделения ассоциации активизировали свою деятельность, что вызвало большое беспокойство в Саудовской Аравии, считающей себя ведущей исламской силой в суннитском мире.

Саудовская Аравия оказалась застигнутой врасплох событиями «арабской весны», в то время как катарско-турецкий альянс смог использовать народные волнения в борьбе за региональное лидерство⁴² (президент Турции Абдулла Гюль был первым главой иностранного государства, посетившим Египет в 2011 г.; турецкая Партия справедливости и развития отправила М. Мурси своих экспертов и советников по избирательной кампании; Катар начал оказывать существенную финансовую помощь: в ходе визита в 2012 г. в Каир премьер-министра Катара Хамада бен Джасима аль-Тани было обещано инвестировать в Египет до 18 млрд долл.⁴³). Данный альянс поддержал оппозицию в Сирии, Ливии. Лидер тунисских исламистов Р. Ганнуши неоднократно ездил с визитом в Катар; Ю. Кардауи одним из первых среди исламских ученых поздравил марокканскую ПСР с победой в парламентских выборах 2011 г., эту партию Катар поддерживал дипломатически и финансово.

С 2013 г. в регионе активно действует Саудовская Аравия. «Братья-мусульмане», ставящие под сомнение легитимность саудовского режима, воспринимаются ею как реальная политическая угроза. Анализируя египетские биржевые индексы того времени, А.В. Коротаев и Л.М. Исаев пришли к выводу, что перевороту 2013 г. предшествовала серьезная подготовительная работа по привлечению в страну внешних финансовых ресурсов, прежде всего из Саудовской Аравии, что подтолкнуло развитие событий⁴⁴.

После свержения М. Мурси лидерами по объемам предоставленных средств Египту стали государства Персидского залива (Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт), помощь

⁴² См.: *Хайруллин Т.Р.* Борьба за лидерство в арабском мире. Есть ли шанс для исламистов. М., 2019.

⁴³ *Бартенев В.И.* Помощь стран Персидского залива постреволюционному Египту: логика, динамика, системное влияние // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. № 4. С. 572.

⁴⁴ Схватка за Ближний Восток. Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта / отв. ред. А.М. Васильев, А.В. Коротаев, Л.М. Исаев. М., 2019. С. 21–27.

которых играла в политическом развитии постреволюционного Египта «центральную роль»⁴⁵. Очень важным был визит короля Саудовской Аравии Сальмана в Каир в 2016 г., когда было подписано более 20 соглашений, в том числе об инвестировании в экономику Египта более 8 млрд долл. В Ливии при поддержке Саудовской Аравии и ее союзников Халиф Хафтар начал в 2014 г. операцию «Достоинство Ливии», которая привела к снижению влияния «Братьев-мусульман».

Соперничество региональных держав ярко проявилось и в сирийском конфликте, где в продвижении «исламского проекта» участвует и Иран.

Политика внешних доноров, естественно, оказывает определенное воздействие на государственное управление: арабские государства вынуждены выбирать между различными видами помощи западных и незападных доноров. Так, в 2016 г. президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси согласился на заключение много раз откладывавшегося ранее соглашения с МВФ о предоставлении займа в размере 12 млрд долл.⁴⁶ К этому его вынудило усиление общественного недовольства чрезмерной ориентацией страны на государства Персидского залива. Помощь МВФ предусматривает и проведение различных экономических реформ в целях большей либерализации экономики и демократизации социальной сферы, защиты прав человека и т.д.

Первый электоральный цикл продемонстрировал популярность исламистов: в Тунисе победу на выборах в Национальный учредительный совет в 2011 г. после свержения Бен Али одержала исламская партия «Ан-Нахда», которая получила 41% голосов избирателей и 90 мест из 217 в парламенте⁴⁷; на втором месте была светская партия «Конгресс за республику» во главе с проводившим многие годы во Франции Монсефом Марзуки, давним противником режима Бен Али.

В 2012 г. в Египте победила исламская Партия свободы и справедливости, получив 47% голосов и 230 мест в парламенте из 498. Салафитская партия «Ан-Нур» заняла второе место (набрав 24% голосов), обеспечив себе в общей сложности 120 мест⁴⁸.

В Ливии заметно оживились «Братья-мусульмане» и другие организации, близкие к Аль-Каиде⁴⁹ (включая Ливийскую исламскую группу), и, хотя в 2012 г. выборы выиграл Союз национальных сил (коалиция светских и независимых групп), на втором месте оказалась Партия справедливости и строительства (ливийский филиал «Братьев-мусульман»), получив 34 места⁵⁰. В парламенте они усилили свое влияние через союзы с независимыми кандидатами, обеспечив себе контроль над ВНК, и стали в нем самым сильным блоком.

В Сирии большинство повстанцев, сражавшихся против регулярных правительственных войск, были членами радикальных исламистских организаций; лидирующие позиции сирийских «Братьев-мусульман» были закреплены в главном координационном центре сирийской оппозиции за пределами Сирии – Сирийском национальном совете, сформированном в августе 2011 г. в Стамбуле.

В Марокко на выборах дважды (в 2011 и 2016 гг.) побеждала исламистская ПСР⁵¹.

⁴⁵ Бартенев В.И. Указ. соч. С. 566.

⁴⁶ Там же. С. 578.

⁴⁷ Tunisia election results // URL: <https://www.aljazeera.com/news/2011/11/14/final-tunisian-election-results-announced> (дата обращения: 22.04.2022).

⁴⁸ 2012. Egyptian Parliamentary Elections // URL: <https://carnegieendowment.org/2015/01/22/2012-egyptian-parliamentary-elections-pub-58800> (дата обращения: 29.04.2022).

⁴⁹ Террористическая организация запрещена в РФ.

⁵⁰ National Congress party results // Libya Herald. 18.VII.2012. URL: <http://www.libyaherald.com/2012/07/18/party-results/#axzz3Hw3AMOGK> (дата обращения: 12.03.2022).

⁵¹ Успех ПСР на выборах был не случаен: этому способствовала постепенная эволюция партийной борьбы на предыдущих выборах. В 1997 г. ПСР получила 8 мест, в 2002 г. – 42, в 2007 г. – 47, в 2011 г. – 107 (из 325). Тогда исламисты впервые в истории Марокко возглавили правительство, хотя они по-прежнему должны были искать компромиссы с королем и другими политическими силами.

В Алжире в 2012 г. успех на парламентских выборах одержала светская президентская коалиция (партии Фронт национального освобождения и Национально-демократическое объединение), завоевав 288 мандатов из 462. На втором месте оказался альянс «Зеленый Алжир».

В 2016 г. в парламенте Кувейта большинство мест заняли оппозиционные кандидаты, связанные с «Братьями-мусульманами».

Победившие с небольшим перевесом исламские партии оказались под двойным давлением: с одной стороны, светских кругов, требующих реальных политических и экономических действий, и населения, ждущего реализации заявленных этими партиями программ и выполнения всех предвыборных обещаний, с другой — консервативных салафитских движений, финансируемых странами Персидского залива и требующих всеобъемлющей исламизации. Реализовать обещания и возложенные на них надежды исламские партии не смогли. Войдя в состав правительства (в Тунисе и Марокко), они вынуждены были одновременно критиковать правительство и в то же время нести ответственность за его политику, в результате чего теряли поддержку тех слоев общества, которые были с ними в начале «арабской весны». В Марокко, в частности, уже в марте 2013 г. прошли мощные демонстрации рабочих профсоюзов, осуждавших «правительство исламистов» за невыполнение социальных обещаний.

Второй электоральный цикл в арабских странах после событий «арабской весны» продемонстрировал снижение популярности исламских партий: в 2014 г. в Тунисе победу на парламентских выборах одержала светская партия «Призыв Туниса», исламисты смогли набрать только 28% голосов. Руководство исламской партии взяло курс на уменьшение религиозной составляющей, а ее лидер — Р. Ганнуши — стал активно использовать термин «мусульманская демократия». В 2019 г. опять победила «Ан-Нахда», за ней следом (с очень небольшим отрывом) шла новая, но также светская партия «Сердце Туниса» (ее возглавляет медиамагнат Набиль Каруи)⁵². Однако в 2021 г. в Тунисе начались протесты, приведшие к приостановке деятельности парламента.

В Египте в 2020 г. на выборах в Сенат и Палату представителей убедительную победу одержала светская партия «Будущее нации». При президенте Абдель Фаттахе ас-Сиси египетское законодательство запретило создание политических партий религиозной направленности. Тем не менее в Египте насчитывается по меньшей мере восемь легальных политических партий, которые являются де-факто исламистскими⁵³.

В 2021 г. марокканская ПСР потерпела поражение, отдав абсолютное первенство Национальному объединению независимых (ранее входило в правительственную коалицию). Представительство ПСР в парламенте сократилось со 125 до 12 мест, что говорит о резком снижении популярности партии в обществе, не сумевшей выполнить своих предвыборных обещаний, в частности провести политические реформы. На фоне пандемии остро выявились все структурные проблемы экономики, связанные с высоким уровнем безработицы среди молодежи. В связи с поражением партии ее генеральный секретарь Саад ад-Дин аль-Османи принял решение покинуть пост⁵⁴.

В Ливии в 2014 г. по результатам выборов «Братья-мусульмане» в Палате представителей получили только 25 из 200 мест, меньше, чем в 2012 г.: большинство ливийцев отдали голоса сторонникам светского пути развития⁵⁵, в результате страна оказалась расколота территориально по идеологическому принципу: в столице (Триполи) правит Правительство национального согласия, сформированное при поддержке международного

⁵² Les resultats des legislatifs // URL: <https://www.jeuneafrique.com/840973/politique/legislatives-en-tunisie-les-resultats-officiels-confirment-le-morcellement-du-parlement/> (дата обращения: 22.04.2022).

⁵³ Surkov N. Yu. Op. cit. P. 30.

⁵⁴ Safaa K. Elections: Benkirane Calls on El Othmani to Resign After “Painful” Results // URL: <https://www.moroccoworldnews.com/> (дата обращения: 28.04.2022).

⁵⁵ Elections 2014: Final results for House of Representative elections announced // Libya Herald. 21.VII.2014.

сообщества. Параллельно действует исламский Высший народный конгресс, в котором большинство составляют «Братья-мусульмане» и их сторонники. Аморфность этих образований, дефицит ресурсов и поддержки на местах не позволяют ни одному из них добиться решающего преимущества в военном противостоянии.

В Ираке на проходивших в 2021 г. парламентских выборах лидировал блок шиитских партий (во главе с имамом М. ас-Садром), за ним следовал суннитский блок, светская партия «Государство закона» оказалась на третьем месте (в 2014 г. эта партия была на первом месте, шиитский блок — на втором).

В обновленный на две трети парламент Кувейта в 2020 г. не смогло пройти движение Исламское салафитское собрание, которое было представлено в парламенте предыдущего созыва.

Таким образом, при расколатом обществе и внешнем давлении в арабских странах идет чередование у власти исламских и светских партий. Общество, разочаровавшись в политиках и идеологии, ищет пути своей идентичности, консолидируясь в новые общественно-политические группы, не способные вести эффективную борьбу за власть.

При этом наблюдается определенный синтез ислама и национализма, который идет в условиях кризиса данных идеологий и назревшей необходимости проведения социально-политической модернизации. Отсюда использование идентичных лозунгов для завоевания симпатий избирателей партиями разных идеологических направлений. Самые разные политические силы эксплуатируют понятия «демократия» и «гражданское общество», которые активно входят в политическую лексику и культуру арабского мира, помогая элитам продвигать свои проекты мобилизации и модернизации.

Библиография

- Тоним В. Революция 2.0. Документальный роман / пер. с англ. Т. Даниловой. СПб., 2012.
- Бартенев В.И. Помощь стран Персидского залива постреволюционному Египту: логика, динамика, системное влияние // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. № 4. С. 566–582.
- Крылов А.В. Роль религиозного фактора в «арабской весне» // Вестник МГИМО-Университет. 2013. № 4 (31). С. 43–51.
- Малашенко А.В. Концептуальный анализ исламского радикализма // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира / отв. ред. А.Д. Саватеев. М., 2015. С. 95–123.
- Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005.
- Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика (статьи, очерки и доклады разных лет). М.: Нижний Новгород, 2008.
- Сапронова М.А. Конституционное право арабских стран // Конституционное право зарубежных стран. Учебник / под ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. 4-е изд. М., 2016. С. 779–861.
- Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. М., 2019.
- Царегородцева И. Исламисты в политике Египта и Туниса после «арабской весны» // Islamology. 2017. Т. 7. № 1. С. 122–137.
- Front Islamique du Salut (FIS). Elections communales du 12 juin 1990. Alger, 1990.
- Burgat F. Face to Face with Political Islam. London; New York, 2003.
- Lewis B. From Babel to Dragomans. Oxford, 2004.
- Maktouf L. Sauver la Tunisie. Paris, 2013.
- Roy O. L'echec de l'islampolitique. Paris, 1992.
- Shaikh Hamid al-Nayfar. Interview with F. Burgat // Political Islam. Essays from Middle East Report / eds J. Beinin, J. Stork. London; New York, 1997.
- Surkov N. Yu. The Place of Religious Parties in the Political Systems of Arab Countries // Islamovedenie. 2020. Vol. 11. № 1. P. 26–37.

References

- Bartenev V.I. Pomoshch' stran Persidskogo zaliva postrevolyucionnomu Egiptu: logika, dinamika, sistemnoe vliyaniye [The Gulf States' Assistance to Egypt after the 2011 Revolution: Logic, Dynamics, Systemic Impact] // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnoshe-niya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. International Relation]. 2019. № 4. S. 566–582. (In Russ.)

- Ghonim W.* Revolyuciya 2.0. Dokumental'nyj roman [Revolution 2.0. Documentary novel]. per. s angl. T. Danilovoj. Sankt-Peterburg, 2012. (In Russ.)
- Khabrieva T.Y., Chirkin V.E.* "Cvetnye revolyucii" i "arabskaya vesna" v konstitucionnom izmerenii: politologo-yuridicheskoe issledovanie ["Color Revolutions" and "Arab Spring" in the Constitutional Dimension. Political and Legal Research]. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Krylov A.V.* Rol' religioznogo faktora v "arabskoj vesne" [The religion Factor in the "Arab Spring"] // Vestnik MGIMO-Universitet [Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations]. 2013. № 4 (31). S. 43–51. (In Russ.)
- Malashenko A.V.* Konceptual'nyj analiz islamskogo radikalizma [Conceptual analysis of Islamic radicalism] // Islamskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoy karte sovremennogo mira [Islamic radical movements on the political map of the modern world] / otv. red. A.D. Savateev. Moskva, 2015. S. 95–123. (In Russ.)
- Medushevskiy A.N.* Teoriya konstitucionnykh ciklov [Theory of constitutional cycles]. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Naumkin V.V.* Islam i musul'mane: kul'tura i politika (stat'i, ocherki i doklady raznykh let) [Islam Muslims: Culture and Politics (written over the years)]. Moskva; Nizhniy Novgorod, 2008. (In Russ.)
- Sapronova M.A.* Konstitucionnoe pravo arabskikh stran [Constitutional law of Arab countries] // Konstitucionnoe pravo zarubezhnykh stran. Uchebnik [Constitutional law of foreign countries. Textbook] / pod red. M.V. Baglaya, Yu.I. Lejbo, L.M. Entina. 4-e izd. Moskva, 2016. S. 779–861. (In Russ.)
- Tsaregorodtseva I.* Islamisty v politike Egipta i Tunisa posle "arabskoj vesny" [The Islamists in Politics in Egypt and Tunisia after "Arab Spring"] // Islamology. 2017. Vol. 7. № 1. S.122–137. (In Russ.)
- Burgat F.* Face to Face with Political Islam. London; New York, 2003.
- Front Islamique du Salut (FIS). Elections communales du 12 juin 1990. Alger, Bureau executif de la commune de Kouba, 1990.
- Lewis B.* From Babel to Dragomans. Oxford, 2004.
- Maktouf L.* Sauver la Tunisie. Paris, 2013.
- Roy O.* L'echec de l'islam politique. Paris, 1992.
- Shaikh Hamid al-Nayfar.* Interview with F. Burgat // Political Islam. Essays from Middle East Report / eds J. Beinin, J. Stork. London; New York, 1997.
- Surkov N.Yu.* The Place of Religious Parties in the Political Systems of Arab Countries // Islamovedenie. 2020. Vol. 11. № 1. P. 26–37.

DOI: 10.31857/S013038640021357-0

© 2023 г. В.А. КУЗНЕЦОВ

АЛЖИР: ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЖИМА ПОСЛЕ 2019 года

Кузнецов Василий Александрович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия).

E-mail: vasiakuznets@yandex.ru

Scopus Author ID: 57196044428; ORCID: 0000-0003-3646-4037; Researcher ID: O-1087-2016

Аннотация. Статья посвящена проблеме трансформации политического строя в Алжире после отстранения от власти А. Бутефлики. Описывая динамику политической жизни Алжира, автор отмечает, что действующий в стране режим может характеризоваться и как гибридный, и как авторитарный. При этом вопрос о векторе его эволюции во многом остается открытым. Направление вектора будет определяться способностью системы к преодолению отчуждения между обществом и властью. В статье рассматриваются два ключевых механизма коммуникации между ними: электоральное и прямое политическое участие. Анализируются электоральные процессы, сравниваются ход и итоги парламентских выборов 2002, 2007, 2012, 2017 и 2021 гг., делается вывод о существовании в обществе непреходящего взаимного недоверия общества и политических элит. Обращаясь к прямым формам участия, исследование концентрирует внимание на движении «Хирак», которое и сделало возможным политический транзит 2019 г. Выявление специфических черт этого движения позволяет показать, почему его деятельность не привела к формированию нового общественного договора. Автор считает, что неспособность преодоления отчуждения между властью и обществом объясняется генезисом алжирской политической культуры в период колониализма и постколониального развития. Методологически статья основывается на теориях гибридных режимов, порядков социального доступа, а также на типологизации политических партий М. Дюверже. Источниковую базу исследования составили как официальные документы и материалы СМИ, так и материалы экспертных интервью автора.

Ключевые слова: Алжир, авторитаризм, гибридные режимы, электоральные процессы, «Хирак», политическое участие.

V.A. Kuznetsov

Algeria: Political Participation During the Transformation of Political Regime after 2019

Vasily Kuznetsov, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vasiakuznets@yandex.ru

Scopus Author ID: 57196044428; ORCID: 0000-0003-3646-4037; Researcher ID: O-1087-2016

Abstract. The article focuses on the issues of political regime transformation in Algeria after the resignation of President Abdelaziz Bouteflika. Describing the dynamics of Algerian political life, the author points out that the country's current regime can be characterised as hybrid and authoritarian. Nevertheless, the prospects for its further evolution remain unclear. The author opines that these prospects would be determined by the ability of the system to overcome the alienation

between the public and the authorities. With this in mind, two key linking mechanisms need be analysed: electoral and direct political participation. When analysing electoral processes, the author compares the events and results of the 2002, 2007, 2012, 2017 and 2021 parliamentary campaigns, concluding that the mutual distrust between the public and the government constantly affects the social life of Algeria. Looking at direct forms of participation, he focuses on the “Hirak” Movement, which made the 2019 power transition possible. Indication of its specific traits shows why it did not facilitate the creation of a new social contract. The author concludes the article with the assumption that the alienation between the government and society has not been overcome because Algerian political culture was formed in the colonial and post-colonial periods. The article’s methodology is based on the hybrid regime and social orders theories. Furthermore, the author uses the typology of political parties proposed by Maurice Duverger. The sources and materials used for the study include official documents, media publications and results of the author’s field research.

Keywords: Algeria, authoritarianism, hybrid regimes, electoral processes, “Hirak”, political participation.

В 2019 г. в Алжире начался период политической трансформации. Он был связан с отстранением от власти тяжело больного президента А. Бутефлики, правившего страной два десятка лет, и со становлением формально нового политического режима. Уход Бутефлики происходил под давлением массовых протестов, получивших название «Хирак» (движение — *араб.*), поддержанных вооруженными силами страны, руководство которых, в сущности, и заставило элиту назначить внеочередные президентские выборы в соответствии с конституцией. Победивший на них Абдельмаджид Теббун, хотя и не был новичком в алжирской политике и даже успел в свое время побывать премьер-министром, все же никогда не считался особо значимой фигурой, а за пределами страны и вовсе был мало кому известен.

Его победа вызвала множество спекуляций относительно честности электоральной кампании и, вероятно, не устранила рисков новой турбулентности, однако наступившая всего через несколько месяцев пандемия COVID-19 создала определенные условия¹ для консолидации власти и снижения активности протестного движения.

Сегодня вопрос, насколько драматичные события 2019 г. и связанная с ними перебалансировка элит привели к изменению характера политического режима, остается открытым. Многочисленные аресты олигархов, партийных лидеров и высших чиновников² сами по себе едва ли говорили о трансформации режима. Очевидно, что эти кампании были направлены, с одной стороны, на перераспределение ренты внутри господствующей коалиции³, а с другой — на удовлетворение народного возмущения. Обе эти цели были достигнуты еще осенью-зимой 2019–2020 гг.

В последующий же период, когда вслед за демонтажем режима Бутефлики начался процесс выстраивания чего-то нового, тенденции политической жизни оказались весьма противоречивыми.

С одной стороны, ряд признаков позволяют говорить, что в стране идет процесс укрепления авторитаризма: ограничение свободы слова и усилившееся преследование журналистов и гражданских активистов⁴, фактическое подавление протестного движения⁵, рост

¹ Tassadit Y. Virus et politique en Algérie // IEMed. 28.XI.2020.

² Arroudj A. Voyage au cœur de la corruption algérienne // Le Figaro. 21.IX.2020.

³ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.

⁴ Algérie — L’escalade de la répression menace la survie de la société civile indépendante // Article 19. 23.II.2022. URL: <https://www.article19.org/fr/resources/algerie-lescalade-de-la-repression-menace-la-survie-de-la-societe-civile-independante/> (дата обращения: 02.06.2022).

⁵ Algérie: vers le déconfinement du hirak? // International Crisis Group. URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep31471.5.pdf> (дата обращения: 04.06.2022).

внешнеполитической активности⁶, приводящий к укреплению позиции армии, отсутствие реальной политической конкуренции и неспособность активистов «Хирак» выдвинуть политических лидеров или сколько-нибудь позитивную программу изменений и т.п.

С другой стороны, этот авторитарный дрейф нельзя абсолютизировать. Внешнеполитическая активность А. Теббуна, проявляющаяся в том числе в росте напряженности в отношениях с Францией и Марокко, может объясняться по-разному: исходя из внутренних потребностей (стремлением к национальной консолидации на патриотической основе или необходимостью повысить престиж вооруженных сил) или ориентируясь на теорию конкуренции между средними державами⁷ (возвращением страны в региональную политику после семи лет самоизоляции и попытками вернуть себе позиции в Средиземноморье и на Африканском континенте).

Армия, хотя и сыграла ведущую роль в отстранении Бутефлики и, по всей видимости, в приходе к власти Теббуна, остается в тени политической жизни и не пытается (в отличие от того же Египта) получить правовые гарантии своего исключительного статуса (хотя она упоминается и в преамбуле к конституции, и в ст. 30). Вероятно, это связано с обозначившимся в рамках «Хирак» общественным неприятием идеи доминирования военных во власти: «Гражданское государство – не военное!» – один из самых популярных лозунгов того времени.

Наконец, наравне с новыми ограничениями появились и свидетельства готовности государственной власти чуть больше приоткрыть страну для международного сотрудничества (в частности, в Алжире начали работать некоторые немецкие фонды⁸), сохранилось высокое для арабского мира число научно-производственных объединений (НПО)⁹, нигде не исчезла многопартийность.

Подобная ситуация позволяет по-прежнему характеризовать алжирский политический режим как гибридный с некоторой тенденцией усиления в нем авторитарных элементов. Это, в свою очередь, заставляет поставить ряд серьезных вопросов. Имеем ли мы дело с переходом от гибридности к авторитаризму или же речь идет всего лишь о перезапуске дисфункциональных при позднем Бутефлике механизмов госуправления? Является ли авторитарный дрейф отражением общемирового тренда, связанного с многочисленными кризисами рубежа 2010–2020-х годов¹⁰, или же причины его имеют в основном локальный характер? Могут ли новые тенденции в госуправлении дать импульс развитию, в котором нуждается страна, или же деятельность правящего режима будет ограничена сохранением собственного доступа к ренте?

Очевидно, что содержащиеся в этих вопросах дихотомии в принципе не взаимоисключающи, скорее каждая из них обозначает экстремумы описания алжирского политического режима, между которыми расположено множество промежуточных вариантов. Очевидно и иное – каждый из этих промежуточных вариантов определяется прежде всего характером отношений между обществом и властью. Условно говоря, в случае полного отчуждения друг от друга двух сторон политического управления речь должна идти о последовательном укреплении авторитаризма, отказе от развития в пользу охранительства, который будет происходить вне зависимости от меняющейся мировой конъюнктуры. В случае же

⁶ Кузнецов В.А., Василенко А.И. Магриб – 2021: тупики внутривнутриполитического развития и угрозы региональной подсистеме отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 642–654.

⁷ Zoubir Y. The Algerian-Moroccan Rivalry. Constructing the Imagined Enemy // Shocks and Rivalries in the Middle East and North Africa. Georgetown, 2020. P. 179–200.

⁸ Архив автора.

⁹ Bendimerad S., Chibani A., Boussaifi K. Boom associatif en Algérie : réalité ou illusion démocratique? // RECMA. 2019. № 354. P. 42–57.

¹⁰ Repucci S., Slipowitz A. Freedom in the World 2022. The Global Expansion of Authoritarian Rule // Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2022/global-expansion-authoritarian-rule> (дата обращения: 06.06.2022).

преодоления этого отчуждения возможен вариант как формирования очередной версии авторитаризма, так и нового демократического поворота.

Соответственно, для понимания тенденций развития алжирской политической системы имеет смысл обратиться к вопросу о механизмах политического участия граждан, выстраивающих основные каналы политической коммуникации с властью.

Представляется, что таких механизмов четыре: традиционное участие, участие через институты гражданского общества, электоральное и прямое участие.

Однако традиционные механизмы, предполагающие вовлеченность граждан в деятельность племенных или общинных институтов, суфийских братств и т.п., сохраняя подчас высокую значимость для индивидуума (особенно в менее развитых районах страны), в сущности представляют собой параллельную государству общественно-политическую реальность. При том что традиционные социальные институты могут использоваться государством в тех или иных ситуациях, оно почти никогда их не признает открыто и не взаимодействует с ними напрямую (по крайней мере на республиканском уровне)¹¹. В результате они не подходят для выстраивания механизмов доверия между обществом и властью, хотя и могут способствовать общественной консолидации на низовом уровне.

Своеобразным аналогом этих традиционных институтов для наиболее продвинутых частей городского социума выступают довольно многочисленные НПО, деятельность которых, впрочем, плотно контролируется правительством, целенаправленно препятствующим ее политизации¹². Такая (характерная не только для Алжира) деполитизированность «третьего сектора» стала предметом серьезной дискуссии о его реальных социально-политических функциях. Если одни исследователи считают, что НПО в подобной ситуации становятся инструментами поддержания авторитаризма, то другие, напротив, полагают, что их существование в долгосрочной перспективе может способствовать процессу демократизации¹³.

Вне зависимости от того, какой точки зрения на роль традиционных и современных гражданских институтов в алжирском обществе придерживаться, ясно, что на сегодняшний день ни те, ни другие не являются значимыми каналами коммуникации между обществом и властью, по крайней мере в масштабах всей страны.

В связи с этим сосредоточимся на электоральных процессах и инструментах прямого участия.

Рассматривая уровень электорального участия в алжирской политике, имеет смысл проанализировать ход и результаты пяти парламентских кампаний с 2002 по 2021 г. Они, как представляется, более репрезентативны, чем президентские (в силу наличия в них хотя бы каких-то элементов конкуренции), и могут указывать на важные тенденции общественной жизни.

При этом необходимо принимать во внимание два обстоятельства. Первое — это то, что на протяжении рассматриваемого периода менялась нормативно-правовая база выборов. В 2012 г. под воздействием «арабской весны» был принят ряд законов, в том числе о выборах¹⁴ и о партиях¹⁵: внешне направленные на демократизацию политической жизни, они все равно предполагали сохранение инструментов контроля исполнительной власти над всем политическим процессом. Среди этих инструментов — и непрозрачность контроля над выборами, и неясности относительно допуска наблюдателей, и даже облегчение регистрации партий, приведшее к фрагментации оппозиции. Принятые в 2016 г. поправки к конституции никаких принципиальных изменений в электоральные процедуры

¹¹ См. подробнее: *Hachemaoui M.* Clientélisme at patronage dans l'Algérie contemporaine. Paris, 2013.

¹² *Bendimerad S., Chibani A., Boussafi K.* Op. cit.

¹³ См. подробнее: *Шлыков П.В.* Гражданское общество // Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / под ред. В.Г. Барановского, В.В. Наумкина. М., 2018. С. 180–230.

¹⁴ Loi organique # 12-01 du 18 Safar 1433 correspondant au 12 janvier 2012 relative au régime électoral // Journal officiel de la République Algérienne. 2012. № 1. P. 8–31.

¹⁵ Loi organique #12-04 du 18 Safar 1433 correspondant au 12 janvier 2012 relative aux partis politiques // Journal officiel de la République Algérienne. 2012. № 2. P. 9–15.

не привнесли, а в 2019 г. в контексте протестного движения в стране появился независимый избирком (ас-султа ал-ватанийа ал-мустакилла ли-л-интихабат), получивший конституционный статус в 2020 г. после очередного референдума по конституции. Наконец, в 2021 г. был принят новый закон о выборах (в форме президентского ордонанса)¹⁶, согласно которому ужесточался контроль над финансированием партий, сохранялась пропорциональная система, однако предполагалось преференциальное голосование по открытым спискам, что должно было препятствовать политической коррупции.

Во всех вариантах законов о выборах сохраняется привязка избирательных округов к вилайям, распределение мандатов по методу Хейра, благоприятному для слабых избирательных списков, и отсечение слабейших списков пятипроцентным проходным барьером.

Второе важное обстоятельство — это существование в стране развитой многопартийной системы, в рамках которой могут быть выделены центристские партии, исторически прочно связанные с правящей властью (Фронт национального освобождения (ФНО) и Национальное демократическое объединение, НДО); исламистские (Движение общества за мир (ДОМ или ХАМАС), «Ан-Нахда», Движение за национальную реформу («Ал-Ислах» и др.); левые (умеренный Алжирский национальный фронт и троцкистская Партия трудящихся (ПТ) и др.) и берберские (Фронт социалистических сил (ФСС) и более радикальное Объединение за культуру и демократию, ОКД) партии. Помимо них, в рассматриваемый период появлялось и исчезало еще несколько десятков партийных объединений, так или иначе примыкавших к одной из составляющих этого спектра.

Пять рассматриваемых избирательных кампаний вроде бы проходили в совершенно разной политической атмосфере. 2002 г. был временем расцвета режима А. Бутефлики, недавно пришедшего к власти и хорошо зарекомендовавшего себя попытками преодоления массового насилия времен «черного десятилетия»¹⁷. 2007 г. уже омрачался деятельностью только что созданной Аль-Каиды в странах исламского Магриба (АКИМ) и экономическими проблемами, а также конфликтом между президентом и бывшим премьер-министром А. Бенфлисом. 2012 г. проходил под знаком «арабской весны» со всеми ее демократическими надеждами и скорыми разочарованиями. В 2017 г. президент уже четыре года как перенес инсульт, и политическая жизнь в стране едва теплилась, а в 2021 г. выборы проходили в условиях становления нового режима, приход которого к власти легитимизовался массовым протестным движением. Казалось бы, при таких обстоятельствах вполне резонно было бы ожидать не только серьезных трансформаций в составе участников выборов и их победителей, но и в самом характере предвыборных кампаний, равно как в электоральном поведении избирателей.

Реальность, однако, таких ожиданий не оправдывает.

Если в 2002 г. электоральная кампания не встретила серьезной критики, то затем ситуация изменилась. В опубликованной вскоре после выборов 2007 г. статье алжирский аналитик с грустью отмечал, что, «по мнению всех наблюдателей, избирательная кампания была вялой и безрезультатной, у алжирцев явно были иные заботы»¹⁸. В 2012 г. наблюдатели, хотя и давали позитивные оценки правовой и административной составляющим кампании, также описывали ее в тоскливых тонах, отмечая, что активность кандидатов не вызвала энтузиазма избирателей, собрания повсеместно отменялись, а кандидатам зачастую приходилось платить жителям, чтобы те пришли на встречу с ними¹⁹. В 2017 г.

¹⁶ Ordonnance № 21-01 du 26 Rajab 1442 correspondant au 10 mars 2021 portant loi organique relative au régime électoral // Journal officiel de la République Algérienne. 2021. № 17. P. 8–41.

¹⁷ Василенко А.И. Долгое эхо конфликта: память о «черном десятилетии» 1990-х годов в современной политической культуре Алжира // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2019. № 11 (2). С. 171–200.

¹⁸ Bennadji C. Algérie 2007: l'année des kamikazes et des élections manquées // L'Année du Maghreb. 2008. Vol. IV. P. 203–217.

¹⁹ Rapport final sur les élections législatives en Algérie 2012 // National Democratic Institute. 10.V.2012. P. 20–21.

ситуация повторилась: несмотря на некоторые попытки властей придать кампании интригу (в частности, через очередное педалирование давно известной проблемы участия в выборах кандидаток в никабах²⁰), организацию национального турне премьер-министра и его призывы к жителям прийти к урнам для голосования²¹, никаких особых сенсаций на выборах с самого начала никто не ждал²². Наконец, в 2021 г. выборы проходили в условиях высокой общественной поляризации: та часть политического класса, которая выступала последовательной сторонницей движения «Хирак», бойкотировала сначала референдум о конституции в 2020 г. (или же призывала голосовать против предложенных поправок), а затем и парламентские выборы²³. В результате предвыборная кампания вместо реальной межпартийной конкуренции принесла избирателю борьбу «хорошего с лучшим» — более или менее близких к правительству партий.

Характеру кампаний соответствует и динамика явки избирателей. В 2002 г. явка составила 46,17% (8 288 536)²⁴ избирателей, в 2007 г. — 35,67% (6 692 891)²⁵, в 2012 г. — 43,14% (9 339 026)²⁶, в 2017 г. — 35,37% (8 225 123)²⁷, а в 2021 г. — 23% (5 628 401)²⁸.

В этом ряду совсем не воодушевляющих цифр выделяется три года. В 2002 г. относительно высокая явка была, видимо, связана с мобилизацией электората ФНО, пытавшегося вернуть себе бразды правления на фоне успехов недавно пришедшего к власти президента. В 2012 г. ее рост определялся ожиданиями позитивных изменений после принятия ряда демократических законов в начале года и еще не забытых обещаний А. Бутефлики провести коренные реформы. В то же время чрезвычайно низкая цифра 2021 г., если учитывать общественный контекст, должна интерпретироваться не как проявление общественной апатии, а как форма протеста, к которой прибегло порядка 10–15% избирателей.

Еще более показательны данные об уровне протестного голосования. Так, в 2002 г. 10,5% (867 669) голосовавших опустили в урны недействительные бюллетени. В 2007 г.

²⁰ Législatives en Algérie: polémique autour des “candidates sans visage” sur les affiches // Les Observateurs. 20.IV.2017.

²¹ Législatives 2017: Début de la campagne électorale, mises en garde contre la fraude // Algeria-Watch. 10.IV.2017.

²² Muted start to election campaigning in Algeria // Al Jazeera. 9.IV.2017; Elections législatives en Algérie: vers une abstention historique? // Marianne. 4.V.2017.

²³ Elections législatives anticipées: Les partis dans l’embarras // El Watan. 16.II.2021.

²⁴ И’лан ракм 01/и.м.д/02 му’аррих фи 21 раби’ ал-аввал ‘ам 1423 ал-мувафак 3 йунйу сана 2002 йата’аллак би-натаидж интихабат а’да’ ал-маджлис аш-ш а’бий ал-ватаний (Объявление № 01/и.м.д/02 от 21 раби ал-аввал 1423 г. (3 июня 2002 г.), относящееся к итогам выборов членов Национальной народной ассамблеи) // Ал-джарида ар-расмийа (Официальный журнал). 2002. № 44. С. 4. (На араб. яз.)

²⁵ Proclamation № 03 / P.CC / 07 du 4 Jomada El Oula 1428 correspondant au 21 mai 2007 portant résultats de l’élection des membres de l’Assemblée populaire nationale // Journal Officiel de la République Algérienne Démocratique et Populaire. 2007. № 45. P. 3–20.

²⁶ Proclamation № 01/P.CC/12 du 24 Jomada Ethania 1433 correspondant au 15 mai 2012 portant résultats de l’élection des membres de l’Assemblée Populaire Nationale // Journal Officiel de la République Algérienne Démocratique et Populaire. 2012. № 32. P. 4–22.

²⁷ И’лан ракм 01/и.м.д/17 му’аррих фи 21 ша’бан ‘ам 1438 ал-мувафак 18 майу сана 2017 йатадамман ан-натаидж ан-нихайя ли-интихабат а’да’ ал-маджлис аш-ша’бий ал-ватаний, аллази джара йоум 7 ша’бан ‘ам 1438 ал-мувафак 4 майу сана 2017 (Объявление № 01/и.м.д/17 от 21 шаабана 1438 г. (18 мая 2017 г.), относящееся к итогам выборов членов Национальной народной ассамблеи, которые прошли 7 шаабана 1438 г., соответствующего 4 мая 2017 г.) // Ал-джарида ар-расмийа (Официальный журнал). 2017. № 34. С. 36. (На араб. яз.)

²⁸ И’лан ракм 01/и.м.д/21 му’аррих фи 12 зи-л-када ‘ам 1442 ал-мувафик 23 йунйу сана 2021 йатадамман ан-натаидж ан-нихайя ли-интихабат а’да’ ал-маджлис аш-ша’бий ал-ватаний, аллази джара йоум аввал зи-л-када ‘ам 1442 ал-мувафак 12 йунйу сана 2021 (Объявление № 01/и.м.д/21 от 12 зи-ль-каада 1442 г. (23 июня 2021 г.), относящееся к итогам выборов членов Национальной народной ассамблеи, которые прошли 01 зи-ль-каада 1442 г., соответствующего 12 июня 2021 г.) // Ал-джарида ар-расмийа (Официальный журнал). 2021. № 51. С. 4. (На араб. яз.)

их было уже 14,4% (965 064), в 2012 г. — 18,2% (1 704 047), в 2017 г. — 21,6% (1 778 373), а в 2021 г. — 18% (1 011 749).

Очевидно, что устойчиво низкая явка в совокупности с феноменально высоким процентом испорченных бюллетеней свидетельствуют не просто о постоянном недоверии граждан к избирательной системе, но и о том, что этот уровень недоверия постоянно повышается, причем после прихода к власти А. Теббуна он стал принципиально выше, чем даже в последние годы правления А. Бутефлики. В сущности, избранный в 2021 г. парламент представляет интересы чуть менее 19% избирателей, или 10% населения страны (и это без учета голосов, отданных за списки, не прошедшие в парламент).

При этом характерно, что в стране существуют регионы, постоянно демонстрирующие рекордно низкую явку: крупные города (в 2021 г.: Алжир — 12,8%, Константина — 19,7%, Оран — 18,1%) и особенно берберская Кабилия (Тизи-Узу — 0,9%, Бежаия — 0,42%, Буира — 11,42%, Бумердес — 14,5%), а также округа за границей.

При такой ситуации кажется более или менее бессмысленным анализировать подробно результаты кампаний. Достаточно сказать, что ключевые партии (ФНО, НДО, периодически перегруппировывавшиеся исламистские силы, ПТ, ФСС) сохраняли свое присутствие в парламенте на протяжении большей части рассматриваемого периода. Таким образом, ФНО за это время примерно в 10 раз снизил свою популярность, причем основное падение случилось между 2017 и 2021 г.: получив в 2017 г. 1 655 040 голосов, партия заняла 161 депутатское кресло, а в 2021 г. — 98 кресел, несмотря на то что за нее проголосовало всего 287 828 человек. Не столь впечатляюще, но также значительно утратило популярность и НДО (500–600 тыс. в 2002–2012 гг., почти 1 млн в 2017 г. и менее 200 тыс. в 2021 г.), сохранившее за собой 58 депутатских мандатов. При этом нельзя утверждать, что утраченные голоса перераспределились в пользу оппозиции. Учитывая то, что значительная ее часть бойкотировала выборы 2021 г., можно лишь, опираясь на предыдущие кампании, заметить, что исламистские движения в целом растеряли популярность по сравнению с началом 2000-х годов, а ультралевые и берберские сохраняют пусть и не большой (150–250 тыс.), но более или менее устойчивый электорат.

Описываемая динамика электоральных процессов позволяет, кроме того, сделать вывод, что недоверие общества и власти носит во многом обоюдный характер. Если общество демонстрирует его низкой явкой, испорченными бюллетенями или нежеланием голосовать за провластные силы (ФНО и НДО), то власть использует как административные ресурсы во время избирательных кампаний, так и манипуляции с правовой базой выборов, в результате которой правящие партии получают непропорциональное количество мандатов, а партийный состав парламента постоянно дробится за счет мельчайших партий. В депутатском корпусе 2002 г. было представлено всего 10 политических сил, однако в 2007 г. их стало 22, в 2012 г. — 28, в 2017 г. — 61, а в 2021 г. — 71, из которых лишь 5 партий получили более 100 тыс. голосов и более 30 мандатов, столько же — от 10 до 18 тыс. (1–4 мандата), а остальные — менее 10 тыс. (1–3 мандата), причем одна партия получила всего 461 голос. Очевидно, что при всем внешнем демократизме системы в реальности она не только делает недееспособным высший орган законодательной власти, но и благоприятствует размыванию партийной системы как таковой.

В условиях неэффективности электоральных институтов в 2019 г. активная часть алжирского общества обратилась к механизмам прямого участия. Развернувшееся в феврале того года движение «Хирак» уже вошло в историю страны, а его значимая роль даже была закреплена в преамбуле нового текста конституции, принятого на референдуме 2020 г.

Разумеется, это движение при всей своей специфичности не было первой в истории Алжира попыткой прямого политического участия. Напротив, можно сказать, что в стране, для которой еще с колониальных времен был характерен разрыв между основной частью населения и политическими элитами, «Хирак» наследовало давние традиции: национально-освободительного движения конца XIX — первой половины XX в., обернувшегося войной за независимость; берберского этнонационального движения 1940–1950-х

годов; «черной весны» 1980 г.; массовых протестов конца 1980-х годов; берберского автономистского движения в Кабилии конца 1990 — начала 2000-х годов; массовых выступлений конца 2010 г. и, наконец, так называемых *protestas*, ставших обычным атрибутом общественной жизни в XXI в. Кроме того, по всей видимости, оно испытывало на себе влияние и французской традиции выражения общественного недовольства, и «арабской весны».

С ее тунисским и египетским вариантами «Хирак», на первый взгляд, по основным параметрам совпадало, и потому многие авторы считают возможным говорить о событиях в Алжире 2019 г. как об «арабской весне 2.0». Действительно, общих черт здесь немало: массовые мирные протесты преимущественно городской молодежи, требовавшей демократических перемен, подчеркнуто светский характер движения, общие с движениями «арабской весны» механизмы групповой солидарности (совместные приемы пищи, взаимопомощь, демонстративное внимание к обеспечению безопасности граждан силами самих протестующих, совместные акции по уборке мусора и т.п.), возникновение протестной субкультуры политической агитации (плакаты и слоганы, иногда почти дословно повторяющие лозунги «арабской весны», апелляция к народной воле, значительный юмористический элемент в риторике и т.п.), внимание к представленности субальтерных групп (женщин, амазигов, ибадитов и др.), обращение к общей гражданской идентичности алжирского общества при отсутствии выраженной идеологии.

И вместе с тем по ряду параметров «Хирак» был совершенно иным явлением.

Во-первых, его развитие не привело к стабилизации протеста, как это было, например, в Египте на площади Тахрир или в Тунисе на Касбе.

Во-вторых, отличалась методология протеста: не нарастающая волна выступлений в относительно короткий промежуток времени, а еженедельные пятничные подчеркнуто мирные демонстрации, продлившиеся более года. И хотя в самих пятничных демонстрациях ничего особо нового для арабского мира не было, продолжительность этой практики кажется необычной — в рамках «арабской весны» подобных примеров мы не находим.

В-третьих, протестное движение постепенно стало рутиной общественно-политической жизни. Общество, страдавшее от плохо работающих публичных пространств и испытывавшее дефицит институтов социализации, увидело в «Хирак» возможность обретения новой общегражданской идентичности. Сами демонстрации постепенно превращались в некую смесь политической акции и формы досуга, участие в них могли принимать все граждане вне зависимости от пола, возраста или социального статуса. Такая «рутинизация» протеста, ведущая к вымыванию из него собственно политической повестки, в краткосрочной перспективе (осенью-зимой 2019 г.) играла на руку властям, единственной угрозой для которых постепенно становилось выделение из движения радикальной составляющей. Начало пандемии, однако, позволило постепенно свернуть «Хирак», введя ограничительные противоэпидемиологические меры. Параллельно с этим со временем представители власти все чаще указывали на деятельность в рамках «Хирак» радикалов, представляющих, с одной стороны, исламистскую антисистемную оппозицию (движение «Рашад»²⁹), а с другой — подчеркнуто секулярных кабилских автономистов (Движение за самоопределение Кабилии), идеология которых интерпретируется как сепаратистская³⁰. Обе эти организации были признаны террористическими, а обвинение в их поддержке марокканским правительством стало важнейшим фактором ухудшения отношений между двумя странами.

В-четвертых, «Хирак» отличалось от движений в Тунисе или Египте территориальным охватом — они стали регулярным элементом общественной жизни не только в столице, но во всех основных регионах страны, включая даже небольшие города.

Наконец, в-пятых, принципиально иной оказалась динамика отношений между активистами «Хирак» и властями. Раскол элит, считающийся важнейшим элементом в методиках

²⁹ *Orus-Boudjema S.* Algérie: qui sont les figures de Rachad, le mouvement islamiste accusé d'infiltrer le Hirak? // *Jeune Afrique*. 5.V.2021.

³⁰ *Algerie: Le Mouvement pour l'Autodetermination de la Kabylie (MAK).* // OFPRA. 24.XI.2021.

ненасильственного свержения власти, произошел практически сразу, однако это не привело к формированию принципиально новой контрэлиты или конкурирующей господствующей коалиции. Напротив, воспользовавшаяся ситуацией и связанная с армией часть господствующей коалиции сумела инструментализировать протест, что может рассматриваться как свидетельство и высокого уровня консолидации господствующей коалиции (после отсечения от нее группы, лояльной А. Бутефлике), и неспособности протестного движения превратиться в политическое.

Вопрос, почему «Хирак» не смогло стать политическим движением и не выдвинуло из своих рядов реальных политических лидеров, остается открытым. Однако, как представляется, этому способствовало несколько факторов. Прежде всего целенаправленная деятельность властей, предпочитавших видеть в «Хирак» не отдельного политического актора, а спонтанное массовое и более или менее анонимное движение, выражающее так называемую народную волю, которую можно более или менее свободно интерпретировать. Характерно в этом отношении, что, как только в движении стали выкристаллизовываться кабилская и исламистская тенденции, потенциально способные к превращению в новые политические силы, против них тут же были применены меры по борьбе с экстремизмом. Не менее важно и то, что с самого начала протестное движение было почти лишено единой позитивной повестки и в целом испытывало некоторую растерянность перед идеологиями — летом 2019 г. на центральных улицах страны с равным успехом можно было увидеть плакаты с цитатами из Корана, Айн Рэнда и Вольтера. Отчасти это объясняется общей деидеологизацией, характерной для политики 2010-х годов. Отчасти же тем, что три десятилетия алжирской многопартийности привели к тому, что в стране не осталось ни одной идеологии, сторонники которой не были бы так или иначе интегрированы в политическую систему и, соответственно, с точки зрения протестующих, не были бы дискредитированы. В иных странах, сталкивающихся с такой же проблемой (от Франции до Туниса), выходом становилось обращение к более или менее эклектичному популизму, однако в алжирском случае популистские лидеры, хотя и появлялись, оставались в той или иной степени маргинальными. Наконец, еще одним фактором стало то, что на начальных этапах ни одна из действующих в стране политических сил (равно как и ни одно гражданское объединение или профсоюзы) не оказалась готовой приватизировать протест или предоставить его активистам свою инфраструктуру. В тот момент, когда летом 2019 г. левые партии (ПТ, ФСС, ОКД и др.) все же попытались скоординировать свои усилия и объединиться в Политический пакт альтернативных демократических сил (ал-‘акд ас-сийасий ли-кувва ал-бадил ад-димукратий), который попытался бы привести страну к новому учредительному собранию, у властей уже было достаточно сил, чтобы не позволить им это сделать.

Подводя итоги, можно сказать, что, несмотря на позитивный опыт самоорганизации граждан в рамках протестного движения и даже достижения некоторых политических результатов, «Хирак» все же не стало инструментом выстраивания принципиально новых отношений между обществом и властью, не привело к возникновению новых механизмов коммуникации между ними или (тем более) к изменению общественного договора.

* * *

Вернемся к вопросу, который был поставлен в начале этой статьи: насколько могут осуществляющие в Алжире механизмы политического участия граждан способствовать преодолению отчуждения между обществом и властью.

Ответ кажется очевидным: лишь в незначительной мере.

Многочисленные теории гибридных режимов³¹, сформулированные в 1990-е годы как ответ на кризис транзитологии, хотя и не смогли предложить общепризнанного набора

³¹ Bogaards M. How to classify hybrid regimes? Defective democracy and electoral authoritarianism // Democratization. 2009. № 16 (2). P. 399–423.

критериев для отнесения того или иного режима к категории гибридных, все же сумели обозначить их общий принцип — сочетание элементов демократии и авторитаризма, что может интерпретироваться либо как мимикрия авторитаризма под демократию, либо как движение в сторону демократии. В случае с Алжиром, в принципе, считалось, что режим постепенно движется в сторону демократизации. После создания формальных демократических институтов в самом конце 1980-х годов демократический транзит был прерван «черным десятилетием», которое, однако, не привело к отказу от этих институтов. И в конце 1990-х годов и уже в XXI в. в стране сохранялись и партии, и выборы, и даже некая политическая конкуренция в рамках парламентских выборов, и определенная степень свободы слова. В целом, ситуация выглядела лучше, чем в Тунисе Бен Али или Египте Х. Мубарака, а также, чем в Марокко, где реальная власть концентрируется в значительной степени в руках махзена. Реформы начала 2010-х, несмотря на всю свою половинчатость, также указывали на готовность власти отвечать на демократический запрос населения.

Тем не менее динамика политического развития во второй половине 2010-х годов, усилившаяся деградация электоральных институтов и реакция режима на «Хирак» показали глубокую ошибочность этого внешнего впечатления. Раскол элит оказался менее важен, чем взаимное недоверие между ними и обществом.

По всей видимости, такая ситуация стала следствием специфической политической культуры страны. Сформировавшись по итогам войны за независимость на основе Армии национального освобождения и ФНО, политические элиты Алжира изначально несли в себе черты «ветеранских организаций», описанных когда-то М. Дюверже как партии-ордены и характеризующихся в том числе высокой степенью сплоченности и недоверием к внешнему миру. Феноменальным образом, придя к власти в 1962 г., эти элиты на протяжении всей последующей истории воспроизводили в своей политической практике ту же модель радикальной сепарации общества и власти, которая была создана французскими колонизаторами. Что же касается гражданского общества, то, лишенное возможности реального электорального участия во власти, оно, сталкиваясь с жестким силовым ответом при каждой попытке прямого участия (1954–1962, 1980, 1990-е годы), пришло к ситуации выученной беспомощности, в рамках которой единственной разумной стратегией политического поведения становится внутренняя эмиграция.

Библиография

Василенко А.И. Долгое эхо конфликта: память о «черном десятилетии» 1990-х годов в современной политической культуре Алжира // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2019. № 11 (2). С. 171–200.

Кузнецов В.А., Василенко А.И. Магриб — 2021: тупики внутриполитического развития и угрозы региональной подсистеме отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 642–654.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.

Шлыков П.В. Гражданское общество // Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / под ред. В.Г. Барановского, В.В. Наумкина. М., 2018. С. 180–230.

Arroudj A. Voyage au cœur de la corruption algérienne // Le Figaro. 21.IX.2020.

Bendimerad S., Chibani A., Boussafi K. Boom associatif en Algérie: réalité ou illusion démocratique? // RECMA. 2019. № 354. P. 42–57.

Bennadji C. Algérie 2007: l'année des kamikazes et des élections manquées // L'Année du Maghreb. 2008. Vol. IV. P. 203–217.

Bogaards M. How to classify hybrid regimes? Defective democracy and electoral authoritarianism // Democratization. 2009. № 16 (2). P. 399–423.

Hachemaoui M. Clientélisme et patronage dans l'Algérie contemporaine. Paris, 2013.

Orus-Boudjema S. Algérie: qui sont les figures de Rachad, le mouvement islamiste accusé d'infiltrer le Hiraq? // Jeune Afrique. 5.V.2021.

Repucci S., Slipowitz A. Freedom in the World 2022. The Global Expansion of Authoritarian Rule // Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2022/global-expansion-authoritarian-rule> (дата обращения: 06.06.2022).

Tassadit Y. Virus et politique en Algérie // IEMed. 28.XI.2020.

Zoubir Y. The Algerian-Moroccan Rivalry. Constructing the Imagined Enemy // Shocks and Rivalries in the Middle East and North Africa. Georgetown, 2020. P. 179–200.

References

Kuznetsov V.A., Vasilenko A.I. Magrib – 2021: tupiki vnutripoliticheskogo razvitiia i ugrozy regional'noj podsisteme otnoshenij [Maghreb – 2021: Dead Ends of Internal Political Development and Threats to the Regional Relations Subsystem] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija [Bulletin of the Peoples' Friendship Russian State University. International Relations Series]. 2021. Vol. 21. № 4. S. 642–654. (In Russ.)

North D., Wallis J., Weingast B. Nasilie i social'nye porjadki. Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Shlykov P.V. Grazhdanskoe obshchestvo [The Civil Society] // Blizhnii Vostok v menjajushhej global'nom kontekste [Middle East in the Changing Global Context] / pod red. V.G. Baranovskogo, V.V. Naumkina. Moskva, 2018. S. 180–230. (In Russ.)

Vasilenko A.I. Dolgoe jeha konflikta: pamjat' o "chernom desjatiletii" 1990-h godov v sovremennoj politicheskoj kul'ture Alzhira [The Lengthy Echo of Conflict: Memories of the 1990s "Black Decade" in the Contemporary Political Culture of Algeria] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija XXV. Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika [Moscow State University Bulletin. Series XXV. International Relations and World Politics]. 2019. № 11 (2). S. 171–200. (In Russ.)

Arroudj A. Voyage au cœur de la corruption algérienne // Le Figaro. 21.IX.2020.

Bendimerad S., Chibani A., Boussafi K. Boom associatif en Algérie: réalité ou illusion démocratique? // RECMA. 2019. № 354. P. 42–57.

Bennadji C. Algérie 2007: l'année des kamikazes et des élections manquées // L'Année du Maghreb. 2008. Vol. IV. P. 203–217.

Bogaards M. How to classify hybrid regimes? Defective democracy and electoral authoritarianism // Democratization. 2009. № 16 (2). P. 399–423.

Hachemaoui M. Clientélisme at patronage dans l'Algérie contemporaine. Paris, 2013.

Orus-Boudjema S. Algérie: qui sont les figures de Rachad, le mouvement islamiste accusé d'infiltrer le Hirak? // Jeune Afrique. 5.V.2021.

Repucci S., Slipowitz A. Freedom in the World 2022. The Global Expansion of Authoritarian Rule // Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2022/global-expansion-authoritarian-rule> (access date: 06.06.2022).

Tassadit Y. Virus et politique en Algérie // IEMed. 28.XI.2020.

Zoubir Y. The Algerian-Moroccan Rivalry. Constructing the Imagined Enemy // Shocks and Rivalries in the Middle East and North Africa. Georgetown, 2020. P. 179–200.

DOI: 10.31857/S013038640021366-0

© 2023 г. **Б.В. ДОЛГОВ**

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В КОНТЕКСТЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ конца 2010-х — начала 2020-х годов

Долгов Борис Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: dolgov.boris@list.ru

Scopus Author ID: 57208524408; ORCID: 0000-0001-6541-58624

Аннотация. В статье анализируется разнонаправленное развитие гражданского общества в 2000—2020-х годах в важнейших арабских странах Большого Ближнего Востока — Египте, Тунисе и Сирии. Основное внимание в исследовании концентрируется на выявлении специфических черт гражданской активности на примере деятельности различных исламских и исламистских организаций. Научный инструментарий, исходя из специфики поставленной задачи, включает совокупность методов, заимствованных из разных отраслей наук — истории, социологии, исламоведения и политологии, а источниковая база — обширный пласт материалов по гражданской активности в разных странах региона, а также интервью автора с политиками и общественными деятелями Египта, Туниса и Сирии. В статье выявляются и анализируются факторы, обусловившие активизацию гражданского общества и разнонаправленное развитие его субъектов в странах ближневосточного региона в период «арабской весны» и в ставших ее продолжением протестных выступлениях 2018—2020-х годов. Трансформации гражданского общества на арабском Ближнем Востоке (Египте, Тунисе и Сирии) рассматриваются в тесной взаимосвязи с новыми общественно-политическими явлениями в странах Запада на рубеже 2010-х и 2020-х годов и феноменом возрастающей общественно-политической субъектности мусульманских диаспор в Европе. В статье постулируется гипотеза о выдвижении стран-лидеров, оказывающих значительное влияние на исламистские субъекты гражданского общества на Ближнем Востоке, через воздействие которых «исламский проект» укрепляется в роли фактора, структурирующего гражданскую активность в ключевых арабских странах Ближнего Востока.

Ключевые слова: гражданское общество, Ближний Восток, Египет, Сирия, Тунис, протестные выступления, «арабская весна», общественные движения, диаспоры.

B.V. Dolgov

Civil Society in the Middle East During the Arab Spring and Socio-Political Transformations of the Late 2010s and Early 2020s

Boris Dolgov, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: dolgov.boris@list.ru

Scopus Author ID: 57208524408; ORCID: 0000-0001-6541-58624

Abstract. The paper analyses the development of civil society in the key Arab countries of the Greater Middle East — Egypt, Tunisia and Syria — through the 2000s and early 2020s. The research

mainly focuses on identifying specific features of civic activity developing by various Islamic and Islamist organizations. Methodologically the paper utilizes a set of methods borrowed from history, sociology, Islamic studies and political science. The source base of the research includes a wide range of primary materials on the civic activity in various countries of the region and the author's interviews conducted with politicians and public figures in Egypt, Tunisia and Syria. The author identifies and analyses the key factors that led to civil society activism and the multidirectional development of civil society organisations and activism in countries in the Middle East region during the "Arab Spring" and social protests of the late 2010s and early 2020s. He carefully examines the transformation of civil society in the Arab Middle East in close relation to new socio-political developments in the West in the 2010s and 2020s and the phenomenon of growing social and political subjectivity exhibited by Muslim diasporas in Europe. The article postulates the hypothesis of the emergence of leader countries with significant influence on Islamist civil society actors in the Middle East through whose influence the "Islamic project" is reinforced as a factor structuring civic engagement in key Arab states in the Middle East.

Keywords: civil society, Middle East, Egypt, Syria, Tunisia, protests, "Arab Spring", social movements, diasporas.

Период 2000-х и 2010-х годов во многом является переломным. Он характеризуется происходящими глобальными социально-политическими трансформациями, обусловленными в первую очередь тем, что мир оказался сложнее, чем представлялось после окончания холодной войны. Концепции «конца истории», «однополярного мира» и полной победы «либерально-демократической модели развития», выдвинутые тогда, оказались не соответствующими возникавшим новым реалиям. Они проявляются в изменении баланса сил на мировой арене, возникновении новых конфликтов в геополитике, кризисных явлениях в социально-экономической сфере и в институтах демократии и в роли гражданского общества как на Западе, так и в арабо-мусульманском мире, испытывающих существенное влияние Запада¹. Зрелое гражданское общество как объединение граждан, не приближенных к рычагам государственной власти, и совокупность добровольных, автономных и саморегулирующихся организаций самого разного толка (ассоциаций, фондов, профсоюзов, религиозных групп, социальных движений²) являются, согласно либеральной теории, одним из главных факторов формирования подлинной демократии, поскольку гражданский активизм противостоит недемократическим порядкам³ и служит мобилизации общества на борьбу с авторитарными тенденциями⁴. Либеральная модель гражданского общества отводит ему ключевую роль в сдерживании потенциальных злоупотреблений, обеспечении подотчетности власти и налаживании обратной связи между государством и обществом⁵ через воспитание культуры политического участия и обеспечение демократического плюрализма⁶.

¹ О концептуальных противоречиях либеральной и критической модели гражданского общества в исследовании этого феномена на Ближнем и Среднем Востоке см.: *Shlykov P.* Non-western model of civil society in the Middle Eastern context: Promises and discontents // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162. В статье используется расширенная трактовка региона Ближнего Востока как пространства от Северной Африки до Турции и Ирана, а также расположенных к югу от них арабских стран, что в традиции англоязычной научной литературы часто обозначается аббревиатурой MENA (Middle East and North Africa).

² *Diamond L.* Rethinking Civil Society: Toward Democratic Consolidation // *Journal of Democracy*. 1994. Vol. 5. Iss. 3. P. 4–17.

³ *Foley M.W., Edwards B.* The Paradox of Civil Society // *Journal of Democracy*. 1996. Vol. 7. Iss. 3. P. 38–52; *Civil society and government* / eds N.L. Rosenblum, R.C. Post. Princeton, 2002.

⁴ *Toepler S., Salamon L.M.* NGO development in Central and Eastern Europe: An empirical overview // *East European Quarterly*. 2003. Vol. 37. Iss. 3. P. 365–378; *Civil society and democracy in Latin America* / eds R. Feinberg, C.H. Waisman, L. Zamosc. New York, 2006. P. 45–51.

⁵ *Linz J.J., Stepan A.* Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and post-communist Europe. Baltimore, 1996. P. 7–15.

⁶ *Putnam R.D.* Making democracy work: civic traditions in modern Italy. Princeton, 1993. P. 116–119.

Понимание неправительственных организаций и в целом гражданского общества как ключевых элементов в процессах либерализации и укрепления демократии имеет длительную историю существования, об этом писал еще Алексис де Токвиль⁷. Классики современной политической науки Габриэль Алмонд и Сидней Верба также поддерживали идею прямой связи развития культуры гражданственности с расширением ареала либеральной демократии⁸. С доказательством этой закономерности выступал и Роберт Патнэм в своей книге «Чтобы демократия сработала»⁹. В то же время демократия в соответствии с концепцией Алексиса Токвиля — это не только определенная форма организации общества, но и соответствующий процесс, происходящий в нем. Йозеф Шумпетер и Уолт Уитмен Ростоу дополнили концепцию Токвиля, подчеркнув, что черты развитой демократии наполняются реальным содержанием только в условиях сложившегося гражданского общества. А именно при активном и осознанном участии в общественно-политической жизни своеобразной «критической массы» граждан, обладающих определенным уровнем интеллектуально-духовного развития, гражданским самосознанием, образованием, соответствующим менталитетом и политической культурой, а также достаточной материальной обеспеченностью. Если таких условий в обществе нет, то при формальном наличии всех государственно-демократических институтов такой режим может оставаться авторитарным с элементами «управляемой» или «квазидемократии», что в известной мере имеет место в ряде стран как на Большом Ближнем Востоке¹⁰, так и в других регионах. Тем не менее гражданского общества, полностью отвечающего данным критериям, вероятно, нет ни в одной стране мира, так как нет нигде идеального социума и той «критической массы» граждан, которая способствовала бы формированию соответствующего всем необходимым условиям гражданского общества.

Глобальные социально-политические трансформации постбиполярного мира проявили себя прежде всего в кризисных социально-экономических и политических явлениях как в Западном мире, так и в других регионах, в том числе в ближневосточном.

Что касается стран арабо-мусульманского мира, то в последние десятилетия в них сформировались демократически ориентированные элементы гражданского общества. Свидетельством этому стали такие явления, как протестные выступления «арабской весны» 2010–2013 гг. и их продолжения в 2018–2020-х годах, которые можно рассматривать как проявление активности гражданских обществ в арабских странах. Отличительной чертой «арабской весны» являлось то, что на начальном этапе ее движущей силой выступали не политические партии, а диссидентски настроенная молодежь, выступившая наиболее активной частью гражданского общества. Ее представители были блогерами и журналистами, активными пользователями Интернета и социальных сетей, призывавшими на манифестации тысячи своих сверстников-сторонников. В Тунисе таким был Слим Амаму, работавший с веб-системами в компании Alixus и имевший возможность обращаться к 20 тысячам пользователей Интернета. В постреволюционном Тунисе он стал министром по делам молодежи и спорта. В Египте — это Ваэль Гуним, сотрудник компании Google, создавший свой сайт «Мы все Халиды Саиды» в память египетского молодежного лидера, блоггера, забитого насмерть полицейскими в Александрии¹¹. Протестные манифестации «арабской весны» в итоге привели к крушению правивших десятилетиями режимов в ряде арабских стран, подъему движений политического ислама и

⁷ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 2000. С. 143–316; Woldring H.E.S. State and Civil Society in the Political Philosophy of Alexis de Tocqueville // Voluntas: International Journal of Voluntary and Non-profit Organizations. 1998. Vol. 9. Iss. 4. P. 363–373.

⁸ Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton (N.J.), 1963.

⁹ Putnam R.D. Op. cit.

¹⁰ Shlykov P. Non-western model...

¹¹ Долгов Б.В. Арабо-мусульманское сообщество во Франции: исламская идентификация и светская демократия (1980–2016 годы). М., 2017. С. 8.

возникновению новых конфликтов. Результатом продолжения вызванных «арабской весной» процессов, затронувших в разной степени практически все арабские страны в 2018–2020-х годах, стала смена правительств в Алжире, Судане, Ливане, Ираке, Тунисе, происходившие также на фоне социальных протестов. Важным событием в арабо-мусульманском мире стал уход возглавляемых США сил Международной коалиции из Афганистана в 2021 г. и приход к власти исламистского движения Талибан, с которым данная коалиция безуспешно боролась в течение 20 лет.

Гражданское общество в ключевых арабских странах Большого Ближнего Востока — Египте, Тунисе и Сирии, равно как и в других мусульманских странах, — это различные общественные организации, в том числе исламской направленности. Причем во всех подобных организациях, как и в обществе в целом, исламский фактор играет важную роль, так как для большинства граждан мусульманских стран ислам — это не только религия, а образ жизни, что, естественно, влияет и на общественно-политическую практику. Исламский фактор выступает главным двигателем развития гражданского общества в мусульманских странах. События «арабской весны» представляли собой наиболее яркое проявление активности гражданского общества, прежде всего в Тунисе, Египте (также на Бахрейне). В Сирии (как и в Ливии) важным фактором возникновения гражданского конфликта стала активная поддержка исламистских сил внешними акторами. Если на первом этапе «арабской весны» многие демократически ориентированные организации гражданского общества выступали с общедемократическими лозунгами, то впоследствии инициатива перешла к исламистским силам, как умеренным, так и радикальным, которые усилили свое влияние на общественные настроения и общественно-политический процесс в целом. Соответственно, произошла и некая трансформация в гражданских обществах, в которых также усиливалось влияние «исламского проекта».

В Сирии в 2000-е годы новое сирийское руководство во главе с Башаром Асадом, избранным президентом в 2000 г. после смерти его отца Хафеза Асада, стремилось решать назревшие в обществе проблемы. Это касалось прежде всего мер по демократизации экономической и общественно-политической жизни, получивших название «сирийская весна».

По инициативе президента Б. Асада была провозглашена политика «открытости и гласности», направленная на демократизацию политической жизни. Был предпринят также ряд мер по развитию рыночной экономики, которые способствовали расширению участия частного бизнеса в экономической и финансово-банковской сфере. В то же время очевидно, что стимулирование свободного рынка наряду с определенным положительным эффектом имело свои негативные результаты: рост безработицы в связи с сокращением рабочих мест в ходе приватизации предприятий и повышения их рентабельности, повышение цен и, как следствие, увеличение числа неимущих в процессе расслоения общества, что вело к усилению социальной напряженности. Все это в значительной степени имело место в Сирии. Тем не менее социально-экономическая ситуация в Сирии в 2010-х годах отличалась в лучшую сторону по сравнению со многими арабскими странами, затронутыми «арабской весной», и прежде всего с Тунисом и Египтом, где имел место социально-экономический кризис. Таким образом, можно констатировать, что сама по себе внутренняя ситуация в стране не могла вызвать в сирийском обществе масштабный внутренний конфликт и вооруженное противостояние. Так, по данным МВФ на 2010 г., ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в Сирии (GDP per capita) составлял 5260 долл.¹², что выше показателей многих арабских стран. При этом видные западные эксперты определяли сирийскую экономику до начала конфликта как наиболее динамично развивавшуюся в регионе «с ежегодным ростом ВВП 5–6%»¹³. Уровень

¹² Syria GDP // Trading economics. URL: <https://tradingeconomics.com/syria/gdp> (дата обращения: 29.01.2013).

¹³ Raimbaud M. Tempête sur le Grand Moyen-Orient. Paris, 2015. P. 359.

безработицы хотя и повысился с 8,4% в 2010 г. до 14% в 2011 г.¹⁴, тем не менее оставался ниже, чем в Тунисе и Египте. В то же время в Сирии было достаточно развито профсоюзное движение как реальный элемент гражданского общества и, соответственно, действовала социальная защищенность широких слоев населения. Профсоюзные комитеты функционировали (и продолжают функционировать в условиях военных действий) практически на всех предприятиях государственного и частного сектора, в том числе сельскохозяйственных, работники которых получают профсоюзную социальную защиту наряду с промышленными рабочими. Важной частью сирийского гражданского общества являлись творческие объединения сирийских театральных деятелей, кинематографистов, литераторов. При этом Союз сирийских писателей (точное его название — Союз арабских писателей) является известным и уважаемым объединением литераторов не только в Сирии, но и в других арабских странах. Как подтвердил председатель Союза сирийских писателей Нидаль ас-Салих в беседе с автором, «Союз имеет возможность, несмотря на военные действия и экономические трудности, при поддержке государства издавать свою газету и четыре журнала по различным направлениям — арабская, сирийская и мировая литература, современная политика, сирийское культурное наследие»¹⁵. Такое внимание и поддержка со стороны сирийских властей демонстрируют их понимание важной роли творческой интеллигенции в становлении гражданского общества и демократического развития социума в целом.

На волне демократизации в Сирии стали формироваться независимые общественно-политические организации, получившие название «форумы национального диалога», символизировавшие собой дальнейшее развитие сирийского гражданского общества. Всего в Сирии в 2000-х годах было создано более 20 форумов, в которых участвовали сотни представителей сирийской интеллигенции, в основном творческой и гуманитарной. Такие руководители форумов, как Рияд Турк и Рияд Сейф, стоявшие на либерально-демократических позициях, пытались превратить их в политические партии. Участники форумов писали петиции и воззвания к властям с требованием дальнейшей демократизации, как, например, известная «Петиция 99», которые публиковались, как правило, за пределами Сирии. Свои форумы создавали и общественно-политические деятели, исповедовавшие левые и социалистические идеи. Так, например, Халиль Матук, разделявший позиции сирийских коммунистов, сформировал «Форум культуры и прав человека». В свою очередь представители курдской общины стали заявлять о необходимости предоставления им больших прав. Ожилились также сирийские «Братья-мусульмане» (БМ)¹⁶, деятельность которых была запрещена после организации ими антиправительственных

¹⁴ Bulletin of labor force 2010 // Central Bureau of Statistics, 29.01.2013. URL: <https://www.cbssyr.org/> (дата обращения: 29.01.2013).

¹⁵ Беседа с Нидалем ас-Салихом. 19.11.2015, Дамаск (из архива автора).

¹⁶ Ассоциация «Братья-мусульмане» (БМ) была создана в Египте в 1928 г. шейхом Хасаном аль-Банни. БМ стали одной из наиболее влиятельных и массовых исламистских организаций арабо-мусульманского мира. Доктрина БМ, сформулированная ее основателем Хасаном аль-Банни, впоследствии была развита рядом других исламистских идеологов (Сейид Кутб, Мустафа ас-Сибай). Конечной целью деятельности БМ провозглашалось построение «справедливого исламского общества», основанного на принципах ислама. К достижению этой цели, согласно заявлениям БМ, ведет «исламский путь развития», противопоставляемый как капиталистическому, так и социалистическому. Ассоциация БМ прошла сложный путь развития от благотворительной и просветительской деятельности до активного участия в политической жизни с широким применением методов террора. В Сирии БМ стали активно действовать с 1960-х годов, вовлекая в свои ряды в основном через мечети и студенческую молодежь, и школьников старших классов. Система подготовки новых членов предусматривала изучение в первые два-три года трудов основателей движения Хасана аль-Банни и Сейида Кутба. После этого в специальных лагерях на северо-западе Сирии или за рубежом их обучали умению обращаться с оружием. БМ соблюдали строгую конспирацию. Каждый их член знал лишь тех лиц, кто входил в его ячейку («семью»), как правило, не превышавшую 3–5 человек (Ислам. М., 1983. С. 67; *Пир-Будагова Э.П.* История Сирии. XX век. М., 2015. С. 239).

выступлений в 1980-х годах и вооруженного мятежа в городе Хама. В 2002 г. БМ провели свой съезд в Лондоне и опубликовали воззвание, призывающее к политической борьбе в Сирии.

Наметившаяся тенденция на демократизацию общественно-политической жизни в Сирии давала возможность оппозиционным лидерам и другим представителям гражданского общества действовать более активно и предлагать решения назревших в обществе проблем. Вместе с тем в ряде независимых форумов и оппозиционных политических организаций началась острая критика правления президента Хафеза Асада, а также действующего режима, что негативно сказалось на возможности диалога оппозиции с властями. Так, Али Абдалла аль-Ахмед, представитель одной из оппозиционных групп, возглавлявшейся известным деятелем либеральной оппозиции Мишелем Кило, заявил в беседе с автором, что сирийская оппозиция упустила время, когда можно было политическим путем осуществить реформы по демократизации государственной системы. Оппозиционеры увлеклись жесткой критикой режима, в их среде возобладала внутренняя борьба, связанная с личными амбициями. В настоящее время «их никто не будет слушать, а судьба Сирии решается на поле боя»¹⁷.

Башар Асад в ответ на петиции оппозиции заявлял, что Сирия пойдет по пути поэтапных реформ и демократизации, но не будет выполнять требования отдельных лиц, не представляющих мнение большинства народа. Таким образом, «сирийская весна» 2000-х годов не получила развития, чему способствовала к тому же позиция представителей «старой гвардии» Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ). Руководство Сирии также правомерно опасалось, что ускоренное проведение радикальных реформ может привести к дестабилизации режима и распаду страны, что к тому времени продемонстрировали на своем опыте бывшие СССР, Чехословакия и Югославия. В дальнейшем поддержка сирийской исламистской оппозиции в основном такими внешними акторами, как США, Израиль, Турция и Катар¹⁸, стала главной причиной сирийского конфликта, продолжающегося до настоящего времени.

В Тунисе социальный протест, положивший начало «арабской весне», вылился в 2010–2011 гг. в массовые демонстрации и столкновения с полицией в ряде городов. В них в основном участвовала безработная молодежь, выступавшая с требованиями решения острых социально-экономических проблем, а также против коррумпированного репрессивного режима президента Бен Али, который французские исследователи характеризовали как «авторитарный синдром»¹⁹. Она, по сути, являлась главной движущей силой протестного движения и активной составляющей тунисского гражданского общества. Отличительной чертой этой категории безработных было то, что многие из них были дипломированными специалистами, но не имели возможности найти свою нишу в сложившейся экономической ситуации. Общее число безработных, среди которых преобладали лица моложе 35 лет, в самостоятельном населении Туниса к 2010 г. достигало 17%. В то же время среди дипломированных выпускников вузов безработные составляли до 30%, а по неофициальным данным — до 50%²⁰.

Что касается исламистского движения, то в протестных манифестациях в Тунисе в 2010–2011 гг. оно не являлось главной движущей силой. Тем не менее в этот период в Тунисе, как и в других арабских странах, в гражданском обществе усиливалось влияние исламистской идеологии. Причем это проявлялось в самых разных формах. Так, например, в появлявшихся на улицах Туниса девушках в хиджабе часть тунисских исследователей

¹⁷ Беседа с Али Абдаллой аль-Ахмедом. 20.11.2015. Дамаск (из архива автора).

¹⁸ *Пир-Будагова Э.П.* Указ. соч. С. 6.

¹⁹ *Cataui M., Geiser V.* Le Syndrome autoritaire. Politique en Tunisie de Bourguiba à Ben Ali. Paris, 2003. P. 24

²⁰ *Аль-Хасан Аши.* Хабир иктисадый фи марказ карниги ли-ш-шарк аль-авсат фи бейрут. Ат-Тах-лиль аль-иктисадый ли-ль-битала фи тунис (Эксперт по экономике Центра Карнеги для Ближнего Востока в Бейруте. Экономический анализ безработицы в Тунисе) // Сахифат аль-хаят. 27.XII.2010.

видела «облачка, предвещающие грозу». Это явление само по себе не означало подъема исламизма, и тем не менее политолог Калифа Шатер назвал его в беседе с автором этих строк «спящим исламизмом, который может в какой-то момент проснуться»²¹.

После свержения в 2011 г. в ходе протестных манифестаций «арабской весны» в Тунисе режима президента Бен Али, в результате первых действительно свободных парламентских выборов правящей стала исламистская партия «Нахда», получив 40,1% голосов избирателей²² и завоевавшая, таким образом, наибольшее число депутатских мест — 90 (из общего числа 217). Премьер-министром стал представитель «Нахды» Хамади Джебали.

Поддержка значительной частью населения партии «Нахда» объяснялась во многом тем, что она предлагала путь развития, основанный на исповедуемых большинством населения традиционных исламских ценностях и, как считали голосовавшие за нее, альтернативный тому, что реализовывал обанкротившийся коррумпированный режим Бен Али. Немаловажным фактором победы «Нахды» стала развернутая ею широкая пропагандистская кампания, направленная на все слои населения Туниса, создание своих организаций в качестве ячеек достаточно слабо развитого на тот период гражданского общества, умелое использование современных технологий и методов политической борьбы, а также значительные финансовые возможности «Нахды», которую активно поддерживали Турция и Катар. Наряду с этим голосование за исламистов части населения было обусловлено также тем, что в них видели силу, реально борющуюся с диктаторским режимом, и своеобразных мучеников, пострадавших от его репрессий. Так, тунисский писатель и общественно-политический деятель, член политического блока «Народный фронт» Абдалла Ахмед подтверждал в беседе с автором, что многие тунисцы голосовали за кандидатов «Нахды» «не потому, что разделяли их идеологию “политического ислама”, а потому, что видели в них подлинных борцов с коррумпированным диктаторским режимом Бен Али»²³.

Тем не менее исламизация общественно-политической жизни Туниса, которую стало проводить руководство «Нахды», его неспособность решить острые социально-экономические проблемы и имевшие место акты политического терроризма со стороны радикальных исламистов вызвали массовые антиисламистские манифестации. В результате возникшего политического кризиса в 2013 г. представители «Нахды» вынуждены были отказаться от власти, а новым президентом Туниса был избран лидер демократически ориентированной партии «Призыв Туниса» Беджи Каид ас-Себси.

В Египте, где сформировалось и пользовалось значительным влиянием движение БМ, его руководство большое внимание уделяло созданию горизонтальной сети, включавшей в себя политические структуры, благотворительные организации, мечети, различные объединения по профессиям, возрасту, интересам. Таким образом, БМ пытались создать некую модель «исламского государства» на уровне гражданского общества. В организации БМ сочетались принципы построения суфийских орденов и современной политической партии. Основатель БМ Хасан аль-Банна характеризовал свое движение как «основанное на салафизме, суфизме, суннитском пути и социальной идее под лозунгом: Аллах — наш идеал, Пророк — наш вождь, Коран — наша конституция»²⁴. Данный лозунг в период «арабской весны» после краха в Египте в 2011 г. режима президента Мубарака почти дословно повторил ставленник БМ Мухаммед Мурси перед президентскими выборами в июне 2012 г. На них он стал президентом Египта в результате действительно свободного волеизъявления граждан. После своей победы на выборах Мурси отказался от членства в организации БМ и объявил себя «президентом всех египтян». Однако исламизация

²¹ Беседа с проф. Калифой Шатером. Тунис. 20 октября 2009 г. (из архива автора).

²² На парламентских выборах в Тунисе победили исламисты // BBC News, 27.10.2011. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2011/10/111027_tunisia_elections_results (дата обращения: 28.10.2011).

²³ Беседа с г-ном Абдаллой Ахмедом. 30.10.2015, Тунис (из архива автора).

²⁴ Hasan Al-Banna (1906–1949) // Islam Times, 28.04.2009. URL: <https://www.islamtimes.org/en/article/3884/hasan-al-banna-1906-1949> (дата обращения: 30.04.2009).

египетской общественно-политической жизни, предпринятая руководством Мурси, наряду с обострением социально-экономических проблем и осложнением ситуации с общественной безопасностью, провоцировала обеспокоенность и протест значительной части населения. Наряду с этим острую полемику и противостояние в гражданском обществе вызвал проект новой конституции, в частности статьи о положении женщин и указание на Аль-Азхар (наиболее известный в исламском мире мусульманский университет) как на «главный источник законодательной базы». Результатом усиливавшихся протестов явилось отстранение в 2013 г. Мурси от власти армией, действия которой, за исключением БМ, поддерживали все политические партии, муфтий Египта и коптский патриарх. Президентом Египта в мае 2014 г. стал бывший министр обороны Абдель Фаттах ас-Сиси. В соответствии с новой Конституцией, принятой в 2014 г., БМ были объявлены террористической организацией, а их деятельность запрещена. Тем не менее радикальные группировки БМ продолжали террористические акции и нападения на государственные структуры, в частности в районе Синайского полуострова, где египетская армия проводила против БМ контртеррористическую операцию.

Основными причинами массовых протестов в арабских странах как в период «арабской весны», так и на рубеже 2010–2020-х годов, наряду с исторически обусловленными особенностями для каждой страны и внешними факторами, являлись внутренние кризисные явления. В наибольшей степени арабский кризис проявлялся в деградации экономической и социальной сфер, а именно: ростом безработицы, особенно среди молодежи, и, соответственно, отсутствием у большей ее части жизненных перспектив и возможностей создания семьи, снижением уровня и качества жизни значительной части населения²⁵ на фоне растущего расслоения общества. Важным фактором нарастания протестных настроений являлась коррупция и nepотизм десятки лет стоявших у власти правящих элит и приближенных к ним кланов, владевших большей частью производимого национального продукта, всевластие и произвол полицейского аппарата и отсутствие реальных демократических свобод при формальном их провозглашении. Значительную роль в возникновении протестных движений играл также демографический фактор, так как в большинстве арабских стран молодежь в возрасте до 30 лет составляет до 50% населения. Именно молодые безработные, зачастую получившие высшее образование, но не имевшие возможности найти работу, составляли основу движущих сил протестных движений, в частности, в Тунисе и в Египте. Исламистские лидеры достаточно умело использовали социально-экономический кризис для распространения своих идеологических доктрин. Так, лидер алжирского Исламского фронта спасения Аббаси Мадани утверждал, что «либерализм способствовал формированию общества, где проповедуется эгоизм и неограниченная свобода. В таких условиях человек может предаться самым низменным страстям, присущим его животной природе и инстинктам. Тем самым общество, в котором он существует, обрекается на деградацию и смуту». На основании этого делался вывод о необходимости и неизбежности выработки «исламской альтернативы». Исламистские идеологи заявляли, что они «выполняют священную миссию и волю Аллаха, и построенное ими исламское государство будет подлинным результатом исторического развития, а не воспроизведением какой-либо импортированной модели общества»²⁶. В свою очередь алжирский писатель, журналист и политолог Мухаммед Шафик Месбах, работавший в Центре политических исследований при администрации президента Алжира, утверждал, что «радикальный исламизм исчезнет, если демократическая государственная система сумеет разрешить социально-экономические проблемы»²⁷.

²⁵ Посол Египта в РФ на своей пресс-конференции в информационном агентстве «Россия сегодня» в июле 2013 г. подтвердил, что до 40% населения Египта жило на доход, составлявший менее 2 долл. в день, и существовало только благодаря субсидиям государства на продовольственные товары.

²⁶ Мадани А. Азamat аль-фикр аль-хадис ва мубаррират аль-халль аль-ислами. Алжир, 1989. С. 12.

²⁷ Mesbah M.C. Problématique Algérie. Le Soir d'Algérie, Alger, 2009. P. 284.

В то же время кризисные явления в арабском мире в известной мере можно рассматривать как следствие или часть глобального кризиса, который затронул в том числе и наиболее экономически развитые страны Запада. Социально-экономические проблемы в XXI в. обострились в ведущих странах Запада, что вело к размыванию среднего класса и, соответственно, провоцировало усиление социальной напряженности. Вместе с тем в США наблюдались элементы размежевания и в определенной степени противостояния различных слоев общества как по политико-идеологическому, так и по расовому признаку. Наиболее ярким примером такого рода явлений стала президентская кампания в США в 2020 г., характеризовавшаяся небывалыми в истории Америки протестными манифестациями. Их апофеозом явился штурм Капитолия сторонниками президента Д. Трампа, во время которого погибло несколько его участников, а также подъем движения «Жизни черных имеют значение» (Black Lives Matter), также приведший к жертвам. В результате были задержаны и привлечены к судебной ответственности более тысячи участников протестов, расследованию которых Конгресс США посвятил специальные слушания. Президент Д. Трамп оказался фактически отстранен от власти в ходе беспрецедентной кампании, организованной против него со стороны ведущих американских массмедиа, и открытого давления на сторонников Д. Трампа. Президентом был избран Д. Байден, и тем не менее Д. Трамп, чей рейтинг среди американцев остается достаточно высоким, продолжает оспаривать данные результаты, что свидетельствует об определенном расколе в американском гражданском обществе.

Протестные движения, обусловленные социально-экономическими проблемами, имели место в Западной Европе. Наиболее массовым и длительным из них стало поддержанное в других европейских странах движение «желтых жилетов» во Франции, в ходе которого также имелись убитые и раненые. В Европе кризисные явления, провоцирующие рост безработицы, возникновение слоя «новых бедных», усугубленные коронавирусом, обострились из-за роста влияния радикального исламизма в мусульманской иммигрантской среде и непрекращающихся террористических актов. Это провоцировало определенную дестабилизацию и изменение настроений в гражданском обществе, на которые все большее влияние оказывали партии популистского и националистического толка.

Что касается социально-экономических проблем на Западе, то они обусловлены как периодическими мировыми финансово-экономическими кризисами, так и таким явлением, как деиндустриализация. Речь идет о выводе индустриальных производств из стран ЕС и США в регионы, где рабочая сила дешевле и, соответственно, прибыли национальных и транснациональных корпораций выше. Ярким примером такой тенденции стало объявление дефолта столицей американской автомобильной промышленности Детройтом, из которого производственные мощности были выведены за пределы США, что привело к значительному сокращению городского бюджета, и городские власти не имели возможности содержать в надлежащем состоянии городскую инфраструктуру. Аналогичные явления происходили в странах ЕС. Так, например, во Франции знаменитый «красный пояс» Парижа, т.е. индустриальные пригороды, где находились промышленные предприятия и проживали рабочие с семьями, прекратил существование. Данные предприятия переведены за пределы Франции, их работники разъехались, а их место заняли многочисленные мигранты и их последующие поколения, что также привело к определенной деградации как коммунальной инфраструктуры, так и районов в целом. Автор наблюдал такое явление в районе Парижа, где находился завод по производству автомобилей «Ситроен». В 2014 г. на его месте был разбит обширный парк, что само по себе позитивно. Тем не менее 50 тыс. бывших рабочих завода пополнили армию французских безработных.

В настоящее время значительную часть ВВП стран Запада создает финансово-банковский сектор и сфера услуг. В этой связи необходимо уточнить, что деиндустриализация в меньшей степени затронула предприятия военно-промышленного комплекса (ВПК) и сектора высоких технологий. При этом лоббисты ВПК в правительственных структурах

Запада продвигают принятие таких решений, в частности во внешней политике, которые ведут к нагнетанию конфликтности в мире, следствием чего имеет место наращивание вооружений и, соответственно, рост прибылей ВПК. Этим в значительной степени объяснялись антироссийские санкции и пропагандистская кампания, развязанная на Западе, начиная с 2014 г. в связи с воссоединением Крыма с Россией, так называемым «делом Скрипалей», конфликтами в Сирии, Ливии и в особенности на Украине. Важно отметить, что к звучавшим на Западе заявлениям о «русской угрозе» тем не менее не присоединилась ни одна арабская страна.

В то же время вышеуказанные отрасли европейской экономики, особенно в связи с развитием новейших технологий и роботизации производства, оказались неспособными создать достаточное количество рабочих мест с тем, чтобы в какой-то степени снизить уровень безработицы. Данная проблема в рамках существующей общественно-экономической модели остается нерешаемой и, соответственно, перманентно может провоцировать социальную напряженность.

Важным фактором становится присутствие в Европе значительных и постоянно растущих численно иммигрантских мусульманских сообществ. Причем, с одной стороны, они продолжают оставаться частью арабо-мусульманского мира и, следовательно, его гражданского общества. С другой стороны, часть европейских мусульманских сообществ представляют собой достаточно активный элемент европейского гражданского общества. При этом усиливается их активность в экономической и социально-политической, а также в культурно-религиозной сферах. Все более значительную роль в ней играет ислам в условиях определенного ослабления традиционной христианской религии. В особенности данные процессы проявляют себя во Франции, где существует самое многочисленное в ЕС арабо-мусульманское сообщество, составляющее более 10% населения Франции. При этом мусульманская община со всеми присущими ей противоречиями и проблемами стала интегральной частью французского социума, и, соответственно, ислам превратился в неотъемлемый элемент его сознания и культуры²⁸. Причем это касается и достаточно радикально настроенной части французских мусульман. Так, в городе Рубэ на северо-востоке Франции в мечети при местной мусульманской общине, исповедующей салафизм, ее имам в интервью французскому телеканалу высказался положительно по поводу возможности «принятия во Франции законов шариата и предусмотренных им телесных наказаний, когда мусульмане во Франции станут большинством населения»²⁹. Естественно, это вызвало резкие протесты во французских СМИ и в обществе в целом. Негативные настроения усилились после целой серии террористических актов во Франции в 2015–2022 гг., в результате которых пострадали сотни французских граждан. При этом необходимо отметить, что все организации французского мусульманского сообщества решительно осудили данные террористические акты, после которых французские власти предприняли ряд мер по усилению общественной безопасности. В то же время были организованы дискуссии о месте и роли ислама во Франции, в которых приняли участие представители научного востоковедного сообщества, общественно-политических, религиозных организаций как мусульманских, христианских, так и других конфессий.

В поддержку республиканских ценностей высказывалось немало общественно-политических организаций, выступавших против попыток «исламизации Франции». В свою очередь в мае 2021 г. более 200 отставных офицеров французской армии и бывших руководителей французских силовых структур направили открытое письмо президенту Э. Макрону. В нем они подвергли критике неспособность властей эффективно бороться с радикальным исламом. В их поддержку выступила часть действующих военных, также написавших письмо президенту Франции, в котором говорилось о «бандах преступников

²⁸ Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны» 2011–2016: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. М., 2017. С. 154.

²⁹ *Kepele J. Passion française. Paris, 2014. P. 149.*

и исламистов, орудующих на окраинах французских городов, провоцирующих угрозу гражданской войны»³⁰. Данные процессы имели тенденцию к продолжению, что обусловило усиление исламофобии как реакции части французских граждан на их проявление. Это в свою очередь привело к определенному размежеванию во французском гражданском обществе. В этой связи необходимо отметить, что многие представители арабо-мусульманских диаспор в странах Запада, в том числе исповедующие исламистские идеи, являются частью западного гражданского общества. В то же время они представляют часть гражданского общества стран, откуда они или их предыдущие поколения прибыли (например, во Франции член парламента — тунисец, имеющий французское гражданство, одновременно является активным членом исламистской партии «Нахда» в Тунисе). Поэтому все социально-экономические процессы, происходящие в странах Запада, где существуют влиятельные и многочисленные арабо-мусульманские диаспоры, соответственно, оказывают существенное воздействие на развитие гражданского общества в странах Ближнего Востока.

Кризисные явления в странах Запада оказывают влияние на их социумы и, естественно, на общества в других регионах мира. Западная общественно-экономическая модель, несмотря на продолжающееся относительное лидерство по уровню жизни и в научно-технологическом плане, теряет тем не менее привлекательность как идеал гражданского общества и демократии, которым он позиционировал себя на протяжении десятков лет. В странах, воспринимавших Запад как такой идеал, происходит его переоценка и, как следствие, трансформация общественного сознания и модели гражданского общества, для которых все больший вес приобретают традиционные национально-культурные ценности.

К началу 2020-х годов в арабских странах, наряду с подавлением радикальных исламистских сил, наблюдается попытка движений политического ислама провозглашать в качестве модели развития мусульманских обществ основанный на религиозных канонах «исламский проект», в котором присутствует концепция «исламской демократии».

Так, в Тунисе руководство партии «Нахда», исповедовавшей исламистскую доктрину, близкую концепциям БМ, провозгласило в 2016 г. на своем X съезде радикальную трансформацию своей идеологии и переход к демократическим принципам. Лидер «Нахды» Рашид Ганнуши, видный деятель исламистского движения, заявил, что «политическому исламу нет больше оправдания в Тунисе и «Нахда» является политической, демократической и гражданской партией»³¹. Вместе с тем многие исследователи как в Тунисе, так и за рубежом восприняли эти заявления как тактический ход, обусловленный изменившейся внутренней и внешней политической ситуацией. Тем не менее часть известных западных экспертов, таких как Жак Хунтзингер, считали, что «Нахда» «восприняла, в отличие от египетских “братьев-мусульман”, необходимость глубокой идеологической ревизии политического ислама так, как только в этом случае возможна совместимость ислама с демократией»³².

В то же время в Тунисе правительство президента Каиса Саида, избранного в 2019 г. после кончины его предшественника президента Беджи Каида ас-Себси, не смогло разрешить обострившиеся социально-экономические проблемы в стране. В свою очередь руководство «Нахды», провозгласившее отказ от радикальных исламистских концепций и приверженность идее «исламской демократии», в достаточной мере усилило свое влияние в части тунисского гражданского общества. Свидетельством этому стало получение

³⁰ Euronews, 10.05.2021 // URL: <https://www.euronews.com/2021/05/10> (дата обращения: 11.05.2021).

³¹ Ribadeau L. Congrès d'Ennahda en Tunisie: la fin de l'islam politique? // France Info, 21.05.2016. URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/afrique/tunisie/congres-dennahda-en-tunisie-la-fin-de-lislam-politique_3063449.html (дата обращения: 23.05.2016).

³² Huntzinger J. Les printemps arabes et le religieux. La secularisation de l'islam. Paris, 2014. P. 86.

представителями «Нахды» большинства депутатских мест в парламенте и избрание ее лидера Рашида Ганнуши в 2019 г. спикером парламента.

В июле 2021 г. в ответ на начавшиеся в Тунисе протестные выступления, участники которых обвиняли правительство и парламент в неспособности разрешить социально-экономический кризис, усугубленный пандемией коронавируса, президент Каис Саид, поддержанный силовыми структурами и армией, отправил в отставку премьер-министра, приостановил деятельность парламента и лишил его членов парламентской неприкосновенности. При этом Каис Саид фактически сосредоточил в своих руках все властные полномочия. Тем не менее он отмечал временный характер данных мер и подтверждал проведение «национального диалога» и политических реформ, в том числе внесения изменений в действующую с 2014 г. конституцию Туниса. В свою очередь лидер «Нахды» Рашид Ганнуши объявил решение президента «попыткой государственного переворота» и призвал своих сторонников выступить в поддержку «Нахды». Начавшиеся протестные манифестации, в которых участвовали тысячи тунисцев, сопровождались столкновениями сторонников и противников «Нахды».

После массовых протестов Каис Саид в конце сентября 2021 г. назначил главой нового правительства Наджлу Буден, занимавшую ранее пост генерального директора в тунисском министерстве высшего образования, и поручил ей сформировать новое правительство. Необходимо отметить, что, заняв пост главы правительства, Наджла Буден стала первой женщиной премьер-министром как в истории Туниса, так и в истории всех арабских стран. Тем не менее руководство «Нахды» заявило, что назначение премьер-министра декретом президента является нарушением действующей конституции, в соответствии с которой это назначение должно быть одобрено парламентом, и призвало Каиса Саида вернуться к «демократическому правлению» и проведению досрочных парламентских и президентских выборов.

Обострение политической ситуации в Тунисе в 2021 г. стало во многом следствием продолжающихся кризисных тенденций в социально-экономической сфере, усугубленных пандемией коронавируса: коррупции во властных структурах на фоне падения ВВП, усиливающейся инфляции, роста безработицы, официальный уровень которой достигает 18%³³, хотя в реальности он выше, особенно среди молодежи. Данные факторы спровоцировали снижение уровня жизни тунисских граждан, нарастание социальной напряженности и размежевание в тунисском гражданском обществе, где стало усиливаться влияние сторонников «исламской демократии». В такой обстановке возможность «Нахды» восстановить и укрепить свои позиции во власти вполне реализуема и во многом зависит от того, в какой степени тунисским властям удастся добиться результатов в борьбе с коррупцией и улучшении социально-экономической ситуации.

В то же время на Ближнем Востоке происходит процесс выдвижения новых стран-лидеров, претендующих не только на статус региональных центров силы, но и на свою активную роль в глобальной политике и идейно-политическом пространстве. Примером данного процесса является Турция, в которой с приходом к власти Партии справедливости и развития Р. Эрдогана в 2002 г. активизировался процесс десекуляризации государственных и общественных институтов и общественно-политической жизни³⁴. Во время «арабской весны» Турция активно включилась в поддержку движений политического ислама в ряде арабских стран и в других регионах³⁵, трансформируя его в своего рода государственный политический ислам и используя для продвижения своих интересов. В то же время турецкое руководство позиционирует себя в качестве лидера исламского

³³ Долгов Б.В. Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970–2020-е гг. М., 2022. С. 252.

³⁴ Shlykov P. The Secularization and Desecularization Nexus in the Turkish Context: What is behind? // *Politics and Religion Journal*. 2019. Vol. 13. № 2. P. 199–236.

³⁵ См.: Шлыков П. Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны» // Перспективы. 17/12/2012. URL: https://www.perspektivy.info/book/blizhnevostochnaja_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm (дата обращения: 18.12.2012).

мира³⁶, что признают и многие известные деятели политического ислама. Так, упоминавшийся выше видный идеолог политического ислама Рашид Ганнуши, проводивший в 2010-е годы в Стамбуле переговоры с президентом Эрдоганом, заявлял, что «после разгрома диктаторами “арабской весны” именно Турция под руководством Эрдогана стала лидером исламского мира»³⁷.

Вместе с тем Турция активно проводит политику неоосманизма и воссоздания так называемого «Великого Турана», сформировав под своей эгидой Организацию тюркских государств и создавая военно-политическую структуру «Армия Турана». Причем представители протурецких политических сил в этих государствах делают заявления о том, что «ислам является последней надеждой человечества во тьме глобализма и либерализма»³⁸. При этом необходимо отметить, что значительная часть турецкого политического истеблишмента, как и гражданского общества, поддерживают как внутреннюю, так и внешнюю политику руководства Турции. Это обусловлено как вышеуказанной исламизацией общественно-политической жизни и созданием соответствующих политических и экономических структур, так и существующей у части турецкого общества ностальгии по периоду Османской империи.

В свою очередь Сирия после подавления в основном радикальных исламистских группировок и освобождения от них более 90% территории страны предлагает вариант развития, основанный на новой конституции, принятой в 2012 г. В ней уже отсутствует статья о руководящей роли ПАСВ, зато имеются все элементы демократического государственно-политического устройства (многопартийная система, всеобщие выборы руководящих органов, разделение исполнительной, законодательной и судебной власти и т.д.). Достаточным проявлением активности сирийского гражданского общества можно считать президентские выборы в Сирии 26 мая 2021 г., которые автор мог наблюдать, находясь в составе российской делегации. В ходе голосования свободный доступ на избирательные участки был открыт всем иностранным наблюдателям и представителям СМИ. Причем активность избирателей оказалась такова, что окончание время голосования продлили с ранее запланированного (7.00–19.00) до 24.00³⁹. Такая активность наблюдалась как в Дамаске, так и в провинциях-мухафазах Сирии. Многие избиратели приходили целыми семьями с множеством детей, царил радостная и оживленная обстановка. Результатом выборов стала убедительная победа действующего президента Башара Асада⁴⁰. За него проголосовали 95,1% избирателей, два других альтернативных кандидата получили соответственно 3,3% и 1,5% голосов. Явка составила 78%.

Большинство сирийского общества, несмотря на существующие проблемы и претензии, представляемые частью сирийцев правящему режиму, осознало на опыте 10 лет

³⁶ Во время встречи сирийской оппозиции с представителями неправительственных международных организаций в Стокгольме в апреле 2017 г. один из ее участников рассказывал автору этих строк, участвовавшему в данной встрече, что в среде сирийской исламистской оппозиции президента Эрдогана называют «Амир аль-мууминин» (Повелитель правоверных – титул халифа) (Стокгольм 12.04.2017 г. – из архива автора).

³⁷ Ганнуши: Запад – оппортунист, Турция – лидер Исламского мира // ГолосИслама.ру, 16/08/2016. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=30073> (дата обращения: 17.08.2016).

³⁸ Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, Армении и России. М., 2018. С. 298.

³⁹ Долгов Б.В. Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). М., 2021. С. 185.

⁴⁰ После объявления итогов голосования на улицы Дамаска и других сирийских городов вышли десятки тысяч сирийцев, в том числе женщин и детей, скандировавших приветственные лозунги в адрес Башара Асада, размахивавших сирийскими флагами и устроивших импровизированные танцы и концерты с национальными музыкальными инструментами, которые продолжались до утра. Примечательно, что как во время голосования, так и во время массовых приветственных демонстраций после оглашения его итогов практически не было зафиксировано никаких протестных выступлений оппозиции, провокаций или террористических актов (Дамаск, 27.05.2021 – из архива автора).

противостояния властей с вооруженной исламистской оппозицией, что возрождение Сирии может обеспечить проводимый сирийским руководством политический курс. Он предполагает демократическое развитие на основе социалистической ориентации с учетом национальной сирийской специфики, где ислам продолжает занимать весомое место и является государственной религией страны.

Свою шиитскую модель «исламского проекта» реализует Исламская республика Иран (ИРИ), демонстрирующая, несмотря на имеющиеся проблемы, многолетнее противостояние с США и налагаемые на ИРИ санкции, достаточно успешное социально-экономическое развитие. При этом ИРИ проводит активную внешнюю политику, став региональным центром силы и объединив под лозунгом противостояния «американо-израильской агрессивной политике и региональному терроризму» ряд таких стран, как Сирия, Ирак, Ливан, а также движение Хизбалла и часть палестинского национального движения в своеобразный альянс (так называемую «Ось сопротивления»). Наряду с этим соглашение по многоплановому сотрудничеству, заключенное в 2021 г. между Ираном и Китаем на 25 лет, способно в достаточной мере изменить ситуацию и баланс сил в регионе. В особенности если учесть, что соглашение предполагает в том числе военно-техническое сотрудничество и использование кораблями китайских ВМС иранских портов. Достаточно сложно говорить относительно иранского гражданского общества, и тем не менее необходимо отметить, что в нем, наряду с наличием оппозиционных сегментов, достаточно влиятельны силы, поддерживающие идеи иранской «исламской революции» и противостояние США и Израилю.

Движения политического ислама выдвигают свой исламский путь развития, противостоящий либеральной модели общества и государства. Вместе с тем анализ гражданского общества в ряде крупных стран Ближнего Востока – Сирии, Тунисе, Ливии – показывает разнонаправленные тенденции и сосуществования как сторонников, так и противников западной либеральной модели общественных отношений, что отчасти объясняется сохранением лидерства Запада по уровню жизни и в научно-технологическом плане. Однако при этом некоторые ценностные ориентиры западного общества («безграничная свобода», в том числе однополых браков) встречает категорическое неприятие мусульманскими обществами разных стран.

События «арабской весны» и протесты конца 2010-х годов выступили катализатором экспоненциального роста влияния исламских субъектов гражданского общества в разных странах Ближнего Востока. Подъем политического ислама, организации которого являются органичной и во многих случаях наиболее активной частью гражданского общества в арабо-мусульманском мире, обусловлен рядом факторов. Наряду с влиянием внешних акторов, к таковым относятся кризисные явления в арабо-мусульманском мире и в не малой степени общим кризисным состоянием современной западной общественно-экономической модели либеральной демократии. В свою очередь идеологи исламского проекта проповедуют альтернативный и более справедливый, согласно их риторике, миропорядок. В то же время в условиях перманентного обострения социально-экономических проблем в большей части арабо-мусульманского мира и в достаточной степени в странах Запада, что негативно влияет на состояние его гражданского общества, исламский проект, возможно, является более понятным и приемлемым для части мусульман. Тем более что действующая модель идеологии либерализма не демонстрирует успешного решения многих существующих социально-экономических и духовно-нравственных проблем.

Разнонаправленные тенденции в развитии гражданского общества в странах Ближнего Востока в 2010-е годы натолкнулись на важную глобальную тенденцию – процесс усиления роли государственных институтов и государства в целом, что с 2010-х годов отчетливо проявляется как в странах Большого Ближнего Востока, так и на Западе. Это во многом обусловлено борьбой с террористическими угрозами и коронавирусом, поскольку только государство с его общенациональными структурами способно противостоять данным серьезным опасностям, тем более если речь идет о пандемии глобального

масштаба. Это наглядно продемонстрировал опыт Китая, сумевшего быстрее всех других стран успешно справиться с этой проблемой. Скорее всего, процесс усиления роли государства в дальнейшем будет продолжаться, а возможно и усиливаться. Это обусловлено вероятностью возникновения новых пандемий, а также совершенствованием технологий цифровизации и искусственного интеллекта, что может привести к тотальному, хотя и не слишком афишируемому, контролю государства над частной жизнью граждан.

Описанная ситуация ставит вопросы перед гражданским обществом в целом и в арабо-мусульманском мире в частности, где в свою очередь исламский фактор будет и дальше играть значительную роль.

Библиография

- Барановский В.Г., Наумкин В.В. и др.* Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. М., 2018.
- Долгов Б.В.* Арабо-мусульманское сообщество во Франции: исламская идентификация и светская демократия (1980–2016 годы). М., 2017.
- Долгов Б.В.* Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970–2020-е гг. М., 2022.
- Долгов Б.В.* Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). М., 2021.
- Долгов Б.В.* Феномен «Арабской весны» 2011–2016: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. М., 2017.
- Ислам. М., 1983.
- Мадани А.* Азмат аль-фикр аль-хадис ва мубаррират аль-халль аль-ислами (Кризис современной мысли и оправдание исламского решения). Алжир, 1989. (На араб. яз.)
- Надеин-Раевский В.А.* Пантюркизм: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, Армении и России. М., 2018.
- Пир-Будагова Э.П.* История Сирии. XX век. М., 2015.
- Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 2000.
- Шлыков П.* Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны» // Перспективы. 17.12.2012. URL: https://www.perspektivy.info/book/blizhnevostochnaja_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm (дата обращения: 18.12.2012).
- Almond G.A., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton (N.J.), 1963.
- Camau M., Geiser V.* Le Syndrome autoritaire. Politique en Tunisie de Bourguiba à Ben Ali. Paris, 2003.
- Civil society and democracy in Latin America / eds R. Feinberg, C.H. Waisman, L. Zamosc. New York, 2006.
- Civil society and government / eds N.L. Rosenblum, R.C. Post. Princeton, 2002.
- Diamond L.* Rethinking Civil Society: Toward Democratic Consolidation // Journal of Democracy, 1994. Vol. 5. Iss. 3. P. 4–17.
- Foley M.W., Edwards B.* The Paradox of Civil Society // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. Iss. 3. P. 38–52.
- Huntzinger J.* Les printemps arabes et le religieux. La secularisation de l'islam. Paris, 2014.
- Kepel J.* Passion française. Paris, 2014.
- Linz J.J., Stepan A.* Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and post-communist Europe. Baltimore, 1996.
- Mesbah M.C.* Problématique Algérie. Le Soir d'Algérie. Alger, 2009.
- Putnam R.D.* Making democracy work: civic traditions in modern Italy. Princeton, 1993.
- Raimbaud M.* Tempête sur le Grand Moyen-Orient. Paris, 2015.
- Shlykov P.* Non-western model of civil society in the Middle Eastern context: Promises and discontents // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162.
- Shlykov P.* The Secularization and Desecularization Nexus in the Turkish Context: What is behind? // Politics and Religion Journal. 2019. Vol. 13. № 2. P. 199–236.
- Toepler S., Salamon L.M.* NGO development in Central and Eastern Europe: An empirical overview // East European Quarterly. 2003. Vol. 37. Iss. 3. P. 365–378.
- Woldring H.E.S.* State and Civil Society in the Political Philosophy of Alexis de Tocqueville // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 1998. Vol. 9. Iss. 4. P. 363–373.

References

Baranovskii V.G., Naumkin V.V. et al. Blizhnii Vostok v menjajushhemsja global'nom kontekste [The Middle East in a changing global context]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Dolgov B.V. Arabo-musul'manskoye soobshchestvo vo Frantsii: islamskaya identifikatsiya i svetskaya demokratiya (1980–2016 gody) [The Arab-Muslim Community in France: Islamic Identity and Secular Democracy (1980–2016)]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Dolgov B.V. Fenomen “Arabskoy vesny” 2011–2016: prichiny, razvitiye, perspektivy. Tunis, Yegipet, Liviya, Siriya, Alzhir [The phenomenon of the “Arab spring” 2011–2016: causes, development, prospects. Tunisia, Egypt, Libya, Syria, Algeria]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Dolgov B.V. Islamistskoye dvizheniye v Alzhire i Tunise: 1970–2020-ye gg. [Islamist movement in Algeria and Tunisia in the 1970s–2020s]. Moskva, 2022. (In Russ.)

Dolgov B.V. Siriyskoye protivostoyaniye: vnutrenniye i vneshniye faktory (2011–2021 gg.) [Syrian confrontation: internal and external factors (2011–2021)]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Islam [Islam]. Moskva, 1983. (In Russ.)

Nadein-Rayevskiy V.A. Pantyurkizm: ot Osmanskoy imperii do nashikh dney i sud'by Turtsii, Armenii i Rossii [Pan-Turkism: from the Ottoman Empire to the present day and the fate of Turkey, Armenia and Russia]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Pir-Budagova E.P. Istoriya Sirii. 20 vek [History of Syria in the 20th century]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Shlykov P. Blizhnevostochnaya politika Turtsii v kontekste «arabskoi vesny» [urkey's Middle East policy in the context of the “Arab Spring”] // Perspektivy. [Perspectives], 17.12.2012. URL: https://www.perspektivy.info/book/blizhnevostochnaya_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm (access date: 18.12.2012). (In Russ.)

Tocqueville A. Demokratiya v Amerike [Democracy in America]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton (N.J.), 1963.

Camau M., Geiser V. Le Syndrome autoritaire. Politique en Tunisie de Bourguiba á Ben Ali. Paris, 2003.

Civil society and democracy in Latin America / eds R. Feinberg, C.H. Waisman, L. Zamosc. New York, 2006.

Civil society and government / eds N.L. Rosenblum, R.C. Post. Princeton, 2002.

Diamond L. Rethinking Civil Society: Toward Democratic Consolidation // Journal of Democracy, 1994. Vol. 5. Iss. 3. P. 4–17.

Foley M.W., Edwards B. The Paradox of Civil Society // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. Iss. 3. P. 38–52.

Huntzinger J. Les printemps arabes et le religieux. La secularisation de l'islam. Paris, 2014.

Kepel J. Passion française. Paris, 2014.

Linz J.J., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and post-communist Europe. Baltimore, 1996.

Madani A. Azmat al'-fikr al'-khadis va mubarrirat al'-khal' al'-islamiy [The Crisis of Modern Thought and the Justification of the Islamic Solution]. Algeria, 1989. (In Arabic)

Mesbah M.C. Problématique Algérie. Le Soir d'Algérie. Alger, 2009.

Putnam R.D. Making democracy work: civic traditions in modern Italy. Princeton, 1993.

Raimbaud M. Tempête sur le Grand Moyen-Orient. Paris, 2015.

Shlykov P. Non-western model of civil society in the Middle Eastern context: Promises and discontents // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162.

Shlykov P. The Secularization and Desecularization Nexus in the Turkish Context: What is behind? // Politics and Religion Journal. 2019. Vol. 13. № 2. P. 199–236.

Toepler S., Salamon L.M. NGO development in Central and Eastern Europe: An empirical overview // East European Quarterly. 2003. Vol. 37. Iss. 3. P. 365–378.

Woldring H.E.S. State and Civil Society in the Political Philosophy of Alexis de Tocqueville // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 1998. Vol. 9. Iss. 4. P. 363–373.

© 2023 г. А.Н. АРДАШНИКОВА, Т.А. КОНЯШКИНА

«СТАНОВЯСЬ ВИДИМЫМИ»: ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО СОВРЕМЕННОГО ИРАНА В ФОКУСЕ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛЕМИКИ

Ардашникова Анна Наумовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иранской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: anardash@mail.ru

Scopus Author ID: 57216257962; Researcher ID: HCI-4163-2022

Коняшкина Тамара Александровна — старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: tamara_mgu@mail.ru

Scopus Author ID: 57216259645; Researcher ID: HCI-9578-2022

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных этапов и социальных характеристик женского движения в Исламской Республике Иран (ИРИ), вызвавшего активную полемику между властью и обществом, не затихающую в течение последних 30 лет. Источником полемических разногласий стала фиксация в Конституции ИРИ статуса женщины в общеправовом и семейном поле. Первыми в полемику включились правозащитницы, имевшие весомые религиозные позиции и общественное положение и настаивавшие на праве мусульманки быть представленной в высших эшелонах государственной власти. На рубеже 1990–2000-х годов эта инициатива была подхвачена светскими поборниками женских прав, делавшими ставку на общегражданские и индивидуальные права иранских женщин. И те и другие опирались в своей борьбе на специализированную, ориентированную на женского читателя прессу. С начала 2000-х годов их оружием стали интернет и социальные сети, а также некоммерческие или неправительственные организации (НКО/НПО), существующие в разных регионах страны. Действуя в одном русле борьбы за расширение женских прав, светские и религиозные активистки представляют собой автономные сегменты гражданского общества и не склонны к прочному сотрудничеству. Их активность является действенным импульсом к постепенному изменению контуров «разделенных сфер» в Иране. Содержание печатных и электронных СМИ, телевизионных программ и литературных произведений, впервые привлекаемых в качестве источника, служит весомым основанием проведенного исследования.

Ключевые слова: Иран, аятолла Хомейни, аятолла Мутаххари, Али Шариати, гендер, хиджаб, женское движение, Конституция, женская проза, пресса, ислам, гражданские права, правозащитное движение, неправительственные организации, социальные сети.

A.N. Ardashnikova, T.A. Konyashkina

“Becoming Visible”: Civil Society of Modern Iran in the Focus of Gender Discussion

Anna Ardashnikova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: anardash@mail.ru

Scopus Author ID: 57216257962; Researcher ID: HCI-4163-2022

Tamara Konyashkina, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: tamara_mgu@mail.ru

Scopus Author ID: 57216259645; Researcher ID: HCI-9578-2022

Abstract. In this study the authors examine the main stages and social characteristics of the women's rights movement in republican Iran, which has generated an active controversy between the authorities and the society over the last three decades. This polemic disagreement was triggered by the legal status of the Iranian woman enshrined in the Constitution. Human rights activists with significant religious and social status, insisting on the right of Muslim women to be represented in the highest echelons of state power, were the first to join the debate. At the turn of the 1990s and 2000s, this initiative was taken up by secular activists advocating civil and individual rights for Iranian women. All have made extensive use of a specialised, women-oriented press and, since the early 2000s, the Internet and social media, as well as NPOs/NGOs existing in different regions of the country, in their struggle. Acting along the same lines of the women's rights movement, secular and religious activists represent autonomous segments of civil society. The content of the print and electronic media, television programmes and literary works, used for the first time as a source for the study, forms the basis of the research.

Keywords: Iran, Ayatollah Khomeini, Ayatollah Mutahhari, Ali Shariati, gender, hijab, women's rights movement, Constitution, women's prose, press, Islam, civil rights, human rights movement, NGOs, social media.

«НУЛЕВОЙ ГОД» ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ ИРИ

Современное состояние гендерной полемики в Исламской Республике Иран (ИРИ) — одно из наследий революции 1978—1979 гг., которая определила вектор развития страны в его новом концептуальном выражении. Впрочем, вопрос о характере революционного взрыва доныне сохраняет дискуссионный характер, фиксируя точки зрения как историков Исламской Республики Иран, так и их иранских коллег из научных центров США и Европы¹. Именно последние, объявив войну «исламски правильной науке» последних десятилетий, предложили свое прочтение этого узлового сюжета иранской истории XX в. Это в первую очередь коснулось исламского характера революции, который отрицается как искусственно встроенный в ткань революционных событий усилиями шиитского духовенства². Полемические потери подобного подхода представляются весьма значительными, так как, в сущности, затушевывают характер этого революционного сдвига, последствия которого ощущаются и в настоящее время, почти полвека спустя.

Следуя долгу духовного служения, улама³ Ирана всегда выступали в качестве наставников мусульман-шиитов, чье слово было весомо и в личной, и в общественной жизни. Как и во время конституционной революции начала XX в., в 1970-х годах самую горячую поддержку алискому корпусу во главе с аятоллой Р. Хомейни продемонстрировали мелкие и средние городские слои, традиционно именуемые в Иране базаром, — ремесленники, торговцы, мелкие предприниматели, ростовщики, представители маргинальных слоев, не желающие в силу разных причин ассоциироваться с лицами наемного труда. Их самопожертвование и внешняя революционность в борьбе за установление подлинно исламского правления подпитывались антиимпериалистическими чувствами и националистической гордостью по случаю принадлежности к единственному чисто шиитскому государству⁴. Но реальную власть они получили только в низовых исламских комитетах и быстро были поставлены под контроль государства.

Иначе исламский путь виделся представителям либерально-буржуазного лагеря, таким как Мехди Базарган (первый премьер-министр ИРИ с 4 февраля по 6 ноября 1979 г.) и Абольшан

¹ Iran in the 20 century. Historiography and Political Culture / ed. T. Atabaki. New York, 2009.

² Keddie N.R. Roots of Revolution. An Interpretive History of Modern Iran. New York, 1981. P. 147.

³ Улемы, 'улама (ед.ч. 'алим) — (араб.) «знающие», авторитетные знатоки исламской теории и практики, хранители исламской религиозной традиции, теологи.

⁴ Abrahamian E. Iran between Two Revolutions. Princeton, 1982. P. 251.

Банисадр (первый президент ИРИ с 4 февраля 1980 по 21 июня 1981 г.). Оба главы ИРИ тесно сотрудничали с виднейшими религиозными деятелями аятоллами Р. Хомейни и М. Талегани, не отрицая при этом преимущества западных буржуазных принципов. Открытые и влиятельные сторонники буржуазно-либерального развития страны были в начале революции представлены практически во всех религиозных структурах, включая окружение самого Хомейни. Дальнейшей институализации по этому пути ожидала и часть предпринимательских кругов, иранской интеллигенции, бюрократии и армии, для которых провозглашение в стране исламской республики было главным образом данью огромному вкладу шиитского духовенства в борьбу против шахского авторитаризма.

Вызванные к жизни революцией, эти вопросы по-прежнему остаются в повестке дня как действий правительства, так и гражданского общества, фиксируя незавершенность диалога—спора между властью и обществом, в котором особую роль приобрел вопрос установления/наличия границ, разделяющих мужскую и женскую сферы деятельности. Значение его очевидно — вездесущность гендера превращает его в базовую системную характеристику социального порядка, постоянно воспроизводимую и в нашем сознании, и в практических действиях⁵. Это во многом определяет внимание к этому вопросу со стороны государства.

Первые шаги по кардинальному пересмотру вопроса положения женщины в обществе были предприняты еще до референдума о создании исламской республики, не говоря уже о новой Конституции. Через две недели после победы вооруженного восстания в столице было объявлено о приостановке действия Закона о защите семьи 1975 г., затем последовал запрет на судебную деятельность женщин, а 6 марта 1979 г. аятолла Хомейни заявил, что женщины должны будут соблюдать требования хиджаба на рабочих местах. Буквально в течение нескольких месяцев форсированная исламизация лишила женщин части базовых прав, предоставленных им при правлении шаха Пехлеви, заставляя думать, что в строительстве нового исламского Ирана женщины должны были занять роль в большей степени символическую. Акты сопротивления со стороны женщин, такие как массовые протестные демонстрации во главе со светскими левыми и лево-демократическими группами 8–12 марта 1979 г. в Тегеране, собравшие около 50 тыс. манифестанток, были немедленно разогнаны, а их участницы названы «продажными женщинами, стремящимися разрушить единство революционных сил»⁶. В ответ на демонстрации М. Базарган заявил, что высказывание Хомейни является рекомендацией, и у властей нет планов делать ношение хиджаба обязательным, но уже в 1980 г. режим законодательно обязал женщин соблюдать правила мусульманского одевания сначала на работе, а затем и во всех общественных местах под угрозой штрафов, физического наказания или ареста. Первая кампания женского неповиновения была легко пресечена. Ярлык контрреволюционности на десятилетие вперед лишил ее участниц возможности объединить свои усилия с исламскими активистками и стал весомым аргументом в пользу конформизма — приспособление безопаснее и социально одобряемо. Угрозу обвинений в нелояльности режиму в полной мере испытала университетская профессура. Преподаватель филологического факультета Тегеранского университета Азар Нафиси в романе «Читая “Лолиту” в Тегеране» вспоминает о революционных чистках, устроенных в университетах властью, заставившей в том числе убирать из курса истории литературы «потворствующие прелюбодеянию» романы Шарлотты Бронте и слово «вино» в рассказах Хемингуэя⁷.

В КРУГОВОРОТЕ «РАЗДЕЛЕННЫХ СФЕР»

Символом 1979 г. стал хиджаб, сегрегационный дресс-код, умаляющий индивидуальные права женщины. Это было воспринято частью общества как возвращение к принципу «разделенных сфер», лишь затушеванное демагогическими заявлениями о важности политической

⁵ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 113–114.

⁶ Paidar P. Women and the Political Process in Twentieth Century. Cambridge, 1997. P. 234.

⁷ Nafisi A. Reading Lolita in Tehran. New York, 2003. P. 7.

активности женщин, и воскрешение парде-нешин — «сидящей за завесой» — средневекового культурного идеала женской скромности, закрытости и невидимости в публичном пространстве. Впрочем, «завеса» не означала полного отсутствия, отрешения женщины от публичной деятельности. Напротив, лишённые официальных полномочий на право участия во властных отношениях, ее «пленницы» могли обладать дополнительными каналами влияния, имевшими неформальный характер⁸. Исчерпывающее представление об уровне таких возможностей дает шахский гарем. Закрытый и иерархичный монополовый коллектив, он являлся не только домашним установлением правителя, но и влиятельным общественным институтом, выполнявшим при нем роль своеобразной информационной службы, куда с раннего утра стекались все городские новости, слухи и сплетни. Умело используя этот арсенал средств, обитательницам андаруна (женская половина дома) удавалось обрушить не одну государственную карьеру и заявлять о своих интересах в делах «высокой политики». Властная и честолюбивая шахиня-мать, именовавшаяся «Высокая колыбель», которая верховодила в гареме Насер ад-Дин-шаха (1848—1896), смогла бросить вызов первому министру Амир-е Кабиру и, опираясь на часть двора и влиятельных шиитских богословов, выйти победительницей из этой схватки: всемогущий сановник был выслан из столицы и вскоре казнен.

Сети женского влияния существовали в разных социальных средах — своих негласных законодательниц, формирующих общественное мнение, устраивающих брачные союзы, оказывающих влияние через систему родственных связей, можно найти и в городском квартале, и в сельском сообществе. Существуют они и сейчас. Современный графический роман известной писательницы и художницы Марджан Сатрапи «Вышивки»⁹ дает обильную почву для выводов скорее социологу, чем литературному критику: тесный женский кружок, собравшийся за чаем, начав с сентенции — мужа нужно уважать, последовательно развенчивает этот коллективный постулат. В сущности, это и есть изнанка семейного мира, где принудительно доминирует мужчина.

В ситуации политической неопределенности начала 1979 г. и резкого отторжения обществом любых шагов шахской власти нельзя было исключать, что вместе с прежним режимом будут похоронены все его достижения, в частности в гендерной сфере — обретение женщинами права политического голоса в соответствии с референдумом 1962 г. и Законом о семье 1975 г., заметно расширившим женские права, в том числе и имущественные, в семейно-брачных отношениях. Достаточно обратиться к текстам, принадлежащим перу самого Хомейни, чтобы не исключать вероятности такого исхода. Его писания, представляющие собой обширное поле для «войны цитат», до сих пор питают доводы и сторонников, и противников освобождения женщины от гнета семьи и государства. Хотя личный вклад Хомейни в формирование нового гендерного стандарта носил исключительный характер, рахбар¹⁰ имел своих предшественников и соратников. Одним из ключевых разработчиков гендерной проблематики был влиятельный богослов Муртаза Мутаххари, предложивший в качестве гендерного различия принцип «равные», но «разные», что является отражением заложенного в мужчинах и женщинах божественного порядка¹¹. Это означало, что разумное взаимодополнение, соблюдение внешней границы открывает женщине возможность существования в общественной сфере, хотя она и является территорией мужчины.

Заметную роль в становлении идеологии республиканского режима сыграли идеи видного исламского философа и социолога А. Шариати¹², отрицавшего традиционное представление о «женщине вне политики», как противоречащее истинному исламу: «Наша нация создала

⁸ См.: Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М., 2002.

⁹ Сатрапи М. Вышивки (графический роман). СПб., 2020.

¹⁰ Рахбар (перс.) — вождь, лидер — официальный конституционный статус Р. Хомейни.

¹¹ Мутаххари М. Правовой статус женщины в исламе / пер. с перс., примеч. М. Махшулова. СПб., 2010. С. 4.

¹² Подробнее о нем см.: Малушков В.Г., Хромова К.А. Поиски путей реформации в исламе: опыт Ирана. М., 1991.

культуру вокруг ворот и крыши дома Фатимы»¹³, где преобладали не скорбь и мученичество, а активный революционный дух, носителем которого была сама дочь пророка и жена первого шиитского имама Али. Вслед за Шариати, обращавшимся прежде всего к мостафизинам (обездоленным, отверженным), униженным высокомерием Запада, Хомейни включил в их число «наших скромных сестер», на которых была возложена божественная миссия хранительниц революции. Пафос его заявлений был воспринят в первую очередь представительницами традиционных религиозных семей. Их общественные позиции ранее не предполагали устойчивой вовлеченности в социальную жизнь модернизированного общества, а практическое отсутствие новой правовой культуры в этой среде превращало шахское семейное законодательство в «мертвую грамоту». Идеология исламского режима способствовала повышению уровня самооценки именно этой категории женского населения. Ранее несший на себе печать отсталости, их образ теперь официально признавался как эталонный, получив официальный статус. Если часть женских прав нашла отражение в гражданском и трудовом кодексах, то возможности, которые открывала перед женщинами политическая активность, могли не иметь прочного законодательного подтверждения. А они были весьма весомы и долговременны — получение высшего образования в условиях его квотирования, работа в престижном государственном секторе и, что не менее важно, — ее сохранение в условиях роста безработицы и т.д.

Черту под опасениями возможного возвращения к принципу «разделенных сфер», который в исламе ассоциируется с довольно жесткими границами между мужской и женской областями деятельности, подвела Конституция 1979 г.¹⁴ Фиксируя статус женщины как полноправного гражданина, текст Основного закона уточнял, что она обретает свои политические и социальные права как мать и воспитательница детей в религиозном духе в рамках соблюдения исламских норм (статьи 3 и 21 Конституции ИРИ). Балансирование между прагматическими соображениями политики и идеологическими требованиями революции, в том числе и в гендерном вопросе, во многом позволило религиозным авторитетам сохранять если не доминирование, то значительную степень влияния на общественные настроения и впоследствии. Плюрализм мнений всегда был отличительной стороной шиизма, именно на этом принципе и основывался личный авторитет представителей алиимского корпуса. И не все влиятельные богословы безусловно поддержали не только саму идею «правления законоведа» (велият-е факих¹⁵), положенную в основание Конституции, но и двусмысленные ссылки на исламские критерии при определении пределов общественной свободы, экономической политики режима и индивидуальных гражданских прав. Многозначность толкований шариата¹⁶, предложенная самим рахбаром, послужила основанием также для вовлечения общества в обсуждение правовых норм и установлений, до этого звучавших как априорные.

Переналадка после окончания ирано-иракской войны всех государственных механизмов от экономики до культуры проходила весьма болезненно. Не избежала этого и гендерная политика.

«МЫ ПРИВЫКАЕМ»

Этим риторическим вопросом одна из самых популярных иранских писательниц Зоя Пирзад озаглавила свой роман, посвященный теме женской судьбы¹⁷, подчеркнув тем самым, что общество не однозначно в принятии исламского статуса-кво.

Дискурсивное господство исламской власти в культурном пространстве страны должна была закрепить пресса, пропагандирующая образ «новой мусульманки». Уже в 1979–1980 гг. усилиями государства начинается создание официальной печати, ориентированной на

¹³ Шариати А. Зан: Фатеме Фатеме аст (Женщина: Фатима — это Фатима). Тегеран, 2000. С. 23. (На перс. яз.)

¹⁴ Конституция Исламской Республики Иран // Конституции государств Азии / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 1. М., 2010. С. 234–274.

¹⁵ Беспрецедентные права религиозного лидера в делах управления государством.

¹⁶ Шариат — свод правил, всесторонне регламентирующих жизнь мусульманина.

¹⁷ Пирзад З. Адат миконим (Мы привыкаем). Тегеран, 2004. (На перс. яз.)

женскую аудиторию: это в первую очередь журналы «Неда» («Призыв»), «Пайам-е зан» («Послание женщины»), «Зан-е руз» («Женщина сегодня»), «Пайам-е Хаджар» («Послание Агари»), «Дженс-е доввом» («Второй пол»). Крупнейшим из них стал «Женщина сегодня», которому были переданы материальные ресурсы ведущей медиагруппы имперского периода «Кейхан». Конечно, эти журналы были призваны транслировать и поддерживать государственную линию, но откровенным официозом можно назвать лишь «Призыв», руководимый Захрой Эшраки, внучкой аятоллы Хомейни.

Важным шагом не только в развитии издательского дела, но и в противостоянии прямолинейному государственному прочтению гендерного дискурса стало создание в 1991 г. журнала «Занан» («Женщины»), который отделился из-за редакционных разногласий от подконтрольного государству «Женщина сегодня».

В течение 17 лет журнал оставался самым широко читаемым женским изданием, ориентированным на образованных горожанок, и только к 2008 г. его тираж, долго державший планку 120 тыс. экземпляров, стал падать. Заметим, что такой большой тираж журнала, ориентированного на серьезную читательскую аудиторию, скорее всего, был связан с государственной поддержкой, тем более что членом редакционной коллегии журнала была дочь тогдашнего президента страны Али Акбара Хахеми Рафсанджани (1989–1997).

Журнал во главе со своим бессменным руководителем Шахлой Шаркат запустил практически одновременно два параллельных проекта. Они имели целью развитие женского самосознания и общественной активности и адресовались представительницам как религиозного, так и светского крыла женского движения.

Восприняв от рахбара идею ислама как руководства к политическому действию, журнал подчинил ее принципу контекстуального разбора, что было посягательством на чисто мужскую сферу деятельности — интеллектуально-богословскую¹⁸. Подобными принципами руководствовались и европейские женщины Средневековья и раннего Нового времени, когда, обращаясь к текстам Библии, пытались опровергнуть утверждение о греховности их праматери Евы, доставшейся им по наследству¹⁹. Главный эффект этих богословских штудий заключался в том, что вместе с несколькими шиитскими улемами их вели сами женщины и делали это на страницах популярного женского журнала. Впрочем, это неудивительно, так как с начала 1990-х годов стало набирать популярность женское религиозное образование: в стране действовало около 300 школ и центров, которые готовили женщин-богословов и муджтахидов²⁰, правда, без права выносить решения по делам всей шиитской общины — уммы. Гендерно-нейтральная интерпретация исламских текстов по системе ссылок на косвенные доводы, предложенная журналом, могла касаться самых разных вопросов: опеки над детьми, подчинения мужчине в семье или спровоцированной парламентскими прениями проблемы о раздельном медицинском обслуживании мужчин и женщин. Самым продуктивным результатом подобного прочтения шариата стала дискуссия о толковании конституционного термина «риджал» (мн.ч. от «раджол» — мужчина, деятель), который, по мнению исламских активисток, может с полным основанием относиться к дочерям «дома Фатимы» (персидский язык не знает категории рода), обладающим всеми нравственными качествами «достойного мужа», в том числе интеллектуальными. Это стало импульсом для включения женщин в борьбу за должность президента или право назначения на пост министра, ставших массовыми. Министерство внутренних дел, с которого начинался процесс подачи документов

¹⁸ Занан. 1991. № 1.

¹⁹ Репина Л.П. Указ. соч. С. 89–90.

²⁰ Муджтахид — ученый-богослов, обладающий правом выносить самостоятельное решение по важным вопросам мусульманского права и норм социального поведения, высший духовный авторитет.

кандидатов, особенно в период президентских выборов, было завалено десятками подобных заявлений²¹.

Вызвав искренний энтузиазм женщин, это движение зашло в тупик, превратившись в рутину. Так, Азам Талегани, известная правозащитница, дочь влиятельного муджтахида Махмуда Талегани, пять раз проходила процедуру регистрации, но каждый раз ее останавливал отказ Совета стражей Конституции из-за якобы отсутствия у нее, как, впрочем, и у других кандидатов, необходимой квалификации — решение, которое не комментируется и не оспаривается²². Талегани не раз говорила, что готова умереть на ступенях министерства, и последний раз поднималась по ним в возрасте далеко за 70. Подобная кажущаяся безнадежной настойчивость имеет прочное религиозное обоснование, поскольку преодоление трудностей при совершении благого дела лишь преумножает духовный смысл поступка. Охлаждению общественного энтузиазма способствовала и цикличность в политической жизни Ирана, достигавшая своего пика раз в четыре года во время президентских выборов, за которыми следовало затишье.

Эти усилия в определенной степени обесценил пропагандистский ход неоконсерватора Ахмадинежада, который во время второго срока президентства (2009–2013) представил парламенту кандидатуры сразу трех женщин в качестве потенциальных министров образования, здравоохранения и социального обеспечения, но сумел отстоять только одну кандидатуру, заранее согласованную с консервативной религиозной организацией «Джамеэ-йе Зейнаб» («Общество Зейнаб»).

1990-е годы стали периодом постепенного дрейфа в сторону реформирования многих религиозных женских организаций. Характерным образцом такой эволюции может служить и «Общество Зейнаб», члены которого в первые постреволюционные годы были известны как добровольные блюстительницы женской уличной нравственности. К 1990-м годам оно превратилось во влиятельную структуру, курировавшую восемь религиозных школ и центров по изучению Корана, а в 2007 г. поставило перед собой весьма амбициозную задачу ввести шесть женщин-муджтахидов в Совет стражей революции, который обладает правом смещать рахбара и контролировать его деятельность²³.

Эта, в сущности, суффражистская активность не означала, что иранские женщины идентифицируют себя как приверженек международного феминистского движения. Такие столпы правозащитного дела в Иране, как Ширин Эбади, юрист по образованию, лауреат Нобелевской премии мира 2003 г., основавшая в 2002 г. «Центр защиты прав человека в Иране» для оказания юридической помощи семьям политических диссидентов, и Азам Талегани говорили о себе исключительно как о мусульманках, противопоставляя свою позицию феминистской.

Журнал «Женщины» первым нарушил это табу публикациями небольших, часто просто биографических эссе из истории европейского феминизма, постепенно лишая его угрожающей и даже враждебной коннотации. Частью процесса либерализации, связанной с президентством М. Хатами (1997–2005), стало и «прощение эмиграции», не разделившей вместе со своим народом тягот священной патриотической войны²⁴, и налаживание отношений с постепенно обретавшими свой голос светскими активистами. Это сближение было продиктовано самой жизнью — появлением и быстрым развитием в Иране интернета, особенно блогов и социальных сетей как новой формы общественного взаимодействия, в котором приняла участие и власть: свои сайты имели все официальные структуры, включая рахбара, многих членов депутатского корпуса, Кумский и прочие религиозные центры,

²¹ Vakil S. *Women and Politics in the Islamic Republic of Iran: Action and Reaction*. London; New York, 2011. P. 128.

²² Sedghi H. *Women and Politics in Iran. Veiling, Unveiling, and Reveiling*. New York, 2007. P. 265.

²³ Kadivar J. *Women and Executive Power // Women, Power and Politics in 21st Century Iran*. London, 2012. P. 147.

²⁴ Имеется в виду ирано-иракская война 1980–1988 гг.

КСИР²⁵, проправительственные и неправительственные общественные организации. Государство пыталось регулировать интернет-активность граждан, ограничивая доступ к некоторым сайтам, и под ударом зачастую оказывались любые страницы с гендерной тематикой, так как поисковые запросы со словом «женщина» могли быть автоматически заблокированы как порнографические. Так, в 2006 г. по этой причине был заблокирован онлайн-семинар «Женщины и интернет в 3 тысячелетии», анонсированный одним из департаментов КСИР²⁶. Ответом на подобные ограничения стало более частое использование прокси-инструментов, позволявших обходить эти запреты, и созданная в 2004 г. сеть Фейсбук к 2007 г. уже имела 21 млн зарегистрированных пользователей из Ирана²⁷.

В 2011 г. на основе данных Фейсбука и отдельных блогов, пользователи которых заявили себя политически активными, было проведено исследование, в нем приняли участие иранки, живущие как в Иране, так и за пределами страны. Результаты этого трехмесячного эксперимента продемонстрировали, что молодые женщины не принимают образа матери и женщины-басидж²⁸ как государственной версии иранки, приверженной ценностям революции, и выступают против ранних браков. Они ставят под сомнение традиционную иерархию мнений в иранской семье, не учитывающую позицию молодого поколения, и восхищаются американской поп-культурой, что не мешает им позиционировать себя мусульманками²⁹.

Своеобразным протестом против требования официальных властей в отношении внешнего вида женщин стала практика появления в общественных местах иранок, пренебрегающих строгой уличной униформой. По сообщению официальной газеты «Эттелаат» («Известия»), в 1990 г. только в Тегеране по причине несоблюдения дресс-кода (на языке официоза бадхиджаби — в небрежном хиджабе) были арестованы 607 женщин, 6589 обязали дать письменные объяснения, а для 46 тыс. полиция ограничилась только предупреждениями³⁰. Сами молодые нарушительницы иначе оценивали свой вызов навязанным условностям. Вслед за выходом романа Азаде Моавени «Джихад губной помады»³¹ в 2000-е годы в Иране в моду вошел молодежный мем *lipstick jihad*. Двойственный смысл, заложенный в эту конструкцию, вполне очевиден: объединяя вызывающий образ «кокеток с накрашенными губами», которых обличал в публичных выступлениях имам Хомейни, и «джихад», звучащий из этих уст почти богохульно, он знаменует собой отрицание простоты конфронтационного мышления.

Покинувшая Иран в 2009 г. со второй волной эмиграции журналистка Масих Алинежад в 2014 г. открыла в Фейсбуке страницу *My Stealthy Freedom* («Моя тайная свобода»), где призывала иранок публиковать свои фотографии с непокрытой головой. Спустя неделю у нее было 130 тыс. подписчиков, а в настоящее время их число превысило миллион. Алинежад также принадлежит идея еще одной протестной интернет-кампании *White Wednesdays* («Белые среды»), отличительным знаком которой был белый цвет одежды. Солидаризуясь с протестами в Иране, кампанию поддержала и диаспора в США и Канаде.

Начавшись со страницы в социальной сети, «Моя тайная свобода» выросла до некоммерческой организации, выступающей за гендерное равенство, с сайтом на английском и

²⁵ КСИР — Корпус стражей исламской революции, военно-политическое формирование, созданное в 1979 г.

²⁶ *Hendelman-Baavur L. Promises and Perils of Weblogistan: Online Personal Journals and the Islamic Republic of Iran // Middle East Review of International Affairs. 2007. Vol. 11. P. 227.*

²⁷ *Faris D., Rahimi B. Social Media in Iran: Politics and Society after 2009. New York, 2015. P. 42.*

²⁸ «Организация обездоленных иранского народа» — массовая военизированная структура, являющаяся частью КСИР, большую роль в которой играют женщины.

²⁹ *Faris D., Rahimi B. Op. cit. P. 47–49.*

³⁰ Эттелаат. 15 абан 1369 (ноябрь 1990).

³¹ *Moaveni A. Lipstick Jihad: A Memoir of Growing Up Iranian in America and American in Iran. New York, 2005.*

персидском языках³². Впрочем, количество женских некоммерческих организаций (НКО) невелико. По данным Международного центра Вудро Вильсона, из громадного числа подобных организаций, существующих в Иране, лишь 2,8%, как, например, базирующаяся в Германии «Ассоциация иранских женщин»³³, занимаются исключительно гендерными вопросами. Однако многие правозащитные структуры, такие как «Центр поддержки прав человека» (The Centre for Supporters of Human Rights)³⁴, занимаются и женским вопросом.

2005–2006 гг. знаменовали выход женского движения за пределы виртуального пространства самыми массовыми по размаху за весь период так называемой второй республики³⁵ уличными протестными акциями³⁶, разогнанными с применением насилия. Хотя в лозунгах манифестанток звучал исключительно «женский вопрос», их поддерживали, помимо этнических женских организаций, профсоюзы, часть студенческих активистов и парламентской оппозиции. Требования протестующих охватывали широкий спектр позиций, в которых права женщин уступали мужским, в частности равенство в семейно-брачных отношениях (запрет многоженства, равные с мужчинами права на развод и опеку над детьми), в трудовой (равное право на труд) и судебно-процессуальной сфере (увеличение для девочек возраста наступления уголовной ответственности с 9 до 18 лет, равные права свидетелей в суде независимо от пола).

Разгон мирных демонстраций, сопровождавшийся избиениями и арестами, подтолкнул женское движение к новым формам протеста — подписным кампаниям, самой значительной из которых стало движение «Один миллион подписей за изменение дискриминационных законов»³⁷ с логотипом, исчерпывающе объясняющим смысл требований — равенство мужчин и женщин: две чаши весов, уравновешенные X- и Y-хромосомами. Сбор подписей стал низовым движением, ориентированным на индивидуальную работу с каждым потенциальным участником, вплоть до обхода их домов, с целью убедить таким образом каждого 70-го жителя страны поддержать эту инициативу. Отметим еще одно обстоятельство: это движение впервые поставило вопрос об объединении усилий светских и религиозных поборниц женских прав.

Свое отношение к борьбе за женское равноправие заявило и государство, дав этому не только нравственную, но и политическую оценку. Власти видели в ней поспрание мусульманских семейных норм и «империалистический заговор с целью подрыва исламских ценностей в обществе»³⁸. Эти обвинения в первую очередь касались иранской диаспоры (самая большая часть которой проживает в США), трансмигрантов, живущих на «два дома», и основного звена их агентов — светских активисток. Не принимая оценочной риторики государства, можно тем не менее утверждать, что «ответственность» за пробуждение женского самосознания они в полной мере разделяют со своими религиозными сестрами. Спектр их активности достаточно широк: личное участие в протестных акциях, интернет, журналистика и переживающая в последнее время настоящий писательский бум художественная литература.

Если в насыщенные политическими событиями 1931–1960 гг. лишь 8 иранок опубликовали свои прозаические произведения, тогда как авторов-мужчин в то время

³² URL: <https://www.mystealthyfreedom.org/mission/> (дата обращения: 15.05.2022).

³³ URL: <http://shabakeh.de> (дата обращения: 15.05.2022).

³⁴ URL: <https://en.cshr.org.uk/about-us-2/> (дата обращения: 15.05.2022).

³⁵ Вторая республика — неофициальное название периода истории ИРИ с конца 1980-х годов — после окончания ирано-иракской войны и смерти первого рахбара Р. Хомейни.

³⁶ В манифестации 2006 г. приняли участие 6 тыс. женщин.

³⁷ *Ахмади Хорасани Н.* Взгляд изнутри. Переводная серия «Партнерства женщин во имя обучения». [S.l., s.a.].

³⁸ Государственный 2 канал в ноябре 2009 г. запустил 74-минутную программу под названием «Феминизм и война против семьи», подчеркивая опасность проникновения феминистской идеологии в общество // URL: http://www.shiatv.net/view_video.php?viewkey=d8f393da9c34d4883524 (дата обращения: 25.05.2022).

насчитывалось 270³⁹, то в конце 1990-х годов в Иране появилось более 300 женщин-писателей, уравнивая количество женщин и мужчин, живущих литературным трудом⁴⁰. Официальная статистика 2017 г. со ссылкой на данные Печатной палаты ИРИ оперирует еще более грандиозной цифрой 28 239⁴¹, по-видимому, объединяя писательниц, журналисток и блогеров. Хотя количественный показатель, как правило, нерелевантен при оценке художественного творчества, но литературный «девятый вал», где женщина говорит о женщине, приобретает отчетливое общественное звучание. Столь массовое присутствие женщин в художественной словесности имеет несколько убедительных объяснений: это и произошедший после революции демографический взрыв, удвоивший население страны, и огромный скачок в уровне женской грамотности⁴², что является несомненной заслугой исламской власти, объявившей стремление к образованию священной обязанностью истинной мусульманки. Такой же феноменальный рост можно наблюдать и в числе женщин, работающих в издательской сфере в качестве литературных переводчиков, редакторов, продюсеров и владельцев небольших издательских домов, что существенно расширяет женское участие в трудовой деятельности. Но, возможно, главную роль сыграла стопроцентная читательская востребованность и понимание авторами своего адресата. Исследователям же знакомство с женской прозой может помочь составить более точное представление о той части женского общества, которая «молча» присутствует в публичном пространстве, и попытаться найти ответ на вопрос, в свое время заданный известным философом Юргеном Хабермасом после поездки в Иран в 2002 г.: «Стоит обратить больше внимания на то, что происходит в голове у молодых женщин, особенно с академическим образованием. Женщины уже составляют половину студентов. Сколько из них снимут свои платки на публике, если это будет разрешено?»⁴³.

Обращаясь к женской литературе, необходимо иметь в виду, что эта художественная фикция, в данном случае выступающая от лица «женщины в фартуке», имеет свое статистическое измерение, представляя более 80% не занятого в сфере труда женского населения страны⁴⁴. Это домашняя хозяйка, мать семейства, которую не заманишь на митинг, она отсутствует в соцсетях и поднимает свой голос разве что в магазине и транспорте, путешествуя по домашним делам. Собственно, этот консервативный женский мир и есть коллективный портрет основного потребителя женской прозы, которому она адресована.

Такой жизненный опыт могут отрицать мелькающая на страницах произведений инфантильная женщина-ребенок, которая не узнает себя на старых фотографиях, как будто ее «жизнь началась в первый день замужества»⁴⁵, и женщины-изгой: выведенная в романе Шахруш Парсипур «Женщины без мужчин»⁴⁶ компания — три старые девы, проститутка и мужеубийца, случайно ставшая причиной смерти третировавшего ее супруга. По следам своей далекой христианской предшественницы Кристины Пизанской (XV в.) они мечтают о созидании своего «града женского», коль им нет места в реальном мире правильных женщин. Присутствие субалтерн-героинь лишь подчеркивает доминирование в обществе женщины-домохозяйки, не мыслящей своей судьбы вне семьи. Но именно

³⁹ Mir-Abidini H. The History of Female Storywriters // Iran Chamber Society Online Magazine. URL: https://www.iranchamber.com/literature/articles/history_female_storywriters.php (дата обращения: 06.04.2022).

⁴⁰ Зан-е пуз. № 1467, 1994; Talattof K. The Politics of Writing in Iran: a History of Modern Persian literature. Syracuse; New York, 2000. P. 139.

⁴¹ URL: <https://www.nasim.news/fa/tiny/news-2308235>; <http://www.nashreiran.ir/> (дата обращения: 12.05.2022).

⁴² По данным Института статистики ЮНЕСКО, около 85% нации грамотны, при этом женская грамотность возросла с 35,5% в 1978 г. до 80,8% в 2016 г. // URL: <http://uis.unesco.org/country/IR> (дата обращения: 12.05.2022).

⁴³ Цит. по: Alavi N. We are Iran. Washington, 2005. P. 13.

⁴⁴ Только 15% иранок официально зарегистрированы как работающие.

⁴⁵ Пирзад З. Месл-е хаме-йе асрха (Как и все вечера). Тегеран, 1991. С. 21. (На перс. яз.)

⁴⁶ Парсипур Ш. Женщины без мужчин / пер. с фарси Ю. Садыковой. [S.l.], 2020.

эти женщины выступают в роли хранительницы очага, передающей жизненный опыт, и гендерной модели, сложившейся в иранском традиционном обществе, представляя собой среднестатистический тип иранки.

* * *

Гендерная проблематика, обретшая особую остроту с установлением исламского государства, не покидает дискуссионное поле в течение всего периода существования ИРИ: она звучит в парламентских дебатах, во время уличных манифестаций, во всех средствах массовой информации, включая интернет. С 1980 по 1998 г. было принято свыше 35 законов, дополнений, уточнений и поправок, регулирующих семейно-брачные отношения. Такое активное правотворчество в принципе характерно для любых постреволюционных режимов, тем не менее подобное внимание к сфере семейно-брачных отношений является исключительным. Тем более что ни общество, ни государство не считают этот процесс завершенным. Единодушное в своем желании низложить авторитарного прозападного шаха общество не было готово к буквальному следованию нормам шариата, положенным в основу строительства нового государства. Ирано-иракская война, называемая в Иране «священной обороной», нивелировала эти настроения, сплотив иранцев перед лицом внешнего врага. Именно в это время были сформированы основы гендерной политики, базирующиеся на противоположных принципах, — признании особой роли женщины в поддержании молодого государства и утверждении ее зависимого положения в семье — противоречие, которое легко обходится в религиозной риторике, но не снимается. Первыми в общественном поле на это обратили внимание представительницы религиозного крыла гражданского общества, объединившиеся вокруг женских журналов и выступившие с идеей женского представительства во властных структурах как заповеданного исламским законом. Это во многом было естественно: начиная со средних веков, во всех обществах, основанных на религиозном мировоззрении, благочестие является надежным пропуском женщин в мир мужской деятельности. Находящийся на периферии общественной жизни женский светский сегмент начал постепенно обретать уверенность с 1990-х годов. Найдя надежную опору в лице части эмиграции и используя для достижения своих целей новые технологии, светские правозащитницы более уверенно себя чувствуют в так называемой низовой сфере — семейно-брачных отношениях. Хотя эти две силы ощущают себя разными сегментами гражданского общества и не склонны к прочному взаимодействию, их активность, направленная на расширение прав женщин, является действенным импульсом к постепенному изменению контуров «разделенных сфер» в ИРИ.

Библиография

- Ахмади Хорасани Н. Взгляд изнутри. Переводная серия «Партнерства женщин во имя обучения». [S.l., s.a.].
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 171–182.
- Малушков В.Г., Хромова К.А. Поиски путей реформации в исламе: опыт Ирана. М., 1991.
- Мутаххари М. Правовой статус женщины в исламе / пер. с перс., примеч. М. Махшулова. СПб., 2010.
- Парситур Ш. Женщины без мужчин / пер. с фарси Ю. Садыковой. [S.l.], 2020.
- Пирзад З. Адат миконим (Мы привыкаем). Тегеран, 2004. (На перс. яз.)
- Пирзад З. Месл-е хаме-йе асрха (Как и все вечера). Тегеран, 1991. (На перс. яз.)
- Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М., 2002.
- Сатрани М. Вышивки (графический роман). СПб., 2020.
- Шаруати А. Зан: Фатеме Фатеме аст (Женщина: Фатима — это Фатима). Тегеран, 2000. (На перс. яз.)
- Abrahamian E. Iran between Two Revolutions. Princeton, 1982.
- Alavi N. We are Iran. Washington, 2005.
- Faris D., Rahimi B. Social Media in Iran: Politics and Society after 2009. New York, 2015.
- Hendelman-Baavur L. Promises and Perils of Weblogistan: Online Personal Journals and the Islamic Republic of Iran // Middle East Review of International Affairs. 2007. Vol. 11. № 2. P. 77–93.
- Honarbin-Holliday Mehri. Becoming Visible in Iran. London; New York, 2008.

- Iran in the 20 century. Historiography and Political Culture / ed. T. Atabaki. New York, 2009.
- Kadivar J. Women and Executive Power // Women, Power and Politics in 21st Century Iran. London, 2012. P. 121–136.
- Keddie N.R. Roots of Revolution. An Interpretive History of Modern Iran. New York, 1981.
- Mir-Abidini H. The History of Female Storywriters // Iran Chamber Society Online Magazine. URL: https://www.iranchamber.com/literature/articles/history_female_storywriters.php (дата обращения: 06.04.2022).
- Moaveni A. Lipstick Jihad: A Memoir of Growing Up Iranian in America and American in Iran. New York, 2005.
- Nafisi A. Reading Lolita in Tehran. New York, 2003.
- Paidar P. Women and the Political Process in Twentieth Century. Cambridge, 1997.
- Sedghi H. Women and Politics in Iran. Veiling, Unveiling, and Reveiling. New York, 2007.
- Talatof K. The Politics of Writing in Iran: a History of Modern Persian Literature. Syracuse; New York, 2000.
- Vakil S. Women and Politics in the Islamic Republic of Iran: Action and Reaction. London; New York, 2011.

References

- Ahmadi Horasani N. Vzglyad iznutri. Perevodnaya seriya Partnerstva zhenshchin vo imya obucheniya [A look from within. Translation Series of Women's Partnerships for Learning]. [S.l., s.a.]. (In Russ.)
- Malushkov V.G., Hromova K.A. Poiski putej reformacii v islame: opyt Irana [Searching for ways of reformation in Islam: the experience of Iran]. Moskva, 1991. (In Russ.)
- Mutahkhari M. Pravovoj status zhenshchiny v islame [The legal status of women in Islam] / per. s pers., primech. M. Mahshulova. Sankt-Peterburg, 2010. (In Russ.)
- Parsipur S. Zhenshchiny bez muzhchin [Women without men] / per. s farsi Yu. Sadykovej. [S.l.], 2020. (In Russ.)
- Repina L.P. Zhenshchiny i muzhchiny v istorii: novaya kartina evropejskogo proshlogo [Women and men in history: a new picture of the European past]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Satrapi M. Vyshivki (graficheskij roman) [Embroideries. Graphic novel]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)
- Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Social'noe konstruirovanie gendera [Social construction of gender] // Sociologicheskij zhurnal [Sociological Journal]. 1998. № 3/4. S. 171–182. (In Russ.)
- Abrahamian E. Iran between Two Revolutions. Princeton, 1982.
- Alavi N. We aurre Iran. Washington, 2005.
- Faris D., Rahimi B. Social Media in Iran: Politics and Society after 2009. New York, 2015.
- Hendelman-Baavur L. Promises and Perils of Weblogistan: Online Personal Journals and the Islamic Republic of Iran // Middle East Review of International Affairs. 2007. Vol. 11. № 2. P. 77–93.
- Honarbin-Holliday Mehri. Becoming Visible in Iran. London; New York, 2008.
- Iran in the 20 century. Historiography and Political Culture / ed. T. Atabaki. New York, 2009.
- Kadivar J. Women and Executive Power // Women, Power and Politics in 21st Century Iran. London, 2012. P. 121–136.
- Keddie N.R. Roots of Revolution. An Interpretive History of Modern Iran. New York, 1981.
- Mir-Abidini. The History of Female Storywriters // Iran Chamber Society Online Magazine. URL: https://www.iranchamber.com/literature/articles/history_female_storywriters.php (access date: 06.04.2022).
- Moaveni Azadeh. Lipstick Jihad: A Memoir of Growing Up Iranian in America and American in Iran. New York, 2005.
- Nafisi A. Reading Lolita in Tehran. New York, 2003.
- Paidar P. Women and the Political Process in Twentieth Century. Cambridge, 1997.
- Pirzad Z. Adat mikonim [We are getting used]. Tekhran, 2004. (In Persian)
- Pirzad Z. Mesl-e hame-je asrha [As all the evenings]. Tekhran, 1991. (In Persian)
- Sedghi H. Women and Politics in Iran. Veiling, Unveiling, and Reveiling. New York, 2007.
- Shariati A. Zan: Fateme Fateme ast [Woman: Fatima is Fatima]. Tekhran, 2000. (In Persian)
- Talatof K. The Politics of Writing in Iran: a History of Modern Persian Literature. Syracuse; New York, 2000.
- Vakil S. Women and Politics in the Islamic Republic of Iran: Action and Reaction. London; New York, 2011.

DOI: 10.31857/S013038640024698-5

© 2023 г. А.В. Ганин

КРАСНАЯ АРМИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Рец. на книгу: А.Ю. Безугольный. НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КРАСНОЙ АРМИИ. 1918–1945. ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ. М.: Центрполиграф, 2021. 511 с.

Андрей Владиславович Ганин — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия).

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

Scopus Author ID: 55658925000; ORCID: 0000-0002-8602-1990

A.V. Ganin

THE RED ARMY AND THE NATIONAL QUESTION

Rec. ad op.: A.Y. Bezugolny. THE NATIONAL COMPOSITION OF THE RED ARMY. 1918–1945. HISTORICAL AND STATISTICAL RESEARCH. Moscow: Tsentrpoligraf, 2021. 511 p.

Andrey Ganin, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

Scopus Author ID: 55658925000; ORCID: 0000-0002-8602-1990

В издательстве «Центрполиграф» вышла в свет фундаментальная монография о национальном составе Красной армии, подготовленная крупным специалистом по этой теме старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Вооруженных сил Российской Федерации д.и.н. А.Ю. Безугольным.

В основе книги — материалы сотни фондов, четырех архивов, в большинстве своем впервые вводимые в научный оборот. Речь идет о документах Российского государственного военного архива, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Центрального архива Министерства обороны России.

Работа состоит из семи глав. Первые две посвящены историографии и источникам исследования. Далее следуют главы о национальном составе старой армии, о комплектовании Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) представителями нерусских народов в Гражданскую войну, о национальных воинских формированиях 1920–1940-х годов, об особенностях комплектования Красной армии национальными кадрами, а также о подготовке национальных командных кадров.

В книге поясняется повсеместно употреблявшийся в документации рассматриваемого периода термин «нерусский народ», который в настоящее время уже вышел из официального оборота из-за возможных негативных коннотаций (с. 19). Интересны и другие применявшиеся термины — националы, концентрации и т.д.

Переход к основной теме автор начинает с дореволюционного периода, показывая место этносов в Русской императорской армии. Затем в книге дан краткий обзор процесса создания национальных частей в 1917 г. Более подробный раздел посвящен комплектованию РККА нерусскими народами в годы Гражданской войны. Любопытны наблюдения автора, например о прямой конкуренции в 1918 г. Наркомата по делам национальностей (нарком И.В. Сталин) и Наркомата по военным делам (нарком Л.Д. Троцкий). Представляется важным вывод автора, что во Всероссийском главном штабе в связи с присутствием на ответственных постах военспецов-генштабистов сохранилось по-имперски высокомерное отношение к инородцам (с. 145–146). Интересны статистические выкладки, например по национальному составу РККА, на основе материалов переписи 28 августа 1920 г. Перепись показала превышение процента

русских в РККА относительно общего процента русского населения в стране, что, по оценке автора, связано с особенностями территории Советской России и отрывом от нее национальных окраин бывшей Российской империи.

Процесс создания СССР с его федеративным (в отличие от унитарной Российской империи) устройством выдвинул на первый план национальный вопрос. Уже в начале 1920-х годов шел поиск форм национально-государственного устройства советских республик. Этот поиск велся в рамках доктрин РКП(б). В значительной степени большевики оказались заложниками ранее провозглашенного ими в тактических целях лозунга о праве наций на самоопределение. Другой стороной медали было стремление большевиков к мировой революции. В рамках этой долгосрочной стратегии делался расчет на то, что в случае победы коммунистических идей СССР сможет собрать под свои знамена максимальное число национальных государств. Наконец, поощрение национального государственного строительства вырывало козырь у представителей антибольшевистской националистической эмиграции (например, украинской или грузинской), ведших активную работу в приграничных районах и на советской территории. Так, польскими властями с 1920-х годов с использованием возможностей спецслужб проводилась так называемая политика прометеизма — поддержки нерусских народов бывшей Российской империи с целью расчленения СССР. В итоге уже на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. был провозглашен курс на коренизацию партийного и государственного аппарата в национальных республиках. А.Ю. Безугольный отмечает, что политика коренизации распространилась и на армию, в том числе привела к целенаправленной русификации в национальных регионах.

Весьма важен представленный в работе статистический анализ численности национальных кадров Красной армии, в частности в сравнении с русской императорской армией. По наблюдению А.Ю. Безугольного, в советский период процент военнослужащих-славян, составлявший до революции более 79% новобранцев, вырос еще сильнее, достигнув в 1920-е годы 90%. Произошло это, несмотря на отделение от России Польши и несмотря на начало призыва в армию тех национальностей, которые ранее призыву не подлежали. Примерно такой же процент сохранялся и в 1936–1937 гг. Автор сопоставляет эти данные с общими переписями населения СССР. Так, по переписи 1926 г. удельный вес русских, украинцев и белорусов составлял 77,3%. Таким образом, в этот период возросла мобилизационная нагрузка на славянское население, остававшееся, как и до 1917 г., несущей конструкцией армии. Лишь в 1939 г. с проведением первого действительно всеобщего призыва в национальных регионах Советского Союза и РСФСР процент военнослужащих-славян в Красной армии начал заметно сокращаться. Это привело к появлению

в армии контингентов, плохо владевших русским языком. В книге проанализированы меры по регулированию притока нерусских пополнений, показана взаимосвязь репрессивных процессов по так называемым национальным операциям и изменений в комплектовании армии.

Большое значение имеет анализ изменений национального состава командных кадров. Например, в предвоенные годы был зафиксирован опережающий рост удельного веса русских, украинцев, белорусов, евреев, осетин, эстонцев и латышей в командном составе, т.е. среди этносов с относительно высоким уровнем распространения среднего и высшего образования. Автор обращает внимание на значимость военной службы в качестве института повышения образовательного и культурного уровня военнослужащих, приобщения их к русской культуре, а также идеологической обработки. Он отмечает значительный удельный вес в командном составе русских, украинцев, белорусов и евреев (с. 41), которые не имели между собой языкового и культурного барьера. По оценке А.Ю. Безугольного, в большинстве случаев кадры командно-начальствующего состава проходили службу без различия национальности.

Чрезвычайно интересны и бытовые аспекты военной службы национальных кадров. В работе представлены данные о введении в национальных частях специального рациона с учетом обычаев соответствующих народов. Руководство РККА понимало, что разнообразное довольствие войск трудно реализовать в чрезвычайных условиях военного времени и стремилось к унификации. В полной мере это было проведено в жизнь уже в 1930-е годы в связи с отходом от политики коренизации.

Применительно к периоду Великой Отечественной войны автор проследил путь национальных воинских соединений Красной армии. Большую научную значимость представляют наблюдения о политических аспектах использования таких формирований в военных действиях. В частности, он выявил существование установок на приоритетное их использование в защите или освобождении тех национальных регионов, которые они представляли. Неудивительно, что в конце войны в СССР активизировалась работа по созданию союзных Красной армии иностранных частей (польских, чехословацких, югославских, румынских), политический контекст использования в бою которых был аналогичен использованию национальных частей Красной армии.

В работе проанализировано и влияние оккупации на изменение национального состава Красной армии. Потеря Белоруссии и Украины привела к тому, что основная нагрузка в наиболее тяжелый первый период войны легла на русский народ. Удельный вес русских в армии с января 1941 г. по январь 1943 г. вырос с 56,4% до 71,1%. В книге выделены пять условных моделей распределения демографической нагрузки на советские этносы в годы

войны. Такая классификация, ставшая результатом тщательного анализа, представляется новаторской.

Отмечая достижения в национальном аспекте советского военного строительства, А.Ю. Безугольный не замалчивает недостатки, проблемы и противоречия.

В работе прослежен переход от привлечения в первой половине 1920-х годов на службу единичных добровольцев из национальных регионов до массовых обязательных призывов почти по всем национальным окраинам в конце 1930-х годов. Это стало результатом длительной организационно-мобилизационной работы на местах, а также целенаправленной политики по культурно-образовательному развитию этих регионов. Через военную службу осуществлялась и русификация представителей национальных меньшинств. Одним из наиболее значимых выводов можно считать тезис о вовлечении широких масс населения СССР в советское строительство посредством военной службы.

Столь объемный труд не мог быть лишен некоторых недостатков, а с какими-то моментами можно поспорить. Очевидно, что в серьезном изучении нуждается вопрос о комплектовании РККА представителями нерусских народов в период Гражданской войны. В этой теме невозможно обойти вниманием роль зарубежных интернационалистов (китайцев, венгров, немцев, австрийцев, зарубежных славян и т.д.) в Красной армии, что, к сожалению, осталось за рамками исследования. Думается, это связано с тем, что автор глубоко изучал комплектование РККА нерусскими народами бывшей Российской империи и СССР, а интернационалисты, за некоторым исключением, к ним не относились. Между тем в период Гражданской войны в Красной армии они были представлены достаточно широко. По имеющимся данным, общая численность интернационалистов в РККА (даже без латышских частей, о которых в работе говорится) составляла 200–250 тыс. человек¹. На этом фоне вывод автора о том, что «Красная армия времен Гражданской войны была армией русской, причем этнически более гомогенной, чем даже Русская императорская армия в конце самодержавия» (с. 151), основанный на переписи РККА 1920 г., представляется спорным. Если по переписи 1920 г. в армии насчитывалось лишь 5945 венгров и 2236 китайцев, то общая их численность в РККА в 1918–1920 гг. была гораздо выше и составляла 70–80 тыс. и 30–40 тыс. человек соответственно².

В 1918 г., до того как массовые мобилизации существенно изменили облик Красной армии, присутствие интернационалистов было особенно

заметно. В начальный период Гражданской войны боевые действия в некоторых регионах разворачивались в значительной степени между иностранцами, в частности между «белыми» чехами и «красными» венграми на востоке России, и имели характер межэтнического конфликта³. В зависимости от ответа на вопрос о национальном составе и источниках комплектования РККА эпохи 1918–1920 гг. можно делать выводы о характере установленного большевиками режима. К примеру, советолог-эмигрант М.С. Бернштам писал, что интернационалисты сыграли ключевую роль «в победе режима над населением... следовательно, социалистический режим на территории России по существу оказался режимом оккупационным»⁴. Разумеется, это лишь крайнее публицистическое суждение, но без академического ответа на подобные построения истинный характер большевистской диктатуры будет оставаться не вполне ясным.

В главе о Гражданской войне дается критическая оценка Л.Д. Троцкого как наркома по военным делам, не обладавшего необходимой компетенцией в вопросах военного строительства и не имевшего опыта срочной службы (с. 123). Это справедливо, но следует учитывать, что Троцкий осуществлял общее руководство созданием армии, в том числе политическое. Требовавшая экспертного знания техническая работа была возложена на профессионалов — бывших офицеров с высшим академическим образованием и соответствующим служебным опытом. В этом отношении невовлеченность Троцкого в структуры прежней русской армии являлась преимуществом, поскольку он мог разрешать многие вопросы независимо, без оглядки на статус «бывших», чего не могли делать вожди белых армий, имевшие большой опыт срочной службы и вовлечения в военное строительство, но теснейшим образом связанные с сослуживцами и подчиненными всей прежней жизнью. Кроме того, руководители большевиков обладали огромным опытом политической работы в сложнейших условиях и развитой интуицией, что позволяло им успешно справляться и с решением задач военного строительства, в том числе в национальном аспекте. Порой принимавшиеся решения были простыми, но эффективными. Показателен опыт привлечения на сторону красных башкирских национальных частей, которые неоднократно переходили от белых к красным и обратно. В целях предотвращения очередной измены Башкирскую

¹ Жаров Л.И., Устинов В.М. Интернациональные части Красной армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны в СССР. М., 1960. С. 51; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 236.

² Жаров Л.И., Устинов В.М. Указ. соч. С. 51.

³ См., например: Ганин А.В., Новиков П.А., Хипхенов Г.И. «Я с броневиком иду в наступление...» Походные заметки русского офицера Чехословацкого корпуса подполковника Б.Ф. Ушакова. Январь–июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 4 (23). С. 226–267.

⁴ Бернштам М.С. Стороны в Гражданской войне 1917–1922 гг. (проблематика, методология, статистика). М., 1992. С. 76.

кавалерийскую дивизию Троцкий направил осенью 1919 г. под Петроград. Далеко от Башкирии переходить на сторону башкирских националистов солдаты дивизии не имели возможности, их использовали, чтобы «напугать финскую буржуазию призраком башкирского нашествия»⁵. Белые же, несмотря на опыт в военных вопросах, не сумели оторвать башкирские части от родных мест и решить проблему переходов к противнику, что дважды ставило колчаковцев в 1919 г. на грань военной катастрофы. Как показывает автор, советское руководство успешно справлялось с мобилизациями, в том числе во многих национальных областях, а советская система комплектования армии превосходила ту, что возникла у белых (с. 154). Думается, в этом есть и немалая заслуга не имевшего опыта срочной службы Троцкого.

Представляется спорным вывод о том, что рост доли русских в командно-начальствующем составе Красной армии по мере повышения воинских званий и должностей отражал «их лучшую способность (в силу того же культурно-языкового преимущества) к повышению профессиональных компетенций» (с. 470). Возможно, процессы в армейском руководстве были в целом синхронны аналогичным изменениям в руководстве ВКП(б), где после террора 1937–1938 гг. наметился процесс русификации высших партийных слоев, причем особенно сильно сократился процент евреев⁶. Сам автор также пишет о мерах по обеспечению сбалансированности командно-начальствующего состава по национальному признаку. Было бы чрезвычайно интересно установить, где проходила грань между объективными изменениями и искусственным регулированием.

Высказанные замечания не снижают значимости книги. Монография А.Ю. Безугольного — важное этапное исследование, которое дает ответы на многие сложные вопросы. Конечно, изучение темы на этом не заканчивается. Одним из направлений может стать расширение источниковой базы за счет привлечения документации архивов постсоветских государств, архивов спецслужб, а также региональных архивов. Другое перспективное направление — учет национального фактора в ключевых вопросах жизни армии. Прежде всего в таком заметном явлении, как поощрения и наказания. Интересно проследить и партийность национальных кадров. Наконец, следует обратить внимание на проблему национальной дискриминации в армии. Думается, все это позволит значительно рас-

ширить представления об особенностях национальной политики в Вооруженных Силах СССР.

Библиография

Бернштам М.С. Стороны в Гражданской войне 1917–1922 гг. (проблематика, методология, статистика). М., 1992.

Ганин А.В., Новиков П.А., Хипхенов Г.И. «Я с броневиком иду в наступление...» Походные заметки русского офицера Чехословацкого корпуса подполковника Б.Ф. Ушакова. Январь–июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 4 (23). С. 226–267.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987.

Жаров Л.И., Устинов В.М. Интернациональные части Красной армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны в СССР. М., 1960.

Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. М., 2011.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001.

References

Bernshtam M.S. Storny v Grazhdanskoi voine 1917–1922 gg. (problematica, metodologiya, statistika) [Sides in the Civil War of 1917–1922 (problems, methodology, statistics)]. Moskva, 1992. (In Russ.)

Ganin A.V., Novikov P.A., Khipchenov G.I. “Ia s bronevikom idu v nastuplenie...” Pokhodnye zametki russkogo ofitsera Chekhoslovatskogo korpusa podpolkovnika B.F. Ushakova. Ianvar’–iun’ 1918 g. [“I’m going on the offensive with an armored car...” Field notes of a Russian officer of the Czechoslovak Corps, Lieutenant Colonel B.F. Ushakov. January–June 1918] // Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovani [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies]. 2020. № 4 (23). S. 226–267. (In Russ.)

Grazhdanskaia voina i voennaia intervetsiia v SSSR. Entsiklopediia [Civil War and military intervention in the USSR. Encyclopedia]. Moskva, 1987. (In Russ.)

Modsl E., Uait S. Sovetskaia elita ot Lenina do Gorbacheva. Tsentral’nyi Komitet i ego chleny, 1917–1991 gg. [The Soviet elite from Lenin to Gorbachev. The Central Committee and its members, 1917–1991]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Trotskii L.D. Moia zhizn’ [My Life]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Zharov L.I., Ustinov V.M. Internatsional’nye chastii Krasnoi armii v boiakh za vlast’ Sovetov v gody inostrannoi voennoi intervetsii i Grazhdanskoi voiny v SSSR [International units of the Red Army in the battles for Soviet power during the years of foreign military intervention and Civil War in the USSR]. Moskva, 1960. (In Russ.)

⁵ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 415.

⁶ Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. М., 2011. С. 162–163.

DOI: 10.31857/S013038640024699-6

© 2023 г. А.С. Балезин

ПУТЬ В АФРИКАНИСТИКУ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Рец. на книгу: С. Coquery-Vidrovitch. LE CHOIX DE L'AFRIQUE. LES COMBATS D'UNE PIONNIÈRE DE L'HISTOIRE AFRICAINE. Paris: La Découverte, 2021. 302 p.

Балезин Александр Степанович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: alex.balezin@yandex.ru

Scopus Author ID: 57219595656; Researcher ID: H-6886-2016

A.S. Balezin

THE JOURNEY OF A FRENCH WOMAN TO AFRICAN STUDIES

Rec. ad op.: С. Coquery-Vidrovitch. LE CHOIX DE L'AFRIQUE. LES COMBATS D'UNE PIONNIÈRE DE L'HISTOIRE AFRICAINE. Paris: La Découverte, 2021. 302 p.

Alexander Balezin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: alex.balezin@yandex.ru

Scopus Author ID: 57219595656; Researcher ID: H-6886-2016

Катрин Кокри-Видрович — известный французский историк с мировым именем, почетный профессор Парижского университета, преподававшая историю Африки также в США (Вашингтон и Принстон) и Австралии (Университет Канберры). Она — автор более десятка монографий и большого количества статей по истории Африканского континента. Она является новатором в исследовании роли женщин в историческом и социально-экономическом развитии Черного континента и в разработке идейного теоретико-терминологического инструментария политической антропологии, вводя в научный оборот концепцию «африканского способа производства» на материалах обществ Центральной Африки.

Одной из первых К. Кокри-Видрович создавала междисциплинарные исследовательские группы и многочисленные «команды» по изучению актуальных проблем африканистики, высказывая новые неординарные идеи и концепции, в частности, являясь основателем экономической истории Африки, истории урбанизации континента, постановки и решения гендерных проблем и ряда иных научных течений. Представляя марксистское направление французской историографии, она была одним из первых ученых 1960-х годов, заявивших, что история Африки — это не история ее колонизации

и «цивилизаторской миссии» европейцев: народы континента имеют свою историческую траекторию, насчитывающую тысячелетия самобытного развития. Впервые во Франции она стала на постоянной основе обучать будущих африканских историков.

К. Кокри-Видрович удостоена многих наград и престижных премий, среди которых высшая награда Франции — орден Почетного легиона.

Выйдя на пенсию, она продолжает активно работать, в частности по подготовке девятого тома «Всеобщей истории Африки», издающейся под эгидой ЮНЕСКО.

Интересно, что дед Катрин с отцовской стороны выходец из России. Он родился в 1877 г. в Николаевске под Одессой. Бежав от погромов во Францию, он в 1903 г. женился на Ольге Кан, отец которой был русским, а мать — итальянкой. Ольга, часть жизни которой прошла в России, и воспитывала маленькую Катрин. Из далекого детства — ее воспоминания о клубнике со сметаной по русскому обычаю и о самоваре в прихожей.

Своеобразным итогом более чем полувековой научной и более чем 30-летней педагогической деятельности видной французской африканистки стала вышедшая в 2021 г. книга «Выбор Африки. Битвы пионерки африканской истории».

Пафос книги — в сожалении автора, что история Африки до сих пор остается не известной широким массам людей, в частности во Франции, долгое время страны-метрополии для большей части Черного континента, страны, давшей миру множество блистательных имен специалистов-африканистов.

Во введении «Почему я выбрала историю Африки» автор пишет о своей еврейской семье, давно ассимилированной. Закончив курс университета со специализацией по французской и античной истории, она стала перебирать темы магистерской диссертации. От идеи «Париж в XV веке» отказалась, понимая, что не готова всю жизнь копаться в этом столетии. Ее привлекла тема борьбы против расизма в форме единства и разнообразия мира. Так она пришла к изучению истории Африки. С 1972 г. она занималась исследованием и преподаванием истории Африки в университете Париж-7.

В первой части книги, ее временные рамки с 1940 по 1960 г., автор рассказывает о детстве и доходит в повествовании до того момента, когда решила себя посвятить исследованию африканской истории. В те годы дисциплины «история Африки» во Франции не существовало.

Вторая часть — 1960–1990 гг. — раскрывает, каким образом автор сформировалась как африканистка, в том числе в контексте «1968 года». Особо следует отметить 1974 г., когда ею была создана лаборатория, проводившая уникальные компаративистские и междисциплинарные исследования отношений Франция — Юг, куда, естественно, входила и Африка.

Последняя часть (1990–2018) — о ее опыте включения истории Африки в мировую историю, в том числе о преподавании этого предмета на Американском континенте. В этом периоде следует выделить три больших события, значение коих трудно переоценить и в организации которых Катрин Кокри-Видрович приняла самое активное участие. Во-первых, это выставка «Африка на путях истории» в Музее им. Жака Ширака на Набережной Бранли в 2017 г. Во-вторых, это новая выставка, открытая там же в 2018 г. и посвященная африканскому рабству в мировой истории. В-третьих, подготовка под ее руководством разделов новых томов «Всеобщей истории Африки».

Автор до сих пор ведет активную деятельность по популяризации истории Африки. Ее огромный опыт дает ей возможность делать обобщения об эволюции франкоязычных исследований истории Черного континента.

На выбор Катрин в пользу изучения истории Африки повлияли ее поездка в Алжир в 1960 г. и, конечно же, год Африки. Однако во Франции в то время всерьез полагали, что Африка, во всяком случае субсахарская, не имеет истории. И Катрин стала пионеркой в исследованиях истории Африки, заняв в 1962 г. должность ассистента в Высшей школе практических исследований. Она подчеркивает, что на нее большое влияние оказал Фернан

Бродель с его междисциплинарными исследованиями (с. 78). Именно она первой во Франции начала исследования по истории Африки после получения ее странами независимости. Конечно, в стране были исследователи, занимавшиеся Африкой и ранее, такие как Ж. Баландь, П. Мерсье, Г. Брюнсвиг, несколько лингвистов. Они в 1960 г. основали журнал «Тетради по африканским исследованиям» (Cahiers d'études africaines), сыгравший большую роль в дальнейшей работе автора. Этот журнал, отмечает она, был основан в том же году, что и «Журнал африканской истории» (Journal of African History), детище Лондонской школы востоковедения и африканистики. Автор подчеркивает, что придерживаясь левых взглядов, она никогда не принимала всерьез кредо сталинизма и, «сознавая амбивалентность человеческой природы, усиленную скептицизмом историка», воздерживалась всегда от «полного погружения в какую-либо активную воинствующую позицию» (с. 79–80).

Поездки в «неоколониальную», как она подчеркивает, Африку начиная с 1965 г. очень много дали Катрин для понимания тогдашних реалий континента. Она рассматривает в книге различные аспекты неоколониализма, а ее наблюдения тех лет ценны для специалистов дня сегодняшнего.

А чего стоят ее рассказы о поисках и находках все новых источников по истории Африки! Тут, в частности, о различных колониальных архивах на местах — Банги, Нджамена, Конакри, Дакар и даже Ламбарене — клиника знаменитого доктора Швейцера.

Не менее важны наблюдения и соображения Кокри-Видрович об африканской традиционной культуре, с хранителями которой она имела многочисленные контакты, и о месте женщины в африканском обществе, вынесенные ею на основе личных встреч.

Специалистам по самым разным направлениям всеобщей истории наверняка будут интересны разделы книги, посвященные дебатам среди историков, придерживающихся «постсталинского марксизма», в 1960–1970-х годах. Для африканистов особо — ее впечатления о дебатах относительно истории Африки на конгрессе африканистов в Дакаре в 1961 г. и последующих; ее мнение о роли конгрессов и конференций, организованных Международным институтом Африки. Эти конгрессы, как и издаваемый институтом журнал «Африка», сетует автор, сейчас в основном забыты. Читатели найдут тут живые характеристики крупных ученых, африканистов и не только, которые сегодня продолжают жить в своих книгах: Самир Амин, Валентин Мудимбе, Аде Алджайи...

Волнения 1968 г. в Париже также не обойдены вниманием автора, которая участвовала в событиях, охраняя Сорбонну от воинствующей молодежи. Эти страницы, как и многое в книге Катрин Кокри-Видрович, наверняка будут интересны специалистам по истории Франции, французской общественной мысли и историографии.

Разделы о пребывании в Западной Африке в 1970–1990-е годы дают бесценный материал о становлении и развитии там национальной историографии, о молодых историках, в частности сенегальских. Поездки в Дакарский университет, ставшие регулярными и длительными, дали возможность автору проанализировать особенности «дакарской школы». Опыт поездок в Буркина Фасо, Конго и Бенин позволяет Катрин дать характеристики исторической науке этих государств, обрисовать положение франкофонных стран Африки. Особый интерес, думаю, представляет ее анализ «марксистско-ленинских революционных режимов» в Конго, Бенине и Мозамбике. Она встречалась с самыми разными людьми, включая президента Мариана Нгуаби. На основе личных впечатлений сделан и ее анализ политической ситуации в Мали в начале 1990-х годов.

Африканские впечатления автора и ее анализ ситуации в конкретной стране не ограничивались франкофонной Африкой. Участие в различных конференциях позволило ей посетить Гану, Нигерию, Ботсвану, Замбию, Зимбабве, Мозамбик и ЮАР. Можно сказать, что она объехала большую часть Африканского континента. Ее наблюдения в разных странах на диахронном срезе могут послужить ценным источником для сегодняшних исследователей истории континента.

Особая глава книги посвящена возникновению в 1974 г. на базе Университета Париж-7 лаборатории «Знакомство с третьим миром». Этот научный центр был организован по инициативе Катрин, и в нем, как она пишет, происходила «постоянная борьба идей», что способствовало эволюционным изменениям (с. 230–236).

Небезынтересны для историков будут и главы об американском опыте автора. Американские университеты она называет «раем для исследователей».

В заключительных главах — идеи автора об африканском рабстве, связанные с организацией выставки в Париже, посвященной этому предмету. Трудно переоценить усилия Катрин по созданию другой выставки, показывающей место Африки в мировой истории. Размышления К. Кокри-Видрович по этому поводу, как и о «черных французах» (с. 271–272), вносят вклад в оживленные дискуссии среди африканистов и не только, связанные с постколониальным дискурсом.

В заключении книги Катрин подводит итоги развития французской исторической африканистики после достижения Черным континентом независимости. Интересна ее оценка молодого поколения французских историков-африканистов: «Я в любом случае очень ценю качество историков обоого пола французской школы поколений, следующих за нами. Но мы должны признать, что их продукция сегодня подавляется фантастическим ростом продукции на английском языке как в США и Канаде, так и в африканских странах (как англофонных, так и франкофонных), которые бодро

распространяют свои лучшие элементы в западных академических диаспорах» (с. 275).

На последних страницах книги Катрин Кокри-Видрович подчеркивает, что «расизм присутствует всегда, с ним всегда надо бороться» (с. 276). Она отмечает «латентный патернализм» в европейской африканистике и вносит свой вклад в широко дискутируемые сейчас проблемы афроцентризма.

Вообще поразительно, сколько энергии заключено в этой женщине, которая никогда не была «кабинетным ученым». Это чувствовалось всегда при личном общении — мне посчастливилось познакомиться с ней еще в 1990 г. на конференции «Африка в мировой истории» в Москве¹. Я принимал непосредственное участие в организации этого прорывного события и одну из сессий вел вместе с Катрин. С годами она не утратила этого своего качества — вспоминая нашу часовую беседу в Париже в 2006 г. и ее активность в подготовке новых томов «Всеобщей истории Африки», гигантского проекта, к участию в котором она привлекла и меня.

Читая книгу, я как будто много часов провел в ее компании. Работа написана таким ярким языком, что ощущаешь интонации живой человеческой речи.

Уверен, что книга Катрин Кокри-Видрович будет интересна не только африканистам, но и специалистам по истории Франции, по истории науки, по проблемам колониализма и постколониализма.

Библиография

Балезин А.С. Африка во всемирно-историческом процессе // Восток. 1991. № 1. С. 163–167.

References

Balezin A.S. Afrika vo vsemirno-istoricheskom processe [Africa in the world-historical process] // Vostok [East]. 1991. № 1. S. 163–167. (In Russ.)

¹ См.: *Балезин А.С.* Африка во всемирно-историческом процессе // Восток. 1991. № 1. С. 163–167.

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте).
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта — 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200—230 слов) и ключевые слова (до 5—9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10—15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Ю.А. Рябчикова

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати 15.02.2023 г.
Дата выхода в свет: 01.03.2023 г.
Тираж 250 экз.

70•100¹/₁₆
Зак. 11/1а.

Уч.-изд. л. 23.4
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

18+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22
ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»

Свидетельство о регистрации в Министерстве печати и информации РФ № 0110133 от 04.02.1993

Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1